XLV г. № 19

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLV 1914

Выданъ 10 мая 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 10.

Я. Ціонглинскій. Богачъ и Лазарь. Программа на малую золотую медаль (1884 г.). Первая картина художника.

Поджогъ.

Повѣсть I. I. Ясинскаго.

(Продолженіе).

XI.

Изъ-за темной тучи выглянула ярко-голубая луна. Отъ зданій и деревьевъ потянулись длинныя тѣни.

Иванъ думалъ объ отцѣ и шелъ, радуясь, что избѣжалъ съ нимъ объясненій. И думалъ о Наденькѣ—и въ груди загоралась любовь.

Дома уже спали. Въ комнаткѣ Ивана, рядомъ съ дѣтской, стоялъ въ углу шкапикъ съ его книгами. Онъ самъ ихъ переплеталъ. Яблоня протягивала вѣтку къ стекламъ окна. Постель была постлана на старенькомъ диванѣ.

Ломило спину отъ той работы, которую Иванъ дѣлалъ въ подвалѣ. Но когда онъ легъ, прислушиваясь къ боли въ костяхъ, утомленіе овладѣло имъ. Все стало кружиться передъ его глазами—и окно съ вѣткой яблони, и самоваръ съ пылающимъ подбородкомъ Наденьки, и черная борода Силантія, и слой твердаго материка, пробиваемаго ломомъ. Вмѣсто Наденьки, приснилась Саша. Она крѣпко схватила Ивана обѣими руками и вывела на широкое поле, гдѣ колосилась рожь, а въ пурпурныхъ небесахъ надъ самой рожью, рогами вверхъ, лежалъ огромный полумѣсяцъ. Иванъ закричалъ отъ ужаса и проснулся.

Было тихо въ домѣ, и на полу бѣлѣлъ лунный свѣтъ, а на немъ косой тѣнью вырѣзывалась вѣтка яблони.

Иванъ посмотрѣлъ въ окно. По ту сторону стояла Саша.

Онъ всталъ и раскрылъ окно.

У нея было заплаканное лицо.

— Что случилось?

— Ваня, пусти меня къ себѣ,—сказала она чуть слышно.—Не сплю которую ночь... Измучилась.

Онъ взялъ сестру за талію и втянулъ въ комнату.

— Я готова просить у отца прощенья,—начала она.—Должно-быть, женщины въ самомъ дѣлѣ отличаются отъ мужчинъ тѣмъ, что не умѣютъ устроиться. Смѣшно, меня могутъ продать.

— Что ты говоришь, Саша!

— Мутится умъ. Я брежу. Я, напримѣръ, слышу, какъ за стѣной дышать малыши... Что отецъ?

— Отца, пожалуй, до сихъ поръ нѣтъ,—сказалъ Иванъ.—Ты не дрожи такъ. Отецъ былъ у вдовушки.

И Иванъ разсказалъ сестрѣ о темныхъ сѣняхъ и о самоварѣ.

— Грустно,—начала Саша.—Я давно уже большая, а меня никто еще не цѣловалъ. Какая жалкая вещь невинность... Не въ этомъ дѣло... Жизнь страшно мелкая. Впереди ничего, а у хозяйки постоянные разговоры, что надо пользоваться... Ваня, неужели меня можно назвать хорошенькой?.. Прости, я разбудила тебя. Но такъ захотѣлось перемѣны и твоей защиты... Пускай отецъ поколотилъ бы меня... Ложись, а я устроюсь на стульяхъ... Утромъ уйду.

Иванъ хотѣлъ приласкать сестру, но глаза его слипались. Ему казалось, что онъ что-то говоритъ; все тѣло ныло такой усталостью, что онъ потерялъ сознаніе. Когда же онъ раскрылъ глаза и вспомнилъ о Сашѣ, было уже утро, тянуло холодомъ изъ сада, щебетали ласточки, и въ комнатѣ никого не было.

XII.

Чуть свѣтъ, усѣлся Иванъ за переписку кассаціонной жалобы. Ночь и Саша внесли миръ въ его молодую душу.

На дворѣ оралъ бѣлый пѣтухъ, подаренный Аглаей Ермолаевной.

„Отецъ переберется къ ней въ домъ,—размышлялъ Иванъ:—и если я возьму Наденьку, не сдѣлаюсь ли и племянникомъ своего родителя, а мамашей станетъ мнѣ тетка“.

Онъ усмѣхнулся.

Въ сосѣдней комнатѣ спалъ Хрисанѳъ Семеновичъ. Въ восемь часовъ раздался ударъ кулакомъ въ грудь, набожно вздохнулъ старикъ и громко произнесъ:

— Господи, милостивъ буди ко мнѣ, грѣшному.

Ударъ раздробился на нѣсколько хлопковъ, и внезапно Хрисанѳъ Семеновичъ въ полосатой фланели, худенькій и гибкій, наклонно выскочилъ изъ дверей, мѣрно стуча туфлями, и граціозно полетѣлъ по комнатѣ.

— Сынъ мой возлюбленный, будь молодъ, какъ я!

Весело остановившись около конторки и переводя дыханіе, онъ началъ:

— Хочется серьезно переговорить съ тобой, Ваня.

— Я кончилъ кассаціонную жалобу, и вы напрасно обругали меня,—дружелюбно сказалъ Иванъ.

Хрисанѳъ Семеновичъ самодовольно улыбнулся:

— Ты славный малый—на тебя дѣйствуютъ слова... Скажи, что бы ты запѣлъ, если бы я женился?—вдругъ строго спросилъ онъ.

— Вы имѣете право жениться.

— Благодарю. Но вопросъ—на комъ?

— На Аглаѣ Ермолаевнѣ?

Хрисанѳъ Семеновичъ свистнулъ и поклонился сыну:

— Иванъ Хрисанѳовичъ, а не старовата ли она для меня? Вчера я присмотрѣлся, и вѣрно говорятъ: семь разъ примѣрь, одинъ отрѣжь. Покойница была полная, но могла же надоѣсть мнѣ полнота...—И, замѣтивъ тѣнь на лицѣ Ивана, продолжалъ:—Организмъ мой не терпитъ одиночества, и потому... невзирая на образъ мамаши... я все-таки долженъ... иначе съ ума сойду... Но я предпочитаю тоненькихъ... А почему ты заговорилъ объ Аглаѣ Ермолаевнѣ?

— Въ городѣ болтаютъ.

— Ха-ха... выкину штучку... Конечно, нужна хозяйка.

— Саша могла бы вернуться,—проговорилъ Иванъ.

— Молчать!—закричалъ отецъ.—Я тоненькихъ полюбилъ... тоненькихъ... внутренно насъ презирающихъ, но наружно, подъ условіемъ брака, склоняющихся... ножками сѣменящихъ... невинныхъ и уже грѣшныхъ... Ахъ, монплезиръ, объяденіе... Да, у меня категорически другая на умѣ... Угадай!

— Не знаю... Вы бываете въ разныхъ домахъ.

— Не поймешь—холодная или горячая... И гордая, какъ чортъ, а должна покориться. Что же касается Аглаи Ермолаевны, то у нея только домъ и мѣсто большое. Но я безъ куска хлѣба не останусь. Ты—уже отрѣзанный ломоть, а малютокъ на казенный счетъ опредѣлю, какъ потомственный дворянинъ... И заживу новой жизнью съ тоненькою... тоненькою...

Иванъ потупилъ глаза.

— Вы уже объяснились съ нею?—глухо спросилъ онъ.

— А, задѣло за живое? Одобряешь мой вкусъ? Какія объясненія! Цѣловалъ ручки, а она глазами стрѣляетъ. За меня Ольгина давно свою дочку сватаетъ. Вѣдь прехорошенькая дѣвчонка, но оскандалитъ... У, егоза!.. Явно рога наставитъ съ какимъ-нибудь балбесомъ въ родѣ тебя. А эта—дипломатъ, виду не подастъ—и я буду пользоваться примѣрнымъ счастьемъ... Я влюбленъ именно къ нее. Но секретъ. Но тайна. Дѣлюсь съ тобой, какъ съ старшимъ въ родѣ. „Я помню чудное мгновенье“,—запѣлъ Хрисанѳъ Семеновичъ, и пѣвческій талантъ его привѣтствовалъ во все горло бѣлый пѣтухъ.

XIII.

Бесѣда съ сыномъ была прервана кривой Аксиньей, которой надо было знать, что готовить на обѣдъ. И ждали на дворѣ какіе-то мелкіе кліенты.

Вскорѣ Хрисанѳъ Семеновичъ напялилъ фракъ и поѣхалъ въ съѣздъ за полученіемъ „куша“.

А Ивану приказано было смотрѣть за дѣтьми. Но онъ предоставилъ ихъ самимъ себѣ, и они играли, плакали и мирились въ саду, онъ же упивался „Отечественными Записками“. Лежа на террасѣ, Иванъ опускалъ иногда книгу на полъ и мечталъ о далекомъ—и ему страшно и вмѣстѣ радостно становилось при мысли о предстоящей борьбѣ народа съ старымъ порядкомъ.

И голова его горѣла... А гдѣ-то въ глубинѣ души ныла странная боль. Никакими мечтаніями не могъ онъ ее заглушить... Точно кто ножомъ рѣзанулъ, и сначала порѣзъ былъ незамѣтенъ, но съ каждой минутой рана все больше зіяла.

Онъ пересталъ интересоваться чтеніемъ и будущимъ.

— Да неужели же?..—вслухъ произнесъ онъ, вскочилъ съ ди-

Я. Ціонглинскій. Портретъ піаниста Іосифа Гофмана.

вана и увидѣлъ передъ собой бѣлокураго, прозваннаго „Херувимомъ“, съ которымъ онъ работалъ вчера въ подземельѣ.

— Что „неужели“?—спросилъ „Херувимъ“ съ своей дѣтской улыбкой.—Не ждалъ меня? А меня Силантій послалъ къ тебѣ съ важнымъ порученіемъ. Я страшно доволенъ, что ты понравился ему. Подкопъ,—тихо заговорилъ онъ:—и безъ тебя будетъ сдѣланъ... Мы раздобыли еще одного подходящаго паренька... Силища, я тебѣ скажу, непомѣрная, а ростомъ меньше меня... Но тебѣ выпало на долю дѣло потоньше... Вотъ!

Онъ досталъ изъ толстаго портфеля пачку печатныхъ листковъ.

— Что это?

— Прокламаціи.

— А-а,—протянулъ Иванъ.

— Голубокъ,—продолжалъ „Херувимъ“, смотря ему прямо въ душу своими добрыми глазами:—намъ нужно побольше народа... Чудесно написано и зажигаетъ. Потрудись уловить десятокъ-другой для нашей нивы. Отзывчивыхъ дѣвушекъ надо бы. А Силантій—у него орлиный глазъ—говоритъ, что ты долженъ дѣйствовать неотразимо. Итакъ, воспользуешься прокламаціями?

— Ладно,—сказалъ Иванъ.

— Имѣй въ виду,—кротко продолжалъ „Херувимъ“, любовно беря за руку Ивана:—что участіе въ революціи налагаетъ обязанности, отъ которыхъ нельзя уклониться.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—спросилъ Иванъ.

— Конечно, свобода полная—и ты можешь отказаться... Но не принято. И что подумаютъ?

— Ты—мой товарищъ по школѣ и первый познакомилъ меня съ Ольгой Петровной,—началъ Иванъ...—Я всегда смотрѣлъ и смотрю на свою связь съ вами, какъ на выраженіе моей свободной воли. Я беру на себя порученіе, но не ради Силантія, а во имя идеи.

— Какой ты хорошій!—вскричалъ „Херувимъ“, и въ дѣтскихъ глазахъ его дрогнула снисходительная усмѣшка.—Но не надо откладывать, и организація безъ дисциплины—звукъ пустой.

— Прочитаю ужо.

— Не прочитаешь ужо, а немедленно. А въ награду, какъ только ты проявишь дѣятельность, которой ждетъ отъ тебя Силантій, онъ познакомитъ тебя съ двумя дѣвушками небесной красоты и кристальной чистоты... высокой самоотверженности. Ихъ только-что выпустили. Знаешь, кто? Впрочемъ, ужо скажу.

Иванъ взялъ пачку, унесъ въ свою каморку и поставилъ въ шкапу между Дарвинымъ и Боклемъ.

„Херувимъ“ пошелъ за нимъ.

— По рукамъ?

— Да.

Въ открытое окно вливался солнечный свѣтъ съ густымъ запахомъ развернувшагося жасмина и съ жужжаньемъ шмелей.

— Прочитай-ка при мнѣ,—сказалъ „Херувимъ“, не сводя взгляда съ Ивана.

И этотъ ребячески-открытый взглядъ показался Ивану тяжелымъ. Онъ взялъ одинъ листокъ и прочиталъ.

XIV.

Вертлуговъ пріѣхалъ домой передъ вечеромъ. Извозчикъ несъ корзину съ покупками на животѣ, а старикъ шелъ позади въ полушелковой накидкѣ и въ бѣлой шляпѣ и напѣвалъ:

— Такъ рукой, такъ ногой!

Онъ былъ очень навеселѣ и споткнулся на гладкомъ мѣстѣ.

Дѣти выбѣжали къ нему навстрѣчу. Иванъ высунулся изъ окна.

— Тебѣ я купилъ сукна на сюртучокъ!—закричалъ Хрисанѳъ Семеновичъ сыну.—Долой блузу. Баста. А вамъ лошадокъ, куколъ.

Дѣти завизжали:

— Папочка, папочка!

— Хорошо себя вели?—спросилъ Вертлуговъ и тросточкой ткнулъ въ задъ извозчика:—Налѣво, болванъ. А себѣ ничего не пріобрѣлъ. Весь для семьи. Для дѣтей готовъ пожертвовать жизнью. Застраховался бы въ сто тысячъ и на другой день взорвалъ бы себѣ черепъ, честное и благородное слово!

Дѣти не отставали отъ отца. Когда корзина была вскрыта, изъ нея посыпались подарки. И Аксинья получила красный платокъ. Больше всего было закусокъ и винъ.

— Домъ долженъ быть полной чашей,—разсуждалъ Хрисанѳъ Семеновичъ.—Люди придутъ, надо же подать имъ и селедочки, и

Я. Ціонглинскій. Автопортретъ.

икорки, и колбаски... Мы сардинокъ потребуемъ, дѣти... Что на меня, Иванъ, такъ смотришь? Нехорошъ? А? Пойди, я тебя поцѣлую, сынъ мой. Я не пьяница, но люблю правду и готовъ пострадать... Его удалили, а мы сдѣлали обѣдъ, и я сказалъ рѣчь. Я сказалъ блестящую рѣчь, Иванъ. „Въ наше время всеобщей разнузданности отрадно видѣть свѣтлыя личности, энергія которыхъ вся направлена къ возрожденію порядка“... А, ловкое начало? И обратясь къ виновнику торжества: „Терентій Капитонычъ, какъ частный приставъ, вы арестовали на улицѣ даму, бросившую вызовъ русскому правительству своимъ украинскимъ костюмомъ... Коварно поступили съ вами“... Клянусь, я такъ и сказалъ. Я могу быть страшно либераленъ. „Но правительство опомнится. Оно отступило, но оно придетъ — и вы возвратитесь къ намъ полицеймейстеромъ“. Тутъ поднялась буря аплодисментовъ. Меня стали качать. Иванъ, я вкусилъ дымъ славы,—томно и со слезами на глазахъ, протянулъ Хрисаноъ Семеновичъ съ банкой икры въ рукахъ.—Цѣлуйте же, негодяи, вашего добраго отца, а не то отлуплю, какъ сидоровыхъ козъ!

Я. Ціонглинскій. Самаркандъ. „Биби-Ханымъ“. Гробница жены Тамерлана.

Маня, Соня, Макся и Гриша стали обнимать ноги отца.

— А гдѣ же Иванъ?—спросилъ Хрисаноъ Семеновичъ.

Но Ивана уже не было. Онъ убѣжалъ. Участіемъ въ обѣдѣ приставу, котораго за непристойную выходку удалилъ самъ губернаторъ, отецъ окончательно опозорилъ себя.

„И собирается жениться на молодой дѣвушкѣ... На комъ? Чью душу задумалъ онъ еще погасить?“

Не унималась рана, и слезы ярости и негодованія выступали на его глазахъ.

На тихихъ улицахъ города косые лучи солнца нѣжно золотили пласты бархатной пыли. Вдали въ розовой дымкѣ мычали коровы, которыхъ пастухи гнали домой.

„Куда мнѣ дѣваться? — спрашивалъ себя Иванъ.—Я терпѣливѣе Саши, но есть предѣлъ. Надо бѣжать“.

XV.

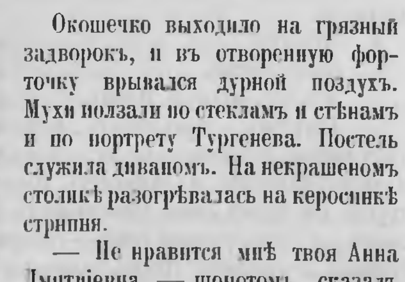
Иванъ отправился къ Сашѣ.

Она снимала каморку у вдовы парикмахера Анны Дмитріевны. Въ квартиркѣ пахло лампадками и кошками. Дѣвочка, красная, какъ изъ бани, и истрепанная, выскочила отъ Анны Дмитріевны. Изъ темненькой гостиной слышалась слащавая рѣчь Анны Дмитріевны, и кто-то кашлялъ басомъ и плевалъ на полъ.

Саша только-что вернулась съ урока и переодѣвалась. Она очень обрадовалась брату:

— Наконецъ-то!

Я. Ціонглинскій. Портретъ дѣтей.



Окошечко выходило на грязный задворокъ, и въ отворенную форточку врывался дурной воздухъ. Мухи ползали по стекламъ и стѣнамъ и по портрету Тургенева. Постель служила диваномъ. На некрашеномъ столикѣ разогрѣвалась на керосинкѣ стряпня.

— Не нравится мнѣ твоя Анна Дмитріевна, — шопотомъ сказалъ Иванъ.

Саша сдѣлала гримасу отвращенія и ужаса.

— Я заплатила впередъ,—отвѣтила она: — и какъ-нибудь доживу только до конца мѣсяца.

— Хочешь, вдвоемъ поселимся,—предложилъ Иванъ.—Сейчасъ я видѣлъ билетикъ на окнѣ—надъ самой Лебядкой. Кругомъ домика подсолнечники... Отгородиться ширмами.

— Я согласна! — вскричала Саша съ оживленіемъ.—А ты твердо рѣшилъ бросить отца?

Иванъ разсказалъ сестрѣ о приставѣ и о рѣчи Хрисаноа Семеныча.

— Не надо волноваться,—сказала Саша, выслушавъ.—Отца не передѣлаешь. А я думала другое.

Я. Ціонглинскій. Пароенонъ.
Этюдъ пріобрѣтенъ для Музея Императорской Академіи Художествъ.

Но у тебя есть еще что-то на сердцѣ?—спросила она, пристально посмотрѣвъ въ лицо брату.

— Болитъ...

— Подѣлись со мною. Отчего не хочешь разсказать всего?

— Еще не знаю, отчего болитъ,—съ печальной улыбкой отвѣтилъ Иванъ.

— Перепетуя Васильевна пила утромъ кофе у Анны Дмитріевны, и я слышала, какъ она разсказывала, что видѣла вчера отца у Аглаи Ермолаевны... и что онъ бываетъ у какихъ-то Ольгиныхъ...

— Катя Ольгина весной кончила гимназію, — прервалъ Иванъ.—Отецъ купилъ вексель, который выдала старуха, и тѣснитъ. Грозится продать ихъ домикъ. А онъ давно получилъ по векселю одними процентами...

— Со всѣхъ сторонъ тучи,—сказала Саша.

— Вопросъ о женитьбѣ отца, ты знаешь, меня мало занимаетъ,—возразилъ Иванъ и вдругъ спросилъ:—Но, можетъ-быть, и еще есть невѣста?

— Помнишь, за Маргаритой Антоновной отецъ ухаживалъ еще при матери?

Иванъ пожалъ плечами.

— Маргарита Антоновна—швея и дѣльная женщина. Но отецъ уже мнѣ объявилъ, что Аглая Ермолаевна для него староватa, и онъ полюбилъ тоненькихъ, а Маргарита Антоновна старше вдовушки... Катя же Ольгина, хоть и тоненькая, и ее не прочь выдать за него, но онъ влюбленъ въ третью... И, право, онъ чудакъ, у него легкія мысли. И онъ намѣренъ прожить съ молодой женой навѣрно еще лѣтъ тридцать.

— Ты находишь это въ порядкѣ вещей?—вскричала Саша.—Не стыдно тебѣ?

— Согласенъ, что иной порядокъ пріятно опрокинуть,—сказалъ Иванъ.—Но надо же уважать свободу личности. Стыдно не это.

— Что же?

— Я страдаю.

— А, бѣдненькій. Ты серьезно? Но она тебѣ не пара. Старше тебя... Постой!—съ внезапнымъ озареніемъ воскликнула Саша, испуганная своей догадкой.—Не имѣетъ ли отецъ въ виду Наденьку, если онъ отказывается отъ вдовушки?

— Саша, ты дура,—растерянно проговорилъ Иванъ и поблѣднѣлъ.—Ты дура,—повторилъ онъ.—Какъ могло тебѣ прійти это въ голову? — спросилъ онъ, схватившись за сердце. — Именно сегодня въ двѣнадцать часовъ... Саша, и откуда ты взяла, что я влюбленъ въ Наденьку? Я еще не знаю, люблю ли я Наденьку. Мнѣ только любопытно. Понимаешь, — у него загорѣлись глаза, и онъ съ увлеченіемъ заговорилъ: — есть женщины, которыя манятъ къ себѣ возможностями... Наденька не похожа на другихъ. Я убѣдился, она другая... Она умѣетъ чувствовать. Я такъ молодъ и, я бы сказалъ, невиненъ... И вдругъ Наденька съ отцомъ. Конечно, будь онъ—не онъ. Но Наденька безмѣрно выше его. Я отрѣшаюсь отъ мысли, что мой отецъ... Напримѣръ, если бы я узналъ, что нѣкто Хрисаноъ Семеновичъ — всегда пьяненькій, мелкій, темный, морально неряшливый — слышишь, нѣкто—женихъ Наденьки, а она меня цѣлуетъ и назначила мнѣ свиданіе въ полночь... что бы я испыталъ и подумалъ? Предположи, что я допустилъ ея поцѣлуи по слабости характера... Все же какъ бы я на это реагировалъ?

Я. Ціонглинскій. Портретъ артиста Императорскихъ театровъ И. В. Ершова.

— Хорошо, что ты мнѣ все говоришь,—обрадовалась Саша.—Признаюсь, никогда я не считала ее хорошей и досадовала, что тебя она интересуетъ. Боже, чѣмъ же она такъ безмѣрно выше отца?

— Слушай, Саша,—придя въ себя, сказалъ Иванъ:—вѣдь это же гипотеза. У васъ фантазія, какъ у Перепетуи Васильевны и Феоніи Евстигнеевны.

— Ну такъ отчего же у тебя болитъ душа?—сердито спросила Саша.

— Пойти къ ней на свиданіе?

— Не ходи.

Саша чуть не опрокинула кастрюльку со щами. Руки ея дрожали, когда она разставляла посуду.

— Ты еще совсѣмъ мальчикъ,—продолжала она:—и тебя легко погубить.

— Чѣмъ?

Вдругъ она заломила руки:

— Умоляю тебя, Ваня, дай слово, что ты разорвешь съ нею!..

— Можетъ-быть, я напрасно признался тебѣ, — холодно сказалъ Иванъ. — Теперь я не открою тебѣ всего, съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ.

XVI.

— А что у тебя еще?—со страхомъ остановивъ на братѣ глаза, спросила Саша.—Подумай же, Ваня, что столкнуться съ отцомъ на такой почвѣ...

— Не раздражай меня, Саша!—вскричалъ Иванъ.—Именно теперь я долженъ пойти, чтобы выяснить. Ты просто кипишь отъ ревности.

— Скажи, что же у тебя еще?—стараясь обнять брата, спросила Саша.

Онъ отклонилъ ея руки:

— Полно. Ты не успокоила меня. Мнѣ еще стало больнѣе. Прощай.

— Милый, не уходи. Поужинай со мною.

— Хорошо. Но перемѣнимъ разговоръ.

Они молча съѣли щи. За перегородкой каркалъ кашляющій басъ.

— Я насчетъ Анны Дмитріевны,—шопотомъ начала Саша.—Перепетуя Васильевна догнала меня вчера на улицѣ и говоритъ: „Вы Богъ знаетъ, гдѣ живете“. А я: „Вѣдь вы же дружите съ Анной Дмитріевной“. А она: „Я ужъ солидныхъ лѣтъ, и ко мнѣ не пристанетъ“...

— Ты что бредила ночью?

— Какъ ночь, я дѣлаюсь сама не своя,—съ болѣзненной улыбкой сказала Саша.—Анна Дмитріевна становится моимъ кошмаромъ и все мнѣ сулитъ сто рублей. По ея словамъ, моя квази-красота стоитъ большихъ денегъ.

— Ты, и правда, хорошенькая,—мягко сказалъ Иванъ.—Я какъ-то не обращалъ вниманія, пока ты не сказала.

Саша встала и посмотрѣлась въ маленькое зеркальце на стѣнѣ. Румянецъ разлился на ея щекахъ. И такъ же внезапно лицо ея подернулось тѣнью.

— Если отецъ женится, мнѣ ужъ не вернуться домой,—съ тоской сказала она.

Я. Бельзенъ. Портретъ Маруси Б. Выставка „Трехъ“.

Я. Бельзенъ. Косые лучи. Выставка „Трехъ“.

Она наклонила голову и указательнымъ пальцемъ стала водить по кружку воды отъ стакана. Потомъ спросила:

— Но ты въ самомъ дѣлѣ будешь жить со мною?

— Какъ только заработаю хоть немного денегъ — наймемъ комнату.

— А тайнъ отъ меня никакихъ не будешь скрывать?—пытливо спросила она.—Ты такъ и сидишь съ переполненнымъ сердцемъ.

— Тайны мои мнѣ принадлежатъ,—отвѣтилъ Иванъ.—Впрочемъ, это уже изъ другой и очень серьезной оперы,—сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана тоненькій листокъ, развернулъ и подалъ Сашѣ:—Прочитай-ка!

XVII.

Саша живо схватила прокламацію и подошла къ свѣту. Послѣдній отблескъ солнца умиралъ на подоконникѣ оранжевымъ пятномъ. Въ лучахъ этого пятна прочитала Саша прокламацію.

Потомъ перевела взглядъ на брата и сказала съ разочарованіемъ:

Я. Бельзенъ. „Широкая кисть“. Автопортретъ. Шаржъ. Выставка „Трехъ“.

— А я думала, что касается тебя.

— Другихъ дѣлъ, кромѣ личныхъ, не признаешь!—вскричалъ Иванъ и вырвалъ прокламацію изъ ея рукъ.

— Что же ты разсердился?—съ недоумѣніемъ спросила Саша.—Мы сами такъ слабы и обездолены, что куда намъ еще заниматься пропагандой... Хоть бы встать на ноги... Не ты ли вчера обѣщалъ всѣхъ насъ вывести въ люди? А развѣ это легко, Ваня?—сообразивъ, въ чемъ дѣло, начала Саша.—Не попадись какъ-нибудь. Зачѣмъ она у тебя? Дай сожгу сейчасъ на керосинкѣ.

— И не стыдно тебѣ, Саша?

У дѣвушки навернулись слезы.

— Когда мнѣ тяжело, мысль о тебѣ только подкрѣпляетъ меня, — сказала она. — Не стыдно, Ваня, бояться за тебя.

— У меня такихъ огромная пачка—и надо раздать; и раздамъ.

— Но тебя сошлютъ.

— За это даже вѣшаютъ,—горделиво сказалъ онъ.

Она ничего не возразила, и только легкій стонъ вырвался изъ ея груди. Иванъ постоялъ, пока не погасъ на подоконникѣ оранжевый отблескъ.

— До скораго свиданія, Саша!

Я. Бельзенъ. Ягдсменъ на охотѣ. Шаржъ. „Выставка Трехъ“.

VXIII.

Чтобы убить время, Иванъ пошелъ въ городской садъ.

Не играла музыка подъ сводами столѣтнихъ деревьевъ, и было пустынно въ саду. Двигались въ кустахъ безшумныя тѣни, кричали передъ сномъ грачи. Скамейки, изрѣзанныя надписями, сиротливо стояли въ туманныхъ аллеяхъ.

Иванъ думалъ о полуночи и испытывалъ незнакомое волненіе. Онъ заранѣе пугался объясненія съ Наденькой. Вчера у него было другое чувство къ ней. Словно кто дунулъ на огонекъ, который едва теплился въ его сердцѣ,—и огонекъ вспыхнулъ, и надо поскорѣе накормить его горючимъ матеріаломъ. Странный голодъ томилъ Ивана.

Наступила темнота. Шагалъ Иванъ. Шляпа стала тяжела, и онъ снялъ ее. Волнистые волосы его упали на лобъ и виски.

Онъ дошелъ до обрыва, раздѣлявшаго садъ на двѣ половины—культурную и дикую, и сѣлъ у корней стараго дуба. Луна поднялась, и сонный паръ на днѣ оврага сталъ голубымъ. Доносились оттуда легкіе шорохи. Раздались и замерли молодые голоса. Вздрогнулъ подавленный смѣхъ женскій.

По тропинкѣ осторожно выбрались изъ оврага двѣ фигуры и прошли мимо Ивана, взявшись за руки. Онъ узналъ гимназиста Ключаревскаго, стройнаго, съ выпуклыми глазами и съ вздутымъ ртомъ, прославившагося побѣдами надъ гимназистками, изъ которыхъ одна отравилась, и вертлявую, какъ птичка, Катю Ольгину.

Парочка удалялась, замелькала темными силуэтами въ лунномъ свѣтѣ, заливавшемъ садъ, и исчезла.

„Старикъ правъ,—подумалъ Иванъ.—Но, значитъ, онъ думаетъ, что та, на которой онъ остановилъ выборъ—безстыдненькая и тоненькая—будетъ солиднѣе измѣнять ему, такъ что самолюбіе его отъ этого не пострадаетъ“.

Невольно представилась ему Наденька съ своимъ энергичнымъ подбородкомъ и загадочнымъ выраженіемъ глазъ.

С. Писаховъ. Весна на Бѣломъ морѣ.
Выставка „Трехъ“.

Онъ стремительно вышелъ на улицу и, спустившись по откосу у Краснаго моста, вдоль берега Лебядки, пошелъ направо. Песокъ хрустѣлъ. Погасали огни въ домахъ. Луна отбрасывала отъ Ивана короткую тѣнь. Церкви вздымали къ небесамъ легкіе купола. Духовная семинарія сверкала призрачной бѣлизной и отражалась въ Лебядкѣ, какъ въ длинной полоскѣ зеркала.

По весткамъ перешелъ Иванъ на ту сторону, гдѣ на склонѣ холма чернѣлъ вишневый садикъ Аглаи Ермолаевны.

I. Ясинскій. Автоэтюдъ. Выставка „Трехъ“.

XIX.

Городскіе часы пробили только одиннадцать. Когда Иванъ толкнулъ калитку низенькаго заборчика и сталъ подниматься по дорожкѣ, крѣпко забилось его сердце. Ноющая боль въ душѣ разрослась, и поднялся пламень, который казался такимъ нежгучимъ двадцать четыре часа назадъ.

Иванъ сѣлъ на знакомой скамейкѣ и сталъ смотрѣть на домъ. Не было свѣта, никто не шелъ. Сердце бухало въ груди, какъ молотъ.

Въ лунномъ воздухѣ звонко разлился металлическій звукъ.

„Не придетъ. Передумала. Не пришла раньше, не придетъ позднѣе. Она не придетъ“.

Прошла вѣчность. Наденьки не было; пробили часы полчаса, три четверти и часъ.

Таинственно слилась тишина съ сумракомъ, и ее заткалъ лунный свѣтъ; и еще присоединился запахъ жасмина. Въ глазахъ у Ивана стало рябить; хотѣлось уйти—ноги не повиновались. Луна и жасминъ приковали къ скамейкѣ. Было томно и обидно.

Почудилось, что вдали, гдѣ крылечко, скрипнула ступенька. Опять неровно застучало

I. Ясинскій. Дѣвушка съ косой. Выставка „Трехъ“.

сердце. Иванъ всматривался въ зыблющійся сумракъ за жасминомъ. Но холодные съ гибкими пальчиками руки плотно закрыли ему глаза, и что-то теплое и упругое прижалось къ его затылку, и кто-то наклонился изъ-за спины черезъ его голову и смѣло и влажно поцѣловалъ его въ губы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

IV.

Павелъ Аркадьевичъ проснулся отъ послѣобѣденнаго сна, напился чаю, сѣлъ къ письменному столу, развернулъ счетоводныя книги и защелкалъ на счетахъ. Время шло, и онъ совершенно не замѣчалъ его теченія. Дѣти давно уже спали, и изъ дѣтской доносился ихъ громкій храпъ. Луша въ кухнѣ окончила работу и тоже смолкла. Павелъ Аркадьевичъ оторвался отъ работы только тогда, когда услышалъ звонокъ. Онъ всталъ, зажегъ свѣчу и пошелъ встрѣтить жену. Она вошла радостная, оживленная и прямо съ порога закричала:

— Павля, Павля, мнѣ сегодня такая удача, что ты и представить себѣ не можешь!

— Что̀ за удача? — спросилъ онъ, помогая женѣ снять кофту и вводя ее въ столовую.

Она сняла шляпу и кинула на столъ портмонэ:

— Смотри!

Онъ взялъ со стола длинное кожаное портмонэ.

— На что смотрѣть?

— Тамъ, тамъ! Что̀ тамъ лежитъ.

Онъ разскрылъ портмонэ и изумленно вздрогнулъ.

— Высыпи!

Онъ опрокинулъ портмонэ надъ скатертью стола, и на нее упали ассигнаціи и покатились золотыя монеты.

— А теперь считай! — торжествующе сказала Ольга Карповна и сама нагнулась, чтобы считать деньги:—168 рублей! А? Да твоихъ 30. Итого 198. Павля, Павля! Это въ два раза больше, чѣмъ ты получилъ за свою работу.

Онъ выпрямился и съ удивленіемъ спросилъ ее:

— Откуда? Гдѣ ты достала эти деньги?

Она положила ему руки на плечи и сказала:

— Только не сердись, не смѣй даже хмурить брови. Я тебѣ все разскажу по порядку. Я пришла сегодня къ Синицынымъ, къ Калеріи, а они... ну, видишь, они собирались ѣхать играть въ клубъ, играть въ лото, и позвали меня...

— И ты поѣхала?

— Ну да! Они упросили, и я поѣхала. Отчего же...

Павелъ Аркадьевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену. За 12 лѣтъ ихъ жизни онъ думалъ, что хорошо знаетъ ее, и никогда бы не допустилъ мысли, что она рѣшится пойти въ клубъ, въ собраніе неизвѣстныхъ людей, въ мѣсто, охваченное азартомъ.

— Ну чего ты такъ смотришь? Развѣ это такъ ужасно? Не хмурься. И вообрази себѣ, Павля: только-что сѣла—и сразу выиграла 22 рубля... А въ послѣдній разъ выиграла 68 и устала. Потомъ мы поужинали и я поѣхала. Калерія заняла 25 рублей, Константинъ Петровичъ 10, да еще я за ужинъ заплатила, и вотъ наши деньги. 198 рублей. Знаешь что̀, Павля? Ты теперь купи хорошій пиджакъ, всю тройку. Я куплю дѣтямъ пальто, у нихъ старенькія, совсѣмъ обносились. Мы заплатимъ за квартиру, и я куплю себѣ красивое осеннее манто. Я видѣла... красивое-красивое. Хорошо, Павля?

Она обняла его и прижалась къ его щекѣ щекой, радостная, оживленная.

Павелъ Аркадьевичъ не могъ устоять противъ ея ласки. Онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Глупенькая моя, сдѣлай все, какъ хочешь. Дѣйствительно, эти деньги точно свалились съ неба. Хотя, говоря по правдѣ, мнѣ все это не нравится. Это не для насъ. Константинъ Петровичъ—агентъ, репортеръ, человѣкъ, живущій на людяхъ, — ему это такъ. Соблазнилъ онъ и свою жену и тебя. Долго ли васъ соблазнить?

— Ахъ, Павля. Если ты пойдешь хоть разъ, то увидишь, что тамъ совсѣмъ прилично. Ничего страшнаго. Вотъ ты со мной сходи. Сходишь?

— Ну, объ этомъ послѣ...

— А ты все работалъ?

— Надо же было кончать работу, да вѣдь сейчасъ не такъ ужъ поздно...

— Два часа; идемъ спать, Павликъ.

— Я сейчасъ. Докончу только.

Она прошла въ спальню, переодѣлась, вернулась въ капотѣ и сѣла подлѣ мужа, а тотъ продолжалъ еще щелкать на счетахъ. Наконецъ онъ отодвинулъ счеты, закрылъ книги, погасилъ лампу, всталъ и сказалъ:

— Ну, пойдемъ.

Почти 200 рублей—это хорошее подспорье въ ихъ бюджетѣ, но сознаніе, что эти деньги выиграны, а не заработаны, что жена была въ клубѣ—смутно волновало Павла Аркадьевича и мѣшало ему раздѣлять радость жены. А она лежала подлѣ него и говорила взволнованно и радостно:

— Ахъ, Павликъ, если бы такъ повезло хотя одну недѣлю! Каждый день по 198 рублей, вѣдь это богатство! Мы бы съ тобой купили теплую одежду; расплатились со всѣми долгами, заплатили за квартиру и даже... даже купили бы новую мебель. Почему ты молчишь, Павля? Ты все еще недоволенъ? Сердишься?

Онъ сказалъ:

— Не сержусь, а какъ-то неловко, непріятно. Я привыкъ цѣнить деньги постольку, поскольку онѣ заработаны. Случайныхъ денегъ у меня никогда не было, играть я никогда не игралъ. У насъ въ правленіи былъ артельщикъ, онъ игралъ и кончилъ тѣмъ, что растратилъ деньги и застрѣлился. Вообрази себѣ, Оля, что вотъ часть этихъ денегъ, изъ-за которыхъ онъ лишилъ себя жизни, выигралъ бы я. Да вѣдь это ужасно!

— Но, Павля, вѣдь не было еще случая, чтобы кто-нибудь застрѣлился изъ-за лото: тамъ проиграть нельзя больше 25 рублей.

— 25 рублей за одинъ вечеръ! Ты подумай объ этомъ. Я зарабатываю въ мѣсяцъ 200 рублей и, значитъ, могу проиграться въ восемь вечеровъ. Ты находишь, что это мало? Мы съ тобой проживаемъ въ день 3—4 рубля—и вдругъ въ одинъ вечеръ можемъ проиграть восемь дней нашей жизни. И это мало?

— Ты все преувеличиваешь, Павликъ. Ты просто засидѣлся. Вотъ и Константинъ Петровичъ говоритъ это и Калерія. Все сидишь и сидишь. Ты долженъ непремѣнно поѣхать съ нами. Константинъ Петровичъ проведетъ. Ему тамъ всѣ знакомы, и онъ сдѣлаетъ тебя членомъ. Я уже членъ клуба.

— Поздравляю.

— Вотъ ты и сердишься. — сказала она капризно.

— Не сержусь, но все это мнѣ непріятно.

— Но вѣдь я только разъ. Всего одинъ только разъ поѣду. Ну, можетъ-быть, два, три раза. Вѣдь это все „такъ“. А если бы ты зналъ, какъ мнѣ иногда бываетъ скучно! Вѣдь я всегда одна. Ну съ дѣтьми, ну по хозяйству, а потомъ наступитъ вечеръ. Ты занятъ. Что̀ я? Почитаю, пошью, а потомъ? Нѣтъ, Павля, ты не сердись и позволь мнѣ ходить... хоть изрѣдка. И самъ сходи со мной. Ну хоть разъ. Милый!

— Хорошо, какъ-нибудь пойдемъ вмѣстѣ.

— А завтра купимъ все. Я пойду вмѣстѣ съ Калеріей; она зайдетъ за мной, и дѣтей возьму. Я куплю имъ игрушекъ, пальто, потомъ себѣ пальто. А когда ты вернешься со службы—мы пойдемъ съ тобой, и ты себѣ купишь.

Павелъ Аркадьевичъ не могъ не улыбнуться, слушая ея болтовню.

Когда на другой день, рано утромъ, онъ всталъ и собирался на службу, жена его спала крѣпкимъ сномъ. Онъ пожалѣлъ ее будить.

V.

Нянька встрѣтила его вопросомъ:

— Что̀ же барыня наша? Вставать надо.

— Вчера поздно вернулась, — сказалъ онъ и почувствовалъ легкую досаду.

Измѣнился порядокъ.

До сегодняшняго утра она каждый день провожала его на службу, и они вмѣстѣ пили утренній чай. Онъ читалъ газету и сообщалъ ей новости, которыя интересовали ее. Сегодня онъ одинъ. Пришла Катя, а за нею и Петя. Оба вымытые, свѣжіе веселые.

— Ну, садитесь и будемъ пить чай,—сказалъ Певелъ Аркадьевичъ, цѣлуя ихъ.—Какіе сны видѣли? Какіе интересы у васъ?

— Мама сказала, что она купитъ мнѣ краски,—объявилъ Петя.

— А мнѣ игру,—сказала Катя.

— Кутитъ, значитъ, будете, и съ подарками,—засмѣялся Павелъ Аркадьевичъ.

Онъ выпилъ чай и ушелъ, провожаемый дѣтьми. Ясный осенній день разсѣялъ его дурное настроеніе. „Не все же ей сидѣть дома. Бѣды нѣтъ, если для развлеченія заглянула въ клубъ. А ко всему и выиграла и счастлива“. Онъ улыбнулся и бодрымъ шагомъ пошелъ по улицѣ.

Въ два часа дня Калерія, какъ ураганъ, ворвалась въ комнаты, перецѣловала дѣтей и заговорила безъ перерыва:

— Душечка Оля, уже два часа, одѣвайся и ѣдемъ. Какая великолѣпная погода! Купимъ много, много. И дѣтямъ и тебѣ, и я куплю, а вечеромъ—въ лото. Непремѣнно, непремѣнно! Ты не спорь. Знаешь, я тебѣ это вѣрно говорю: если повезло разъ, повезетъ и въ другой, и въ третій, и все время...

Ольга засмѣялась:

— До которыхъ поръ?

Калерія подняла плечи:

— Ужъ этого не знаю, а только долго. Одинъ разъ у насъ было, что мы выигрывали двѣ недѣли. Двѣ недѣли подъ рядъ. Ты понимаешь? Когда 60, когда 100. Я тебѣ говорила объ этомъ. А потомъ сразу прекратилось. А когда прекратится, ты не ходи. Не ходи и не ходи, а потомъ снова пойди, и опять тебѣ будетъ везти.

— Этакъ я буду зарабатывать больше, чѣмъ мой мужъ.

— Больше и гораздо веселѣе. Ты подумай: тамъ канцелярія, духота, скука, считай на счетахъ, а здѣсь—пріятное общество и оживленіе, и интересные люди, а потомъ—ужинъ. И такъ легко. Ну, ѣдемъ. Ты готова?

Ольга только-что встала съ постели. Она наскоро выпила кофе, приказала нянькѣ одѣть дѣтей и поѣхала съ Калеріей и съ ними въ Гостиный дворъ.

Надо быть молодой женщиной, живущей постоянно въ стѣсненіи, чтобы понять ту радость, которую испытывала Ольга Карповна, имѣя возможность свободно тратить деньги. Она купила Катѣ и Петѣ по красному пальто и по хорошей суконной шапкѣ съ красными помпонами, накупила имъ разныхъ игрушекъ, а потомъ поѣхала въ магазинъ дамскихъ нарядовъ и выбрала себѣ пальто. Нагруженная покупками и сластями, она вернулась домой тогда, когда Павелъ Аркадьевичъ уже переодѣлся и нетерпѣливо ходилъ по столовой въ ожиданіи обѣда. И она и дѣти ворвались въ квартиру веселыя, радостныя, и заговорили на разные голоса, обнимая Павла Аркадьевича. Катя показывала свои покупки, Петя кричалъ: „Развяжите мои игрушки“. Ольга Карповна говорила и о пальто, и о покупкахъ, и о желаніи играть въ лото, и о надеждѣ снова выиграть; и Павелъ Аркадьевичъ, сначала недовольный, опять уже весело смѣялся и говорилъ:

— Ну, а какъ же съ платой за квартиру?

Ольга Карповна на мгновеніе смутилась:

— За квартиру... Вѣдь у насъ нѣтъ еще и сроку. Ты получишь жалованье—и заплатимъ. Это вѣдь деньги совсѣмъ случайныя, я и не думала...

— А все-таки считали, что заплатимъ.

— Вчера. Но ты посмотри, какое у меня пальто. Когда ты со мной пойдешь по улицѣ, ты будешь радоваться, какая я красивая.

— Милая моя, да въ какой одеждѣ ты ни иди, я всегда радуюсь и горжусь тобой.

Они сѣли обѣдать. Только послѣ обѣда нѣсколько омрачилась ихъ радость, когда Ольга Карповна, ласкаясь къ мужу, спросила:

— Павля, ты вечеромъ занятъ?

— Пока да. Вотъ окончу отчетъ и тогда буду совсѣмъ свободенъ.

— Если ты занятъ, мнѣ можно пойти?

— Опять въ клубъ?

Она нѣсколько замялась:

— Въ лото... Ну, пусти. Ну, милый! Ну, дорогой!

Она обняла его и стала крѣпко цѣловать въ глаза и въ шею и въ щеку.

— Неужели тебѣ такъ хочется?

— Милый, я опять выиграю.

— Ты сдѣлаешься настоящей лотошницей.

— Такъ что̀ же? Вѣдь это для насъ обоихъ. Намъ такъ нужны деньги.

Онъ засмѣялся.

— Ахъ, ты, моя работница!—сказалъ онъ, трепля ее по щекѣ.—Ну, хорошо, иди: только не приходи такъ поздно. Сегодня утромъ я ушелъ безъ тебя, къ обѣду ты тоже запоздала. Это уже совсѣмъ не порядокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я приду совсѣмъ рано, и завтра будемъ пить чай вмѣстѣ. Я выиграю много денегъ, и мы заплатимъ за квартиру: непремѣнно заплатимъ.

— Ну, хорошо, а теперь я пойду спать.

Онъ ушелъ въ спальню, она же прошла въ дѣтскую и, радостная радостью дѣтей, разсматривала съ ними игрушки, которыя они купили, играла съ ними и весело смѣялась.

Нянька сказала:

— Барыня, и куда это ты вчера ходила?

— Ахъ, нянечка, въ лото играла, такой клубъ есть. Играютъ сто, двѣсти человѣкъ. Купишь карту за 20 копеекъ, а можешь выиграть 20—30 рублей.

— Какъ же это такъ? Лотерея какая?

— Нѣтъ; то же лото, что̀ у дѣтей, и играютъ такъ же: только очень много людей играютъ и всѣ по 20 копеекъ платятъ, а выиграетъ одинъ. Онъ всѣ деньги и беретъ. Поняла?

— Другихъ, значитъ, разоряетъ...

— Ну, какое разореніе! Развѣ 20 копеекъ разорятъ меня?

— А ежели цѣлый вечеръ да по 20 копеекъ?

— А ты старайся выиграть.

Нянька покачала головой и ничего не отвѣтила.

— Баринъ сегодня одинъ чай пилъ утромъ. Впервой,—сказала она, помолчавъ.

Ольгѣ Карповнѣ слова ея показались упрекомъ. Радужное настроеніе ея нѣсколько разсѣялось. Она встала и прошла въ спальню, чтобы одѣться. Потомъ вернулась въ дѣтскую и, какъ вчера, сказала нянѣ:

— Въ 9 часовъ уложи дѣтей, а барина не позднѣе 10-ти разбуди и чай ему приготовь.

— Знаю, знаю ужъ. А ты что̀ же? Опять въ лото?

— Да, сегодня опять иду. Ну, до свиданья, дѣти! Будьте умницы.

Она поцѣловала дѣтей и быстро вышла изъ комнаты. Слова няньки нѣсколько нарушили ея радостное настроеніе, но все-таки она выиграетъ.

— Вы?—съ радостнымъ изумленіемъ воскликнулъ Константинъ Петровичъ.—Вотъ ужъ не думалъ.

— А почему?

— Думалъ, супругъ не отпуститъ васъ. Онъ вѣдь у васъ съ особыми правилами.

— Смѣйтесь!—сказала Ольга Карповна.—Да, онъ совсѣмъ другого образа жизни, чѣмъ вы. Но онъ понимаетъ, что было бы глупо меня задерживать. Онъ знаетъ, что я сумѣю держать себя во всякомъ обществѣ и не уроню своего достоинства. Онъ даже самъ хочетъ поѣхать съ нами.

— Да ну?.. Вотъ это ужъ удивительно. Такъ мы его запишемъ тоже. Можетъ-быть, и ему повезетъ, какъ вамъ.

— А я вотъ что̀ скажу,—сказала Ольга Карповна.—Сегодня я рѣшила играть и за 50 копеекъ и за 1 рубль, и до самаго конца.

— Если повезетъ,—сказалъ Константинъ Петровичъ, смѣясь:—гору выиграете.

— Ахъ, душечка! Тебѣ должно повезти и сегодня и завтра. Вотъ повѣрь моему слову. Слушай,—Калерія понизила голосъ:—за то, что я тебѣ такъ предсказываю, ты должна непремѣнно мнѣ дать 10 процентовъ съ своего выигрыша.

Ольга Карповна засмѣялась:

— Будемъ дѣлить шкуру съ медвѣдя.

— Да, да, ты не смѣйся, а обѣщай.

— Ну, обѣщаю. Идемте!

Они напились чаю и пошли въ клубъ, и, какъ вчера, Ольга Карповна играла необычайно счастливо. Послѣ 3—4 игръ она кричала: „довольно“ и получала ставку. Всѣ игроки обратили на нее вниманіе. Сидящій неподалеку отъ нея военный крутилъ усъ и, играя глазами, жадно смотрѣлъ на нее. Сидѣвшая противъ нея блеклая красавица сказала:

— Душечка, давайте играть съ вами пополамъ.

— Не соглашайтесь! Мы, сударыня, уже въ долѣ, — отвѣтилъ за Ольгу Карповну Синицынъ.

Со всѣхъ сторонъ предлагали ей „страховаться“.

— Это что̀ такое?—спросила Ольга Карповна.

— Ерунда! Если вы выиграете—должны будете тому и другому и третьему дать, а если проиграете, то ничего не получите. Ни съ кѣмъ не страхуйтесь и ни съ кѣмъ не идите въ долю. Кромѣ насъ,—прибавилъ онъ.

Калерія засмѣялась:

— Десять процентовъ, десять процентовъ,—говорила она каждый разъ на ухо Ольгѣ Карповнѣ и брала то 4, то 6, то 8 рублей.

Игра продолжалась. Послѣднія три игры карта стоила рубль, и ставка дошла до 160 рублей. И одну изъ этихъ игръ опять выиграла Ольга Карповна. Когда они, поднявшись въ буфетъ, подсчитали выигрышъ, оказалось, что она выиграла 344 рубля.

Синицынъ не безъ зависти смотрѣлъ, какъ Ольга Карповна утискивала деньги въ свое длинное портмонэ. На нее указывали, и нѣсколько человѣкъ произнесли вполголоса ея имя.

— Жена бухгалтера,—донеслось до нея.

— Откуда они меня знаютъ? — съ изумленіемъ спросила она Константина Петровича.

Тотъ пожалъ плечами.

— Здѣсь все и всѣхъ знаютъ,—шутливо отвѣтилъ онъ.

Павелъ Аркадьевичъ не могъ работать. Онъ волновался. До часу ночи онъ ждалъ спокойно, но когда пробило часъ, потомъ половину и два часа, а жены все не было, онъ потерялъ спокойствіе, закрылъ книги и безпокойно сталъ ходить по столовой. Время шло томительно долго. Пробило половину третьяго. Онъ остановился и растерянно провелъ рукой по лицу.

„Это уже безобразіе. Вчера она вернулась въ часъ, сегодня въ три“.

Вдругъ раздался звонокъ. Онъ поспѣшилъ отворить дверь, и, какъ вчера, она ворвалась въ комнату, обняла его и, едва владѣя собой отъ волненія, проговорила:

— Триста сорокъ четыре рубля, Павля. Триста сорокъ четыре!

Его недовольство еще не прошло, и онъ холодно сказалъ:

— Ты пришла очень поздно. Этого не надо дѣлать.

— Ахъ, Павля! Если бы ты зналъ, какъ это завлекаетъ! Триста сорокъ четыре! Вчера 160: вѣдь это 500 рублей. Теперь мы все купимъ. Теперь и за квартиру заплатимъ. Нѣтъ, ты не смѣешь быть недовольнымъ. Поцѣлуй свою Олю, поцѣлуй и говори спасибо.

Онъ принужденно улыбнулся:

— Цѣлую, цѣлую, но спасибо... Нѣтъ, Оля, это не заработанныя деньги. И онѣ мнѣ не нравятся.

— Не нравятся!—Она надула губы.—Вотъ ты нарочно хочешь испортить мое радостное настроеніе.

— Милая, это возбужденіе, ты словно опьянѣла. Посмотри: у тебя лицо горитъ, глаза свѣтятся, и въ нихъ видна жадность. Да, да, жадность!.. Подойди къ зеркалу!

Она испуганно отшатнулась:

— Нѣтъ, ты смѣешься. Это ты нарочно.

Павлу Аркадьевичу стало ее жалко:

— Ну, я пошутилъ. Только не надо этого. Богъ съ ними, съ деньгами.

— Ахъ, если бы ты зналъ, какъ это завлекаетъ, какъ кружитъ голову. Ты подумай: 344. Вѣдь они на улицѣ не валяются.

— Это такъ, но...

— И никакихъ „но“. Деньги намъ пришли, ты долженъ быть доволенъ, я тоже; и будемъ смѣяться. А сердиться совсѣмъ не надо.

Онъ успокоился:

— Однако уже три часа. Будемъ спать. Утро вечера мудренѣе.

— И ты купишь себѣ все, что̀ надо?

— Хорошо, куплю.

— Мы заплатимъ за квартиру; я завтра же пошлю за дворникомъ.

— Пошли. Это самое лучшее, что̀ ты сдѣлаешь изъ этихъ денегъ. Все-таки мы будемъ спокойны.

VI.

Павелъ Аркадьевичъ замѣшкался на службѣ, и было почти шесть часовъ, когда онъ вернулся домой. Навстрѣчу ему въ переднюю выбѣжали Катя и Петя и тотчасъ затормошили его.

— Папа, ты скорѣе раздѣнься и иди ко мнѣ!—кричалъ Петя.—Мнѣ мама купила настоящую желѣзную дорогу. Завести—и она по рельсамъ идетъ. Раздѣвайся и иди ко мнѣ.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Павелъ Аркадьевичъ, цѣлуя дѣтей.

— А мнѣ мама купила все для вышивки: и шерсть, и канву, и рисунокъ. Я тебѣ, папа, туфли вышью, хорошія туфли... и потомъ колечко купила: „Ты, говоритъ, уже большая“... — цѣлуя отца, тараторила Катя.

— А мама гдѣ?

— Я здѣсь! — закричала Ольга Карповна изъ столовой. — Иди скорѣе, Павля, я тебѣ буду хвастаться обновками. Луша! — закричала она еще громче:—накрывай на столъ, баринъ вернулся.

Павелъ Аркадьевичъ вошелъ въ столовую и остановился на ея порогѣ. На обѣденномъ столѣ вмѣсто приборовъ для обѣда грудами были навалены матеріи разныхъ цвѣтовъ и свертки. Ихъ разбирали и разглядывали Ольга Карповна и Калерія.

— Гляди, Павля, вотъ, во-первыхъ, я тебѣ подарокъ купила, чтобы ты никогда о спичкахъ не разговаривалъ. На тебѣ! Это—зажигалка. Говорятъ, самая лучшая: въ ней и фитиль, чтобы закуривать на вѣтрѣ, и спичка какая-то.

— Вы въ претензіи?—спросила Калерія, здороваясь.

— На что?

— Что мы съ мужемъ соблазнили вашу жену въ лото играть.

Павелъ Аркадьевичъ пожалъ плечами.

— Онъ самъ играть будетъ,—засмѣялась Ольга Карповна.

— Она не маленькая,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ и прибавилъ шутливо:—А къ тому же сразу разбогатѣла. Это такъ для нея неожиданно и такъ радостно.

— И для тебя тоже,—перебила Ольга Карповна.—Ты посмотри, сколько я купила. И нянькѣ купила, и Лушѣ, и за квартиру отдала.

— Вотъ это хорошо. И обѣдать будемъ?

— Сейчасъ. Луша, торопись. Калерія, помоги убрать!

Она схватила въ охапку свои покупки и переложила ихъ частью на диванъ, частью на письменный столъ Павла Аркадьевича.

— Няня, не давай дѣтямъ ѣсть котлеты; посмотри, они всѣ рты себѣ измазали. Вымой ихъ.

Луша вошла, громыхая посудой, и начала накрывать на столъ.

Павелъ Аркадьевичъ сказалъ:

— Я пойду переодѣнусь.

Слѣдомъ за нимъ въ спальню вошла Ольга Карповна, сѣла въ кресло и начала говорить:

— Я много купила самаго необходимаго. Ты знаешь, эти деньги для насъ прямо благодать. Вчера я купила себѣ и дѣтямъ пальто, сегодня на двѣ кофточки и разныхъ необходимыхъ вещей. Нянькѣ сдѣлала подарокъ—купила на платье. Вѣдь это хорошо, все-таки. Лушѣ матеріи подарила на кофточку, за квартиру отдала. Теперь всѣ довольны. Переодѣвайся скорѣе и приходи въ столовую.

Павелъ Аркадьевичъ переодѣлся и вышелъ.

— Луша, давайте обѣдать!—крикнула Ольга Карповна.

За обѣдомъ она продолжала говорить о своихъ покупкахъ, а Калерія поддерживала оживленную болтовню.

— Все великолѣпно. И вы знаете, какъ дешево!

— Сколько же ты истратила денегъ?

— Я?—Она задумалась и потомъ сказала:—Рублей 100. А можетъ, и 110. Я взяла съ собой 125 рублей, а у меня въ кошелькѣ еще осталось.

Послѣ обѣда она спросила:

— Ты сегодня что̀ вечеромъ дѣлаешь?

Павелъ Аркадьевичъ засмѣялся:

— Этотъ вопросъ сталъ обязательнымъ. Я буду работать, а ты пойдешь въ клубъ.

Ольга Карповна смѣло встрѣтила его фразу:

— Да, я хотѣла пойти и сегодня. Вотъ и Калерія говоритъ, и мужъ ея, что если везетъ, такъ везетъ все время. Надо пользоваться счастьемъ.

— Вы ужъ отпустите ее, Павелъ Аркадьевичъ. Я увѣрена, что она и сегодня и завтра будетъ выигрывать.

Павелъ Аркадьевичъ пожалъ плечами:

— Какъ я могу ее удержать?

Онъ выпилъ стаканъ чаю и пошелъ въ спальню.

Слѣдомъ за нимъ вошла Ольга Карповна.

— Павля, скажи правду: ты не сердишься, что я пойду?

Павелъ Аркадьевичъ собирался лечь, но остановился:

— Если хочешь знать правду, то удовольствія мало въ томъ, что ты начинаешь обращаться въ какого-то игрока. Одинъ вечеръ, другой... А тамъ и втянешься.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я только разъ, два—и конецъ.

— А дома уже начинается безпорядокъ. Второе утро я пью безъ тебя чай; сегодня обѣдъ опоздалъ. Катя не учится.

— Милый, этого не будетъ, ей-Богу!

— Хорошо, если не будетъ. Ну, иди. Я лягу. Ты не уйдешь, пока я не проснусь?

— Нѣтъ. Я буду съ тобой пить чай.

— Разбуди меня не позднѣе, чѣмъ половина десятаго. У меня много работы.

— Хорошо; ты на меня не сердись, потому что я ничего дурного не дѣлаю.

— Я знаю.

Ольга Карповна крѣпко поцѣловала мужа и вышла въ столовую, гдѣ сидѣла Калерія.

Вечеромъ они напились чаю, и Ольга Карповна съ Калеріей уѣхали. Павелъ Аркадьевичъ сѣлъ за свою работу.

И опять та же удача сопровождала игру Ольги Карповны. Она выиграла по второму разу, а затѣмъ кричала: „довольно“ черезъ каждыя три-четыре игры. Вокругъ нея раздавался завистливый шопотъ. Продающіе карты стремглавъ бросались къ ней, такъ какъ она щедро давала на чай. Барышня поспѣшно шла къ ней съ выдачей ея выигрыша, а Синицынъ съ завистью говорилъ:

— И везетъ же вамъ, Ольга Карповна. На ваше счастье можно милліонъ выиграть.

Она весело оглядывалась и громко смѣялась.

Павелъ Аркадьевичъ закончилъ свою работу, почувствовалъ совершенное утомленіе и уже собирался спать, когда раздался звонокъ. Онъ поспѣшилъ отворить дверь и встрѣтилъ опять восторженную и сіяющую Ольгу Карповну, которая съ порога кричала:

— Павля, сегодня опять въ выигрышѣ!—И, не раздѣваясь, подбѣжала къ столу и бросила свое портмонэ.—Считай, а я раздѣнусь.

Павелъ Аркадьевичъ высыпалъ содержимое на столъ и сосчиталъ: 200 рублей. Даже у него слегка закружилась голова.

Ольга Карповна раздѣвалась, готовясь лечь, и говорила безъ умолку, находясь еще въ возбужденіи:

— Раньше нельзя было вернуться. Самая крупная выдача была послѣдняя, въ два часа. Я очень проголодалась и поужинала. Въ слѣдующій разъ поѣдемъ съ тобой вмѣстѣ, и ты увидишь, какъ тамъ интересно. И выгодно. Мнѣ кажется, тамъ нельзя проиграть. Берешь карту, садишься, выкликаютъ номера, ты закрываешь; закроешь пять номеровъ, кричишь: „довольно“—и получаешь свой выигрышъ.

Она легла и стала говорить, что̀ надо сдѣлать на выигрышныя деньги. Павелъ Аркадьевичъ подчинился ея настроенію.

— Завтра скажи Константину Петровичу, пусть онъ устроитъ и для меня входъ,—сказалъ онъ передъ тѣмъ, какъ заснуть.

На другой день за вечернимъ чаемъ, когда Ольга Карповна подала ему стаканъ, онъ спросилъ:

— Ты пойдешь сегодня?

Она только кивнула.

И опять она вернулась съ выигрышемъ.

Эти выигрыши, эта игра перевернули всю ихъ жизнь.

Павелъ Аркадьевичъ возвращался домой, но уже не заставалъ накрытаго стола, и нерѣдко приходилось ждать обѣда, потому что Ольга Карповна не возвращалась еще изъ Гостинаго двора, куда отправлялась за покупками. Эти путешествія въ Гостиный дворъ съ непремѣнной Калеріей, часто и съ дѣтьми, составляли теперь ея развлеченіе до обѣда.

Послѣ обѣда она или ѣхала къ портнихѣ, или портниха приходила къ ней, и шли нескончаемые разговоры о фасонахъ и матеріяхъ. Вечеромъ она отправлялась въ клубъ, а утромъ просыпалась не ранѣе часу.

Хозяйство вела Луша, и дѣти, если бы не нянька, оставались безъ призора. Впрочемъ, Ольга Карповна ни одного дня не пропускала, чтобы не привозить имъ конфетъ или игрушекъ.

Нянька сумрачно глядѣла на нее и говорила:

— Что̀ это, барыня, ты словно и домъ забыла.

— Молчи, молчи, няня, — говорила Ольга Карповна: — я, напротивъ, только для дома и дѣлаю.

— Для дома? Какой же это порядокъ, если тебя и въ глаза не видно? Лушка и знать никого не хочетъ. Гремитъ себѣ, и хоть бы что̀. Баринъ по утрамъ чай всегда одинъ пьетъ, а ночью все надъ работой.

— Молчи, молчи, нянька, ничего ты не понимаешь,—говорила Ольга Карповна и смѣялась. — Видала, какую кучу денегъ я достала?

— Непутевыя деньги...

Въ какомъ-то угарѣ проходили дни Ольги Карповны. Павелъ Аркадьевичъ уже не говорилъ съ нею о своихъ дѣлахъ и работахъ, зато она посвящала его во всѣ свои впечатлѣнія клубной жизни и азартной игры.

— Сегодня пойдемъ съ тобой вмѣстѣ,—сказала она однажды.—Константинъ Петровичъ записалъ тебя членомъ, а я уже заплатила за тебя деньги.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ.

Его уже интересовала та обстановка, которой такъ увлекалась жена.

— Вы совсѣмъ перемѣните свое мнѣніе, — въ тотъ же вечеръ говорила ему Калерія.—И, быть-можетъ, станете такъ же ходить, какъ я съ мужемъ. Мы не увлекаемся, но все-таки два-три раза въ недѣлю бываемъ. Теперь вотъ только съ Ольгой каждый день: для нея. Подлѣ нея я сама два раза выиграла и разбогатѣла на время. Мы всегда богатѣемъ на время. Какъ выиграемъ, такъ сейчасъ же устраиваемъ кутежъ, тратимъ—а тамъ опять нѣтъ денегъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Горныя обсерваторіи.

Очеркъ Н. С. Павловскаго.
(Съ 16 рис. на стр. 372—375).

Двадцать лѣтъ тому назадъ знаменитымъ французскимъ астрофизикомъ Жансеномъ на вершинѣ Монблана, на высотѣ 4.810 метровъ, среди вѣчныхъ снѣговъ, была сооружена первая высокогорная, правильно оборудованная, астрономическая обсерваторія.

Уже издавна чистый горный воздухъ манилъ къ себѣ астрономовъ, но никто изъ нихъ не рѣшался перейти снѣговую линію и тамъ среди вѣчныхъ снѣговъ построить обсерваторію. Да и самъ мужественный Жансенъ не сразу добрался до вершины Монблана, а постепенно, начиная съ 1888 г., когда онъ впервые строитъ небольшой домикъ на „Grands Mulets“ на высотѣ 3.000 метровъ, куда онъ и подымался съ небольшими инструментами для своихъ астрономическихъ наблюденій (рис. 1, 2). Въ 1890 году появляется на скалахъ „Bosses“ на высотѣ 4.350 метровъ небольшой домикъ, въ который астрономъ Вало по временамъ подымался для астрономическимъ наблюденій. Тогда Жансенъ, не желая отстать отъ Вало, рѣшается воздвигнуть на самой вершинѣ Монблана не просто домикъ, а настоящую астрономическую обсерваторію съ большимъ 12-дюймовымъ рефракторомъ (рис. 3). Для этого онъ обратился къ знаменитому французскому инженеру Эйфелю съ просьбой помочь ему въ этомъ трудномъ, неслыханномъ дѣлѣ. Эйфель соглашается построить обсерваторію на вершинѣ Монблана, если только удастся докопаться до горнаго массива. Для этой цѣли снаряжается спеціальная экспедиція на вершину Монблана. Подъ руководствомъ самого Эйфеля и Жансена были вырыты на вершинѣ на глубинѣ 10-ти съ лишнимъ метровъ двѣ взаимно перпендикулярныя, крестообразно расположенныя траншеи, но докопаться до горнаго массива все-таки не удалось. Эйфель отказался строить обсерваторію, но не отказался Жансенъ.

Рис. 1. Общій видъ обсерваторіи въ „Grands Mulets“.

После этой неудачи у Жансена появилось еще большее желаніе воздвигнуть обсерваторію на Монбланѣ. Спустившись внизъ, онъ съ новой энергіей принялся за осуществленіе своей мечты. Въ одинъ день имъ было собрано на постройку обсерваторіи болѣе 280.000 франковъ; такъ, Бишофсгеймъ, основатель большой обсерваторіи въ Ниццѣ, далъ 150.000 франковъ, принцъ Роландъ Бонапартъ 100.000 фр., баронъ Ротшильдъ 20.000 фр. и самъ Жансенъ 10.000 фр.

Рис. 3. Видъ обсерваторіи Жансена на вершинѣ Монблана въ 1894 году.

Такимъ образомъ деньги на постройку обсерваторіи были, но прежде чѣмъ приступить къ самой постройкѣ, Жансенъ цѣлую зиму производитъ опыты въ Медонѣ, изучая свойства снѣга, на которомъ ему предстояло строить новую обсерваторію. Онъ строилъ въ Медонѣ огромныя снѣговыя горы и клалъ на нихъ большія тяжести, чтобы узнать, каковы упругость снѣга и его свойство „текучести“. Опыты дали благопріятные результаты. Оказалось, что снѣгъ подъ большимъ давленіемъ представляетъ изъ себя плотную, постоянную массу. Послѣ этого Жансенъ приступилъ весной 1893 года къ постройкѣ обсерваторіи, которая первоначально была собрана внизу, въ долинѣ Шамони, а затѣмъ въ разобранномъ видѣ по бревнышкамъ (рис. 4) перенесена на вершину Монблана, гдѣ снова собрана, какъ и самъ 12-дюймовый рефракторъ, доставленный туда въ разобранномъ видѣ.

Рис. 2. Первая обсерваторія въ „Grands Mulets“

Рис. 4. Какъ переносились инструменты въ обсерваторію на Монбланѣ.

Здѣсь я не буду говорить о тѣхъ затратахъ труда и энергіи, которыя потребовались для того, чтобы поднять обсерваторію на вершину Монблана,—скажу лишь, что для этого понадобилось сдѣлать около 800 восхожденій, о трудности которыхъ будетъ сказано нѣсколько ниже по личнымъ впечатлѣніямъ знаменитаго нашего астронома А. П. Ганскаго, совершавшаго по предложенію Жансена ежегодно съ 1897 года восхожденія на вершину Монблана для астрофизическихъ и актинометрическихъ наблюденій.

Самъ Жансенъ построилъ эту обсерваторію спеціально для изученія солнца и въ частности водородныхъ линій въ его спектрѣ, но восхоженія на вершину Монблана для него самого были крайне затруднительны. Будучи хромымъ, Жансенъ не могъ дѣлать восхожденія на вершину безъ посторонней помощи, а нанималъ для этого 12 опытныхъ проводниковъ, которые несли его на особыхъ носилкахъ на вершину, при чемъ, по словамъ Жансена, сидѣть на носилкахъ при крутыхъ подъемахъ гораздо неудобнѣе, непріятнѣе и тяжелѣе, чѣмъ итти пѣшкомъ (рис. 5).

Несмотря на такія трудности Жансенъ почти ежегодно подъ осень стремился къ себѣ на обсерваторію для производства наблюденій надъ водородомъ и его линіями въ солнечномъ спектрѣ, изъ котораго, какъ извѣстно, образуются протуберансы. Эти наблюденія онъ производилъ при помощи 12-дюймоваго рефрактора длиною въ 7 метровъ, установленнаго неподвижно параллельно оси міра, такъ что окуляръ находится въ нижней комнатѣ обсерваторіи, гдѣ постоянно держится одна и та же температура: 11° мороза, а объективъ выступаетъ изъ южной стѣны обсерваторіи наружу, гдѣ передъ нимъ находится зеркало (сидеростатъ), (рис. 6), поворачивая которое около оси различнымъ образомъ, можно направить свѣтъ свѣтила изъ любой точки небеснаго свода въ неподвижно стоящую трубу. Кромѣ того, само зеркало вмѣстѣ съ трубою, заключенною въ другую неподвижную трубу—футляръ, вращается особымъ часовымъ механизмомъ такъ, что свѣтило, несмотря на свое суточное движеніе, все время остается въ полѣ зрѣнія трубы.

Рис. 5. Жансенъ передъ восхожденіемъ на Монбланъ.

Съ 1897 года обсерваторія на Монбланѣ пріобрѣтаетъ постояннаго ревностнаго наблюдателя въ лицѣ русскаго астронома А. П. Ганскаго, открывшаго, по словамъ пулковскаго астрофизика Г. А. Тихова, эру систематическихъ наблюденій на обсерваторіи Монблана, которая съ тѣхъ поръ стала привлекать все большее и большее число ученыхъ.

Рис. 7. Внутренній видъ комнаты въ обсерваторіи Вало.

Въ 1897 году А. П. Ганскій пріѣхалъ въ Медонъ къ Жансену изучать классическіе способы фотографированія солнца и, по предложенію Жансена, совершилъ свое первое восхожденіе на Монбланъ, которое ему такъ понравилось, „что съ этого года въ началѣ каждаго лѣта его тянула туда какая-то непреодолимая сила, и онъ отправлялся всегда туда необыкновенно оживленный и энергичный“.

Рис. 9. Видъ обсерваторіи Жансена на вершинѣ Монблана въ 1907 г. По фот. А. П. Ганскаго.

Въ періодъ съ 1897 по 1907 г. А. П. Ганскій совершилъ девять восхожденій на Монбланъ, на вершинѣ котораго пробылъ въ общей сложности $1^1/_2$ мѣсяца, т.-е. оставаясь среднимъ во время каждаго своего восхожденія 5 дней, тогда какъ обыкновенно туристы, да и другіе ученые, могли пробыть тамъ сутки, много двое, такъ какъ плотность атмосферы тамъ вдвое меньше (барометрическое давленіе равно 472 миллиметрамъ), а температура въ жиломъ помѣщеніи обсерваторіи не подымалась выше 6° мороза). Такая выносливость Ганскаго создала среди французовъ поговорку, что „для высокихъ горныхъ обсерваторій нужно выписывать астрономовъ изъ Россіи“.

Что касается самаго восхожденія на вершину Монблана, то оно почти ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ восхожденій на высокія горы. Выйдя изъ долины Шамони, приходится первое время итти лѣсомъ, затѣмъ нѣкоторое время среди голыхъ скалъ и наконецъ по льду и снѣгу. Эта часть пути по льду въ различные годы не одинакова: иногда, когда трещины по льду покрыты снѣгомъ (снѣговые мосты), подъемъ совершается легко. Послѣ „jonction“ начинается довольно трудный подъемъ на высоты „Grands Mulets“—на первую Жансеновскую обсерваторію 1888 года: отсюда открывается красивый видъ на долину Шамони, сдавленную горами, и на вершину Монблана, окутанную временами тучей. Здѣсь, на „Grands Mulets“, застигнутый однажды грозой, А. П. Ганскій наблюдалъ любопытное явленіе, называемое „огнями Святого Эльма“, которые видны вечеромъ въ видѣ голубоватыхъ клѣточекъ подъ острыми углами зданія (истеченія электричества), когда воздухъ во время грозы сильно насыщенъ электричествомъ. Слѣдующая продолжительная остановка дѣлается на „Grand Plateau“, чтобы отдохнуть передъ длиннымъ утомительнымъ подъемомъ на скалы „Bosses“, гдѣ построена обсерваторія Вало. Обсерваторія состоитъ изъ двухъ комнатъ — кухни и спальни; въ первой: столъ, нѣсколько табуретокъ, грязная, закопченая печь: во второй: большія нары съ кучей грязныхъ одѣялъ и мѣховыхъ мѣшковъ, въ которые укладываются спать туристы. Кромѣ того, въ обсерваторіи имѣется отдѣльная, уютно обставленная комната самого Вало (рис. 7),—но стоитъ вспомнить, что тутъ температура около 5° мороза, какъ вся иллюзія уюта моментально исчезаетъ. Еще нѣсколько тяжелыхъ подъемовъ, при чемъ приходится чуть ли не черезъ каждые 10 шаговъ останавливаться и переводить дыханіе (воздухъ сильно разрѣженъ),—и мы на вершинѣ Монблана, у знаменитой обсерваторіи, которую обыкновенно приходится долго откапывать изъ-подъ снѣга; такъ какъ физическій трудъ на вершинѣ очень тяжелъ, и, глядя на рабочихъ, какъ у нихъ медленно подвигается работа, можно предполагать, что они лѣнятся.

Рис. 6. Установка сидеростата большой трубы обсерваторіи на Монбланѣ. По фот. А. П. Ганскаго.

Рис. 8. А. П. Ганскій.

Рис. 10. Обсерваторія Жансена на вершинѣ Монблана. По фот. А. П. Ганскаго.

Жить на вершинѣ Монблана очень тяжело не только отъ

сильнаго разрѣженія воздуха, но и отъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры. Днемъ солнце немилосердно печетъ, и термометръ, положенный на черную матерію, показываетъ на солнцѣ отъ 36°—56° тепла, а въ тѣни—отъ 2°—4° холода, который быстро возрастаетъ до 11°—14° послѣ захода солнца.

Вмѣстѣ съ А. П. Ганскимъ на вершину Монблана подымались иногда на сутки другіе ученые. Такъ, въ 1900 году подымался изъ института Пастера біологъ Бино, который занимался собираніемъ микробовъ въ ледникахъ и въ воздухѣ на массивѣ Монблана и, въ частности, на его вершинѣ. Тутъ Бино, какъ пишетъ А. П. Ганскій, „пропускалъ опредѣленное количество воздуха (до одного кубическаго метра) черезъ трубку съ стерилизованнымъ порошкомъ, на которомъ оставались всѣ микробы, находившіеся въ воздухѣ. Кромѣ того, онъ собиралъ снѣгъ въ разныхъ мѣстахъ для отыскиванія въ немъ микроорганизмовъ. Оказалось, что бактеріи существуютъ и на вершинѣ Монблана; онѣ способны жить, лучше сказать — сохранять долгое время способность жить во льду, такъ какъ найдены были въ трещинахъ ледниковъ въ слояхъ, лежащихъ довольно глубоко отъ поверхности". Кромѣ того, Ганскому иногда удавалось наблюдать на вершинѣ летающихъ бабочекъ и жуковъ, занесенныхъ туда, повидимому, восходящими теченіями воздуха.

Рис. 11. Общій видъ Ликской обсерваторіи на горѣ Гамильтонъ.

Рис. 12. Видъ обсерваторіи на Этнѣ.

Самъ Ганскій производилъ на вершинѣ Монблана главнымъ образомъ актинометрическія наблюденія надъ солнцемъ, т.-е. опредѣлялъ количество излучаемаго солнцемъ тепла на единицу площади (напримѣръ, въ одинъ квадратный сантиметръ) въ единицу времени (одну секунду). Эти наблюденія и были главной цѣлью всѣхъ восхожденій Ганскаго на Монбланъ, такъ какъ наша атмосфера сильно и главное—весьма различно поглощаетъ свѣтъ и тепло; поэтому на высокихъ горахъ, гдѣ воздухъ вдвое рѣже и присутствіе водяныхъ паровъ минимальное, эти наблюденія много надежнѣе и цѣннѣе. Вторымъ важнымъ вопросомъ, которому А. П. Ганскій удѣлялъ съ 1904 года большое вниманіе, было фотографированіе солнечной короны внѣ затменія. Дѣло въ томъ, что еще до сихъ поръ солнечная корона наблюдается въ теченіе одной—двухъ минутъ во время полныхъ солнечныхъ затменій въ видѣ серебристаго вѣнчика около потемнѣвшаго диска солнца, когда общій фонъ неба темнѣетъ настолько, что на немъ можно наблюдать невооруженнымъ глазомъ наиболѣе яркія звѣзды. Такимъ образомъ наблюдать корону намъ мѣшаетъ синева нашего неба, которая, какъ извѣстно, происходитъ отъ разсѣиванія солнечнаго свѣта молекулами воздуха и мельчайшими частицами пыли, взвѣшенными въ немъ; но такъ какъ разсѣяніе красныхъ лучей въ 16 разъ менѣе фіолетовыхъ, то небо и имѣетъ голубоватый оттѣнокъ. Если бы мы могли очутиться внѣ атмосферы, то небо было бы совершенно темнымъ, и тогда достаточно прикрыть дискъ солнца непрозрачнымъ кружкомъ, чтобы корона предстала передъ нами во всей своей красѣ. Съ подъемомъ на гору плотность атмосферы и ея разсѣяніе свѣта уменьшаются, а потому фонъ неба темнѣе, а условія для наблюденія короны внѣ затменія благопріятнѣе. Еще въ 1898 году А. П. Ганскій построилъ спеціально небольшой аппаратъ для фотографированія короны внѣ затменія. Аппаратъ этотъ — обыкновенная фотографическая камера, въ которой лишь передъ фотографической пластинкой, для большаго ослабленія яркости неба, помѣщалось нѣсколько свѣто-фильтровъ, т.-е. окрашенныхъ желатинныхъ пленокъ, пропускающихъ въ общей сложности лишь крайніе красные лучи, мало разсѣиваемые атмосферой и потому слабые въ свѣтѣ неба.

Въ 1904 году во время своего пребыванія на Монбланѣ А. П. Ганскій прикрѣпилъ этотъ приборъ къ 12-дюймовому рефрактору, помѣстивъ въ его фокусѣ темный, непрозрачный кружокъ, который во время фотографированія закрывалъ самый дискъ солнца. Такимъ способомъ А. П. Ганскимъ получено двѣнадцать снимковъ, на которыхъ около солнечнаго диска замѣтно довольно равномѣрное сіяніе, имѣвшее характерный видъ солнечной короны, нѣсколько вытянутой вдоль солнечнаго экватора. Однако это были лишь предварительные опыты, которые еще до настоящаго времени не доведены до конца послѣ преждевременной смерти А. П. Ганскаго.

Рис. 13. Казбекъ съ юга.

Затѣмъ въ 1906 году въ обсерваторіи на Монбланѣ А. П. Ганскому съ астрономомъ Стефаникомъ удалось при помощи 12-дюймоваго рефрактора произвести любопытныя наблюденія надъ Венерой и опредѣлить періодъ ея обращенія около оси. Періодъ оказался короткимъ, равнымъ приблизительно суткамъ.

Замѣтимъ здѣсь, что „Ганскій былъ первымъ астрономомъ, — пишетъ Г. А. Тиховъ, — который добился возможности наблюдать въ эту трубу, такъ какъ въ промежутокъ между трубами набивается за зиму снѣгъ, и сама обсерваторія, построенная на снѣгу, перемѣщается, подпорки перекашиваются, такъ что правильность установки нарушается, и нужна была энергія Ганскаго, чтобы преодолѣть всѣ эти препятствія. Дѣйствительно, Ганскому со Стефаникомъ понадобилось нѣсколько часовъ, чтобы первый разъ найти Венеру, но зато потомъ отчетливость изображеній вполнѣ наградила ихъ труды". Кромѣ того, Ганскій производилъ на вершинѣ Монблана опредѣленіе силы тяжести, а также рядъ другихъ

Рис. 14. Метеорологическая будка съ приборами на вершинѣ Казбека, установленная М. П. Преображенской (высота 5.044 метра).

мелкихъ наблюденій, какъ-то покрытіе Сатурна луной, наблюдалъ „зеленый лучъ" при восходѣ солнца и т. п.

Такимъ образомъ, говоря о работахъ на обсерваторіи Монблана, приходится почти исключительно говорить вмѣстѣ съ тѣмъ о работахъ А. П. Ганскаго.

Пять лѣтъ тому назадъ, въ 1908 году, скончался Жансенъ, и въ этотъ же годъ трагически погибъ въ волнахъ Чернаго моря А. П. Ганскій (рис. 8).

Съ жизнью этихъ двухъ энергичныхъ астрономовъ, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ при исканіи научныхъ истинъ, отлетѣла жизнь и съ обсерваторіи на Монбланѣ. Для нея не находится болѣе подходящихъ во Франціи астрономовъ, и она обречена на гибель.

Построенная на снѣгу, обсерваторія стала сползать съ вершины Монблана въ сторону Франціи, и черезъ десятокъ лѣтъ ея обломки вернутся снова къ себѣ на родину—въ долину Шамони, откуда четверть вѣка тому назадъ были подняты съ такимъ трудомъ на вершину Монблана (рис. 9, 10).

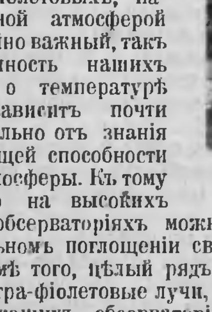


Рис. 16. Видъ обсерваторіи послѣ снѣжной бури.

Между тѣмъ за послѣднее время, благодаря развитію астрофизики, ощущается крайняя необходимость въ высокихъ горныхъ обсерваторіяхъ. Правда, среди американскихъ астрономовъ нашлись энергичные люди, которые хотя и не на большой высотѣ, но все-таки построили рядъ прекрасно оборудованныхъ горныхъ обсерваторій. Такъ, Ликская обсерваторія на горѣ Гамильтонъ съ гигантскимъ 36-дюймовымъ рефракторомъ стоитъ на высотѣ 1.270 метровъ (рис. 11); солнечная обсерваторія на горѣ Вильсона на высотѣ 1.780 метровъ, а на „Pic Teneriff" на высотѣ 3.260 метровъ и на горѣ Витней на высотѣ 4.420 метровъ американцы построили лишь наблюдательные пункты, куда не надолго подымаются астрономы для своихъ наблюденій. Такъ, на горѣ Витней знаменитый американскій астрофизикъ Ланглей производилъ при помощи спектро-болометра свои наблюденія надъ тепловой энергіей различныхъ частей солнечнаго спектра, сюда же подымался директоръ Ликской обсерваторіи Кемпбелль для своихъ спектроскопическихъ наблюденій и, въ частности, для наблюденія водяныхъ паровъ въ атмосферѣ Марса, такъ какъ внизу этимъ наблюденіямъ сильно мѣшали водяные пары нашей атмосферы.

Что касается Европы, то правильно оборудованная обсерваторія съ 13-дюймовымъ рефракторомъ находится на Этнѣ на высотѣ 2.942 метровъ, т.-е. на 350 метровъ ниже самаго вулкана (рис. 12). Сюда также лишь отъ времени до времени подымаются астрономы для производства наблюденій. Здѣсь, между прочимъ, нѣмецкій астрофизикъ Мюллеръ произвелъ любопытную работу—опредѣленіе степени поглощенія различныхъ лучей земной атмосферой. Эту же работу названный ученый повторилъ въ 1910 году на вершинѣ горы Тенерифъ. Вообще надо замѣтить, что вопросъ о поглощеніи различныхъ лучей и, между прочимъ, ультра-фіолетовыхъ, нашей земной атмосферой чрезвычайно важный, такъ какъ точность нашихъ свѣдѣній о температурѣ звѣздъ зависитъ почти исключительно отъ знанія поглощающей способности нашей атмосферы. Къ тому же только на высокихъ горныхъ обсерваторіяхъ можно точно изслѣдовать вопросъ объ избирательномъ поглощеніи свѣта въ междузвѣздномъ пространствѣ. Кромѣ того, цѣлый рядъ небесныхъ объектовъ, испускающихъ ультра-фіолетовые лучи, почти совершенно недоступенъ на низко лежащихъ обсерваторіяхъ, такъ какъ ихъ свѣтъ сильно поглощается нашей атмосферой. Напомню, что не дальше, какъ осенью 1913 года, весь астрономическій міръ былъ взволнованъ, не зная, что представляетъ изъ себя свѣтило Неуймина, открытое 20 августа на новомъ отдѣленіи Пулковской обсерваторіи въ Симеизѣ (Крымъ),—планету или комету, такъ какъ по движенію свѣтило не походитъ на планету, а между тѣмъ по внѣшнему виду это—настоящая планета. Только черезъ полмѣсяца этотъ споръ былъ разрѣшенъ, когда Неуймину удалось получить на фотографіи свѣтила едва замѣтный хвостъ, свѣтящійся ультра-фіолетовыми лучами, которые, сильно поглощаясь нашей атмосферой, едва достигали земной поверхности. Между тѣмъ у наблюдателя на высокогорной обсерваторіи не было бы ни одной минуты сомнѣнія, что объектъ Неуймина—комета, и ему удалось бы подробно изучить строеніе хвоста, чего не могли сдѣлать наблюдатели внизу. А какое богатое поле изслѣдованія представляетъ для высокихъ горныхъ обсерваторій хотя бы одинъ Млечный Путь со своими туманностями, испускающими почти одни ультра-фіолетовые лучи, никогда не достигающіе нашихъ телескоповъ изъ-за плотной земной атмосферы. Это вредное вліяніе нашей атмосферы, особенно сильно ощущается въ астрономіи теперь, благодаря высокому развитію точности нашихъ астрофизическихъ наблюденій, сыгравшихъ столь крупную роль при развитіи астрономіи за послѣднюю четверть вѣка. Поэтому высокія горныя обсерваторіи являются необходимыми, и онѣ должны существовать въ каждой странѣ, не желающей отставать отъ науки.

Что касается Россіи, то у насъ, несмотря на существованіе въ горахъ Кавказа многочисленныхъ благопріятныхъ пунктовъ для высокогорныхъ обсерваторій, таковыхъ пока нѣтъ. Еще въ 1900 г. передъ восхожденіемъ на Монбланъ, отвѣчая на тостъ предсѣдателя крымскаго горнаго клуба С. И. Иловайскаго о процвѣтаніи альпинизма, старикъ Жансенъ поднялъ бокалъ „за русскій альпинизмъ и за устройство русскими обсерваторіи на вершинѣ Эльбруса, какъ одной изъ высочайшихъ горъ Европы". Что касается Эльбруса, то устройство обсерваторіи на его вершинѣ является неудобнымъ вслѣдствіе большихъ трудностей, связанныхъ съ восхожденіемъ на эту гору; но гораздо большія удобства для устройства обсерваторіи представляетъ наиболѣе высокая вершина Казбека (рис. 13) (онъ двуглавый), гдѣ на высотѣ 5.040 метровъ, т.-е. на 230 метровъ выше обсерваторіи на Монбланѣ, имѣется удобная площадка размѣрами отъ 60 до 70 квадратныхъ саженей. На этой площадкѣ три года тому назадъ членъ горнаго клуба М. П. Преображенская, совершившая въ періодъ съ 1900 по 1913 годъ шесть восхожденій на Казбекъ, установила метеорологическую будку съ максимальнымъ и минимальнымъ термометрами. Оказалось, что максимальная температура на вершинахъ Казбека равна 1° тепла по Цельсію. Что касается минимальной температуры, то опредѣлить ее не удалось, такъ какъ въ первый годъ послѣ установки минимальнаго термометра его черезъ двѣ недѣли одинъ изъ туристовъ въ доказательство своего посѣщенія вершины Казбека принесъ во Владикавказъ. Въ слѣдующихъ годахъ установка термометра была попорчена вѣтромъ, накренившимъ самую будку, а другой разъ любознательные туристы, разсматривая термометръ, разбили въ немъ спиртовой столбикъ, почему произвести отсчеты не представлялось никакой возможности. Послѣдній разъ термометръ былъ установленъ М. П. Преображенской въ августѣ 1913 года, и въ этомъ же году будка была основательно прикрѣплена къ выступу скалы съ одной стороны и металлическими тягами къ выступамъ скалы съ другой, какъ это и видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 14). Въ виду того, что въ настоящее время въ наукѣ особо остро ощущается необходимость въ высокогорныхъ научныхъ станціяхъ, вершина Казбека, по словамъ М. П. Преображенской, создана какъ разъ для этой цѣли, гдѣ на указанной выше площадкѣ легко можно устроить метеорологическую и астрономическую станціи. Тѣмъ болѣе, что тутъ всегда можно докопаться до горнаго массива вслѣдствіе сравнительно небольшого слоя снѣга, что также важно, какъ показала печальная судьба обсерваторіи на вершинѣ Монблана. Вообще вершины кавказскихъ горъ гораздо доступнѣе, чѣмъ альпійскихъ, такъ какъ снѣговая линія въ Альпахъ спускается много ниже, чѣмъ на Кавказѣ. Затѣмъ другимъ болѣе удобнымъ пунктомъ на Кавказѣ для устройства горной обсерваторіи является Столовая гора (3.000 метровъ) близъ Владикавказа (рис. 15). Надо замѣтить, что Сѣверный Кавказъ, какъ болѣе обильный осадками,

Рис. 15. Видъ „Столовой горы" близъ Владикавказа.

много удобнѣе для астрономическихъ наблюденій, чѣмъ сухой Южный, гдѣ атмосфера постоянно наполнена мелкой пылью.

Вопросомъ о сооруженіи горной обсерваторіи въ настоящее время заинтересовано много русскихъ астрономовъ, тѣмъ болѣе, что для этого не требуется крупныхъ затратъ, такъ какъ нѣтъ надобности строить большую обсерваторію, а достаточно построить на горномъ массивѣ небольшую станцію съ правильно установленнымъ инструментомъ, куда могли бы подыматься временно астрономы для своихъ наблюденій, и намъ думается, что русскіе астрономы блестяще доказали бы правоту словъ французовъ, что „для горныхъ обсерваторій нужны русскіе астрономы".

Малина.

Разсказъ **Граала Арельскаго.**

Перепечатка воспрещается.

I.

Морозъ крѣпчалъ, и мнѣ грозило самое меньшее упасть отъ изнеможенія и замерзнуть. Я не ѣлъ съ утра, и голова у меня кружилась и ныла, а горло все чаще и чаще сжимали спазмы тошноты, такой мучительной и острой, что я задыхался. Пробираясь поспѣшно сѣтью узкихъ, извилистыхъ улицъ предмѣстья, я проходилъ мимо церкви. Кругомъ было безлюдно. Въ такой морозъ всѣ, у кого былъ домъ, предпочитали сидѣть дома, и если и встрѣчался одинокій пѣшеходъ, то онъ старался глубже засунуть голову въ воротникъ пальто и меньше всего, конечно, думалъ оглядываться по сторонамъ. У воротъ ограды, передъ маленькой каменной часовенкой, у которой висѣло нѣсколько кружекъ для сбора пожертвованій, я замѣтилъ его, при моемъ приближеніи поспѣшно отошедшаго въ сторону. Не отдавая себѣ отчета, я пошелъ ему навстрѣчу. Онъ уныло и мрачно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и сразу оцѣнилъ положеніе вещей. Подойдя вплотную ко мнѣ, онъ рѣзко и отрывисто бросилъ:

— Ты сегодня жралъ?!

— Нѣтъ.

Мы поняли другъ друга.

Онъ шепнулъ мнѣ:

— Слѣди!

И я слѣдилъ...

Онъ скоро вернулся, позвякивая въ карманѣ деньгами.

Мы обошли еще нѣсколько церквей и къ вечеру „наудили" довольно значительную сумму.

Способъ „уженія" былъ очень простъ и даже, если хотите, оригиналенъ, но что̀ самое главное—онъ не оставлялъ никакихъ слѣдовъ.

Въ кружку для сбора пожертвованій мы опускали мокрую веревку, монеты примерзали къ ней, и не составляло никакого труда вытащить ихъ наружу. Такимъ образомъ я познакомился съ нимъ.

У него было много преимуществъ передо мною. Онъ былъ высокъ ростомъ, силенъ, хитеръ и имѣлъ даже свой домъ, куда пригласилъ меня ночевать. Закупивъ по дорогѣ ѣды и водки, мы вышли за городъ. Было уже темно. Мы перешли мостъ и пошли вдоль берега рѣки, гдѣ стояли оставленныя на зиму барки. Въ одной изъ нихъ мы нашли себѣ пріютъ. У него было приготовлено тамъ сѣно и два одѣяла.

Съ этихъ поръ мы стали жить вмѣстѣ.

Онъ былъ удивительный человѣкъ, и я сдѣлался скоро его рабомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Онъ даже не постѣснялся дать мнѣ прозвище—„рабъ". Какъ его звали, мнѣ такъ и не удалось узнать: онъ всегда обходилъ этотъ пунктъ молчаніемъ. А потомъ добавлялъ, криво усмѣхаясь:—Не все ли равно? Прозвища бываютъ только у звѣрей прирученныхъ, а я—самый настоящій дикій звѣрь.—У него было какое-то органическое отвращеніе ко всякой работѣ, доходящее до такой степени, что даже тогда, когда намъ нечего было ѣсть, онъ предпочиталъ лучше умереть съ голоду, чѣмъ ударить палецъ о палецъ. Я шелъ тогда на вокзалъ и разгружалъ вагоны, привозившіе изъ Финляндіи березовыя горныя дрова, но онъ ѣдко смѣялся надо мной и говорилъ, что изъ меня не выйдетъ ничего дѣльнаго.

— Тебя, рабъ, испортили люди,—ты полонъ предразсудковъ. Развѣ звѣри имѣютъ предразсудки? Нѣтъ... Нѣтъ... А вѣдь мы съ тобой самые настоящіе звѣри.

Зима промелькнула быстро.

Когда прошелъ на рѣкѣ ледъ, мы потеряли нашъ пріютъ. Барки спустили и угнали внизъ по рѣкѣ. Мы ве горевали объ этомъ и скоро покинули городъ. Мы ушли въ лѣсъ. Было не особенно холодно, да и весна приближалась очень поспѣшно. Среди желтой прошлогодней травы уже показывались зеленые, курчавые побѣги новой, и лѣсъ оживалъ подъ благодатными потоками солнца.

Верстахъ въ десяти была дачная мѣстность, и послѣ мѣсяца нашей жизни въ лѣсу тамъ появились дачники. Мы жили въ шалашѣ, сплетенномъ изъ вѣтвей елки и сверху обложенномъ мхомъ. Наше логовище окружали со всѣхъ сторонъ болота, и попасть къ намъ было оченъ трудно. Только мы одни знали узкую, теряющуюся среди кустовъ малины и лозняка, тропинку. На болотахъ жили цѣлыя семейства дикихъ птицъ, и въ пищи намъ не было недостатка.

Становилось уже совсѣмъ тепло.

Деревья давно стали зелеными, и птицы наперебой чирикали въ лѣсу. Когда намъ нуженъ былъ табакъ, мы шли на болото и убивали камнями нѣсколько птицъ, которыхъ приносили въ дачную лавочку и обмѣнивали на пачки дешеваго табака. Мы были настоящіе звѣри. Намъ было какъ-то непріятно даже чувствовать на себѣ удивленно-подозрительные взгляды дачниковъ—до такой степени мы одичали,—и мы спѣшили уйти скорѣе въ лѣсъ. Зато тамъ мы чувствовали себя превосходно. Мы цѣлыми часами лежали на животѣ около шалаша и, затягиваясь вязкимъ, теплымъ дымомъ папиросъ, грѣлись на солнцѣ. Или шли безцѣльно вдоль узкой лѣсной рѣчки, почти невидимой отъ густыхъ кустовъ, сплошь закрывающихъ ее. На болотѣ въ изобиліи росли бѣлыя и желтыя лиліи. У него являлась иногда подъ вечеръ странная фантазія собирать ихъ и украшать ими свой торсъ. Онъ всегда уходилъ тогда отъ меня, и я слышалъ, какъ онъ бродитъ въ темнотѣ и что-то поетъ или подзываетъ, такъ какъ это пѣніе было похоже скорѣй на тихое, грустное рычаніе одичалаго звѣря.

И вотъ поспѣла малина. Ея была такая масса, что все кругомъ около болота было покрыто ею.

На кустахъ краснѣли темно-алыя ягоды въ такомъ изобиліи, что все сливалось въ одинъ темно-красный цвѣтъ. И казалось, что кусты расцвѣли, и не ягоды покрываютъ ихъ, а большіе мясистые темно-алые цвѣты.

Мы нѣсколько разъ собирали ягоды и продавали ихъ дачникамъ. И вотъ однажды, когда мы шли съ двумя полными корзинками малины по широкой лѣсной дорогѣ, случилось маленькое происшествіе, о которомъ я думалъ всю ночь.

Когда мы подходили къ дачамъ, въ вебольшомъ перелѣскѣ навстрѣчу намъ попалась молоденькая дѣвушка.

Она была очень молода и скорѣе была похожа на дѣвочку. У нея были большіе голубые глаза, смотрящіе удивленно и вопросительно, и двѣ толстыя пепельныя косы, свисающія почти до земли. И еще бѣлая шелковая кофточка, разорванная немного у локтя. Вотъ все, что̀ я замѣтилъ. Меня это очень поразило и даже какъ будто испугало немного... Я очень давно не видѣлъ женщинъ. Вѣроятно, такое же впечатлѣніе произвела и на него эта встрѣча. Я слышалъ, какъ онъ чуть слышно свистнулъ и принялся для чего-то поправлять фуражку на головѣ.

Дѣвушка остановилась.

Онъ предложилъ ей малину.

Она наклонилась надъ корзиной, и одна коса, соскользнувъ съ плеча, коснулась его руки. Я видѣлъ, какъ онъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. Дѣвушка, ничего не замѣчая, быстрымъ, ловкимъ движеніемъ откинула косу на спину, улыбнулась глазами и сказала:

— Какъ жаль, что у меня нѣтъ сейчасъ денегъ... Быть-можетъ, вы снесете малину ко мнѣ домой,—третья дача отъ вокзала, восьмой номеръ.

И тутъ случилось нѣчто невѣроятное... Ожидать этого я никакъ не могъ...

Онъ поставилъ корзинку около нея и отвѣтилъ необычнымъ для него, немного деревяннымъ, голосомъ:

— Если вамъ нравится малина, то вы можете взять ее себѣ. Мнѣ не нужно вашихъ денегъ!..

И, быстро повернувшись, зашагалъ къ лѣсу.

Я видѣлъ, какъ дѣвушка въ нерѣшимости остановилась надъ корзиной, не зная, брать ее или нѣтъ.

Потомъ растерянно улыбнулась и пошла поспѣшно къ вокзалу, оставивъ корзину на прежнемъ мѣстѣ.

Его я догналъ почти у нашей тропинки. Онъ шелъ, не оглядываясь, быстро впередъ и почему-то улыбался.

— Она не взяла корзинку...—сказалъ я и пошелъ съ нимъ рядомъ.—Слушай,—вѣдь это было очень глупо съ твоей стороны такъ пугать дѣвушку...—добавилъ я послѣ большой паузы, когда мы подошли уже къ шалашу.

Онъ ничего не отвѣтилъ, легъ на спину и закурилъ папиросу. И послѣ того, какъ выпустилъ цѣлый клубъ дыма, отвѣтилъ:

— Ты большой дуракъ, рабъ!.. Очень большой...

II.

Когда я проснулся, его не было въ шалашѣ.

Онъ что-то затѣвалъ—это было ясно. „Погоди же,—думалъ я:—скоро я все узнаю, къ чему это клонится". До полудня я собиралъ малину и набралъ ея цѣлую груду, послѣ чего пришелъ опять въ шалашъ и принялся плести корзину.

Онъ еще ве приходилъ. Тѣмъ лучше для меня.

Новая корзина вышла очень изящной, и я остался доволенъ. Я обложилъ ее внутри большими листьями папоротника и наполнилъ малиной. Ручку корзины я украсилъ нарванными на болотѣ лиліями. Вышло въ общемъ недурное произведеніе искусства. Я остался еще разъ доволенъ.

Потомъ я выстиралъ въ рѣчкѣ фуражку, намочилъ колѣни брюкъ водою, чтобы брюки имѣли черный цвѣтъ, и, взявъ корзинку, пошелъ къ дачамъ.

Я очень хорошо запомнилъ: „третья дача отъ вокзала, восьмой номеръ".

Дѣвушка сидѣла въ саду и что-то читала. Я сразу узналъ ее. Подойдя къ калиткѣ, я предложилъ малину.

Она подняла отъ книги глаза и узнала меня:

— Хорошо, я возьму малину...

И протянула мнѣ, улыбаясь, нѣсколько монетъ:

— Хватитъ?..

— Вполнѣ...

— Какая красивая корзинка,—сказала она, немного помолчавъ, и добавила:—Это вы сдѣлали ее?..

— Да...

Я все крѣпче и крѣпче сжималъ деньги въ рукѣ и все стоялъ и ждалъ чего-то. Но позвали изъ дачи, и я узналъ ея имя: „Нина". Я былъ доволенъ.

Она еще разъ улыбнулась мнѣ и убѣжала...

Я все еще стоялъ...

Потомъ я разжалъ машинально руку—и деньги упали на землю. Я не сталъ ихъ поднимать и ушелъ, ни разу не оглянувшись назадъ.

Когда я пришелъ въ шалашъ, онъ сидѣлъ тамъ и жарилъ на угольяхъ какую-то птицу.

Я разсказалъ ему обо всемъ, радостно улыбаясь.

— Ужъ не дѣлаешь ли ты какихъ-нибудь выводовъ изъ того, что малину она взяла отъ тебя, а не отъ меня?—сказалъ онъ насмѣшливо и нахмурился.

III.

Лежа въ шалашѣ, мы слышали, какъ раздавались иногда днемъ голоса и смѣхъ дачниковъ, собиравшихъ въ лѣсу малину и очень близко подходившихъ къ нашему логовищу. Я наблюдалъ тогда за нимъ; почему-то онъ всегда вздрагивалъ и уходилъ изъ шалаша.

И вотъ однажды, когда мы шли въ полдень вдоль лѣсной рѣчки, я вдругъ увидѣлъ Нину. Она шла съ маленькой корзинкой вдоль берега и собирала ягоды. Въ лѣвой рукѣ у нея былъ хлыстъ, которымъ она изрѣдка сбивала головки полевыхъ цвѣтовъ. Она не замѣтила насъ.

— Смотри, вѣдь это Нина...

— Вотъ какъ, тебѣ уже извѣстно ея имя,—пробормоталъ онъ растерянно и злобно.

И вдругъ странно поблѣднѣвъ, повернулся и пошелъ отъ меня къ шалашу.

Я пошелъ въ другую сторону, все время не теряя изъ виду дѣвушки. Около небольшого холма рѣчка дѣлала рѣзкій изгибъ, и я спрятался тамъ за большимъ кустомъ малины. Я видѣлъ, что дѣвушка все продолжаетъ итти вдоль рѣчки...

Вдругъ я увидѣлъ его, поспѣшно перебѣгающаго рѣчку и спрятавшагося въ кустахъ. Я понялъ, въ чемъ дѣло. Кровь ударила мнѣ въ голову. Такъ вотъ что̀ онъ затѣвалъ. Ну берегись... Я тоже перешелъ рѣчку и сталъ поспѣшно приближаться къ дѣвушкѣ. Но она уже подошла къ тому кусту, гдѣ онъ прятался. Это случилось такъ неожиданно, что дѣвушка растерялась и не успѣла даже крикнуть о помощи. Онъ быстро зажалъ ей ротъ рукой. Но тутъ подоспѣлъ я и схватилъ его за плечо:

— Отпусти! Слышишь, отпусти!..

Онъ повернулъ голову и увидѣлъ меня.

У него было очень блѣдное лицо, а нижняя губа отвисла и дрожала.

— Ахъ, это ты рабъ,—началъ онъ, криво усмѣхаясь.—Уходи! Не твое дѣло!.. Я знаю... Слышишь, уходи!.. а не то...

Но онъ не успѣлъ договорить своей угрозы. Я ударилъ его кулакомъ по лицу, и онъ выпустилъ дѣвушку и покачнулся.

Я плохо соображалъ тогда...

Дѣвушка быстро вырвалась и бросилась бѣжать.

Я видѣлъ, какъ мелькнула два раза среди кустовъ ея синяя кофточка.

Я думалъ, что онъ бросится на меня съ кулаками. Вѣдь онъ былъ гораздо сильнѣе меня. Но ошибся...

Онъ сѣлъ на траву и безсмысленно посмотрѣлъ на меня. Потомъ вдругъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, или это мнѣ показалось—не знаю... Я весь дрожалъ отъ негодованія.

— Слушай, я ухожу...

Но онъ молчалъ и продолжалъ сидѣть все въ той же позѣ.

Я схватилъ его за плечо и прокричалъ надъ самымъ его ухомъ:

— Я ухожу!.. Слышишь?.. Трусливый звѣрь!.. Гадина!..—и плюнулъ ему въ лицо... Я дрожалъ отъ нервнаго подъема.

Онъ не шевельнулся...

Я разыскалъ корзинку съ малиной и хлыстъ и, когда стемнѣло, снесъ ихъ въ садъ ея дачи, незамѣтно положивъ въ бесѣдку.

Наутро я былъ далеко отъ лѣса. Я шелъ по полотну желѣзной дороги, и меня обгоняли поѣзда. Я возвращался въ городъ. Изрѣдка я подносилъ къ губамъ бантикъ, который снялъ съ хлыста и оставилъ себѣ, и чувствовалъ тонкій, едва уловимый ароматъ духовъ. Глаза мои почему-то наполнялись слезами... Конечно, это было уже глупо...

Пауль Гейзе, извѣстный нѣмецкій романистъ и поэтъ. Родился въ 1830 г., скончался въ Мюнхенѣ въ мартѣ с. г. Онъ считался въ Германіи „послѣднимъ классикомъ" и въ Россіи былъ очень популярнымъ писателемъ, такъ какъ почти всѣ его произведенія переведены на русскій языкъ.

Галлерея имени П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, открытая въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ. Въ ней размѣщена коллекція произведеній голландской живописи, принадлежавшая покойному. Воспроизведенія картинъ этой замѣчательной коллекціи помѣщены въ № 13 нашего журнала. По фот. К. Булла.

Заатлантическая война.

(Политическое обозрѣніе).

Застарѣлая вражда между Мексикой и Америкой неожиданно обострилась и обагрилась кровью первыхъ жертвъ военнаго столкновенія. Строго говоря, войны между сосѣдями въ настоящемъ смыслѣ слова нѣтъ, она официально не объявлена ни той ни другой стороной, дипломатическіе представители сидятъ въ своихъ резиденціяхъ, но военныя дѣйствія начались, и приготовленія къ завоеваніямъ и защитѣ идутъ полнымъ ходомъ. Правда, президентъ Вильсонъ увѣряетъ, что онъ не ведетъ войны съ мексиканскимъ народомъ, а только хочетъ наказать незаконно президентствующаго генерала Хуэрту,—но это нисколько не помѣшало американскимъ броненосцамъ бомбардировать мексиканскій портовой городъ Веракруцъ, отъ котораго Хуэрта находится за нѣсколько сотъ верстъ, и рвать осадными снарядами тѣла мексиканскихъ гражданъ и солдатъ, нисколько не отвѣтственныхъ за преступленія Хуэрты. Официальнымъ поводомъ къ захвату американскимъ дессантомъ мексиканскаго порта послужилъ отказъ Хуэрты салютовать американскому флоту 21 выстрѣломъ въ видѣ извиненія за двухчасовой арестъ пяти американскихъ ма-

Сожженіе труповъ инсургентовъ, павшихъ въ междоусобной войнѣ въ Мексикѣ.

тросовъ, задержанныхъ на берегу за неисполненіе какихъ-то правилъ.

Мексиканцы, официально извинившись передъ американскимъ консуломъ, не захотѣли давать изъ пушекъ холостыхъ выстрѣловъ. Захватъ американцами порта сопровождался также захватомъ двухъ германскихъ пароходовъ съ грузомъ оружія, предназначеннымъ для Мексики, на что по основнымъ законамъ международнаго права американскій адмиралъ до объявленія войны и блокады не имѣлъ ни малѣйшаго права. Послѣ бомбардировки и занятія Веракруца кредитъ сѣверо-американскаго пацифизма сразу чрезвычайно упалъ. Въ столкновеніи двухъ

Семья мексиканцевъ, спасающаяся бѣгствомъ отъ междоусобицы.

Крейсеръ американскаго флота новѣйшаго типа „Миссисипи“, съ стальными ажурными башнями.

государствъ практическіе люди видятъ только послѣдствія той борьбы двухъ керосиновыхъ трестовъ, которая давно уже ведется между американскимъ синдикатомъ Рокфеллера, эксплоатирующимъ пенсильвинскую нефть, и англійскимъ синдикатомъ, закупившимъ мексиканскіе нефтяные источники около бухты Тампико.

Начиная кровавую борьбу, Вильсонъ надѣялся, что ему не трудно будетъ справиться съ Хуэртой, особенно при помощи многочисленной арміи инсургентовъ, и ранѣе получавшихъ питаніе изъ американскихъ источниковъ. Однакоже дѣйствительность пока не оправдала этихъ надеждъ. Вспышка оскорбленнаго появленіемъ иноземцевъ національнаго чувства заставила инсургентовъ стать на защиту отечества и примкнуть къ войскамъ президента, оставивъ разрѣшеніе внутреннихъ споровъ до болѣе спокойнаго времени. Прекращеніе мексиканскихъ междоусобій сразу поставило американцевъ въ очень трудное положеніе и осложнило ихъ задачу. На берегу они неизмѣримо сильнѣе мексиканцевъ, потому что находятся подъ защитою морской артиллеріи, но для того, чтобы раздавить Хуэрту, придется волей-неволей двинуться вглубь страны, а для этого Вильсонъ не имѣетъ ни достаточный арміи ни организованныхъ обозовъ, между тѣмъ какъ Мексика, хотя бы даже истощенная длительною междоусобицею, имѣетъ дѣйствующую военную силу въ лицѣ своей арміи и примкнувшей къ ней арміи инсургентовъ. Безсильные завоевать обратно обороняемые флотомъ порты, мексиканцы грозятъ вторгнуться въ Техасъ и во всякомъ случаѣ будутъ энергично защищать каждую пядь родной земли. Газетныя телеграммы сообщаютъ, что въ ряды мексиканской арміи массами вступаютъ японцы. Чтобы понять, что это значитъ, надо знать, что уже года три назадъ въ Мексику было отправлено около 60.000 японскихъ колонистовъ, прошедшихъ военную выучку. Такимъ образомъ американцамъ придется встрѣтить на мексиканской территоріи очень серьезнаго и опаснаго противника. Нью-іоркскія газеты въ порывѣ джингоизма кричатъ о немедленномъ созывѣ 400.000-й арміи добровольцевъ, но практика войны, требующей большой тренировки, показываетъ, что такого рода импровизированныя ополченія рѣдко оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды. Положеніе осложняется еще тѣмъ, что самыя большія изъ южно-американскихъ республикъ тоже выражаютъ открытый протестъ противъ захватной политики Сѣверныхъ Штатовъ и находятъ поддержку въ глухомъ неодобреніи послѣдней со стороны англійскаго и германскаго общественнаго мнѣнія, отстаивающаго интересы европейской промышленности въ Мексикѣ. Немудрено поэтому, что президентъ Вильсонъ охотно пошелъ на предложеніе южно-американскихъ республикъ о посредничествѣ въ спорѣ между добрыми сосѣдями. Хотя и Хуэрта уже изъявилъ согласіе на безусловное подчиненіе рѣшенію посредниковъ, тѣмъ не менѣе разрѣшить кровавое сосѣдское недоразумѣніе мирными средствами все же безконечно труднѣе, чѣмъ заварить международную кашу изъ-за какихъ-то пустяковъ въ родѣ двухчасового ареста матросовъ и порядка покаянныхъ салютовъ.

Бомбардировка Тампико. Пожаръ береговыхъ зданій.

Заатлантическая война. По фот. Ш. Шюссо-Флавьена, въ Парижѣ.

Мексиканскій рынокъ.

Типы офицеровъ американской кавалеріи.

Америнаиская полевая артиллерія.

Между молотомъ и наковальней.

(Вопросы внутренней жизни).

Желаніе правительства работать надъ оздоровленіемъ Россіи въ единеніи съ Гос. Думой находитъ многочисленныхъ враговъ и среди крайнихъ представителей безпочвеннаго прогрессизма и среди вліятельныхъ единомышленниковъ реакціонныхъ кружковъ. И тѣмъ и другимъ мирная дѣятельность въ рамкѣ существующихъ законовъ вовсе не нравится, она не входитъ въ ихъ планы и встрѣчаетъ съ ихъ стороны всевозможное противодѣйствіе. Бѣда въ томъ, что цѣлая ладья россійскаго прогресса всегда обречена плыть между предательскими загражденіями, устроенными на ея пути и справа и слѣва. Вся русская жизнь проходитъ, въ сущности, по узкой тѣснинѣ между двумя провокаціями, взаимно питающими другъ друга и шагъ за шагомъ сужающими якобы уже завоеванное поле благотворнаго общественнаго участія въ государственной жизни. Чѣмъ, какъ не такою вѣчно безплодною, хотя бы и совершенно безкорыстною, провокаціею русскаго прогресса можно назвать традиціонныя, по самому тону своему всегда вызывающія разглагольствованія крайнихъ лѣвыхъ ораторовъ о неизбѣжности перехода къ республиканскому строю, произносимыя во всеуслышаніе въ государствѣ монархическаго строя глубоко монархическаго народа. Трафаретные ораторы словно нарочно хотятъ оскорбить политическія вѣрованія противоположныхъ по взглядамъ партій и вызвать ихъ на крайнія формы протеста. Къ сожалѣнію, они легко достигаютъ цѣли. Безтактность публичнаго слова даетъ толчокъ къ попыткамъ ограниченія гарантированной закономъ свободы слова. Провокація слѣва тотчасъ же порождаетъ въ отвѣтъ правокацію справа. Ошибка слѣдуетъ за ошибкой, и всѣ убійственные удары обоихъ противниковъ падаютъ, какъ всегда, не на самихъ борющихся, а на среднее русское общество, одинаково несочувствующее ни злоупотребленіямъ свободой слова ни тѣмъ менѣе административнымъ ограниченіемъ свободы думскаго слова. Положеніе между молотомъ и наковальней самое плачевное. Если доктринерскія выходки ораторовъ думской соціалъ-демократіи провоцируютъ власть и консервативные круги общества къ грубому нарушенію закона, то политика власти провоцируетъ уже все русское

Лагерь американской пѣхоты.

Заатлантическая война. По фот. Ш. Шюссо-Флавьена, въ Парижѣ.

Мексиканская пѣхота.

зяйство ареною борьбы между правительствомъ и Гос. Думою. Повидимому, на ту же примирительную точку зрѣнія сталъ и глава правительства, И. Л. Горемыкинъ, который, добившись слова только послѣ удаленія обструкціонистовъ, заявилъ о своей искренней готовности работать съ Гос. Думой вопреки всѣмъ слухамъ о планахъ ея роспуска.

общество къ рѣзкимъ выраженіямъ протеста и недовольства. Для чего-то было нужно, чтобы вызывающіе жупелы Чхеидзе раздались именно въ началѣ весенней сессіи Гос. Думы; для чего-то было нужно, чтобы дѣло о привлеченіи соціалъ-демократическаго оратора за рѣчь, произнесенную съ парламентской трибуны, было начато какъ разъ передъ началомъ обсужденія государственнаго бюджета, какъ бы съ очевиднымъ расчетомъ объединить центръ съ лѣвымъ крыломъ, вызвать на почвѣ провала всего бюджета столкновеніе Гос. Думы съ правительствомъ и тѣмъ самымъ подготовить необходимость ея немедленнаго роспуска. Дружными усиліями справа и слѣва эта цѣль наполовину уже была достигнута: кадеты, прогрессисты, лѣвые и часть прогрессистовъ, чувствуя полную невозможность защищать свободу думской трибуны какими-либо иными способами, сплотились въ рѣшеніи отстаивать права народнаго представительства путемъ отклоненія бюджета. Но, къ счастью, какъ это часто бываетъ, распаленный фанатизмъ своими крайностями подорвалъ самого себя. Сторонники Чхеидзе рѣшили устроить обструкцію при появленіи на трибунѣ главы правительства, они слишкомъ обострили борьбу и оттолкнули отъ себя всѣхъ своихъ болѣе умѣренныхъ союзниковъ. Непозволительный крикъ и шумъ съ лѣвыхъ скамеекъ думской залы, раздавшійся при появленіи на трибунѣ И. Л. Горемыкина, возмутилъ всю Гос. Думу. При непосредственномъ участіи иниціаторовъ бюджетной обструкціи—фракціи прогресистовъ и при воздержаніи отъ голосованія к.-д., Гос. Дума рѣшительно высказалась противъ парламентской обструкціи и голосовала высшую мѣру наказанія нарушителямъ порядка въ числѣ 21 депутата крайнихъ лѣвыхъ фракцій. Послѣдніе сразу лишились поддержки своихъ вчерашнихъ единомышленниковъ, концентрація лѣваго большинства была разбита вдребезги и вся попытка борьбы съ правительствомъ закончилась образованіемъ мощнаго праваго центра, отстоявшаго порядокъ въ Гос. Думѣ. Попытка парламентской обструкціи убила весь планъ бюджетной обструкціи. Земская группа высказалась за голосованіе бюджета съ отклоненіемъ только тѣхъ статей, которыя не оправдываются государственными интересами. Нисколько не сочувствуя ограниченію свободы парламентскаго слова, она не захотѣла жертвовать реальными интересами населенія, не хотѣла сдѣлать государственное хо-

Посмертная выставка Я. Ф. Ціонглинскаго и выставка „Трехъ“.

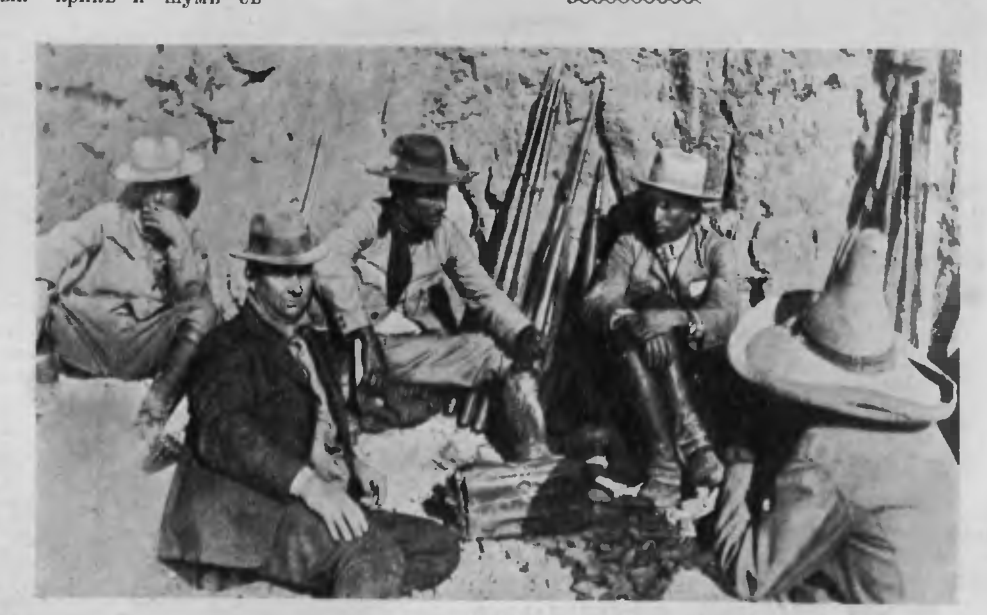
Въ настоящемъ № нашего журнала мы знакомимъ читателей съ двумя выставками: посмертной выставкой произведеній Я. Ф. Ціонглинскаго и съ выставкой „Трехъ“.

Покойный Я. Ф. Ціонглинскій былъ талантливымъ и яркимъ представителемъ импрессіонизма въ живописи. Передача перваго впечатлѣнія, широта мазка и смѣлость письма отличали его творчество. Поклонникъ яркаго и пышнаго Востока, онъ привозилъ оттуда эскизы, изумительные по „голосу красокъ“—дышащіе яркимъ воздухомъ, пронизанные нездѣшнимъ солнцемъ. Нотки яркаго импрессіонизма онъ вносилъ даже въ свои портретныя работы — такія же блестящія, какъ и остальныя его произведенія. Онъ умѣетъ схватывать самую сущность человѣческаго облика, не вдаваясь въ детали и мелкую выписку аксессуаровъ.

Я. Ф. Ціонглинскій родился въ 1859 году въ Варшавѣ. Окончивъ университетъ и получивъ художественное образованіе въ Академіи Художествъ, онъ потомъ связалъ свою жизнь съ Петербургомъ и былъ дѣятельнымъ участникомъ выставки „Міра Искусства“. Скончался онъ 24 декабря 1912 года.

Воспроизводимыя у насъ его картины носятъ типичныя черты творчества Я. Ф. Ціонглинскаго.

Выставка „Трехъ“ объединила Я. Бельзева, С. Писахова и извѣстнаго писателя I. Ясинскаго. Произведенія всѣхъ трехъ художниковъ интересны и производятъ хорошее впечатлѣніе. Пейзажъ Я. Бельзена (*„Косые лучи“*), его же *„Портретъ Маруси Б.“* и забавныя карикатуры (*„автопортретъ“* и *„Яхтсменъ на охотѣ“*) обращали на себя вниманіе на выставкѣ. Равнымъ образомъ интересенъ пейзажъ С. Писахова *„Весна на Бѣломъ морѣ“*. Художественныя работы *„Автоэтюдъ“* и *„Дѣвушка съ косой“*—I. Ясинскаго (въ „Нивѣ“ какъ разъ идетъ его повѣсть) обращаютъ на себя вниманіе своими незаурядными достоинствами.



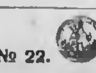
Мексиканскіе генералы Вилла и Ортега совѣщаются съ агентомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, г. Греемъ.

Заатлантическая война. По фот. Ш. Шюссо-Флавьена, въ Парижѣ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“, кн. 10.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.



ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 20 г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 17 мая 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 3.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

Поджогъ.

Повѣсть **I. I. Ясинскаго.**

(Продолженіе).

XX.

— Цѣлый часъ ждала у мостковъ, — начала Наденька: — даже выкупалась... Подумалъ бы, русалка, и испугался бы. А ты прошелъ раньше, глупый мальчишка.

Она засмѣялась и сѣла рядомъ съ Иваномъ, возбужденная, веселая, дрожащая.

— Какой ты застѣнчивый! — продолжала она.—Съ тобой хорошо. Но мнѣ хочется откровенности.

— И мнѣ,—сказалъ Иванъ.

— Уходитъ моя жизнь, и не повторяются мгновенія... Ты — солидный и не выдашь... А то мальчики всегда болтаютъ. Любишь? Такъ любишь?

Она обняла его.

— Я хочу тебя, Ваня, — шопотомъ сказала она. — Это ужасно трудно сказать. Вчера не вышло. Смотри, какъ я легко одѣта. Въ одномъ капотѣ. Оттого дрожу.

Она замолчала.

— Ты, можетъ, совсѣмъ не понимаешь меня?.. начала она. — Какая я по-твоему? Хорошая?

— Таинственная.

— Пусть таинственная. Я иногда сама себя не вижу. Тетушка воспитала меня. Я ничего не смѣю. Сладкаго за столомъ не смѣю второй разъ взять, если тетушка не предложитъ. Сама и выбираетъ, что мнѣ къ лицу. Съ утра до вечера я—рабыня и хожу въ маскѣ. Но моя ночь. И ночью я кажусь себѣ не Наденькой, а свободной, сильной, богатой, не признающей никакихъ предразсудковъ. Ровно въ двѣнадцать я преображаюсь. Я продаю чорту душу, а онъ осыпаетъ меня милостями. У меня

В. Сѣровъ. Портретъ Государя Императора въ тужуркѣ. Собственность Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

дворецъ, паркъ, фрейлины, пажи. Я ихъ цѣлую, наказываю; умираю и плачу отъ избытка силъ, которыхъ некуда дѣвать. Принцы ухаживаютъ за мною. А проснусь — бѣгу къ тетушкѣ и подаю ей въ постель кофе со свѣжими баранками.

— Вамъ надо заняться, Наденька, серьезнымъ дѣломъ, — робко сказалъ Иванъ.

— У меня есть на примѣтѣ одно серьезное дѣло, — сказала Наденька, усмѣхнувшись.—Но я сейчасъ не Наденька — я ужъ сказала.

— У васъ потребность идеаловъ,—продолжалъ Иванъ.—Вы не удовлетворены жизнью и только не знаете, какъ выйти на дорогу, ведущую къ звѣздамъ.

— А тебѣ извѣстна дорога къ звѣздамъ?

— Да,—съ увѣренностью произнесъ онъ.

— Ты черезчуръ ребенокъ, — сказала Наденька. — Откуда тебѣ знать? Ты даже цѣловаться не умѣешь.

— Я бы могъ вамъ дать почитать кое-что очень интересное.

— При лунѣ? Ты съ ума сошелъ, юноша. Завтра, завтра...

— Наденька, мы живемъ въ кровавое время. Творятся ужасы... Царитъ зло... Народъ гибнетъ въ страшныхъ условіяхъ. Звѣзды—это тоскующіе глаза народа, ждущаго спасенія...

— Отъ насъ съ тобой? — игриво спросила Наденька. — Ну, полно же. Полюби меня хоть немножко, сдѣлайся моимъ принцемъ.

— Наденька! Я пришелъ главнымъ образомъ сказать... разъяснить...

Онъ не успѣлъ. Луна вздрогнула, какъ капля ртути, бѣлый кустъ жасмина прижался къ нему, ароматный и знойный, и чувство обиды у Ивана, что съ нимъ обращаются, какъ съ маленькимъ, мгновенно мелькнуло и растаяло въ другомъ чувствѣ— огромнаго стыда, и удивительно похорошѣвшая, вся бѣлая, лунная, молодая, какъ вѣтка жасмина, тяжело склонилась къ нему Наденька и новымъ поцѣлуемъ ужалила его губы.

XXI.

На другой день Иванъ проснулся отъ солнца, которое било ему прямо въ лицо. Было уже поздно.

Отъ Аксиньи онъ узналъ, что Хрисанѳъ Семеновичъ уѣхалъ съ апелляціонной жалобой.

— А къ вамъ пришелъ вчерашній маленькій баринъ и ждетъ въ саду,—доложила Аксинья.

Иванъ вышелъ въ садъ.

Съ дружелюбной улыбкой, прямо глядя въ глаза, по дорожкѣ шелъ „Херувимъ“. Вѣтерокъ игралъ его свѣтло-бѣлокурыми волосами, новенькая шляпа сдвинута была на затылокъ.

— Сдѣлалъ что-нибудь?—началъ онъ.

Иванъ не понялъ вопроса.

— Приступилъ? Нѣтъ? Нельзя терять ни минуты. Силантій, не знаю, почему, возымѣлъ къ тебѣ полное довѣріе. Если трудно въ городѣ, онъ предлагаетъ проѣхаться по деревнямъ. Лѣто—и легко войти въ общеніе съ учащейся молодежью, отдыхающей на каникулахъ. Дадимъ письма.

— А земляная работа?

Херувимъ потрепалъ по плечу Ивана:

— Ты зависишь отъ отца?

— Хотѣлось бы съ нимъ разойтись... по нѣкоторымъ причинамъ,—прибавилъ Иванъ.

— Силантій, располагая частью нашей кассы, могъ бы предложить рублей тридцать въ мѣсяцъ.

— Да?

— И больше бываетъ.

— Можно ли платить за это?—сконфуженно спросилъ Иванъ.

— Солдатъ сражается и умираетъ... идеально. Но какая-нибудь нужна же политическая экономія.

Потъ выступилъ на лбу у Ивана. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ спросилъ:

— Но, значитъ, свободы нѣтъ?

— Всегда можно отказаться отъ работы не по сердцу.

— Я больше всего дорожу свободой вѣдь во имя же свободы...

— Во имя свободы, Голубокъ,—подхватилъ „Херувимъ“.—Но свобода не терпитъ безпорядка. Какъ же безъ капельмейстерской палочки? Вообще у насъ такъ дѣло обстоитъ. Ни къ чему тебя не принуждаютъ, пока ты въ сторонѣ. Но разъ ты вошелъ—ты на виду...

— Я долженъ подумать.

— Не совѣтовалъ бы. Ты—энтузіастъ, откуда раздумье?

Иванъ глянулъ на кустъ жасмина, и вспомнилась ему минувшая ночь съ упоительными ароматами и луннымъ свѣтомъ на опущенныхъ вѣкахъ Наденьки, и онъ спросилъ:

— А если бы я согласился, возврата нѣтъ?

— Ты очень молодъ и не глупъ,—серьезно заговорилъ „Херувимъ“: — и самъ долженъ понять, что уже и теперь возврата нѣтъ. Мы всѣ рано или поздно отвѣдаемъ каторги, и только немногимъ изъ насъ случай поможетъ на волѣ дождаться... Не потому нѣтъ возврата, что грозитъ судъ товарищей. Судятъ предателей, а отсталыхъ даже не презираютъ. А возврата нѣтъ потому, что одного участія въ подкопѣ уже достаточно. Обнаружится—по головкѣ не погладятъ. А все можетъ статься. Близка развязка. И, сказать, Ольга Петровна тебя очень жалѣетъ, и Силантій на всякій случай услалъ бы тебя изъ города.

„Херувимъ“ взглянулъ Ивану въ глубину души своими нѣжными глазами.

— Всѣ честные и благородные сочувствуютъ,—сказалъ онъ.— Пускай ссылаютъ и вѣшаютъ насъ, но мы дѣлаемъ праведное дѣло и вѣримъ, что призваны пробудить народъ отъ рабства, встряхнуть страшную силу, тяготѣющую надъ нимъ... разсѣять кошмаръ власти.

Двѣ слезы скатились по блѣдно-розовому лицу „Херувима“.

— Ты повторяешь мои мысли,—проговорилъ Иванъ, дотронувшись до руки „Херувима“.—Но я въ состояніи былъ бы зарабатывать деньги самъ. И какъ я пойду по деревнямъ, если и въ городѣ связанъ? Надо же добыть бумагу отъ отца.

„Херувимъ“ поцѣловалъ Ивана:

— Голубокъ, все предусмотрѣно. Паспортъ есть какой угодно. Что въ имени тебѣ твоемъ?.. Что среда, которая тебя взрастила? Что общаго? Но отчего у тебя все-таки нерѣшительный видъ?

Иванъ не выдержалъ взгляда „Херувима“ и покраснѣлъ.

— Неожиданно осложнилась жизнь,—потупивъ глаза, отвѣтилъ онъ.

— Именно?

— Не назову, но она полюбила меня.

— А ты?

Иванъ кивнулъ головой:

— Кажется... Все равно...

— Слѣдовательно, нашего полку прибыло?

— Я еще не знаю ея убѣжденій.

— Ты долженъ привлечь ее... Ахъ, ты, чудакъ, Голубокъ... А что она сказала, когда ты далъ ей прочитать?

— Когда же было? Не до того... Я ее еще не раскусилъ... Согласись, въ такія минуты...

„Херувимъ“ нервно сталъ перебирать кудерки своей бородки.

— Утонулъ въ радостяхъ бытія... Занятъ личнымъ дѣломъ... Что же, съ этимъ надо считаться. Ну, довольно съ тебя двѣ недѣли сроку.—„Херувимъ“ опять дружески улыбнулся.—А ты разовьешь свою возлюбленную. Не можетъ же нашъ Голубокъ полюбить деревянную куклу. Не правда ли? Ахъ, я заболтался съ тобою,—озабоченно сказалъ „Херувимъ“.—Вѣрь, что я твой другъ. А пока вотъ что... Настоящая любовь дѣлаетъ насъ самоотверженными... И я люблю. Долгъ платежомъ красенъ. Но она сейчасъ въ замкѣ... И вотъ я рою землю, какъ звѣрь.

Иванъ сказалъ:

— Милый!

По щекамъ „Херувима“ опять потекли слезы.

— Тебѣ, вѣроятно, болѣе, чѣмъ достаточно,—началъ „Херувимъ“.—Надо раздавать съ толкомъ, конечно. Дай-ка мнѣ штукъ пятьдесятъ. Одному попу обѣщалъ, да не хватило.

Иванъ для сокращенія пути влѣзъ въ окно и отворилъ книжный шкапчикъ. Но между Дарвинымъ и Боклемъ зіяло только пустое пространство.

XXII.

Прокламаціи исчезли.

Иванъ долго искалъ ихъ по угламъ и даже подъ подушкой. Онъ твердо помнилъ, что никуда ихъ не перекладывалъ, но искалъ. Тоскливо прошелся онъ по комнатамъ, заглянулъ въ конторку, обыскалъ спальню отца—и напрасно.

Замедленнымъ шагомъ, перепуганный пропажею, спустился онъ со ступенекъ стеклянной террасы и сказалъ товарищу:

— Не знаю, куда дѣвались.

Нѣжные глаза „Херувима“ внезапно потемнѣли.

— То-есть, какъ не знаешь?—грозно вскрикнулъ онъ.

Иванъ посмотрѣлъ на „Херувима“ и не узналъ его. Свѣтлое облачко превратилось въ черную тучу, извергавшую молніи. Иванъ только пожималъ плечами и не могъ придумать объясненія.

— Странно, странно!—шипѣлъ „Херувимъ“.

— Аксинья!—закричалъ Иванъ не своимъ голосомъ, увидѣвъ кухарку, выглядывающую изъ окна. — Вы не взяли ли для вчерашнихъ пирожковъ пачку вотъ этакихъ тоненькихъ бумагъ изъ этого шкапа?

В. Сѣровъ. Демонъ и Тамара. Иллюстрація къ Лермонтову. (Собраніе М. П. Рябушинскаго).

Аксинья стала божиться и проклинать себя: она не брала никакихъ бумагъ.

„Херувимъ“ саркастически разсмѣялся:

— Припомни хорошенько— можетъ-быть, городская свинья забѣжала и съѣла.

— Я помню хорошо, — нетерпѣливо произнесъ Иванъ и еще разъ пошелъ напрасно рыться у себя.

Но когда, задыхаясь отъ волненія, вернулся въ садъ, онъ не засталъ уже „Херувима“.

Что-то зловѣщее почуялось въ молчаніи цвѣтущаго сада.

XXIII.

Прежде всего Иванъ бросился въ мировой съѣздъ, гдѣ былъ Хрисанѳъ Семеновичъ. Одно дѣло онъ уже выигралъ. Судьи совѣщались по другому дѣлу. Адвокатъ весело болталъ съ кліентомъ. При видѣ Ивана, старикъ строго покачалъ головой.

— Что случилось? — тревожно спросилъ онъ.

Сынъ отвелъ отца въ сторону и сказалъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ:

— Вы ничего не брали у меня изъ шкапа?

— Чего-съ?

Иванъ пристально поглядѣлъ отцу въ глаза:

— Что вы съ ними сдѣлали?

— Ты бѣлены объѣлся.

— Нѣтъ, я спрашиваю... Можетъ, вы не понимаете серьезности поступка. Я могу пулю себѣ въ лобъ пустить.

— Стрѣляйся, болванъ,—гнѣвно сказалъ Хрисанѳъ Семеновичъ. — Но предварительно двадцать плюхъ хочешь? Не срами меня: чтобъ я не видѣлъ твоихъ блузъ. Ступай немедленно домой и стань въ уголъ, — громко сказалъ Вертлуговъ, когда Иванъ круто повернулъ къ дверямъ.

Судебный приставъ возгласилъ:

— Судъ идетъ!

XXIV.

„Стану солдатомъ революціи... Наемникомъ... Не могу же я оставаться дома послѣ всего, что случилось... Дойти до такой низости. Ясно, что онъ съ ними сдѣлалъ. Кончено.“

Быстро дошагалъ Иванъ до маленькаго домика у тюремнаго замка, и въ головѣ его роились эти злыя мысли. Онъ дернулъ за ручку звонка. Никто не открылъ. Долго звонилъ онъ и стучалъ. Какъ будто кто-то выглянулъ въ окно, но мелькнувшее за стекломъ лицо исчезло. Онъ опять началъ звонить и стучать.

Тутъ открылась калитка, и вышелъ четырехугольный мужикъ съ кривымъ ртомъ и узенькими глазами на рябомъ лицѣ.

— Чаво прете?—равнодушно сказалъ онъ.—Никого нѣтути. Только-что съѣхали.

— Куда?—спросилъ Иванъ.

— Не сказамшись. Я дворникъ. Мое дѣло сторона.

— Отчего же такъ вдругъ?—промолвилъ Иванъ—и ему ясно стало, что дворникъ—тотъ силачъ, о которомъ сказалъ ему „Херувимъ“, и всѣ его обманываютъ, потому что стали бояться. Онъ готовъ былъ заревѣть.

— Уѣхали?..—началъ онъ, но въ горлѣ застряли слова.

Мужичокъ хитро и хмуро смотрѣлъ на него:

— Кто же ихъ знаетъ—собрались и уѣхали... Можетъ, ерограмма пришла... Чемоданишки свалили на извозчика... На чай рубль дали.

Иванъ помчался на пароходную пристань и въ контору дилижансовъ. Пароходъ и дилижансъ еще не отходили, и нигдѣ не было ни Ольги Петровны, ни „Херувима“, ни Силантія.

Было такъ жарко, что блуза Ивана раскалилась, какъ жесть. Онъ долго просидѣлъ на бульварѣ, погруженный въ тяжелыя думы.

Денегъ у него не было ни копейки. И онъ побрелъ домой, чтобы взять свои книги, продать букинисту и нанять комнату на Лебядкѣ. Отцовскаго хлѣба онъ рѣшилъ больше не ѣсть. Однако неудача постигла его и дома. Отецъ вернулся, по словамъ Аксиньи, „дюже сердитый“ — вѣроятно, проигралъ второе дѣло—и заперъ комнату Ивана на ключъ, а самъ легъ спать. Окно было взято на задвижку. Иванъ не могъ проникнуть къ себѣ.

„Разскажу все Наденькѣ“,— рѣшилъ онъ, и ему показалось, что она необходима ему теперь. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только передъ нимъ блеснули лунные призраки — кустъ жасмина, опущенныя рѣсницы, плечи, похожія на двѣ лиліи —страданіе его подернулось дымкой нѣжности; и эта боль и вчерашняя, растравленная, притаились на днѣ его души, какъ русалки, которыя всплываютъ щекотать и терзать свою жертву только въ страшные часы.

XXV.

— Какой вы усталый, Иванъ Хрисанѳовичъ,—начала Аглая Ермолаевна.— Лица нѣтъ! А я съ Наденькой купалась въ Лебядкѣ и опять встрѣтила Петрусевича. Ну, мужчины и безсовѣстные же. Видали ли вы когда-нибудь съ подзорной трубой дамъ? Я даже спать послѣ обѣда не могла. Только закрою глаза— а труба такъ и вопрется. Вы, современный юноша, скажите, хорошо ли дѣлаетъ Петрусевичъ? Я вдова, и всего тридцать два года. А Надюша—дѣвочка. А у меня, какъ на зло, тѣло такое бѣлое...

Иванъ утомленно молчалъ и смотрѣлъ на дверь, не войдетъ ли Наденька.

— Васъ, можетъ, папаша прислалъ съ чѣмъ-нибудь?—спросила Аглая Ермолаевна.

— Мнѣ хотѣлось повидать Надежду Александровну.

Вдовушка улыбнулась, и лучистыя ямки заиграли на ея щекахъ:

— Со мной не хотите поскучать? Ахъ, молодой человѣкъ,— хотя бы изъ снисхожденія къ моей полнотѣ... Каждому, впрочемъ, свое.

Глаза ея сузились, ротъ она широко раскрыла.

— А-а-а,—зѣвнула она.—Положительно безсовѣстные... У меня тѣло бѣлое... Ну, Надюша не такъ подробно видна. А что, въ трубу все ясно?

— Должно-быть.

— На луну, я думаю, смотрѣть интересно. Говорятъ, горы и лѣса видно.

— Про лѣса не слыхалъ.

— Наденька успокаиваетъ, а я сама не своя—дрожу, боюсь трубы... Ей хорошо... А у меня тѣло бѣ... У-а-а-ахъ!

Вдовушка побагровѣла. Ивану стало страшно ея раскрытаго рта и выпученныхъ глазъ. Нѣсколько секундъ сидѣла она такъ. Наконецъ догадалась отправить руку въ ротъ и поставила челюсть на мѣсто. Она засмѣялась и кокетливо замахнулась на Ивана носовымъ платкомъ:

— Противный. Вы виноваты, вы!

— Ну, до свиданія.

— Куда же вы?

— Такъ.

— Останьтесь чаю напиться съ земляничнымъ вареньемъ. Что-то мнѣ охота покушать. А одной тоска... Давайте вмѣстѣ. А? Молодой человѣкъ?

Иванъ покраснѣлъ и согласился.

Онъ еще не обѣдалъ.

XXVI.

Иванъ смотрѣлъ въ раскрытое окно, ѣлъ холодныя котлеты, варенье, пилъ чай съ баранками и думалъ о пропавшихъ прокламаціяхъ.

В. Сѣровъ. Прудъ. (Собраніе М. О. Якунчиковой).

В. Сѣровъ. Портретъ С. М. Драгоміровой. (Собраніе С. М. Лукомской).

Солнце заходило и краснымъ свѣтомъ заливало улицу, поднимавшуюся вверхъ. Изъ краснаго тумана выступали черныя крыши и углы зданій. Ребятишки и собаки играли въ пыли. Къ рѣкѣ шли служанки съ пустыми ведрами на коромыслахъ и съ бѣльемъ.

Ульяна второй разъ подала самоваръ.

На улицѣ въ красномъ туманѣ замелькали, приближаясь, два силуэта. Одинъ присѣдалъ налѣво, другой направо. Можно было уже различить, что это—дамы. На одной была шляпка съ цвѣтами, на другой—легкая косынка. И вокругъ каждой горѣло сіяніе. Онѣ шли, какъ святыя, въ блескѣ славы.

Направленіе глазъ Ивана заставило вдовушку высунуться изъ окна. Какъ упругая перина, потѣснила она молодого человѣка.

— Боже! Перепетуя Васильевна и Θеонія Евстигнеевна! — вскричала Аглая Ермолаевна.

Сплетницы торопливо вошли и чмокнули въ руку и плечо Аглаю Ермолаенну. Поздоровались съ Иваномъ.

— Мы съ Перепетуей Васильевной...

— Съ Θеоніей Евстигнеевной...

— Вмѣстѣ — видитъ Богъ — правду говорю.

— У Колокольцевыхъ тоже варили землянику.

— У Свѣтаевыхъ третій день варятъ...

— Конечно, обстоятельстна молодыя,—начала Θеонія Евстигнеевна.

— А понять невозможно, — облизываясь, сказала Перепетуя Васильевна.

Одна подмигнула лѣвымъ глазомъ, другая правымъ.

— Что-нибудь касающее? — спросила Аглая Ермолаевна.

— Ужъ до чего касающее! — вскричали обѣ дамы.

— Кого?

В. Сѣровъ. Похищеніе Европы. (Собраніе О. Θ. Сѣровой).

— Васъ, васъ, благодѣтельница.

Ульяна принесла третій самоваръ; онъ шипѣлъ и плакалъ.

— Не все можно молвить...

— Были мы утречкомъ на кладбищѣ!—вскрикнула Θеонія Евстигнеевна.

— Намъ купчиха Храмугина поручила вѣнокъ свезти на могилку перваго ея мужа, Сидора Ивановича — какъ сама она перестала этимъ заниматься... — добавила Перепетуя Васильевна.

— Велика-а-лѣпный монументъ!

— Ну?

— Какъ идетъ трефовый король, — съ ужимкой сказала Перепетуя Васильевна и оглянулась на Ивана.

— Я такъ и затряслась, — вскричала Θеонія Евстигнеевна.—Не одинъ!

— Васъ, сладчайшая Аглая Ермолаевна, ожидали мы съ нимъ встрѣтить...

— Почему же меня? — наивно спросила Аглая Ермолаевна.

— Потому что нельзя было сомнѣваться до послѣдней минуты, что на нашей прекрасной груди трефовый король получитъ облегченіе для своей супружеской вѣрности, — сказала Перепетуя Васильевна.

Аглая Ермолаевна съѣла ложку варенья и томно сказала:

— Богъ съ нимъ, если такъ. Жертвовать своей полнотой я ни для кого не намѣрена.

— Боже сохрани и помилуй, Аглая Ермолаевна, подобной красоты лишиться.

Обѣ припали къ полнымъ плечамъ вдовушки и прослезились.

— Вы плачете?—спросила она.

— А мы любимъ васъ, Аглая Ермолаевна, душечка.

— Я вдова бѣдная.

— Абажаемъ васъ, — подтвердила Θеонія Евстигнеевна.

— Какая корысть!

— Мать Пресвятая Богородица, Ты видишь мое, сердце! — вскричала Перепетуя Васильевна, поднявъ глаза къ образу... — Попила чаю съ вареньемъ, съ меня и довольно.

— А я-то! — подхватила Θеонія Евстигнеевна и платкомъ стала вытирать глаза. — Мнѣ варенья не надо... теплой водицы одной достаточно. Только вы, Перепетуя Васильевна, ошибаетесь, будто Пресвятая Богородица, а это — образъ Николая Чудотворца,—строго замѣтила она.

— Значитъ, прежде висѣла тутъ Богородица, — вспыхнувъ, возразила Перепетуя Васильевна.

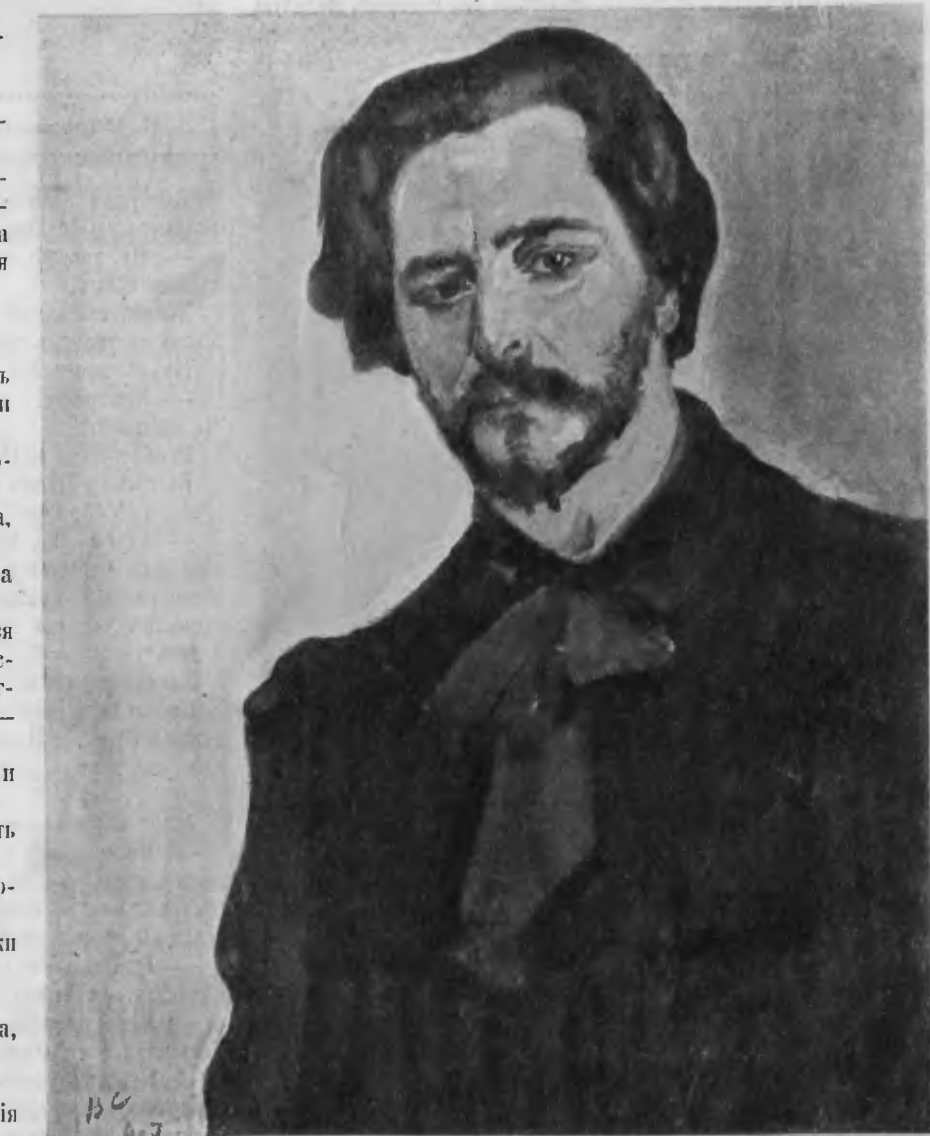
— Глаза у васъ сдѣлались слабы,— кротко замѣтила Θеонія Евстигнеевна и въ комочекъ зажала платокъ.

— Станемъ говорить о взаимныхъ слабостяхъ, то это насъ далеко заведетъ.

— Слабостей у меня нѣтъ, Перепетуя Васильевна. И Храмугина часто говоритъ мнѣ: „Θеонія Евстигнеевна, милая моя, дѣтская душа у васъ“.

— А съ тремя котами живете.

— Что же, по-вашему, котъ — не Божья тварь? Я, можетъ, семе-



В. Сѣровъ. Портретъ Леонида Андреева. (Собраніе М. П. Рябушинскаго).

рыхъ котовъ имѣла, и на каждаго Господь посылалъ пропитаніе.

— Отъ васъ кошачьимъ духомъ отдаетъ, — съ отвращеніемъ сказала Перепетуя Васильевна.

— Полно ссориться, — проговорила Аглая Ермолаевна. — Такъ король на кладбищѣ гулялъ?

Ѳеонія Евстигнеевна и Перепетуя Васильевна радостно переглянулись, въ глазахъ потухла вражда.

XXVII.

Иванъ хотѣлъ уйти въ садъ и на берегъ Лебядки. Но странное любопытство удерживало его.

— Гулялъ, гулялъ трефовый король,—начала Перепетуя Васильевна.

— Истинная правда. Святая правда. Вѣнецъ мученическій готова пріять.

— Оно бы ничего... Но подъ ручку... и съ прижатіемъ къ сердцу.

— Каленымъ желѣзомъ жгите меня, а я плюнула имъ вслѣдъ.

— А меня пускай въ тюрьму сажаютъ и жилы растягиваютъ, я имъ вотъ этакъ тремя пальчиками сдѣлала.

— Старый хрычъ!—гнѣвно вскричала вдовушка и ударила кулакомъ по столу.

Зазвенѣла посуда.

— Да скажите толкомъ, — переставъ сдерживаться при Иванѣ, басистымъ голосомъ вскрикнула вдовушка:—съ кѣмъ же именно?

— Съ бубновой дамой.

— Сказали бы съ дѣвицей.

— Въ присутствіи молодого человѣка мы позорить молодую особу не станемъ.

— А отъ васъ не утаимъ...

— Касающее?

— Ужъ до чего касающее...

В. Сѣровъ. Портретъ М. Ѳ. Якунчиковой.

В. Сѣровъ. Портретъ А. П. Остроумовой. Литографія.

Вдовушка воспаленнымъ взглядомъ взглянула на Ивана и натянуто улыбнулась.

— Ну, хорошо, потомъ,—сказала она.—А покамѣстъ чайку съ вареньемъ.

Жадно стали пить и ѣсть старыя дамы, влачившія голодную жизнь въ убогомъ городѣ

Иванъ простился.

— Приходите!—крикнула ему вслѣдъ Аглая Ермолаевна.—Не забывайте!

И облегченно вздохнула.

Въ сѣняхъ Иванъ спросилъ Ульяну:

— Гдѣ барышня?

— Утромъ на кладбище уходили, а вернулись — купаться пошли съ барыней и пообѣдали. Ну, какъ барыни легли спать, Ключаревскій пришли. „Пойдемте, говорятъ, въ садъ, а на бульварѣ сегодня музыка. Погуляемъ, давно съ вами не видались".

Ульяна засмѣялась и спрятала лицо въ рукавъ.

Проснулись русалки, всплыли со дна, обратились въ чудовищъ и фурій, и Иванъ, какъ шальной, побѣжалъ на бульваръ, гдѣ уже игралъ военный оркестръ на мѣдныхъ трубахъ.

XXVIII.

Аглая Ермолаевна сказала сплетницамъ:

— Не худо мнѣ и одной живется. А если Хрисанѳъ Семеновичъ нашелъ себѣ по сердцу,—съ лукавымъ раздраженіемъ проговорила она:—напримѣръ, полюбилъ насъ которую, развѣ я стала бы препятствовать?.. Приданое дала бы.

— Вынуть ваше сердце, какъ птичку изъ гнѣздышка, и расцѣловать,—пропѣла Ѳеонія Евстигнеевна.

— Наши времена прошли!—отмахнувшись рукой, вскричала Перепетуя Васильевна.

— Ну, а кто безстыдница?—трагическимъ шопотомъ спросила вдовушка, и изъ сумрака почти погасшаго вечера смотрѣли на сплетницъ ея глаза съ недоумѣніемъ и тоской.

Ѳеонія Евстигнеевна и Перепетуя Васильевна наслаждались и замирали. Не каждый день бываютъ такія новости.

Вдругъ вошла въ комнату Наденька.

В. Сѣровъ. К. А. Обнинская. (Собраніе В. П. Обнинскаго).

— Хотѣла вернуться раньше, но меня задержали, простите, тетя,—сказала она.

— Носитъ тебя. Чаю хочешь?

— Благодарю васъ.

Она сняла шляпу, перчатки, подошла и покорно стала перемывать посуду.

Ульяша внесла зажженную лампу.

Тетка пристально смотрѣла на племянницу:

— У тебя синяки подъ глазами.

— Устала, и такъ душно.

— Иванъ приходилъ къ тебѣ.

— Что ему надо было?—сухо спросила Наденька.

— Можетъ, Хрисанѳъ Семеновичъ желали передать черезъ сынка какое-нибудь деликатное порученіе,—произнесла Перепетуя Васильевна.

— Всего, должно-быть, сами не успѣли сказать вамъ,—пояснила Ѳеонія Евстигнеевна.

Аглая Ермолаевна всплеснула руками:

— Боже! Озарило меня! Ты, мерзавка, была на кладбищѣ?

Наденька осторожно посмотрѣла на Аглаю Ермолаевну.

— Говори сейчасъ, дрянь подзаборная, созданіе падшее, нищая проклятая!—хриплымъ басомъ, какъ бѣлуга, заревѣла вдовушка и встала, и горло ея выпятилось, какъ колѣно.

— Я не была, тетя, на кладбищѣ,—спокойно сказала Наденька.

Сплетницы подняли глаза къ потолку и застыли.

XXIX.

Отъ стариннаго собора, золотыя главы котораго догорали въ красныхъ огняхъ заката, падала огромная тѣнь на бульваръ. Было уже темно. Гуляли военные, писаря, швеи, гремѣли саблями офицеры. Мелкіе чиновники съ женами шли „подъ ручку". Гимназисты и гимназистки со смѣхомъ опережали всѣхъ. Поодаль мычали въ сумракѣ коровы. Солдатики съ бѣлыми нашивками на рукавахъ дули: „Славься, славься".

На горизонтѣ черно-лиловой полосой тяжко распластался тюремный замокъ, и на одномъ фасадѣ его въ перспективѣ огненными языками сверкали окна, словно онъ былъ наполненъ лучезарнымъ свѣтомъ, а не отчаяніемъ и ужасомъ.

Иванъ пробѣжалъ по бульвару, ища глазами Наденьку. Но въ толпѣ онъ увидѣлъ Ключаревскаго съ Ольгиной и успокоился. Потомъ совѣстно стало. „А если бы и съ Наденькой? Не онъ ли такъ отстаиваетъ свободу личности?"

Его окликнули:

— Вертлуговъ!

Онъ подошелъ къ группѣ очень молодыхъ дѣвушекъ. Жили онѣ вмѣстѣ и только-что выдержали послѣдній экзаменъ. Подрастающія барышни, съ лицами, какъ у ангеловъ, и съ дурными манерами, сгорбленныя и крикливо-веселыя, до послѣдняго времени мечтали о Ключаревскомъ. Но онъ сталъ увлекаться „большими", и онѣ отомстили ему Иваномъ.

Усадили его на скамейку и окружили.

— Гдѣ вы пропадаете? Такъ и не пришли къ намъ. Вся квартира ждала васъ. Вы должны проводить насъ. Марья Романовна уѣхала на свою дачу, и мы однѣ. Ахъ, какое будетъ блаженство!

Его тормошили и разспрашивали, что имъ читать лѣтомъ, „чтобы развиться".

— Я могу одолѣть Михайловскаго.

— Можно Карла Маркса?—кричала другая.

— У васъ есть „Рабочій вопросъ Флеровскаго"? Дайте!—спрашивала третья и дергала его за рукавъ блузы.

— Ахъ, онъ совсѣмъ похожъ на итальянца,—за спиной у него сказала толстая Дорошевская.

— Я вамъ вышью на каникулахъ рубашку,—сконфуженно прошептала бѣлокурая и въ золотыхъ очкахъ дѣвочка, которая всю зиму встрѣчалась на перекресткахъ съ Ключаревскимъ, а теперь рѣшила влюбиться въ Ивана.

Какъ разъ близко прошелъ Ключаревскій, освѣтилъ лицо свое спичкой, зажигая папиросу, и громко сказалъ Ольгиной:

— Дѣвчонокъ я избѣгаю. Что за удовольствіе болтать съ дурочками!

В. Сѣровъ. Алексѣй натурщикъ. Рисунокъ итальянскимъ карандашомъ. (Собраніе О. Ѳ. Сѣровой).

Гимназистки обиженно замолчали.

— Какой нахалъ! — крикнулъ Иванъ.— Онъ—оселъ, не обращайте вниманія на осла!

Онъ всталъ, и всѣ маленькія дѣвушки увидѣли въ немъ героя.

— Пойдемте жъ къ намъ,— настойчиво стали онѣ приглашать его.

Было уже темно. Музыка ушла.

— Я расправлюсь съ нимъ, — сказалъ Иванъ, и когда онъ думалъ о Ключаревскомъ, онъ думалъ и о Наденькѣ и еще о трефовомъ королѣ. Локти его дрожали. Дорошевская предупредила бѣлокурую Миронову и взяла подъ руку Ивана, но Миронова забѣжала съ другой стороны. Она тихо смѣялась, и плечи ея тряслись.

XXX.

Гимназистки ждали съ нетерпѣніемъ своихъ и грезили о деревнѣ. Приведя къ себѣ Ивана, онѣ сдѣлались серьезнѣе и сдержаннѣе. Всходила луна, и рѣшено было не зажигать огня и сумерничать. Ивана усадили въ кресло, собрались въ кружокъ около него—кто пріютился на подоконникѣ, кто на стулѣ, а Лиза Крошкина—самая младшая — на широкой ручкѣ кресла. Стали требовать, чтобы Иванъ разсказалъ имъ что-нибудь. Онъ заговорилъ о послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ — и всѣ настроились еще серьезнѣе, когда темныя и прекрасныя фразы: „Формула прогресса“. „Сумма человѣческаго счастья“, „Цѣнность страданія во имя идеи“ коснулись ихъ невиннаго слуха.

Горячо забились милыя маленькія сердца, и навсегда погасла звѣзда Ключаревскаго.

Крошкина тихонько соскользнула съ ручки кресла и вернулась со стаканомъ сладкой наливки въ рукѣ.

— Выпейте, — просительно сказала она.

Онъ молча осушилъ стаканъ и всталъ.

— Еще приходите... все равно... — сказала Дорошевская.—Посидите хоть полчаса. Не знаю, почему я такъ дрожу, — обратилась она къ Мироновой съ вопросомъ вполголоса.

— И я.

— Мы всѣ дрожимъ,—подтвердила Петрова, у которой были такіе темные глаза, что и лунный свѣтъ исчезалъ въ нихъ.—Мы какъ будто собрались дѣлать заговоръ.

В. Сѣровъ. Зайчикъ. Рисунокъ. (Собраніе О. Ѳ. Сѣровой).

В. Сѣровъ. Линейка изъ Москвы въ Кузьминки. (Собраніе М. П. Рябушинскаго).

— Вдругъ явится жандармъ и арестуетъ насъ?!—вскричала Миронова.

— У насъ нѣтъ прокламацій,—изъ глубины комнаты сказала маленькая Чугаевичъ, которая сидѣла въ короткомъ платьѣ, заложивъ ногу за ногу, облитая луной, и откинувъ на спинку дивана затылокъ.

Иванъ стоялъ у окна и въ раздумьѣ смотрѣлъ на улицу. Ему стыдно было признаться—онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Луна подымалась по безоблачному небу, и больно было смотрѣть на ртутный блескъ ея лица. Улица была вся бѣлая.

По тротуару, огибая домъ, быстрыми шагами прошелъ въ ботфортахъ и въ широкой темной шляпѣ чернобородый Силантій.

Иванъ, какъ ужаленный, отскочилъ отъ окна, схватилъ шляпу съ рояля и бросился на улицу, забывъ о гимназисткахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

И тихій голосъ вновь будилъ меня ночами,
И свѣтлый образъ вновь сіялъ во тьмѣ глазами,
И душу мнѣ томилъ мечтаній страстныхъ рой,—
И я молилъ тебя: побудь, побудь со мной!..

Смотря въ глаза твои влюбленно-грустнымъ взоромъ,
Старался тронуть я то лаской, то укоромъ
Души твоей покой, и рукъ твоихъ искалъ
И ткани легкія одеждъ твоихъ ласкалъ...

И отвѣчала ты улыбкой безмятежной,
Какъ ангелъ, рѣющій въ лазури дня безбрежной,
И отчужденностью небесною дыша,
Сіяла холодно безгрѣшная душа...

Вл. Ленскій.

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

— Я думаю, никогда выигрышныя деньги впрокъ не идутъ,— сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Вотъ и неправда, — вмѣшалась Ольга Карповна.—У меня пальто, у тебя пальто и пиджакъ, у дѣтей пальто. За квартиру заплатила; развѣ это не польза?

— Это надо считать, какъ исключеніе, а исключенія только подтверждаютъ правило, — улыбаясь, сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.—Вотъ пойдемъ сегодня и проиграемъ все, что ты накопила.

— Я не глупая, я взяла только 25 рублей.

— 25 рублей ты, а мнѣ сколько?

— И ты 25.

— Ну, вотъ и 50 рублей; ихъ и проиграемъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ,—засмѣялась Ольга Карповна.

Раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ Константинъ Петровичъ.

Онъ весело поздоровался со всѣми и шутливо сказалъ Павлу Аркадьевичу:

— Честь имѣю поздравить. Сегодня мы посвящаемъ васъ въ рыцари „Семейнаго Очага“,—особый орденъ „лотошниковъ“ и „лотошницъ“.

Павелъ Аркадьевичъ засмѣялся:

— Не знаю, насколько это почетно, а названіе забавное.

— Совершенно почетно. Скоро будетъ непремѣнное назначеніе каждаго обывателя. Теперь уже нѣтъ угла въ Россіи, гдѣ бы не знали лото. Войдешь въ игрушечный магазинъ, спросишь, какая игра идетъ больше всего? Лото! Теперь дѣти съ няньками играютъ въ лото; гостей занимаютъ игрой въ лото. Въ клубѣ — лото. Замѣчательная игра. Вѣрный путь наживать или проживать деньги.

— Я думаю—проживать.

— Намъ съ вами. А зато какія наживы содержателямъ этихъ учрежденій, хозяевамъ „Семейныхъ Очаговъ“, особенно въ провинціи. Недавно читалъ, что въ Курскѣ содержатель лото въ теченіе года заработалъ 250.000 рублей. Это какъ вамъ покажется?

— Недурно; въ концѣ концовъ выигрываетъ только одинъ клубъ.

— Такъ оно и есть, хотя являются иногда такія счастливыя исключенія, какъ Ольга Карповна, которыя на время грабятъ всѣхъ играющихъ.

— Ужъ и ограбила! Много ли я выиграла?

— Много ли, мало ли, а если считать четыре дня по 300 рублей, то этимъ, слава Богу, дѣла поправить можно.

— Пора и ѣхать,—сказала Калерія, и всѣ начали собираться.

VII.

— Вотъ увидишь, какъ это занимательно!—говорила оживленно Ольга Карповна мужу, идя по лѣстницѣ, устланной ковромъ.

Служащіе при вѣшалкѣ бросились наперебой помогать раздѣться Ольгѣ Карповнѣ, и она кивнула имъ, какъ постоянная посѣтительница, ласково и привѣтливо. Затѣмъ, не дожидаясь Синицыныхъ, она повела мужа въ комнаты, говоря:

— Билетъ съ тобой? Посмотри, какой нумеръ. 652. Вотъ распишись въ этой книгѣ, здѣсь!

Она показала пальцемъ, гдѣ надо расписаться, въ то же время здороваясь съ господиномъ въ красномъ галстукѣ, который широко улыбнулся ей.

Она уже совершенно освоилась съ атмосферою клуба и прямо направилась въ игорную залу, откуда раздавалось монотонное чтеніе номеровъ.

— Тихо! Еще идетъ игра,—сказала она Павлу Аркадьевичу, и они остановились на порогѣ.

Онъ съ любопытствомъ оглядѣлся и увидѣлъ длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, и склоненныя надъ картами головы. Воздухъ былъ пропитанъ смѣшаннымъ запахомъ табачнаго дыма и духовъ. Барышня монотоннымъ голосомъ выкликала числа, и монотонно хлопали покрышки открывающихся номеровъ на показательной доскѣ. Кто-то крикнулъ: „довольно!“ Все кругомъ сразу оживилось. Раздались голоса, смѣхъ, кашель; служащіе въ сѣрыхъ тужуркахъ вереницей пошли вдоль столовъ съ картами въ рукахъ. Ольга Карповна взяла мужа подъ руку и сказала:

— Вонъ туда сядемъ. — послѣ чего провела его между рядами стульевъ, кланяясь направо и налѣво, расточая улыбки.

Павелъ Аркадьевичъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что она знакома почти со всѣми.

— Откуда у тебя такое знакомство?

Она отвѣтила, пожавъ плечами:

— Я никого не знаю, а такъ только кланяюсь; во время игры невольно знакомишься. Сядемъ вотъ тутъ!

Синицыны прошли слѣдомъ за ними и сѣли рядомъ.

— Покупай себѣ карты. Бери двѣ, какъ я.

Павелъ Аркадьевичъ послушно взялъ двѣ карты и подвинулъ себѣ покрышки.

Раздался звонокъ, и началась игра. Павлу Аркадьевичу она показалась монотонной и скучной. По мѣрѣ того, какъ выкликались номера, онъ закрывалъ ихъ одинъ за другихъ на своихъ картахъ.

— Вотъ у тебя уже кварта,—сказала Ольга Карповна:—у меня тоже. Скажетъ 68—и я окончу, а тебѣ надо, чтобы 32 сказали.

— Отлично! Пусть крикнутъ тебѣ 68, а мнѣ 32.

Барышня крикнула 63, Ольга Карповна сначала вздрогнула, а потомъ откинулась на спинку стула, потому что слѣдомъ за этимъ кто-то звонко закричалъ:

— Кончилъ, довольно!

— Не удалось; я была совсѣмъ готова къ выигрышу,—сказала Ольга Карповна.

Служащій подбѣжалъ и предложилъ новыя карты. Павелъ Аркадьевичъ снова взялъ двѣ карты. Ольга Карповна перемѣнила нѣсколько разъ карты, потомъ выбрала и сказала:

— Теперь выиграю!

Синицынъ засмѣялся:

— Ольга Карповна такъ привыкла къ выигрышу, что не допускаетъ проигрыша.

— Я даже не знаю, какъ это. Сейчасъ не вышло—выйдетъ въ слѣдующій разъ: въ слѣдующій не выйдетъ—опять въ слѣдующій.

Снова стали выкликать номера, и снова всѣ съ сосредоточеннымъ видомъ стали закрывать ихъ на своихъ картахъ; потомъ кто-то крикнулъ „довольно!“—и снова шумъ, перекрестный говоръ, раздача картъ, звонокъ, и опять монотонное чтеніе номеровъ.

Павелъ Аркадьевичъ начиналъ скучать.

— 32, 17, 24, 68,—выкликала барышня.

— Вотъ когда 68 вышло,—сказала Ольга Карповна съ досадой.— Если бы тогда...

— Тогда бы ты выиграла,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Довольно!—крикнулъ кто-то, и игра кончилась.

Ольга Карповна тихо сказала мужу:

— Павля, ты не разсердишься?..

— На что?

— Отойди отъ меня куда-нибудь въ другое мѣсто, потому что мнѣ совсѣмъ не везетъ. Я думаю, это оттого, что ты подлѣ.

Онъ засмѣялся:

— Съ удовольствіемъ!—и, купивъ двѣ карты, перешелъ за другой столъ въ дальній уголъ.

Проходя мимо играющихъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ многихъ знакомыхъ. Сослуживецъ, гладко причесанный, съ черненькими усиками, въ смокингѣ, привѣтливо закивалъ ему. Между столами

съ вялой улыбкой прошелъ юрисконсультъ ихъ правленія. Они поздоровались, и юрисконсультъ лѣниво спросилъ:

— Играете?

— Пришелъ въ первый разъ. Больше смотрѣть.

— Я здѣсь хорошенькихъ ловлю,—сказалъ юрисконсультъ.

Писатель Затминскій, Анкудинъ Анкудиновичъ, сидѣлъ подлѣ молоденькой женщины, плѣшивый, жирный, съ толстымъ, отвисшимъ животомъ, съ сѣдой бородой и маленькими глазками подъ нависшими сѣдыми бровями. Губы плотоядно улыбались, и маленькіе глазки сверкали жаднымъ блескомъ.

Павелъ Аркадьевичъ выбралъ мѣсто и сѣлъ.

Полная дама съ наклеенными бровями, въ ярко-красной кофтѣ. съ огромной золотой брошкой на груди, грузно сѣла подлѣ него, подвинула къ себѣ почти всѣ покрышки и сиплымъ голосомъ сказала своему vis-à-vis съ бритымъ лицомъ:

— Не везетъ и не везетъ. Цѣлую недѣлю. Сегодня нарочио ходила въ церковь и свѣчу поставила; можетъ-быть, будетъ лучше.

— А я купилъ себѣ бѣлыхъ слоновъ на счастье вмѣсто этихъ закрывашекъ,—сказалъ бритый:—ничего не помогаютъ.

— Я покупала слоновъ,—что̀ толку? Одинъ мнѣ далъ черный хлѣбъ съ закатавнымъ таракаиомъ, будто счастье изъ этого. Положила подлѣ и—ничего. Словно на смѣхъ. А какая-нибудь придетъ и все ныигрываетъ. Вонъ та!—Павелъ Аркадьевичъ увидѣлъ, что она показала на его жену.—Каждый вечеръ выигрываетъ.

— Сегодня еще ие кричала,—сказалъ бритый.

Рядомъ съ Павломъ Аркадьевичемъ сидѣла пожилая женщина съ плотно сжатыми синими губами, въ синей полинялой кофтѣ, съ кружевной наколкой на выкрашенныхъ волосахъ. Подлѣ нея сндѣлъ лысый господинъ съ уныло повисшими усами. Она говорила ему шипящимъ голосомъ:

— Если выиграешь—сейчасъ же домой! И нечего азартничать. Одну карту оба возьмемъ. Прошлый разъ вы изволили отойти въ сторону и взяли двѣ карты. Это нечестно!

— Но, милая...—сказалъ онъ.

— Ничего не милая. Смотрите внимательно. Этотъ разъ я возьму.

— Но и я хочу играть.

— Мало ли что̀ хотите! Больше будете зарабатывать, тогда на двухъ играть можете. Сегодня я ложки заложила...

Павелъ Аркадьевичъ невольно улыбнулся. Въ отдаленіи двѣ старухи тоже играли на одну карту. Рядомъ съ нимъ молодая женщина несело переговаривалась съ своимъ сосѣдомъ. Они говорили о какой-то женщинѣ, которая гдѣ-то кому-то плюнула въ лицо.

— Хорошо, что не кислотой,—засмѣялся мужчина.

— И очень даже просто,—сказала дама.

Раздался звонокъ, все смолкло, и опять монотонный голосъ началъ произносить номера, опять кто-то закричалъ „довольно!", опять поднялся шумъ, и забѣгали служащіе съ картами. Стало скучно. Павелъ Аркадьевичъ бросилъ карты и пошелъ изъ залы. Въ проходѣ онъ столкнулся съ грузнымъ Петромъ Яковлевичемъ Лаповымъ. Этотъ Лаповъ служилъ когда-то у нихъ въ правленіи, былъ дѣльный служака, но увлекся картами, опустился и долженъ былъ уйти со службы.

— А, Павелъ Аркадьевичъ!—привѣтствовалъ онъ его, потрясая руку.—Вы какъ сюда попали?

— Случайно. Вотъ жена заразилась игрой. Я и пришелъ посмотрѣть, что̀ это за учрежденіе.

— Великолѣпное! Для хозяевъ, надо прибавить.

— Почему? Вотъ жена моя все выигрываетъ.

— Случай, батюшка, случай! Въ концѣ концовъ все проиграетъ. 10 процентовъ съ общей ставки—вотъ это ужъ чистый выигрышъ. Вонъ они, хозяева.

— Гдѣ?

Лаповъ указалъ ему на трехъ стоящихъ рядомъ евреевъ: одинъ маленькій, похожій иа больную обезьяну, съ согнутой шеей и съ искривленной улыбкой на бритомъ лицѣ.

— Александръ Борисовичъ Лихтерманъ. Битый, перебитый. Три раза держалъ карточные клубы, знакомъ со всѣми шулерами, а рядомъ—Михаилъ Григорьевичъ Дальтрушайцъ. Когда-то держалъ пивную лавку, потомъ занимался портновскимъ дѣломъ, а теперь вотъ содержитъ клубъ.

Павелъ Аркадьевичъ увидѣлъ полнаго румянаго еврея съ длиннымъ горбатымъ носомъ и сочными красными губами. Въ бѣломъ жилетѣ и смокингѣ, онъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, и плотоядно улыбался какой-то молодой женщинѣ.

— А третій—Моисей Абрамовичъ Прыщъ. Это, пожалуй, самый интересный человѣкъ. Кто онъ и откуда—никто не знаетъ. Появился какъ-то внезапно. Говорятъ, изъ острога бѣжалъ; по документамъ — фармацевтъ. Всѣ они или фармацевты, или дантисты. Вошелъ въ эту компанію и является у нихъ главнымъ дѣльцомъ. Онъ здѣсь и „вечера" сочиняетъ и съ полиціей объясняется. Шустрый, веселый.

Павелъ Аркадьевичъ посмотрѣлъ на юркаго молодого человѣка съ изящнымъ проборомъ, внѣшность котораго портили только оттопыренныя уши.

— Вы здѣсь часто бываете?

— Я? Каждый день! Когда есть деньги—играю, когда нѣтъ—хожу и смотрю. Всѣхъ знаю, со всѣми знакомъ.

Къ нимъ подошелъ Синицынъ и, дружески поздоровавшись съ Лаповымъ, сказалъ Павлу Аркадьевичу:

— Ну, вашъ приходъ неудаченъ. Ольга Карповна не выиграла ни разу. Въ большой на васъ обидѣ. За вами послала.

Павелъ Аркадьевичъ взглянулъ на часы и пошелъ къ женѣ. Она ждала его, запрокинувъ голову.

— Въ чемъ дѣло?

— У тебя есть деньги? Ты много проигралъ?

— Я? Рублей пять, а что̀?

— Дай мнѣ 10 рублей. Я все проиграла.

— Все? Ты же говорила, что за весь вечеръ можно только проиграть 25 рублей. А теперь... половина перваго. Лучше пойдемъ домой.

— Ахъ, нѣтъ; оставь, пожалуйста. Я же должна выиграть! Я каждый вечеръ выигрываю. Дай мнѣ 10 рублей.

— Возьми хоть 15. Ужинать будешь?

— Непремѣнно,—сказалъ подошедшій Синицынъ.—Какъ же безъ ужина?

— Ну, а вы, Калерія Марковна, что̀ сдѣлали?

— Сегодня выиграла 40 рублей.

Ольга Карповна недовольно улыбнулась:

— Я думаю, что проигрываю оттого, что ты пришелъ,—сказала она:—и сглазилъ.

— Ну ужъ сглазить никакъ не могъ, потому что ни малѣйшей зависти къ твоимъ выигрышамъ не питаю, — отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ, передалъ деньги и отошелъ въ сторону.—Я здѣсь похожу покуда,—сказалъ онъ.—Когда кончишь, пусть Константинъ Петровичъ скажетъ мнѣ.

И онъ опять пошелъ бродить между столами и присматриваться къ играющимъ.

Къ нему снова подошелъ Лаповъ.

— А васъ совсѣмъ игра не интересуетъ?—спросилъ онъ.

— Да, это очень скучная игра.

— Понятно, карты интереснѣе,—сказалъ Лаповъ:—но для хозяевъ это доходнѣе. Клубъ съ картами и закрыть могутъ въ любую минуту, а тутъ дѣло чистое. Собирай 10 процентовъ—и никакихъ. Самое трудное игроковъ приманить. Здѣсь—благодать. Сами такъ и идутъ, какъ на огонь.

— Кто здѣсь больше играетъ?

— Какъ кто? Всѣ! И дѣвицы, и дамы, и военный, и актеръ, и писатель... Вонъ видите, бритая рожа? Одеколономъ себѣ голову примачиваетъ. Длинные волосы. Это—поэтъ Снѣговъ. Настоящая фамилія—Гицель. Забавный субъектъ. Одно время выигрывалъ, теперь все проигрываетъ. Но не унываетъ и каждый день тутъ какъ тутъ. Съ самаго начала и до самаго конца. А вонъ тотъ! Полковникъ въ отставкѣ, почтенный человѣкъ, приходитъ каждый день играть и въ коробочкѣ таракана приноситъ. Здѣсь есть что̀ посмотрѣть. Весь полусвѣтъ налицо. Вѣроятно, и сной Долматовъ есть. Почти весь Петербургъ. А вотъ этотъ, посмотрите,—онъ указалъ ему на маленькаго роста въ бархатномъ жилетѣ старика съ отвисшими ушами, сизымъ носомъ и шлепающими губами.—ростовщикъ, Генрихъ Германовичъ Пинкусъ. У него съ собой всегда деньги. Какъ какая барынька проиграется, сейчасъ ему мигнетъ—въ гостиную. Часы, браслетъ ли, брошка,—все беретъ. Осмотритъ, губами почмокаетъ и за четвертъ цѣны беретъ. Иногда подъ залогъ даетъ, но рѣдко. Большей частью покупаетъ. Ну, если богатая, извѣстная, той дастъ подъ большіе проценты. Этимъ и живетъ. Ходитъ себѣ, какъ ни нъ чемъ не бывало, или у притолоки стоитъ и ждетъ. Настоящая акула. И сладострастникъ. Павіанъ, можно сказать.

— Много тутъ интереснаго, — сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Приходите почаще, не то увидите.

Въ игрѣ произошелъ перерывъ.

Среди общаго молчанія щелкала машина, и на доскѣ другъ за другомъ появлялнсь всѣ номера: 10, 17, 68, 13, 25, 90...

— Что̀ это такое? — спросилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Провѣрка машины. Сейчасъ будутъ играть за 50 копеекъ полчаса, а потомъ три игры по рублю—и конецъ.

— Слава Богу, — сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

Къ нему снова подошелъ Синицынъ:

— Вы, видимо, скучаете? Я совсѣмъ проигрался. Пойдемте въ буфетъ и тамъ займемъ столикъ.

— Пойдемте.

Онъ пожалъ руку Лапову.

Лаповъ задержалъ его руку и тихо сказалъ:

— Одолжите мнѣ три рубля.

Павелъ Аркадьевичъ смутился:

— У меня всего пять рублей.

— Ну, рубль.

Онъ взялъ рубль и тотчасъ же крикнулъ служащему:

— Дай карту!

Павелъ Аркадьевичъ пошелъ съ Синицынымъ въ буфетную комнату, и они заняли столикъ.

— Вы его давно знаете? — спросилъ Синицынъ.

— Лапова? Онъ служилъ у насъ. А что̀?

— Такъ. Интересный субъектъ. Игрокъ до мозга костей. Хоть въ плевки.

— Онъ изъ-за этого и службу бросилъ. Не знаю, гдѣ онъ теперь служитъ.

— Нигдѣ. У него своя спеціальность теперь. Уставы проводитъ.

— Это что̀ же за спеціальность?

Синицынъ усмѣхнулся:

— Довольно хитрая и при искусствѣ прибыльная. Если бы онъ не игралъ, у него деньги были бы.

— Въ чемъ же его дѣло?

— Видите ли, теперь по закону 1905 года у насъ явочный порядокъ для открытія всякаго общества. Надо представить уставъ и прошеніе въ провинціи губернатору, а у насъ—градоначальнику. Уставъ разсматривается въ особой комиссіи и либо утверждается, либо отвергается. Вотъ онъ и добываетъ такіе уставы для всякаго клуба.

— Все же не понимаю, — улыбнулся Павелъ Аркадьевичъ: — въ чемъ доходъ его.

— А въ томъ,—объяснилъ Синицынъ:—что добиться разрѣшенія не такъ легко. Еврею даже невозможно. И вотъ всякія темныя личности и стараются купить такой уставъ готовый. У Лапова тамъ печки-лавочки, и ему легко доставать разрѣшенія. Вотъ онъ ими и торгуетъ.

— И выгодно?

— Меньше трехъ тысячъ не беретъ, а бываетъ—шесть стянетъ. Послѣ клубъ этотъ черезъ недѣлю закроютъ, а у него уже новый уставъ. Въ родѣ того, какъ въ былое время право на изданіе газеты.

— Интересно!

— Да еще какъ! А если бы вы знали, какъ создаются эти клубы, какъ изъ дантиста безъ брюкъ банкиры дѣлаются, благодаря этимъ клубамъ. Вамъ бы все это сказкой показалось. Однако пора и за ужинъ, — прервалъ онъ себя. — Вотъ наши дамы идутъ.

Калерія сіяла. Ольга Карповна подошла къ столу съ недовольнымъ лицомъ.

— Все проиграла,—сказала она, садясь:—хотя бы разъ удалось.

— А я выиграла 70 рублей, — сказала Калерія.

— И мужу не дала даже пяти, — отозвался Синицынъ.

— Зато всѣхъ угощаю ужиномъ и тебя дѣлаю распорядителемъ.

Ольга Карповна сидѣла молча, нахмурившись.

Когда они вышли изъ клуба и сѣли въ пролетку, она стала говорить съ обидой и горечью:

— Даже удивительно. Вокругъ выигрывали, а я ни разу, и, какъ на зло, всегда была кварта. Выйдетъ сразу, а потомъ нѣтъ и нѣтъ. Хоть бы разъ. Я даже измучилась. Калерія подлѣ меня сидѣла и выигрывала и такъ кричала: „довольно", что у меня уши заболѣли. Держать себя не умѣетъ. И понять не могу, почему такъ не везло. Я думаю оттого, что всѣ завидовали.

— Много проиграла?

— Я взяла 35 рублей, да ты далъ 15. Вотъ 50 рублей.

— Говорила, что больше 25—30 рублей проиграть нельзя, а вышло 50. Будь больше—проиграла бы больше.

— Ну, это я въ азартѣ: я брала по три карты. Этого никогда дѣлать не надо. Играла все время на двухъ, и надо было продолжать на двухъ. Ну да что̀ говорить... Проиграла, такъ проиграла. Завтра отыграюсь...

— Какъ завтра? — Павелъ Аркадьевичъ даже повернулся въ пролеткѣ.

Она смутилась:

— Я такъ, вообще... Ну, не завтра, послѣзавтра...

Онъ ничего не отвѣтилъ, и они молча продолжали свою дорогу.

Ольга Карповна мысленно переживала неудачу своей игры. Вотъ у нея кварта, нужно 58, а выкликнули: 52, 54, 57, а 58 словно пропало. Выдача была 49 рублей. Если бы она выиграла 49 рублей, то могла бы продолжать игру до конца и, можетъ-быть, въ одну изъ послѣднихъ игръ за 1 рубль выиграла бы 140 — 150 рублей. Калерія говорила, что везетъ по недѣлѣ, по двѣ, а у нея удачи были только четыре дня. Нѣтъ, она должна еще выиграть.

Словно отвѣчая на ея мысли, Павелъ Аркадьевичъ сказалъ:

— Какъ нелѣпо! Въ лото разбираютъ 300—400 картъ; слѣдовательно, у каждаго игрока шансъ на выигрышъ только $^1/_{400}$. Совсѣмъ ничтожный. На бѣгахъ или на скачкахъ заразъ бѣгутъ 12 лошадей, и у играющаго шансъ выигрыша $^1/_{12}$. Гораздо больше. Все же люди разоряются, а въ лото воображаютъ, можно выиграть.

— Совсѣмъ ничего нѣтъ общаго,—отвѣтила Ольга Карповна.—На тотализаторѣ за 10 рублей даютъ 12 рублей; рѣдко, рѣдко, если дадутъ 40—50 рублей, а здѣсь за 20 коп. тѣ же 40 рублей. Это большая разница.

Они пріѣхали домой, и Ольга Карповна, все еще подъ впечатлѣніемъ проигрыша, молча прошла дворъ, поднялась въ квартиру, раздѣлась и вошла въ спальню.

— Загляни въ дѣтскую,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Я это и хотѣла сдѣлать, только переодѣлась бы,—отвѣтила Ольга Карповна, и въ ея голосѣ послышалось раздраженіе.

Было уже три часа ночи.

— Я работаю каждый день до двухъ, до трехъ часовъ ночи, а случается и позже, и никогда не чувствовалъ такого утомленія, какъ сейчасъ, вернувшись изъ этого клуба. И воздухъ тамъ... Убійственный воздухъ.

— А мнѣ нравится, — сказала Ольга Карповна и, надѣвъ капотъ, прошла въ дѣтскую.

Дѣти спали. Катя лежала, обнявъ новую куклу. Петя разметался, сбросивъ съ себя одѣяло. Ольга Карповна покрыла Петю, поцѣловала его въ лобъ и подошла къ Катѣ. Нянька проснулась и сказала:

— Вернулись, барыня?

— Вернулись, няня. А какъ дѣти?

— Чего дѣти! Поиграли, поѣли и спать легли. Что̀ съ ними будетъ? Дѣти хорошія.

— Ну, спи,—сказала Ольга Карповна и прошла въ спальню. Видъ дѣтей успокоилъ и отрезвилъ ее.

Мысль о проигрышѣ смѣнилась увѣренностью, что она успѣетъ отыграться. Сегодня проиграла, такъ что̀ же? Это, можетъ-быть, къ лучшему. Не все же выигрывать. И рада она, что Калерія выиграла. Досадно только, что мужу игра не понравилась. Ну, да бѣда невелика. Все-таки она завтра пойдетъ и поправитъ свои дѣла. А онъ... поворчитъ и перестанетъ. Развѣ она дѣлаетъ что-нибудь худое? Съ этими мыслями она легла въ постель.

Павелъ Аркадьевичъ молча загасилъ электричество.

VIII.

Былъ часъ дня, когда проснулась Ольга Карповна, и первая ея мысль была объ игрѣ въ лото. Сегодня она выиграетъ. Непремѣнно. Это такъ просто. Не можетъ быть, чтобы счастье оставило ее такъ быстро. Сегодня она поѣдетъ одна, безъ Калеріи. Навѣрное, это Калерія принесла ей несчастье, а можетъ-быть, и мужъ. При этой мысли она сразу оживилась и громкимъ голосомъ закричала:

— Няня, дай чаю!

На ея голосъ прибѣжали дѣти. Катя сѣла подлѣ кровати. Петя взобрался на постель. Она ласково поцѣловала дѣтей. Няня внесла чай и булки.

— Луша спрашиваетъ, будете обѣдъ заказывать сейчасъ или послѣ?

— Послѣ, послѣ, — сказала Ольга Карповна. — Не успѣешь глазъ раскрыть, какъ уже всѣ ко мнѣ пристаютъ. Дайте немного прійти въ себя. Скажи Лушѣ, пусть она готовитъ завтракъ. Дѣти уже поѣли?

— А то голодомъ имъ сидѣть? Спите до часу, до двухъ, а имъ ждать. Сейчасъ гулять пойдемъ.

— Вотъ и отлично. А я тѣмъ временемъ встану, обѣдомъ распоряжусь. Вернетесь, обѣдать будемъ.

Няня вышла изъ спальни. Катя заговорила:

— Мама, а сегодня будемъ учиться?

— Учиться?—Ольга Карповна смутилась въ душѣ. Въ эти дни она совсѣмъ не занималась съ Катей, и сегодня у нея не было никакого расположенія.—Сегодня погуляй, Катя,—сказала она.—Это время мнѣ некогда съ тобой заниматься. Ты читаешь?

— Читаю и списываю. Я теперь читаю вслухъ. У меня сказка есть.

— Она мнѣ сказку читаетъ,—сказалъ Петя.—Про кота въ сапогахъ.

— И сказки читаю, а потомъ журналъ съ картинками.

— Ну, а завтра учиться станемъ, — сказала разсѣянно Ольга Карповна.

Ей вдругъ представилась вчерашняя кварта. Нужно было 58, не вышло, а Калерія выиграла. Закричали 16, и она взяла.

— А у меня паровозъ сломался. Катька заводила-заводила, пружину и испортила,—сказалъ Петя.

— И вовсе не я. Просто паровозъ испортился. При чемъ тутъ я?—возразила съ азартомъ Катя.

— Я говорилъ — довольно, а ты все заводишь. Пружина и треснула.

— Она и такъ бы треснула: ты заводилъ черезъ каждыя пять минутъ,—никакая машина не выдержитъ.

— И выдержитъ. Вотъ желѣзная дорога каждый день ходитъ и туда и назадъ, да какъ ходитъ! Вонъ папа говоритъ, что по 1.000 верстъ ходитъ, а пружина не портится.

— Дуракъ, тамъ не пружина.

— Дѣти, замолчите! — сказала Ольга Карповна. — Вы мнѣ мѣшаете думать. Подите въ дѣтскую, я сейчасъ вставать буду.

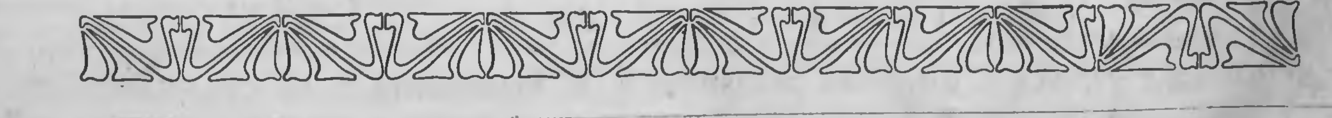
Няня вошла и принесла чай.

— Ну, а теперь меня оставьте. Я выпью чай и буду вставать.

Дѣти ушли. Изъ дѣтской раздался ихъ смѣхъ, а потомъ ссора. Послышался голосъ няньки:

— Вотъ папа придетъ, я ему скажу про васъ. Что̀ за озорники такіе! Все ссоры да споры. Нѣтъ, чтобы миромъ. Одѣвайтесь, гулять пойдемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровка Балконъ. Выставка картинъ О-ва въ память академика К. Я. Крыжицкаго.

Мѣсторожденія радія.

Очеркъ **М. А. Орлова.**

Интересъ къ радію, какъ къ лѣчебному средству, достигъ въ настоящую минуту высшаго подъема, и такъ какъ вся масса этого драгоцѣннаго и рѣдкаго вещества, какую даже удалось добыть, не превышаетъ 2—3 золотниковъ, то понятно, что главною заботою теперь стало приведеніе въ извѣстность всѣхъ естественныхъ мѣсторожденій его. О его значительной распространенности въ природѣ надо заключить изъ того, что слѣды его присутствія открыты чуть не повсемѣстно. То и дѣло являются указанія на радіоактивные минеральные источники, находимые въ разныхъ мѣстностяхъ, и при томъ во множествѣ: въ ихъ водѣ, либо въ газахъ, которые изъ нихъ выдѣляются, обнаруживается явное присутствіе выдѣленій (эманаціи) радія и даже самаго радія.

Какъ извѣстно, главною рудою, изъ которой до сихъ поръ добывали радій, была такъ называемая смоляная руда (Pechblende), названная такъ нѣмцами по причинѣ ея смолистаго блеска и нѣкотораго внѣшняго сходства съ натуральнымъ сѣрнистымъ цинкомъ, который по-нѣмецки называется Blende. Главными мѣсторожденіями этой руды до сихъ поръ считался городокъ Іоахимсталь, въ Богеміи. Затѣмъ слѣды радія были открыты въ другихъ минералахъ, содержащихъ уранъ: въ уранитѣ, пироморфитѣ, халколитѣ; далѣе, въ минералахъ, содержащихъ торій: въ торитѣ, оранжитѣ, монацитѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ радій былъ открытъ, въ поискахъ за нимъ были тщательно изслѣдованы всѣ минералы, въ которыхъ содержатся элементы, родственные съ нимъ, особенно же барій, висмутъ, уранъ, свинецъ, торій. Нерѣдко эти изысканія увѣнчивались успѣхомъ. Такъ, въ Швеціи издавна былъ обнаруженъ высшій сортъ каменнаго угля, такъ называеваемый лигнитъ, самъ по себѣ малоцѣнный даже какъ топливо. Но въ немъ обнаружили прослойки какого-то минерала, содержащаго уранъ и оказавшагося радіоактивнымъ. Испытанія показали, что въ этомъ минералѣ содержится радій въ такомъ количествѣ, что его можно оттуда добывать. Образовалась компанія капиталистовъ, основала заводъ неподалеку отъ Стокгольма и теперь перерабатываетъ эту руду. Въ этой таинственной рудѣ содержаніе радія исчислено въ 4—5 миллиграммовъ на тонну, такъ что она богаче радіемъ, чѣмъ пресловутая іоахимстальская смоляная руда. Но подумайте: эта „богатая“ руда дастъ только одинъ граммъ радія при тщательной и кропотливой переработкѣ 200 тоннъ, т.-е. 12.000 пудовъ. Въ нашемъ фунтѣ 409 граммовъ, и, значитъ, для добыванія фунта радія понадобилось бы переработать (12.000×409) около пяти милліоновъ пудовъ этой руды! А между тѣмъ весь этотъ шведскій лигнитъ, быть-можетъ, дастъ всего только лишь нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ руды.

Въ настоящее время добываютъ радій два большіе завода:— одинъ—во Франціи, другой—въ Англіи. Французскій заводъ находится около Парижа, въ Ножанѣ. Дѣла его идутъ очень бойко, годъ отъ году ширятся, хотя французы перерабатываютъ не свою руду, а пріобрѣтаютъ урановую смолянку изъ-за границы. Англійскій заводъ построенъ въ окрестностяхъ Лондона: здѣсь перерабатывается своя, англійская руда, добываемая въ Корнуэльсѣ, извѣстномъ богатомъ мѣсторожденіи оловянныхъ и мѣдныхъ мииераловъ.

В. Рыкачева. Intérieur.
Выставка картинъ О-ва въ память академика К. Я. Крыжицкаго.

Затѣмъ открыто не мало второстепенныхъ, пока еще мало изслѣдованныхъ, мѣсторожденій минерала, повидимому, содержащихъ радій, напримѣръ, въ окрестностяхъ Вѣны, въ Неу-Ленгбахѣ, въ Закопане (Галиція), въ горахъ Пайнтеръ (Южная Австралія), въ нѣмецкихъ владѣніяхъ восточной Африки, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ.

Что касается нашихъ русскихъ мѣсторожденій радія, то о нихъ тщательно собираетъ свѣдѣнія наша Академія Наукъ. Пока, до сихъ поръ, ея труды увѣнчались слѣдующими результатами. Особыя надежды, которыя возлагались-было на Уральскія и Кавказскія горы, не оправдались. На Кавказѣ даже прямо указывали мѣста, гдѣ можно добывать радіоносные минералы, но, по провѣркѣ, ихъ тамъ не оказалось. Правда, часть Кавказа остается еще вовсе не обслѣдованной. Въ области Уральскаго хребта дѣйствительно найдено не мало мѣсторожденій радіоносныхъ минераловъ, но ближайшее изслѣдованіе показало, что весь этотъ матеріалъ не стоитъ серьезной переработки: радія въ немъ черезчуръ ужъ мало: нельзя же перемалывать цѣлую гору, чтобы добыть одинъ миллиграммъ радія. Едва ли не единственное наше мѣсторожденіе, которое все же сулитъ нѣчто осязательное, открыто въ Ферганѣ: затѣмъ заслуживаютъ, какъ кажется, вниманія залежи, намѣченныя около озера Байкала и въ Нерчинскомъ округѣ. Но Академія сѣтуетъ, что у нея нѣтъ средствъ на то, чтобы произвести обслѣдованія на мѣстахъ мѣсторожденій и подвергнуть добытый матеріалъ испытанію, для чего потребовалось бы завести при Академіи особую лабораторію.

Въ послѣднее время было сдѣлано открытіе, которое, быть-можетъ, много облегчитъ задачу добыванія радія. Дѣло въ томъ, что найдено новое вещество:—мезоторій, которое можетъ вполнѣ замѣнять радій въ тѣхъ примѣненіяхъ, гдѣ свойства радія играютъ существенную роль, потому что мезоторій какъ разъ обладаетъ этими же свойствами. О металлѣ торіи мы уже упоминали въ этой замѣткѣ. Онъ относится къ одной группѣ съ кремніемъ, титаномъ, цирконіемъ, углеродомъ, вообще съ элементами четвертой группы, по классификаціи покойнаго Д. И. Менделѣева. При извѣстныхъ условіяхъ онъ, какъ и радій, способенъ къ распаденію; однимъ изъ продуктовъ этого распада и является мезоторій, который обладаетъ всѣми существенными свойствами радія, но обходится значительно дешевле его. Мезоторій добывается изъ торіанита, который встрѣчается на островѣ Цейлонѣ, также изъ упомянутаго выше моиацита. Теперь для его добыванія употребляютъ тѣ остатки, которые получаются отъ добыванія окисловъ торія и церія, идущихъ на пропитаніе сѣтокъ, которыми снабжаются калильныя лампы системы Ауэра. Эти остатки въ настоящее время перерабатываются на заводѣ Кнефлера, около Берлина, и цѣна добываемаго изъ нихъ мезоторія вдвое дешевле радія. Въ виду крайней дороговизны этихъ радіоактивныхъ веществъ, теперь на ряду съ ихъ продажею практикуется отдача ихъ на прокатъ, во временное пользованіе. Люди, нуждающіеся въ радіѣ или мезоторіѣ, за извѣстную плату берутъ сколько имъ нужно драгоцѣннаго вещества отъ учрежденія, этимъ занимающагося, и, по минованіи надобности, обязуются вернуть его обратно. Въ Лондонѣ и Парижѣ уже учреждены такіе ссудные банки радія. Берлинская академія наукъ пріобрѣла партію мезоторія съ завода Кнефлера и безплатно ссужаетъ имъ ученыхъ съ обязательствомъ вернуть ссуду обратно по минованіи надобности. Прокатная цѣна радія въ парижскомъ и лондонскомъ ссудныхъ банкахъ очень высока.

И. Шультце. Мотивъ близъ Генуи.
Выставка картинъ О-ва въ память академика К. Я. Крыжицкаго.

Выставка ученицъ и учениковъ академика К. Я. Крыжицкаго. По фот. I. Глыбовскаго.

Она пришла.

Разсказъ **В. К. Келера.**

Вы спрашиваете, почему я остался холостякомъ. А вотъ выслушайте меня—и скажите, женились ли бы вы сами, или нѣтъ.

Вы знаете, я еще смолоду любилъ гулять одинъ. Идешь тихо, ни съ кѣмъ не разговариваешь, останавливаешься тамъ, гдѣ хочешь, и никто не мѣшаетъ тебѣ любоваться тѣмъ, что тебѣ нравится.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ—я жилъ тогда въ Швейцаріи—мнѣ пришлось, идя вдоль маленькой рѣчки, зайти въ окруженную горами долину. Въ глубинѣ долины, у самыхъ горъ, стоялъ домикъ, заросшій цвѣтущими розовыми кустами. Передъ нимъ тянулись къ небу акаціи, защищая его своей тѣнью отъ жгучихъ лучей палящаго солнца.

Было жарко. Я усталъ и присѣлъ на траву недалеко отъ домика. Только что я снялъ съ плечъ дорожный мѣшокъ и расположился какъ слѣдуетъ отдохнуть, какъ на меня бросилась съ громкимъ лаемъ собака.

— Тубо, Муверъ, назадъ!—раздался изъ окна молодой женскій голосъ.

Собака оглянулась, завиляла хвостомъ, но, остановившись передо мной, продолжала сердито рычать и лаять.

— Не бойтесь, она не тронетъ,—проговорила высокая красивая дѣвушка, выходя изъ дому и отзывая собаку. — Войдите, отдохните... Я сейчасъ позову мать.

Дѣвушка ввела меня въ домъ и оставила въ первой комнатѣ, а сама вышла и скоро вернулась въ сопровожденіи матери.

Мы познакомились.

Я сталъ бывать у нихъ довольно часто и скоро такъ подружился съ дѣвушкой, что приходилъ въ домикъ почти ежедневно.

Я замѣтилъ, что, когда мнѣ почему-либо случалось пропускать день или два, Дина при встрѣчѣ смотрѣла на меня огорченными глазами. Я понялъ, что это значитъ.

Мы полюбили другъ друга. Я говорю „мы“, потому что я-то съ перваго взгляда полюбилъ эту дѣвушку. Она была для меня нѣжнѣе и чище цвѣтовъ, росшихъ въ долинѣ: она казалась мнѣ прозрачнѣе неба и легче мечты. Она совсѣмъ овладѣла мною, я думалъ только о ней и не могъ себѣ представить, что мнѣ придется когда-нибудь съ нею разстаться.

Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ эту дѣвушку, все стало для меня сномъ. Полюбивъ ее, я грезилъ наяву. Въ моихъ грезахъ мнѣ казалось, что все, какъ и я, живетъ, все любитъ и все чувствуетъ. Казалось, что по-людски живутъ растущіе въ долинѣ нарциссы, что живутъ, мыслятъ и чувствуютъ красные маки и темныя фіалки. Мнѣ думалось, что, вѣчно мечтая, вздыхаютъ нарциссы, вѣчно волнуются маки, и что только душистыя фіалки спокойно проходятъ путь жизни. Мнѣ казалось, что живутъ и горы, защищающія долину отъ вѣтра. Въ ранній часъ утра, когда солнце, проснувшись, взглянетъ на землю, вершины ихъ вспыхнутъ и покроются розовой дымкой, вспыхнетъ и воздухъ, вспыхнетъ и затрепещетъ и трепетной лаской начнетъ будить еще спящія горы. Проснутся онѣ и вздохнутъ. Тихій гулъ пронесется по горамъ и замретъ гдѣ-то далеко.

Встрепенется природа. Спавшій ручей зажурчитъ, рѣка быстрѣе понесетъ свои чистыя воды, заговорятъ деревья, проснутся птички и весело запоютъ, привѣтствуя нѣжное утро. Проснутся нарциссы и маки, цвѣтущіе въ долинѣ у рѣчки, нагнутся надъ нею, заглянутъ въ нее, полюбуются въ водѣ своимъ отраженіемъ, а потомъ поднимутся и потянутся къ солнцу и къ небу, прося у нихъ поцѣлуя. А солнце ласковое и яркое, а небо чистое и безпредѣльно глубокое.

Такой же чистой и глубокой была моя любовь къ этой дѣвушкѣ, но...

Какъ-то подъ вечеръ, возвращаясь съ прогулки,—я часто гулялъ съ Диной,—мы сѣли на берегу рѣки и любовались игрой лучей заходящаго солнца съ волнами рѣки.

Было прохладно: воздухъ былъ свѣжъ и такъ влаженъ, что скоро поднялся туманъ.

Вотъ въ небѣ блеснула звѣзда. Все смолкло—то мирная ночь наступала.

Запѣлъ соловей.

Мы невольно прижались другъ къ другу и, слушая пѣсни любви, крѣпко обнялись, а наши голоса, звучавшіе раньше такъ смѣло, вдругъ задрожали и перешли въ робкій шепотъ. Долго сидѣли мы такъ, и... налетѣвшее пламя любви сожгло наши юныя души.

Когда мы очнулись, во влажныхъ глазахъ моей Дины увидѣлъ я радость бытія, которая раньше лишь смутно бродила въ моемъ переполненномъ сердцѣ.

Взглянувъ черезъ рѣку, увидѣлъ я красиые маки. Они волновались и, опустивъ лепестки, открыли намъ черныя пятна угасшей любви.

„Вотъ онъ, конецъ всѣмъ мечтамъ и надеждамъ“,—подумалъ я, глядя на нихъ и на Дину.

Но тутъ ароматныя фіалки, приподнявшись съ земли и обдавъ насъ душистымъ дыханьемъ, манили листками къ себѣ и къ спокойному счастью.

— Гляди, какъ нѣхъ радуетъ наше счастье. Гляди, какъ прекрасно въ долинѣ!—сказала мнѣ Дина.—Мы любимъ другъ друга навѣки. Вѣдь правда, ты—мой, я—твоя?.. А маки всегда недовольны—вѣдь сердце ихъ мрачно, хотя и горятъ ихъ головки любовью. А фіалки? Неправда ли, милый, что счастье спокойныхъ фіалокъ не можетъ быть счастьемъ нарциссовъ?

Такъ жилъ я все лѣто.

Общій видъ княжества Монакскаго, самаго маленькаго самостоятельнаго государства въ Европѣ. Все княжество помѣщается на небольшой скалѣ, выдвинувшейся въ море. Въ настоящее время Мокако празднуетъ 25-лѣтній юбилей воцаренія князя Альберта I.

Какъ-то осенью меня задержали дѣла, и я нѣсколько дней не могъ быть въ долинѣ. Когда же мнѣ удалось вырваться изъ города, я не засталъ въ домикѣ ни моей дорогой дѣвушки ни ея матери. Хозяйка подала мнѣ письмо и сказала, что жилицы ея, получивъ неожиданное извѣстіе, быстро собрались и уѣхали.

— Когда же?—спросилъ я машинально и, не слушая того, что̀ мнѣ отвѣчала хозяйка, развернулъ листокъ бумаги и прочелъ лаконическую записку:

„Прощай, дорогой мой. Намъ надо немедленно ѣхать. Помни: душа моя будетъ вѣчно съ тобой. Мы встрѣтимся снова. Не забывай своей Дины. Къ тебѣ я приду“.

Какъ сумасшедшій, бросился я въ домикъ и обѣжалъ всѣ комнаты, думая найти мою Дину,—но напрасно.

Я вышелъ на воздухъ и взглянулъ на горы. Мнѣ показалось, что Дина идетъ по склону горы и смотритъ на домикъ. Вотъ она обернулась, еще обернулась, остановилась, и мнѣ послышался даже ея далекій голосъ: „Приду... приду“...

Я протянулъ къ ней руки, я звалъ ее, просилъ вернуться, но она исчезла. Я закрылъ руками лицо.

Когда хозяйка домика брызнула на меня холодной водой, я пришелъ въ себя, открылъ глаза и увидѣлъ, что въ долинѣ смутились цвѣты, что смутилось и солнце и скрылось въ горахъ. Горемъ повѣяло съ горъ, надвинулись тучи и вдругъ зарыдали, и слезы небесъ упали въ долину. Поникли главами нарциссы, къ землѣ прижались фіалки, и только красные маки безумно и зло хохотали.

Что̀ было дальше со мною — я не знаю. За мною кто-то ухаживалъ, кто-то меня успокаивалъ, кто-то довелъ до дому.

Я вернулся въ Россію и, чтобы забыться, усиленно занялся дѣлами. Но все было напрасно: не все можно забыть.

Скоро товарищи стали называть меня сумасшедшимъ, потому что имъ казалось, что я задумываюсь чаще, чѣмъ это полагается нормальному человѣку.

Лежа одинъ на диванѣ или сидя съ друзьями за столомъ, я вдругъ уносился мыслями далеко отъ обыденной жизни. Я грезилъ наяву и, конечно видѣлъ больше дивныхъ сновъ, чѣмъ мои друзья, что̀ грезили только во снѣ и называли меня безумнымъ.

Обыденная жизнь съ постоянными заботами и борьбой за работу—эта вѣчная вражда между людьми и вѣчное соперничество—всегда была мнѣ противна. Теперь же я возненавидѣлъ эту жизнь, и, конечно, ея неумолимыя требованія скоро довели бы меня до самоубійства, если бы не эта способность мечтать.

Въ своемъ безуміи я носился въ морѣ мыслей и испытывалъ ни съ чѣмъ несравнимое блаженство. Оно было несомнѣнно выше и лучше того, что̀ люди обыкновенно называютъ счастьемъ, потому что я свое счастье въ мечтѣ могъ призывать въ любую минуту и брать во всемъ свою долю наслажденія.

Въ своихъ мечтахъ я забывалъ всѣ житейскія непріятности и всѣ уколы судьбы, я носился на дивной высотѣ, куда не доходилъ шумъ жизни, и гдѣ не были слышны крики побѣдителей и вопли побѣжденныхъ.

Рѣкою мечтаній я уносился чаще всего въ горы, разыскивалъ въ нихъ вѣчно покрытую цвѣтами долину и вдали отъ людей наслаждался тѣмъ счастьемъ, въ поискахъ за которымъ люди растрачиваютъ свое призрачное и жалкое существованіе. Въ этой долинѣ я отдыхалъ, упиваясь возбуждающимъ воздухомъ горъ, и наслаждался воспоминаніемъ о прошедшемъ.

Долго жилъ я такою двойною жизнью. Иногда мнѣ трудно было разобраться, гдѣ кончалась одна жизнь и начиналась другая. Мечты переносились въ дѣйствительность, а жизнь — въ мечты.

За время моей жизни въ долинѣ я такъ привыкъ къ Динѣ, что ея образъ стоялъ всегда передо мной: я такъ привыкъ ей вѣрить, что ждалъ, когда она ко мнѣ явится. Ея послѣднее „приду“ слышалось мнѣ постоянно.

Я ждалъ ея прихода, но она такъ и не являлась.

Впрочемъ, разъ мнѣ показалось, что я узналъ ее на набережной Невы. Она шла съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Я бросился за нею: она обернулась и улыбнулась мнѣ, какъ старому знакомому. Я собирался-было заговорить съ нею, но толпа гуляющихъ насъ раздѣлила. Когда же я пробрался къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ Дину, ея больше тамъ не было.

Прошло нѣсколько лѣтъ, но я не забылъ чудной дѣвушки изъ цвѣтущей долины. Я ее ждалъ.

II.

Я пріѣхалъ на поѣздъ, отходящій изъ Ниццы въ Парижъ.

— У васъ первое отдѣленіе, сударь; вотъ тутъ, пожалуйте,—любезно сообщилъ мнѣ проводникъ вагона, принимая отъ носильщика мои вещи.

Размѣстивъ чемоданы по сѣткамъ, я сталъ у окна и отъ нечего дѣлать принялся наблюдать толпу, суетившуюся на платформѣ.

Къ моему вагону подходило нѣсколько человѣкъ.

Впереди, съ молитвенникомъ въ рукахъ, выступалъ въ черной рясѣ католическій священникъ; за нимъ, поддерживаемая двумя монахинями въ бѣлыхъ чепцахъ, шла больная дама.

Прежде чѣмъ войти въ вагонъ, священникъ заговорилъ съ проводникомъ, а больная, обернувшись къ столпившимся у вагона пассажирамъ, разсматривала ихъ съ большимъ вниманіемъ.

Монакскій дворецъ, резиденція князя Альберта I.

Юбилейные дни княжества Монакскаго. По фот. Ш. Шюссо-Флавьенъ въ Парижѣ.

Въ это время къ сосѣднему вагону подошла женщина въ черномъ вуалѣ.

Больная заволновалась и хотѣла двинуться ей навстрѣчу.

— Не волнуйтесь, дочь моя, входите,—остановилъ ее священникъ.

При помощи священника и монахинь дама молча прошла въ свое отдѣленіе.

Когда она проходила мимо меня, мое сердце заныло, и меня невольно повлекло къ ней чувство необъяснимой симпатіи. Я снялъ шляпу и поклонился.

Больная этого не замѣтила, и на поклонъ мой отвѣтилъ священникъ.

Вагонъ постепенно наполнился.

Былъ вечеръ. Легкій вѣтерокъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, проникалъ черезъ открытыя окна въ вагонъ.

Пассажиры стояли въ проходѣ — жалко было разставаться съ дивной, благоухающей страной, хотѣлось хоть минуту еще насладиться и подышать чуднымъ воздухомъ.

Наконецъ поѣздъ тронулся.

Тихо постукивая колесами, онъ лѣниво подвигался впередъ, точно и ему не хотѣлось покидать города съ такимъ мягкимъ и влажнымъ дыханіемъ.

Но вотъ рука машиниста бросила его впередъ; онъ рванулся и бѣшено помчался вдоль моря, по берегу котораго серебряными змѣйками тихо ползли маленькія волны.

После Марселя я отправился обѣдать въ вагонъ-ресторанъ.

Сосѣдкой моей за столомъ оказалась та дама въ черномъ вуалѣ, которая привлекла почему-то вниманіе больной.

Кромѣ нея, за столомъ сидѣло еще двое господъ, повидимому, англичанъ.

Сначала всѣ молчали, но послѣ перваго же блюда я разговорился со своими спутниками.

Дама не произносила ни слова и какъ будто совсѣмъ не обращала вниманія на наше присутствіе.

Когда обѣдъ кончился, и мои собесѣдники вышли, я остался вдвоемъ съ молчаливой незнакомкой.

— Можно задать вамъ странный вопросъ? — неожиданно спросила меня сосѣдка спокойнымъ голосомъ.

— Пожалуйста.

— Вы ѣдете одни въ отдѣленіи или нѣтъ?

Я смутился и ничего не отвѣтилъ.

— Если одни, то позвольте мнѣ зайти къ вамъ,— продолжала дама.

— Сударыня, я... вы...— пробормоталъ я сконфуженно.

— Мнѣ нужно пробыть совершенно одной минутъ десять.

— Мое отдѣленіе въ вашемъ распоряженіи, сударыня.

— Очень вамъ благодарна.

Дама встала, и мы коридорами вагоновъ добрались до моего отдѣленія.

По дорогѣ незнакомка, не поднимавшая все время вуаля, захватила съ своего мѣста маленькій чемоданчикъ.

Войдя ко мнѣ, она поставила его на столъ и, снявъ шляпу и вуаль, открыла красивое лицо съ большими черными глазами.

— Пожалуй, если хотите, останьтесь со мною, — проговорила она, разстегивая ремни чемодана и выкладывая изъ него на столъ разныя вещи.

Она достала лампу, похожую на ночникъ, нѣсколько фарфоровыхъ банокъ, связку круглыхъ палочекъ и штукъ пять спицъ въ родѣ тѣхъ, которыми вяжутъ чулки.

Сидя на креслѣ у окна, я съ любопытствомъ слѣдилъ за дѣйствіями незнакомки.

Ее можно было бы назвать красавицей, такъ какъ черные глаза, маленькій носикъ и ротъ съ приподнятой верхней губой, за которой виднѣлись бѣлые зубы, были очень хороши; но безпокойно бѣгающій взглядъ и хмурое выраженіе, скользившее временами по лицу, произвели на меня непріятное впечатлѣніе.

Взглянувъ нѣсколько разъ на эту женщину, я почувствовалъ къ ней инстинктивное недовѣріе и хотѣлъ выйти изъ отдѣленія, но любознательность моя взяла верхъ, и я остался.

— Вамъ кажется страннымъ то, что̀ я дѣлаю,—не такъ ли?—сказала брюнетка.

Взглядъ мой скользнулъ по столу.

— Да, вы угадали: я—курильщица опіума. Ну и что̀ же? А вы не курите сигаръ? Не пьете вина?

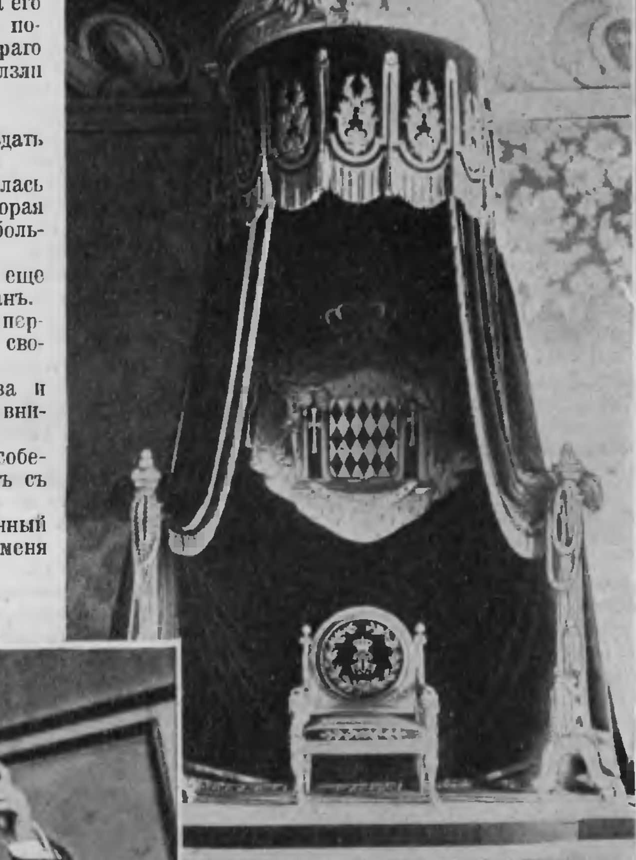
— Конечно, но...

— Вотъ видите: курите и пьете. А для чего? По привычкѣ? Для того, чтобы успокоить или поднять нервы? Все время подъ наркозомъ! А развѣ вамъ, мужчинамъ, такъ уже нужно успокоеніе или забвеніе?

— Еще бы.

— Неужели вамъ жизнь такъ тяжела?.. Я понимаю рабочаго, обремененнаго семьей. Ему бываетъ не по силамъ эта борьба за право быть сытымъ, и онъ старается забыться и напивается до безчувствія... Но вы-то, интеллигенты, вы, цари міра... вамъ чего не хватаетъ?

Князь Альбертъ I на борту своей яхты въ непогоду.



Тронъ монакскаго князя и гербъ княжества Монако съ девизомъ „Deo iuvante“.

Князь Альбертъ I, извѣстный ученый по океанографіи, за научными работами въ своей лабораторіи. Труды князя по изслѣдованію жизни морскихъ глубинъ пользуются извѣстностью въ ученомъ мірѣ.

Юбилейные дни княжества Монакскаго. По фот. Ш. Шюссо-Флавьенъ въ Парижѣ.

Соборъ въ Чебоксарахъ, Казанской губ., основакный св. Гуріемъ, архіепископомъ Казанскимъ, въ 1558 г. По мѣстнымъ предакіямъ, вначалѣ соборъ былъ деревяннымъ, ко въ XVII в. онъ выстроенъ изъ камня. Съ незкачительными измѣкеніями, онъ сохранился до нашихъ дней. Живопись, украшающая соборъ, откосится къ XVII в.
Этюдъ съ натуры А. Александрова.

Я пожалъ плечами.

— А туда же, разсуждаете: какъ это молодая женщина, да еще красивая, можетъ курить опіумъ? Посадила бы я васъ на мое мѣсто и посмотрѣла, что бы вы предприняли.

Она помолчала немного, затѣмъ строго взглянула на меня и тихо добавила:

— Я понимаю и женщинъ, желающихъ забыться... Мнѣ самой необходимо забвеніе...

— Но, сударыня, вѣдь опіумъ...

Она перебила меня, какъ перебивала все время:

— Что опіумъ? Вреденъ? А можетъ-быть, дѣйствительность вреднѣе всякаго опіума? Что важнѣе: разрушать тѣло или разрушать духъ? Думаю, вы не затруднитесь на это отвѣтить.

Во время этого разговора дама разобралась во всѣхъ вещахъ, выложенныхъ ею изъ чемодана. Она присѣла на диванъ и стала свинчивать короткія круглыя палочки. Получился довольно длинный чубукъ, на одномъ концѣ котораго находилась маленькая трубка, а на другомъ—мундштукъ.

Опустивъ иглу въ банку, незнакомка навертѣла на ея конецъ комочекъ темнаго тѣста, потомъ налила въ лампу масла, зажгла ее и стала разогрѣвать комокъ на огнѣ, поворачивая все время иглу въ пальцахъ.

Когда тѣсто сдѣлалось мягкимъ и тягучимъ, она сунула его иглой въ трубку.

Повторивъ это нѣсколько разъ, дама перестала говорить и, не обращая на меня никакого вниманія, легла на диванъ. Подержавъ трубку надъ лампой, она поднесла мундштукъ къ губамъ и стала курить.

Скоро отдѣленіе наполнилось дымомъ, очень ароматнымъ, но мало похожимъ на дымъ опіума.

Чувствуя легкое головокруженіе, я пріоткрылъ немного окно.

— Смотрите, не простудитесь,—насмѣшливо замѣтила мнѣ незнакомка.—Лучше идите въ коридоръ.

Изъ глупаго самолюбія я остался. Мнѣ казалось, что притока свѣжаго воздуха будетъ достаточно для того, чтобы на меня не могъ дѣйствовать одуряющій дымъ.

Дама выкурила первую трубку, а за нею вторую и третью.

Мнѣ стало душно; я хотѣлъ-было совершенно открыть окно, но не могъ этого сдѣлать: несмотря на то, что сознаніе оставалось совершенно яснымъ, тѣло мое оказалось точно парализованнымъ.

Въ клубахъ дыма я видѣлъ женщину, курившую то, что она называла опіумомъ. Отнявъ трубку ото рта, она смотрѣла на меня проницательными и хмурыми глазами.

Удовлетворившись, вѣроятно, своими наблюденіями, она подошла ко мнѣ, взяла мою руку, приподняла немного и отпустила — безжизненная рука упала, какъ камень, на колѣни.

Женщина улыбнулась и быстро начала обыскивать мои карманы.

Вынувъ ихъ содержимое, начиная съ часовъ и кончая кошелькомъ, она положила все на столъ и, раскрывъ бумажникъ, пробѣжала лежавшія въ немъ дѣловыя письма, обративъ особое вниманіе на находившійся тамъ же аккредитивъ.

— По фамиліи, кажется, русскій, и какъ похожъ на... Ну, да все равно...

Проговоривъ вполголоса эти слова, дама разстегнула воротъ моей рубашки и взяла въ руки висѣвшій вмѣстѣ съ крестомъ на цѣпочкѣ золотой медальонъ, который достался мнѣ по наслѣдству.

— А, одинъ изъ братьевъ; звѣзда Соломона на крышкѣ, а внутри священные камни. Братъ—и вдругъ попался.

Она на минуту задумалась и опустила руку.

— Вѣдь вы все видите и слышите? Думаете, я простая воровка? Не спѣшите съ заключеніемъ, любезный братъ. Разъ ваше братство спасло меня, и я ему страшно благодарна. Но деньги я у васъ принуждена взять—они принесутъ мнѣ въ настоящее время больше пользы, чѣмъ вамъ... Возьму и медальонъ...

Захвативъ обѣими руками цѣпочку, женщина стала осторожно снимать ее черезъ голову, но, убѣдившись, что цѣпочка узка, и что снять ее такъ невозможно, принялась внимательно искать на ней замка.

Отъ того ли, что дымъ немного разсѣялся, или по какой-либо другой причинѣ, но мое оцѣпенѣніе почти прошло, и я зашевелился.

Женщина вздрогнула и дернула цѣпочку, думая ее разорвать. Цѣпочка выдержала, но я покачнулся и едва не упалъ отъ толчка. Тогда, обхвативъ одной рукой меня за голову, она рванула цѣпочку сильнѣе. На этотъ разъ кольца лопнули, и медальонъ покатился по полу.

Отъ сильной боли я привскочилъ съ кресла, но тотчасъ же былъ опрокинутъ женщиной обратно.

Въ ея рукахъ блеснулъ ножъ.

Часовня Предтеченской церкви въ Чебоксарахъ, Казанской губ. Здѣсь погребена бабушка Михаила Өеодоровича Романова. Часовня эта была прежде женскимъ монастыремъ. Сюда были сосланы Борисомъ Годуновымъ Марія Шестова, теща боярина Өеодора Никиткча Романова, бабушка Михаила Өеодоровича. Этюдъ съ натуры А. Александрова.

Памятники старины, взятые подъ покровительство Императорской Археологической Комиссіей.
По фот. I. Глыбовскаго.

— Откройте окно!—раздался вдругъ женскій голосъ, и въ отдѣленіе вошла больная.

Съ крикомъ Дина! я бросился къ ней навстрѣчу.

— Боже, ты!..—проговорила она, протягивая мнѣ руки, и начала кричать: — Эй, проводникъ! Сюда! На помощь!

Незнакомка, успѣвшая за это время надѣть шляпу и опустить вуаль, выкинула лампу въ окно, сунула въ чемоданъ свои вещи и бросилась къ дверямъ. Оттолкнувъ еле державшуюся на ногахъ Дину и меня, она выбѣжала на площадку вагона и соскочила съ поѣзда.

Мы оцѣпенѣли.

Быстрѣе всѣхъ пришла въ себя Дина и стала требовать, чтобы остановили поѣздъ.

Она бросилась къ ручкѣ воздушнаго тормоза, но пошатнулась и упала мнѣ на руки.

Я обнялъ ее и сталъ безумно цѣловать.

— Пришла, дорогая моя, пришла!—шепталъ я между поцѣлуями.

Потухающіе глаза ея вспыхнули, но говорить она не могла, силы ея совершенно изсякли, и мнѣ пришлось съ помощью монахинь перенести ее на постель.

Когда все понемногу успокоилось, я сѣлъ у ея изголовья и держалъ ея руки, пока она не уснула.

Вернувшись къ себѣ въ отдѣленіе, я легъ, но заснулъ только подъ утро тяжелымъ и тревожнымъ сномъ.

Когда мы подъѣзжали къ Парижу, меня разбудилъ священникъ. Я бросился къ больной.

Она снова ушла отъ меня, но ушла туда, откуда еще никто не возвращался...

Разсказчикъ остановился и спросилъ:

— Ну, что, могли бы вы послѣ всего пережитаго связать свою судьбу съ другой женщиной?

И отвѣта не получилъ.

Выборы во Франціи.

(Политическое обозрѣніе).

Выборы во французскій парламентъ не внесли почти никакихъ перемѣнъ въ партійный составъ палаты и, повидимому, не отразились сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ ни на внутренней жизни ни на внѣшнихъ отношеніяхъ республики. Жоресъ подсчиталъ, что на этихъ выборахъ почти на полтора милліона возросло число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соціалистической партіи. Статистика дѣйствительно подтверждаетъ этотъ приростъ, внушающій французскому вождю мысли о шумной побѣдѣ соціализма. Однакоже, на самомъ дѣлѣ, побѣды друзей Жореса въ значительной мѣрѣ можно считать призрачными, такъ какъ оказывается, что, слѣдуя общему наказу правыхъ партій, за соціалистическихъ кандидатовъ, въ пику умѣреннымъ республиканцамъ, голосовали всей своей массой и монархисты и націоналисты въ тѣхъ случаяхъ, когда не надѣялись провести своего собственнаго кандидата. При такомъ освѣщеніи возрастаніе голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, свидѣтельствуетъ вовсе не о ростѣ соціализма, а скорѣе о партійной дисциплинѣ среди монархистовъ. Побѣда бывшаго буланжиста Лози и нѣсколькихъ монархистовъ въ округахъ Парижа, принадлежавшихъ раньше умѣреннымъ республиканцамъ, тоже говоритъ о какомъ-то назрѣвающемъ поворотѣ общественной мысли и наряду съ выигрышемъ нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ соціалистами заставляетъ признать несомнѣнный подъемъ народнаго недовольства, по крайней мѣрѣ въ культурномъ центрѣ государственной жизни.

Правда, Парижъ еще не Франція, но въ концѣ концовъ, какъ показала исторія, Франція все-таки идетъ за Парижемъ. Несомнѣнно, что оба крайнія крыла и во всей Франціи растутъ на счетъ умаляющагося центра. Такому умаленію республиканцевъ, разумѣется, всего больше способствовалъ тотъ разладъ въ ихъ средѣ, который произошелъ на почвѣ борьбы между федераціей лѣвыхъ, руководимыхъ Бріаномъ и Барту, и радикалъ-соціалистами, руководимыми Кайо и Комбомъ. Внутренній расколъ не только обезсилилъ республиканскій центръ, сплоченный еще усиліями Гамбетты и Вальдека-Руссо, но въ связи съ печальными скандалами, сопровождавшими республиканское междоусобіе, съ разоблаченіями злоупотребленій министерскою властью въ дѣлѣ Рошетта, съ убійствомъ Кальметта и т. д., подорвалъ моральный престижъ республиканскаго большинства къ явной выгодѣ крайнихъ партій справа и слѣва.

Съ этой точки зрѣнія нельзя удивляться маленькимъ избирательнымъ побѣдамъ буланжистовъ и націоналистовъ. Напротивъ, кажется страннымъ, что побѣды эти сравнительно еще не велики и не привели къ полному разгрому центра. Спасти престижъ республики могло только рѣшительное торжество республикан-

Новая московская телефонная станція—одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій Москвы — является послѣднимъ словомъ техники и строительнаго искусства. До сихъ поръ стокгольмская телефонная станція считалась первой по внутреннему оборудованію, но московская станція превзошла ее во всѣхъ отношеніяхъ. Зданіе выстроено изъ несгораемыхъ матеріаловъ. Оно начато постройкой въ 1902 году и въ настоящее время совершенно закончено и оборудовано. Число служащихъ на станціи — 1.248, изъ коихъ 948 телефонистокъ, 228 монтеровъ и 72 человѣка администраціи.

Аппаратная зала станціи.

Новая московская телефонная станція. По фот. М. Богуславскаго, въ Москвѣ.

ской партіи, выступившей съ разоблаченіями своихъ вчерашнихъ товарищей, но именно этого-то торжества и не дали последніе выборы. И Барту и Бріанъ прошли на выборахъ блестяще, но вѣдь и Кайо тоже вернулся въ Елисейскій дворецъ, уполномоченный непоколебимымъ довѣріемъ огромнаго большинства своихъ избирателей.

Страна въ одинаковой степени и вѣритъ и не вѣритъ и тѣмъ и другимъ. Вотъ почему обѣ партіи вернулись въ парламентъ почти въ томъ же составѣ, въ какомъ ушли изъ него.

Церковныя нестроенія.

(Вопросы внутренней жизни).

Бюджетныя пренія Гос. Думы имѣютъ значеніе періодической гласной ревизіи всего нашего государственнаго хозяйства. Въ горнилѣ свободной и разносторонней партійной критики, разсматривающей всѣ вопросы съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, выясняются всѣ изъяны, всѣ слабыя стороны существующей хозяйственной системы, и сами собой намѣчаются пути къ ихъ направленію. Критика, непремѣнно свободная, непремѣнно неограниченная въ своихъ правахъ, тѣмъ и полезна, что даетъ могучій толчокъ къ улучшенію и оздоровленію національно-государственной жизни. Въ нынѣшнюю сессію Гос. Дума посвятила два засѣданія вопросамъ церковнаго быта. Докладчикъ бюджетной комиссіи по смѣтѣ Св. Синода доложилъ, что изъ 53.000.000 испрашиваемыхъ вѣдомствомъ, 22.000.000 ассигнуются на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, 18.000.000—на содержаніе духовенства и семь съ небольшимъ милліоновъ—на содержаніе духовныхъ учебныхъ заведеній.

„Не могу не обратить вниманія Гос. Думы, — говоритъ Шеинъ: — на то, что давно наболѣвшій вопросъ объ обезпеченіи духовенства содержаніемъ и пенсіею до сихъ поръ не разрѣшенъ. Не получаютъ средняго нормальнаго оклада болѣе 10.000 приходовъ, а нормальный окладъ составляетъ для священника 300 руб., діакона — 150 руб. и псаломщика — 100 руб. въ годъ. Затѣмъ источникомъ содержанія духовныхъ учрежденій являются мѣстныя средства. Что представляютъ собою эти мѣстныя средства? Это—благочестивое приношеніе въ храмъ, свѣча, которая ставится къ иконѣ, тарелочный сборъ и другія приношенія, которыя жертвователь приноситъ въ храмъ въ цѣляхъ благолѣпія. — но эти средства получаютъ иное назначеніе. Такова общая картина нашего церковнаго бюджета“.

Выступавшій вслѣдъ за докладчикомъ ораторъ земцевъ-октябристовъ деп. Ковалевскій напомнилъ, что періодически повторяющіяся въ рѣчахъ представителя Св. Синода обѣщанія о проведеніи необходимыхъ реформъ — въ томъ числѣ о возстановленіи прихода и о созывѣ церковнаго собора — остаются безъ осуществленія. Каждый годъ бюджетная комиссія выслушиваетъ совершенно удовлетворительныя сообщенія относительно существованія комиссій, подкомиссій и совѣщаній, работающихъ надъ назрѣвшими вопросами церковной жизни.

„Комиссіи эти, подобно ледянымъ сооруженіямъ, воздвигаются передъ началомъ работъ по бюджету: на ихъ застывшія очертанія намъ указываютъ издали всю зиму, а при первыхъ лучахъ весенняго солнышка онѣ таютъ. и труды ихъ обращаются въ текучую воду. Грозные симптомы свидѣтельствовали о растущемъ разобщеніи церкви съ народомъ. Объ этомъ говоритъ и нарожденіе на Руси давно уже небывалаго явленія въ исторіи православія — догматическихъ споровъ и вытекающихъ оттуда ересей. Третій фактъ — обиліе процессовъ религіознаго характера, возникшихъ въ послѣдніе годы, которые замѣчательны тѣмъ, что, не взирая на старанія экспертовъ-миссіонеровъ, „отпадшіе“ упорно не хотятъ перестать считать себя православными и образовать особую секту, съ признаками, которые давали бы право на осужденіе ихъ. Искренности нашей тревоги не хотятъ вѣрить тѣ, кто считаютъ, что право судить о церковныхъ отношеніяхъ принадлежитъ имъ однимъ. Ваше дѣло дать деньги. „Лишше же сего — отъ лукаваго“. Членами церкви, имѣющими голосъ, насъ не признаютъ. Мы гдѣ-то при церкви, а не внутри ея, а также незамѣтно для самихъ себя можемъ оказаться и внѣ ея.“

Всѣ надежды священникъ - націоналистъ о. Трегубовъ тоже возлагаетъ на церковный соборъ и на возрожденіе прихода.

„Мы вѣримъ, что церковный соборъ разбудитъ заснувшія христіанскія чувства, но къ церковному собору нужно готовиться не только въ канцеляріи, но необходимо приготовить всю церковь православную, что можно сдѣлать лучше всего путемъ реформы церковнаго прихода. Дѣло не столько въ юридическихъ нормахъ, сколько въ томъ, чтобы разбудить къ жизни заснувшее чувство любви и состраданія къ ближнему. Возродить приходъ—задача не только церкви, но и государства. Съ тѣмъ развалом, который царитъ во всѣхъ слояхъ общества, можно бороться только на основахъ христіанства и при содѣйствіи организованнаго прихода. Нѣкоторые думаютъ, что мы, православное духовенство, являемся противниками прихода, боимся реформы. Я считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что завѣтная наша мечта видѣть приходъ реформированнымъ. Мы не боимся этой реформы, мы ее желаемъ.“

Ораторъ центра, св. Филоненко, съ истинно христіанскимъ мужествомъ указываетъ на одну изъ болѣе опасныхъ язвъ нашего современнаго церковнаго быта, угрожающую отвратить отъ православія многихъ искренно вѣрующихъ людей. „Какъ любящій и вѣрный сынъ своей матери—церкви православной, я со скорбью считаю долгомъ упомянуть о томъ, о чемъ говорятъ на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ самыхъ медвѣжьихъ и захолустныхъ углахъ нашего обширнаго отечества. Никогда еще, господа, наша русская церковь не находилась въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ своего существованія. Намъ приходится быть свидѣтелями того непостижимаго, страннаго и въ то же время огромнаго вліянія нѣкоторыхъ проходимцевъ, недостойныхъ проходимцевъ хлыстовскаго типа, которыхъ принято называть у насъ „старцами“.

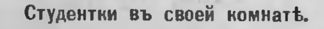
(„Это — Распутинъ“, раздается голосъ).

„Нужно позаботиться о положеніи нашего главнаго труженика—приходскаго духовенства. Если темныя стороны духовенства подхватываются и замѣчаются всѣми, то свѣтлыя стороны—замалчиваются. Условія, въ которыхъ приходится работать священнику, таковы, что съ одной стороны—униженность, страхъ и трепетъ, а съ другой — казенный формализмъ, сухость и неизмѣримое превозношеніе. Это такъ общепринято, что какой-нибудь столоначальникъ или писецъ консисторіи смотритъ на сельское духовенство сверху внизъ. Сила и власть нашего начальства надъ духовенствомъ громадны. Знаете ли вы, что любой изъ нашихъ священниковъ по любому, даже анонимному, доносу можетъ очутиться подъ судомъ и слѣдствіемъ, и знаете ли вы, что такое судъ нашъ канцелярскій, выносящій свое рѣшеніе на основаніи бумажнаго слѣдствія, совершеннаго малоопытнымъ слѣдователемъ, незнакомымъ ни съ какою юриспруденціею? Для того, чтобы наша православная русская церковь могла стать во весь свой ростъ, для этого нужно какъ можно скорѣе возвратить церкви ея истинную сущность, ея естественную природу — соборность. Нуженъ, господа, помѣстный соборъ“.

Той же наболѣвшей у всѣхъ темы о внѣдреніи въ церковь враждебныхъ самому духу православія и христіанства хлыстовскихъ вѣяній коснулся и кн. Мансыревъ. Онъ рѣшительно не согласенъ, будто дѣятельность Синода стоитъ на мертвой точкѣ. „Вѣдомство прогрессируетъ, и до такой степени сильно и быстро, что невольно наводитъ этимъ на жуткія мысли. Авантюра съ Иліодоромъ кончилась неудачно. и на мѣсто его выпущенъ другой дѣятель, неоднократно упоминавшійся уже здѣсь, съ именемъ котораго связаны наигнуснѣйшіе пороки, наигнуснѣйшія преступленія, растленіе общества. Его имени не нужно называть, оно всѣмъ извѣстно. Его выпускаютъ для пріобрѣтенія связей въ наивысшихъ кругахъ, этого субъекта представители духовной власти встрѣчаютъ на вокзалѣ при

По иниціативѣ г-жи Оржевской, супруги покойнаго начальника Туркестанскаго края г.-л. Оржевскаго, положено основаніе дому для русскихъ студентокъ, столь многочисленныхъ въ Парижѣ. Находясь въ центрѣ Латинскаго квартала, Rue d'Arbalète, вблизи университета. „Русскій Домъ“ даетъ пріютъ студенткамъ, которыхъ дороговизна парижской жизни вынуждала жить въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. „Русскій Домъ“ взимаетъ со студентокъ очень скромную плату и предоставляетъ имъ, помимо комнатъ (по двѣ жилицы въ каждой), еще столовую, салонъ и библіотеку. Во главѣ комитета „Русскаго Дома“ находится супруга русскаго посла въ Парижѣ г-жа Извольская.

Наружный видъ зданія.



Студентки въ своей комнатѣ.

Общая комната для занятій студентокъ.

Обитательницы русскаго студенческаго дома въ столовой за чаепитіемъ.

Библіотека студенческаго дома.

Русскій студенческій домъ въ Парижѣ (Le foyer russe). По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Русскій студенческій домъ въ Парижѣ (Le foyer russe). По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

пріѣздахъ въ Петербургъ. На этого субъекта чуть не молятся наши несчастныя барыни изъ великосвѣтскаго общества, для удовлетворенія гнусныхъ инстинктовъ этотъ субъектъ водворяется въ самомъ центрѣ страны и отсюда повсюду распространяетъ на все свое тлетворное, пакостное вліяніе. А православное вѣдомство смотритъ на это спокойно и покровительстнуетъ этому субъекту. Дальше итти нельзя. Я глубоко увѣренъ,—заканчиваетъ кн. Мансыревъ: что великій, сильный и здоровый русскій народъ, дѣйствительно проникнутый богоискательствомъ и духомъ святой истины, несмотря на то, что его внутренняя святая святыхъ растоптана, встанетъ и скажетъ всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ онъ просилъ духовнаго хлѣба, и которые давали ему камень: горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры, вы затворяете Царство Небесное отъ людей, ни сами туда не входите ни желающихъ туда войти не впускаете".

Условные кредиты принимаются большинствомъ.

И. И. Соколовскій, народный учитель. (Къ 43-лѣтію его педагогической дѣятельности). По фот. А. Рыттова.

В. Г. Бобрикова, урожденная Прозорова, пожертвовавшая 100.000 рублей на устройство барака для туберкулезныхъ больныхъ. Баракъ имени ея отца будетъ находиться при Петропавловской больницѣ въ С.-Петербургѣ. По фот. Я. Штейнберга.

И. И. Соколовскій.

(портр. на этой стр.).

(Къ 43 лѣтію его педаго гической дѣятельности).

Всякому извѣстно, какъ тяжелъ трудъ народнаго учителя, заброшеннаго въ далекую глушь нашей провинціи. Сколько надо любви, самоотверженности. вѣры въ свой трудъ, чтобы отдать себя цѣликомъ служенію народной школѣ.

Иванъ Ивановичъ Соколовскій простоялъ на своемъ отвѣтственномъ посту 43 года. Это — три четверти жизни. И хотя 43 года—время, не пріуроченное для юбилея, но мы не можемъ обойти молчаніемъ героя, ушедшаго съ этого поста только изъ-за тяжкой болѣзни. Мы не можемъ не упомянуть, что за послѣднія 25 лѣтъ его дѣятельности окончило его училище 695 человѣкъ. Изъ нихъ многіе теперь — крупные общественные дѣятели. Среди нихъ много инженеровъ, предсѣдателей земскихъ управъ, докторовъ, учителей, начальниковъ почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ станцій, землемѣровъ, офицеровъ.

Начиная съ 1870 года, И. И. Соколовскій занималъ должность народнаго учителя въ разныхъ мѣстахъ, а съ 1888 года былъ назначенъ учителемъ Игуменскаго приходскаго училища, гдѣ и прослужилъ около 25 лѣтъ.

СМѢСЬ.

Памятникъ Вел. Кн. Константину Николаевичу. —28 ноября 1913 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе всероссійскаго сбора пожертвованій на постановку памятника Великому Князю Константину Николаевичу. Управляя флотомъ и Морскимъ Министерствомъ и принимая также участіе въ другихъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности, Великій Князь показалъ путь къ обновленію и просвѣщенію Россіи послѣ тяжелой Крымской кампаніи. Ближайшее энергичное участіе его въ великомъ дѣлѣ Освобожденія крестьянъ, какъ Предсѣдателя Главнаго Комитета, удостоилось высокой оцѣнки Царя-Освободителя, назвавшаго Великаго Князя Своимъ «первымъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ».

Многолѣтняя дѣятельность Великаго Князя въ должности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта стяжала ему почетную извѣстность въ исторіи. Не менѣе извѣстна его дѣятельность и въ сферахъ управленія флотомъ и Морскимъ Министерствомъ. Онъ всѣ силы свои обратилъ на возсозданіе морской мощи Россіи, положивъ начало нашей независимости отъ заграничныхъ заводовъ и создавъ первую нашу паровую, а затѣмъ и броненосную эскадры. Великій Князь положилъ созданіе поколѣнія опытныхъ и страстно преданныхъ своему дѣлу моряковъ, всѣми мѣрами способствуя духовному и нравственному подъему и улучшенію быта офицерскаго и матросскаго составовъ. Дальнія океанскія плаванія, морскія библіотеки, лекціи, рядъ изданій по морскимъ вопросамъ, «Морской Сборникъ» шестидесятыхъ годовъ, которымъ зачитывалась вся мыслящая Россія, суммы на воспитаніе дѣтей, пособія личному составу въ трудныхъ случаяхъ жизни, эмеритальная касса, первая въ Россіи, — вотъ памятники того, что было сдѣлано Вел. Кн. Константиномъ Николаевичемъ въ этой области. Комитетъ ставитъ себѣ задачей организовать сборъ пожертвованій, чтобы воздвигнуть на нихъ памятникъ руководителю флота и Государственному дѣятелю къ 13 января 1917 года, — дню двадцатипятилѣтней годовщины смерти Великаго Князя, — и обращается ко всѣмъ почитателямъ его съ просьбой внести, не стѣсняясь никакими размѣрами, и свою лепту.

Пожертвованія Комитетъ проситъ направлять по адресу: С.-Петербургъ, зданіе Главнаго Адмиралтейства, или же сдавать въ государственныя губернскія и уѣздныя казначейства, или мѣстныя Конторы и Отдѣленія Государственнаго Банка.

П. Е. Лазаревъ, мировой судья г. С.-Петербурга. (Къ 40-лѣтію его дѣятельности на этомъ отвѣтственномъ посту). По фот. Я. Штейнберга.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „**Ниву**" сего 1914 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

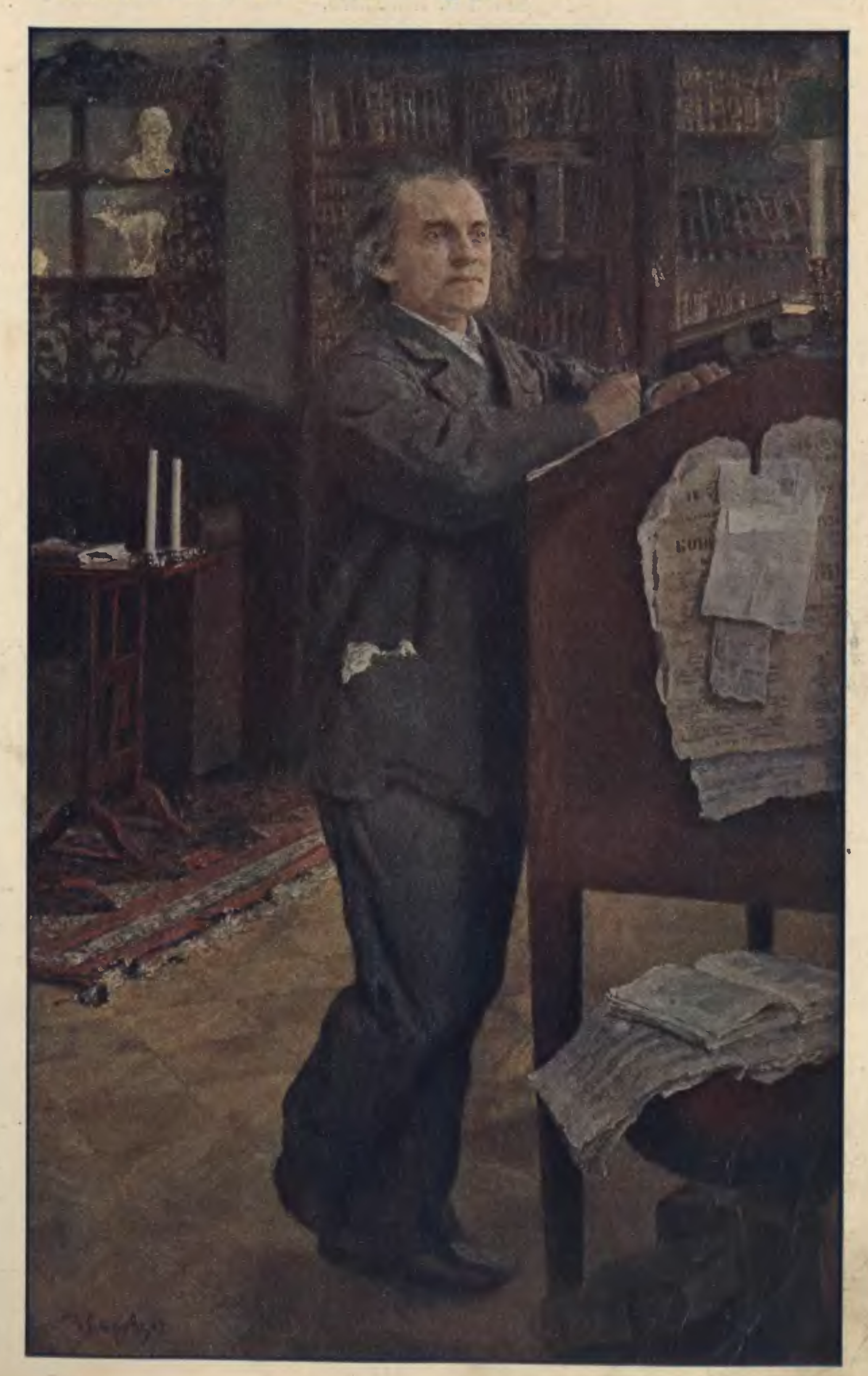
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова", кн. 3.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

НИВА

№ 21.

24 Мая 1914 г.



В. Сѣровъ. Портретъ отца художника, композитора А. Н. Сѣрова. Русскій Музей Императора Александра III.

Поджогъ.

Повѣсть I. I. Ясинскаго.

(Продолженіе).

XXXI.

Силантій былъ уже далеко. Силуэтъ его то пропадалъ, утопая въ тѣняхъ, то вынырялъ въ полосахъ луннаго свѣта.

Разстояніе между Иваномъ и Силантіемъ становилось все меньше; но кончилась бульварная улица — Силантій повернулъ въ темный переулокъ, гдѣ жила Саша на квартирѣ у вдовы парикмахера, и исчезъ. Только слышно было, какъ осторожно хлопнула калитка.

Иванъ невольно притихъ и остановился въ двухъ шагахъ отъ калитки. Знакомый голосъ угодливо прошепталъ въ темнотѣ:

— Не ищетъ она еще своего счастья.

Голосъ Силантія отвѣчалъ:

— Анна Дмитріевна, только введите меня къ ней, чтобъ никого не было дома. Понимаете?

— Понимаю... Ахъ, Никита Петровичъ, не могу рѣшиться... И отецъ у нея адвокатъ.

— Чтò же, по-вашему, я задумалъ уголовное дѣло? — прѐзрительно сказалъ Силантій. — Вы расцвѣли, Анна Дмитріевна, а не поумнѣли. Правда, вы должны будете уйти, — чтобы никого не было...

— Вышлютъ меня... А чтò я буду дѣлать?

— Не пропадете.

— Сколько же вамъ не жалко, Никита Петровичъ? — помолчавъ, начала Анна Дмитріевна.—Я на тотъ случай говорю, что, когда я упомянула о „Катенькѣ“, она со всѣхъ ногъ убѣжала отъ меня.

— Вы—грубая душа,—сказалъ Силантій.

— Влюбились вы въ нее развѣ?

— Не ваше дѣло, Анна Дмитріевна. Съ ней я самъ порѣшу. Никто не долженъ знать только... И помните, что у меня и безъ васъ найдется путь.

— Подъѣзжали къ ней уже сегодня и Ѳеонія Евстигнеевна и Перепетуя Васильевна,—ко вдовому купцу въ компаньонки звали—отъѣхали: расплакалась, ногами затопала...

— Это и нужно. Я люблю, чтобы ногами топали.

— Грѣховодникъ вы, Никита Петровичъ,—слащаво сказала Анна Дмитріевна.—Что?

— Пропускной билетъ.

Медъ выступилъ на губахъ вдовы парикмахера.

— Благодарю васъ, Никита Петровичъ, что вы не обижаете бѣдныхъ людей. Благодарю... Конечно, есть у меня на примѣтѣ, круглая сиротка, и лѣтъ еще мало... цыпленокъ, а не дѣвушка. Прогимназію окончила и бьется, какъ рыба объ ледъ.

— Хорошо,— и съ нею познакомьте, если она съ такими глазами, какъ у вашей квартирантки.

— Я что-то не обратила вниманія на глаза.

— А мнѣ глаза нужны. Я глаза коллекціонирую.

— Чтò вы сказали?

— Ничего... Ну, ведите!

— Сегодня никакъ нельзя,—со страхомъ возразила Анна Дмитріевна.—Заперлась... и другой крючокъ себѣ еще придѣлала... И дома ли еще? По ночамъ куда-то стала уходить. Спросила. „Къ брату“, говоритъ.

— А узнайте.

Анна Дмитріевна ушла. Стояла такая тишина въ переулкѣ, что Иванъ слышалъ частыя біенія сердца въ груди.

— Дома,—послышался голосъ Анны Дмитріевны. — Что-то стрнаетъ, кажется. Но дверь не отворила. Мало надежды на нее. А сиротка—блѣдненькая, и глаза, какъ сливы. Хрустальная.

— Когда же?

— Завтра утромъ придите. А я не виновата, что обманула васъ. Деньги могу назадъ отдать. Я честная—даромъ не беру.

— Знаю. Вы боитесь, что вышлютъ, а вамъ скоро медаль пришлютъ за честность.

— И всегда-то вы шутите. До свиданья, Никита Петровичъ. Завтра утромъ познакомитесь, а сама я на рынокъ уйду съ дѣвчонкою и до полдни не явлюсь.

— Прощайте!

Силантій вышелъ на улицу и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону отъ Ивана.

Еще недавно Иванъ хотѣлъ оправдаться передъ Силантіемъ, и горячія слова ковала его возмущенная душа. Но Силантій показался ему теперь страшнымъ и гнуснымъ. И могло ли придти Ивану въ голову, что Саша не бредила, когда высказывала въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ свои нелѣпыя опасенія быть проданной. Онъ стоялъ у забора въ тѣни, съ сжатыми кулаками, потрясенный, разочарованный, испуганный, уничтоженный.

XXXII.

Черезъ минуту Силантій вернулся и подошелъ къ Ивану:

— Дружокъ, вы слѣдили за мной? Я узналъ васъ, когда вышелъ изъ калитки.

— Силантій или Никита Петровичъ?—непріязненно сказалъ Иванъ.

— Подслушали. Дѣлаетъ вамъ честь.

Онъ просунулъ подъ руку Ивана свою чугунную руку, сжалъ его руку выше кисти и повелъ за собой, какъ мальчика:

— Недалеко рѣка и пустынный берегъ, и мы должны переговорить, юноша.

Силантій былъ, какъ каменный. Иванъ покорно шелъ.

По отлогому переулку они спустились къ Лебядкѣ, въ которой отражалась луна туманнымъ призракомъ.

— Наружность обманчива, — угрюмо началъ Силантій. — Когда „Херувимъ“ разсказалъ мнѣ о прокламаціяхъ, я вспомнилъ ваше лицо и подумалъ, что васъ можно обвинять только въ небрежности. Но васъ я схватилъ на мѣстѣ преступленія.

— Преступникъ вы, а не я,—сказалъ Иванъ.

Силантій тихо засмѣялся.

Никогда еще Иванъ не слыхалъ такого жуткаго смѣха.

Они шли по берегу. Песокъ хрустѣлъ.

— По нѣкоторымъ соображеніямъ я не могу разстаться съ вами ни на минуту,—сказалъ Силантій.—Мое правило пользоваться врагами и мстить имъ откровенностью. Утромъ, объявивъ „Херувиму“ о пропажѣ прокламацій, вы побѣжали къ тюремному зàмку, и васъ тогда же надо было уединить, пока не прольется свѣтъ. А съ вами разыграли водевиль. Вы поняли и стали дѣйствовать. Скажите правду,—вѣдь я же такъ силенъ, что могу прижать васъ лицомъ къ этой лужѣ, и вы захлебнетесь, какъ щенокъ,—вы донесли на насъ?

— Какая низость!—вскрикнулъ Иванъ.

— Я могу однимъ ударомъ перешибить у васъ шейные позвонки, если вы пикните; вы въ моей власти,—строго сказалъ Силантій.—Я ошибся — тѣмъ хуже для васъ. Предателямъ смерть.

— Вы не даете сказать мнѣ слово—не честно!

— Говорите.

— Прокламаціи исчезли—фактъ, который я не могу понять. Вы хотите купить ее... А вчера еще я былъ у сестры.

— У сестры?

— И склонялъ ее... далъ прочитать, но она испугалась, главнымъ образомъ за меня... Впрочемъ, вѣдь это же мучительно подумать, что вы служите такому чистому дѣлу, какъ революція.

— Ну-съ?

— У меня голова горитъ... я не знаю, чтò со мною... задыхаюсь... Чтò вамъ еще нужно? Не трогайте мою сестру.

— Или вы притворяетесь, или вы искренни. Но все же не пущу васъ. Итакъ, ваша сестра... Какимъ образомъ очутилась она у Анны Дмитріевны и въ такой нуждѣ? Отецъ вашъ—адвокатъ?

— Да. Она поссорилась съ нимъ. И я изъ-за этихъ прокламацій ушелъ... и изъ-за рѣчи, которую произнесъ отецъ на прощальномъ обѣдѣ приставу...

— Гм...

— Не я долженъ объясняться... Грязь ненавистна мнѣ... Такъ презираю, такъ ненавижу... Какой позоръ... Дайте мнѣ постигнуть васъ.

— Ну, „Черный Голубь“, вы сентиментальны!—вскричалъ Силантій съ тѣмъ же жуткимъ смѣхомъ. — Вы дальше пойдете со мной, благо вы ушли изъ дому и вамъ некуда дѣваться, а я исполню обѣщанное—отомщу вамъ. Слушайте!

XXXIII.

Спалъ уже бульваръ. Какъ бы убѣгая и скрываясь отъ луннаго свѣта, залегли подъ старыми каштанами и липами темныя тѣни, испещренныя бѣлыми пятнами. Городъ словно вымеръ, а не было еще одиннадцати часовъ.

— Силантій—моя конспиративная кличка, а въ обществѣ меня знаютъ, какъ Никиту Петровича Беклешова, и недалеко отъ города моя усадьба—я помѣщикъ.

— Вы Беклешовъ? — съ изумленіемъ спросилъ Иванъ.

— Не перебивайте. Еще съ гимназической скамейки я сталъ революціонеромъ. Родители оставили мнѣ огромное наслѣдство, и нужно ли говорить о подкладкѣ иныхъ моихъ поступковъ? Я трачу на себя немного, все отдаю революціи. Конечно, вы уже догадались, съ какой цѣлью ведется подкопъ, и „Херувимъ“ долженъ былъ объяснить: въ тюрьмѣ сидятъ наши друзья, ихъ надо выпустить на волю. И пока правительства въ борьбѣ съ своими народами опираются на военную силу, на сыскъ и смерть, до тѣхъ поръ и мы—революціонеры—должны опираться на разрушеніе во всѣхъ его видахъ. Но мы слабѣе физически, и, значитъ, на нашей сторонѣ моральное преимущество въ выборѣ способовъ борьбы. Все хорошо — и нападеніе изъ-за угла, и обольщеніе, и подкупъ, и подкопъ, и клятвопреступленіе, и даже синій мундиръ. Я разсчиталъ, что подкопъ удастся къ извѣстному сроку, и жена начальника тюрьмы, и она же фаворитка губернатора, уже организуетъ благотворительный спектакль, на который соберутся всѣ губернскіе чины, и въ особенности тюремное начальство, а тѣмъ временемъ арестанты убѣгутъ. Въ старомъ обществѣ женщина вертитъ дѣлами.

Кончился бульваръ, остался позади древній соборъ, и въ лунномъ сіяніи замерцали стекла въ косомъ фасадѣ тюрьмы. Силантій, не выпуская руки Ивана, свернулъ въ Зàмковую улицу. Она была длинная, кривая и безмолвная—словно снилась.

Мѣрно и холодно говорилъ Беклешовъ.

— Никто не можетъ осудить меня,—продолжалъ онъ:—за то, что я приношу на святой алтарь и себя, и свои родовыя традиціи, и деньги, и все условное, чѣмъ долженъ былъ бы дорожить и чѣмъ не дорожу. И матерью, и женою, и сестрами пожертвовалъ бы. Изъ прекрасныхъ дѣвичьихъ глазъ смотритъ душа, жаждущая страданій. И какъ же пренебрегать такою силой! Великій богъ революціи требуетъ жертвъ. Неужели вы думаете, что лучше, если ваша сестра или та невѣдомая мнѣ сиротка погибнутъ въ объятіяхъ Анны Дмитріевны, чѣмъ на эшафотѣ?

XXXIV.

— Неужели вы серьезно считаете меня предателемъ?—спросилъ Иванъ, проникаясь ужасомъ и довѣріемъ къ Силантію.

В. Сѣровъ. Портретъ И. А. Всеволожского. Литографія.

— Ольга Петровна встревожена, и у всѣхъ опустились руки,—сказалъ Силантій.—Новичкамъ или вѣрятъ, или они проваливаются. Встрѣча съ вами успокоитъ—и работа снова закипитъ.

— Все странно и страшно,—началъ Иванъ.—Вчера съ бѣдной Сашей я разошелся... А я такъ люблю ее. Между прочимъ, когда я погнался за вами, чтобы разсказать о прокламаціяхъ, и вдругъ подслушалъ вашъ разговоръ съ Анной Дмитріевной, я подумалъ, что меня вы хотѣли услать изъ города, чтобы Саша осталась беззащитной, какъ та сиротка...

— Я могъ и не знать, что она ваша сестра,—угрюмо сказалъ Силантій. — И тѣмъ лучше... Я сумѣю ее зажечь. У нея лицо мученицы. Я никогда не ошибался.

— Она сгоритъ.

— Она сдѣлаетъ пожаръ прежде, чѣмъ сама сгоритъ. Въ концѣ концовъ я вамъ вѣрю,—смягчившись, промолвилъ Силантій. — Сначала сестра къ намъ придетъ для васъ.

Они вошли въ черную тѣнь, которую отбрасывалъ тюремный зàмокъ.

Маленькій домикъ стоялъ противъ тюрьмы и точно вызывалъ ее на единоборство, полный страшныхъ и смѣлыхъ замысловъ.

— Потомъ она станетъ нашей,—вслухъ продолжалъ Силантій.—Намъ нужны молодыя дѣвушки съ отчаяніемъ и жгучей вѣрой въ душѣ.

XXXV.

Ольга Петровна съ озабоченнымъ лицомъ встрѣтила Силантія и Ивана и молча впустила ихъ. „Херувимъ“ нѣжно засмѣялся. На немъ была красная рубаха, и онъ вышелъ изъ кухни съ мокрыми руками.

— Недоразумѣніе не разъяснилось, но я не сомнѣваюсь въ прямотѣ „Чернаго Голубя“,—сказалъ Силантій дѣловымъ тономъ.

Въ дверяхъ стоялъ четырехугольный мужичокъ съ кривымъ ртомъ, разыгравшій утромъ роль дворника, и опирался на желѣзный ломъ. Стѣнная лампочка съ зеркальцемъ обливала его рѣзкимъ свѣтомъ.

Сдѣлавъ знакъ глазами Ольгѣ Петровнѣ, Силантій увелъ ее въ другую комнату.

„Черный Голубь“ стоялъ у окна. Онъ ждалъ. Словно рѣшалась его участь. „Херувимъ“ вытиралъ руки грубымъ полотенцемъ и смотрѣлъ на него. Молчалъ четырехугольный.

Вышли Силантій и Ольга Петровна.

— Пожмите, товарищи, ему руку,—съ молодой улыбкой сказала Ольга Петровна.—Оплошность „Чернаго Голубя“ не ставить ему въ вину. Но пока онъ можетъ работать только съ другими. Къ тому же нужно торопиться съ главной работой.

„Херувимъ“ подошелъ и поцѣловалъ „Чернаго Голубя“. Четырехугольный отставилъ ломъ и, ухмыляясь, пожалъ грязную руку Ивана. Ольга Петровна поцѣловала его. Силантій выразительно посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ:

— Завтра.

Онъ тотчасъ же ушелъ изъ страшнаго домика, а Ольга Петровна достала изъ шкапа хлѣбъ, колбасу, сыръ и масло.

Четырехугольный ѣлъ много и чавкалъ. Онъ долго бродилъ въ народѣ, тянулъ бечеву на Волгѣ и опростился. За „Чернымъ Голубемъ“ ухаживала Ольга Петровна, чтобы загладить неисчезавшую шероховатость въ отношеніяхъ къ нему товарищей. Косо поглядывалъ на него четырехугольный, и загадочно смѣялся „Херувимъ“.

Послѣ ужина четырехугольный легъ въ коридорѣ на полу и захрапѣлъ. Онъ весь день рылся въ землѣ.

Ольга Петровна по временамъ нервно трясла головой.

— Не падайте духомъ,—тихо сказала она Ивану.—Прокламаціи найдутся. Или, можетъ-быть, онѣ на доброй почвѣ. А когда сдѣлано будетъ дѣло—вы съ паспортомъ уѣдете куда-нибудь. Первый блинъ всегда комомъ,—пошутила она.

Иванъ готовъ былъ поцѣловать у нея руку. Велика была у него потребность въ материнской ласкѣ. Дрожь, которая началась у него у гимназистокъ, не проходила. Его била лихорадка.

— Пора,—нетерпѣливо сказалъ „Херувимъ“, допивъ чай, и пальцемъ указалъ на полъ.

Ольга Петровна заправила двѣ лампочки.

XXXVI.

Погребъ, куда спустился по отвѣсной лѣсенкѣ Иванъ, былъ вырытъ подъ поломъ, въ спальнѣ Ольги Петровны, гдѣ по угламъ росла твердая плѣсень. За желѣзное кольцо поднялъ тяжелую крышку „Херувимъ“ и смотрѣлъ на Ивана, пока тотъ не добрался до дна.

На днѣ лежали кучи земли, какъ муравейники, съ воткнутыми въ нихъ ломами и лопатами.

Лампочку Иванъ поставилъ на муравейникъ повыше. Остальную землю онъ сталъ накладывать въ ведро, которое „Херувимъ“ тянулъ за веревку, уносилъ и разсыпалъ по двору, а глину и твердый грунтъ бросалъ въ сарайчикъ.

Потомъ Иванъ забрался въ боковую галлерею. Онъ билъ ломомъ и гребъ короткой лопатой, какъ кротъ.

Надъ головой по временамъ дрожала почва, и слышно было, какъ по мостовой стучатъ колеса и копыта. Было душно. Иванъ работалъ голый, и потъ лился съ него.

В. Сѣровъ. Портретъ И. Е. Рѣпина въ молодые годы. (Собраніе И. Е. Цвѣткова).

В. Сѣровъ. Портретъ Максима Горькаго. (Собраніе М. П. Рябушинскаго).

Спустился „Херувимъ“ и тоже раздѣлся—маленькій и бѣлый, какъ женщина.

Твердый матерпкъ въ родѣ известняка сразу сталъ подаваться. Онъ сталъ хрупокъ и пестръ, какъ мусоръ. Попадалась щебенка. Иванъ нашелъ ржавую кирку.

— Тутъ уже когда-то работали,—догадался „Херувимъ“.— Отдохнемъ! Я задыхаюсь.

И у Ивана кружилась голова. Галлерея была такъ узка, что они ползали на колѣняхъ, и пламя въ лампочкахъ умирало.

— По моему расчету,—продолжалъ „Херувимъ“, одѣваясь съ Иваномъ подъ лѣсенкой:—мы сдѣлали до сегодня семнадцать аршинъ, а сегодня за пять. Ловко!

Въ погребѣ муравейники выросли до потолка.

— И работали недолго. Мы кончимъ теперь втрое скорѣе. Если это дѣйствительно старая мина, то до клубочка доберемся, какъ по маслу.

Ольга Петровна наклонилась надъ люкомъ и тихо звала ихъ. Быстро оправились они.

— Идите, подкрѣпитесь.

Оказалось, что подъ землей они пробыли два часа. Иванъ шатался.

— Поспѣла картошка въ сметанѣ, и есть полбутылки малаги,— соблазняла Ольга Петровна.

— Умыться бы,—прохрипѣлъ Иванъ.

И, выбравшись изъ погреба, онъ прямо пошелъ къ умывальнику на кухню, гдѣ былъ разложенъ огонь подъ плитой и пахло жаренымъ масломъ.

Когда же онъ умылся и поднялъ глаза, окно изъ темной кухни показалось ему ярко-краснымъ, словно продолжался еще закатъ, или въ красныхъ тучахъ заходила луна, и небо раскалилось, какъ металлъ. Раздался мѣрный звонъ набата: бумъ-бумъ-бумъ. Выросъ внезапно гулъ голосовъ.

В. Сѣровъ. Ели. (Собраніе С. Т. Морозова)

„Херувимъ“ прибѣжалъ въ кухню и истерически закричалъ:

— Пожаръ!

XXXVII.

Всходило страшное солнце: не тучи, а дымъ и пламя вставали на востокѣ, и зловѣщая заря ширилась налѣво и направо, чтобы обнять всѣ страны свѣта. Ближайшія зданія были черны, какъ уголь, а соборная колокольня вдали пламенѣла краснымъ призракомъ, вздымаясь надъ городомъ. И вдоль испуганнаго бульвара, съ присмирѣвшими липами и каштанами, быстро бѣжали сѣрыя тѣни, преслѣдуемыя розовыми отблесками. Люди выскакивали изъ домовъ. Кучками стояли у воротъ. Карабкались на крыши и заборы. Проскакалъ толстый полицеймейстеръ, стоя въ дрожкахъ, на парѣ бѣшеныхъ коней. Церкви просыпались одна за другою, и въ воздухѣ гудѣли колокола, и стоны ихъ перекатывались съ мрачнымъ отчаяніемъ. И поднялся вѣтеръ, и погналъ кровавыя облака, и закружилъ ихъ надъ городомъ. И вдругъ надъ бульваромъ высоко пролетѣли стаи озаренныхъ огнемъ голубей.

Иванъ стремглавъ бѣжалъ по улицамъ. Онъ не помнилъ, какъ онъ ушелъ отъ Ольги Петровны и „Херувима“. Можетъ-быть, они, растерявшись, спокойно смотрѣли, какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ. Чѣмъ дальше подвигался онъ, тѣмъ ярче становилось страшное солнце, и сыпало уже искры. И казалось, что насталъ страшный судъ, и горитъ земля, и горятъ небеса. Выли женщины, мужчины кричали отъ гнѣва и отъ испуга. Скорымъ маршемъ прошла рота солдатъ, какъ на бой съ врагомъ, который вторгнулся въ предѣлы города и разоряетъ его.

Мимо Ивана промчалась кучка мастеровыхъ. Люди и тѣни перемѣшались и казались одинаково живыми. Фантастическія существа растягивались по землѣ, взбирались на дома и колебались въ сіяющемъ воздухѣ.

Люди или тѣни обступили Ивана, захватили въ свой потокъ, и онъ слышалъ, какъ они запыхавшимися голосами говорили злыя слова:

— Подожгли студенты. Не иначе, какъ они.

Во рту у него пересохло.

— За ноги, братцы, да въ огонь за такія дѣла.

Пахло человѣческимъ потомъ, виномъ и гнилой рыбой.

— Самъ собой этакій пожаръ не издѣлается.

Иванъ молчалъ, бѣжалъ и не могъ понять, почему народъ уже приписываетъ студентамъ пожаръ. А пожаръ манилъ его къ себѣ странными чарами стихійной красоты, ужаса и смерти.

— Глянь, робя, важно!

На Прорѣзной улицѣ пылали дома, какъ два ряда костровъ.

Изъ-подъ крышъ вырывались снопы огня и облака дыма, пламени крутились, извивались и вытягивались навстрѣчу другъ другу. Какъ на какой-то адской ярмаркѣ, кричали люди. Комоды, стулья, столы, экипажи, матрацы, платья, шубы валялись у тротуаровъ. Ржали лошади, визжали дѣти, лаяли собаки. Трещали заборы, балки. Съ грохотомъ бросали люди зеркала на мостовую, и куски хрустальныхъ стеколъ отражали въ себѣ пламя, нестерпимо блестя и сверкая.

— Воды! Воды! Подайте воды!

— А енъ, братцы, не студентъ?

— Нѣтъ... Вертлуговскій щенокъ.

Мастеровые понеслись дальше, а Иванъ отсталъ, задрожавъ отъ обиды.

„И мы должны отдавать жизнь за нихъ“,—подумалъ онъ.

Но некогда было предаваться горестнымъ размышленіямъ.

Полицеймейстеръ врѣзался въ толпу, ругался скверными словами, грозилъ, продолжая стоять на дрожкахъ, а толпа била его лошадей, и онѣ взвивались на дыбы.

— Воды!

Рѣка была близко, но воды не было.

В. Сѣровъ. Волы. (Собраніе И. С. Остроухова).

Прорѣзная улица тянулась къ дому Вертлугова. Огонь, какъ бѣшеный пѣтухъ, прыгалъ съ крыши на крышу, и деревянный городъ сгорѣлъ неожиданно и съ страшной быстротой. Двадцать лѣтъ не было такого пожара. И всѣмъ казалось неестественнымъ, что огонь такъ быстро пожралъ его. Даже грамотные люди и даже бравшіе книги изъ библіотеки говорили:

— Нечистое дѣло.

И съ лицами, неровно освѣщенными прыгающимъ пламенемъ, въ дырявыхъ рубахахъ и пиджакахъ на голомъ тѣлѣ, звѣроподобные босяки громче всѣхъ кричали про поджогъ, а сами натягивали на себя чужіе жилеты и пальто, набивали карманы часами и кошельками, безстрашно вламывались въ горящіе дома и выбѣгали оттуда съ пылающими волосами и съ добычей.

— Воды! Воды!

Подалась толпа, заиграли грозные рожки, прискакала наконецъ пожарная команда.

XXXVIII.

Иванъ пробирался среди нагроможденнаго хлама, пылающихъ домовъ и догорающихъ заборовъ, межъ людей и лошадей; безсознательно его влекло домой.

Пожаръ то поднимался съ воемъ и свистомъ, то приникалъ къ землѣ и разливался по ней. Бушевалъ вѣтеръ и не могъ разорвать огня. Съ страшнымъ плескомъ волновалось надъ городомъ огненное море, и дома загорались, какъ бочки со спиртомъ.

На пути Ивану встрѣчались испуганныя, заплаканныя или веселыя и жадныя лица.

Кто-то нѣжно схватилъ его за руку. Онъ обернулся и увидѣлъ бѣлокурую Миронову. Она была безъ очковъ. Глаза ея болѣзненно щурились, а по щекамъ текли слезы.

— Вы не видали нашихъ? Я потеряла ихъ.

Но ее затерла толпа, прежде чѣмъ Иванъ успѣлъ отвѣтить.

Худая дама съ сжатыми губами и безумнымъ взглядомъ, сверкавшимъ изъ-подъ растрепанныхъ волосъ, держала у груди икону въ серебряныхъ ризахъ.

— Господи, помоги и отврати! — кричала она.

Но пламя прыгало, и улица казалась огненнымъ коридоромъ, пропадающимъ въ безконечной перспективѣ съ зыблющимися голубыми и красными арками.

Уже трудно дышалось въ раскаленномъ воздухѣ. Волосы загорались на людяхъ, и съ крикомъ они метались назадъ. Ивана толкнули въ огородъ, онъ побѣжалъ по грядамъ, путаясь въ огуречныхъ побѣгахъ. Весь горизонтъ былъ въ огнѣ. Куда итти? Куда бѣжать?

Стоялъ въ концѣ огорода домикъ, окруженный кудряными

В. Сѣровъ. Сѣнцы. Рисунокъ. (Собраніе О. О. Сѣровой).

яблонями. Въ окнахъ свѣтился огонь. Старый человѣкъ съ голой грудью и въ бархатномъ пиджакѣ грозно ходилъ передъ крыльцомъ съ револьверомъ въ рукѣ. Иванъ узналъ бывшаго своего учителя географіи Лопарскаго.

За садомъ погорѣльцы стерегли свои сундуки и постели. Дальше, въ высокой сорной травѣ, подъ уцѣлѣвшимъ заборомъ, безобразничали страшные оборванцы. На землю пламенныя облака бросали тревожные отсвѣты. Воздухъ пропитанъ былъ запахомъ гари.

Иванъ въ ужасѣ оттолкнулъ тѣнь, которая кинулась къ нему, можетъ-быть, ища его защиты, перешагнулъ черезъ доски упавшаго забора и вновь очутился въ горячихъ клубахъ дыма и пара. Трещала вода, извергаемая паровой машиной. Рушились крыши, пылали бревна, кричали и стонали люди.

Озираясь на столбы пламени, которые сшибались другъ съ другомъ или колыхались, какъ чудовищные паруса на огнезарномъ морѣ, и хлопали въ воздухѣ, перекидываясь на огромныя разстоянія, — прибѣжалъ Иванъ домой.

XXXIX.

Разгоралась ли утренняя заря, или все разгорался и разгорался пожаръ?

В. Сѣровъ. Лошади у пруда. (Собраніе И. С. Остроухова).

Чудовищный свѣтъ озарялъ деревья, которыя волновались, словно стараясь вырвать изъ земли свои корни и убѣжать отъ надвигающейся огненной смерти. Собаки выли.

Иванъ обогнулъ уголъ и увидѣлъ въ тускло-розовомъ сумракѣ, что ворота раскрыты настежь, и въ свѣтломъ прямоугольникѣ ихъ, какъ въ рамѣ, стоятъ Хрисанѳъ Семеновичъ, Петрусевичъ и разстрига Лаврентій съ безумными лицами. Галстукъ у отца соскользнулъ концами на плечо, въ одной рукѣ онъ держалъ стаканъ съ виномъ, другою размахивалъ... Разстрига, красный и потный, раскрывалъ огромный ротъ и ревѣлъ басомъ; и зубы его, бѣлые и острые, какъ у звѣря, сверкали до самыхъ ушей. Петрусевичъ съ поникшими усами топтался на мѣстѣ сонно и устало. У ногъ стояла пустая бутыль.

Тройка пѣла непристойную пѣсню.

Иванъ понялъ, что еще вечеромъ началась у отца оргія. Петрусевичъ и разстрига были его любимыми собутыльниками.

За спиной Хрисанѳа Семеновича Иванъ увидѣлъ Сашу. Все это было, какъ во снѣ. Саша стояла съ обгорѣлыми волосами и забинтованными руками и рыдала.

— Папочка, идите же въ садъ! — кричала она. — Напейтесь же квасу со льдомъ!

— Прочь!

— Ну, ударьте меня.

— Убью!

— Убейте.

— Безстыдная!

— Что безстыдная! Я низкая, преступная, страшная!

Въ истомѣ отчаянія она упала на землю и обняла ноги отца.

— Надругайтесь же надо мною вы, чистые, честные, прекрасные!

Она протянула руки къ колѣнямъ Петрусевича.

— Посторонитесь! — закричалъ Иванъ и, оттолкнувъ Петрусевича, бросился къ сестрѣ.

Но когда онъ дотронулся до ея плечъ, чтобъ поднять ее, она взвизгнула и замотала головой:

— Не дотрагивайся до меня, Иванъ, хуже на свѣтѣ нѣтъ. Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?

— Опомнись, Саша! Ты обожглась? — стуча зубами отъ страха, спросилъ Иванъ.

— Не спрашивай ни о чемъ, ни о чемъ! — закричала дѣвушка и откинулась назадъ. — Ай, оставьте меня, я погибшая!

— Что съ тобой сдѣлала Анна Дмитріевна? — сурово спросилъ, наклонившись къ ней, Иванъ.

— Ничего. Она святая. Я сатана. Я жить не хочу, жить... униженія, позора, грязи. Чтобъ я могла забыться. Грязи!

Лицомъ припала Саша къ землѣ и грызла ее.

Иванъ обнималъ Сашу, выбивался изъ силъ:

— Встань! Встань!

— Убей ты меня наконецъ, — шопотомъ сказала ему Саша.

— Арестантъ! — крикнулъ на сына Хрисанѳъ Семеновичъ и задрыгалъ ногой, норовя ударить его каблукомъ въ спину.

Лаврентію стало стыдно.

— Чортъ, — пойдемъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ, ежели не сгорѣла. Пойдемъ. Брось ихъ.

Доносился несмолкающій набатъ и заглушенный дымомъ и воющимъ огнемъ людской гомонъ. Въ небесахъ рѣяли обезумѣвшіе голуби, какъ красные платочки.

Хрисанѳъ Семеновичъ, Петрусевичъ и Лаврентій, обнявшись, съ пѣсней вышли изъ воротъ, и скоро потонули въ страшномъ шумѣ ихъ дикіе голоса.

Саша оглянулась и при помощи брата встала.

— Ничего не понимаю, Саша, — придерживая сестру за талію, сказалъ Иванъ. — Скажи все. Я изнемогаю.

— Неужели я останусь жить? — истерически вскрикнула Саша и снова заплакала страшными, непонятными, страдальческими слезами.

XL.

Иванъ увелъ Сашу въ садъ. Пахло жасминомъ и гарью. Летали темные мотыльки и садились на цвѣты: съ пожара вѣтеръ приносилъ обугленные куски обоевъ. Сыпался пепелъ, падали красные угольки.

— Сядь и успокойся, — сказалъ Иванъ.

— Успокоилась, — тихо произнесла Саша. — Аксинья обложила мнѣ руки тертымъ картофелемъ. Видишь, я тушила руками... Прямо руками.

— Что тушила?

— Ты знаешь.

— Ничего не знаю. Тебѣ надо лечь.

— Не хочу.

— Бѣдная. Лучше бы я зашелъ къ тебѣ и остался у тебя.

— Но ты живъ...

Она стала судорожно смѣяться сквозь слезы.

— Анна Дмитріевна погорѣла?

— Ну да... Ужасъ. Ужасъ.

— Ты перепугалась... А руки пройдутъ. Хорошо, что картофель. Я отвезу тебя въ больницу.

— Но отчего онъ не выпилъ квасу со льдомъ! Отецъ сгоритъ отъ водки. Ай!

Она сидѣла на скамейкѣ, и все ея тѣло выгибалось и вгибалось. Нельзя было понять, рыдаетъ она или хохочетъ. Мысли ея мѣшались, она стала заговариваться.

Приковыляла Аксинья съ кружкой воды. Саша глотнула изъ кружки.

— Что дѣти? — спросила она, внезапно затихнувъ.

— Дѣти спятъ и ничего не знаютъ, — сказала Аксинья. — И до насъ не дойдетъ. Сейчасъ сосѣдняя Аннушка разсказала, что одна благовѣрная женщина — ейный мужъ сыщикомъ служитъ — повернула уже огонь на жидовскій кварталъ.

— Аксинья, а Аглая Ермолаевна не погорѣла? — спросилъ Иванъ, и мысль о Наденькѣ сжала его сердце.

— По берегу не горѣло еще... А только Господь вѣдаетъ. Теперь, може, и горитъ.

— Ты... Ты... Ты... — какъ въ бреду, стала волноваться Саша. — Какъ страшно. Простите меня всѣ. Аксинья, зарубите меня топоромъ.

В. Сѣровъ. Портретъ Н. А. и Т. А. Касьяновыхъ. Рисунокъ. (Собраніе А. В. Касьянова).

В. Сѣровъ. Купанье. Русскій Музей Императора Александра III.

Со стономъ упавъ со скамейки, Саша прижалась къ ногамъ Аксиньи.

Иванъ оттащилъ ее:

— Саша!

— Ваня, не хочу... Тяжесть, боль. Кто-то становится мнѣ на голову и хочетъ раздавить...

Она билась въ рукахъ брата, со страхомъ смотря въ темноту.

— Не жалѣйте меня... никто. Уйдите, Аксинья! Иванъ,—строгимъ голосомъ сказала она, выпрямилась и увлекла его дальше отъ дома:—ты... ты... долженъ узнать

Она понизила голосъ, и онъ сначала не могъ разобрать, что̀ она говоритъ.

— Повтори, Саша, что̀ ты сказала.

Она медленно начала, тихо и страшно:

— Я взяла ночью, когда ты былъ на свиданіи съ Наденькой, прокламаціи изъ твоего шкапа, чтобы ты не попался, принесла къ себѣ и, дождавшись вечера, стала ихъ жечь на керосинкѣ, одну за другою. А Анна Дмитріевна услышала гарь и закричала, что пожаръ. А пожара еще не было. Но тутъ она стала стучать въ дверь, а я нечаянно опрокинула керосинку, и все вспыхнуло, и огонь побѣжалъ по занавѣскѣ... А я стала тушить руками, и ничего не могла сдѣлать и едва успѣла выскочить. Зачѣмъ—не знаю. О, надо было сгорѣть самой. Отъ меня начался пожаръ, это я сожгла городъ. Ваня, что̀ смотришь такъ, молчишь? Ты... Ты...

— Сочиняешь на себя. Рехнулась.

Она застонала и затопала ногами:

— Я подожгла городъ прокламаціями! Я! Только я!

Аксинья опять подошла, встревоженная набатными колоколами и воемъ пожара.

На огненномъ фонѣ шатались деревья черными призраками. Пожаръ прихлынулъ вплотную къ усадьбѣ.

— Аксиньюшка, — закричала Саша: — я сожгла городъ, я! Разрази меня Господь, если неправда! На каторгу меня! Я!

Иванъ сердито схватилъ ее и понесъ къ дому:

— Помогите, Аксинья, барышня съ ума сошла!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

Ольга Карповна выпила чаю и встала съ постели. Прежде всего она посмотрѣла въ ящикъ своего туалета и сосчитала деньги. Тамъ еще лежало 260 рублей. Здѣсь были и выигрышъ и деньги на хозяйство. Павелъ Аркадьевичъ никогда не держалъ при себѣ денегъ и отдавалъ ей всѣ свои получки на расходы. Все равно. Она возьметъ только 50 рублей, а принесетъ 100, можетъ-быть, 200. И съ этими мыслями она весело стала плескаться въ водѣ, потомъ причесалась, одѣлась и вышла изъ комнаты.

День начался. Она позавтракала и уѣхала въ Гостиный дворъ, гдѣ купила духовъ, газовый шарфъ и отрѣзокъ очень интересной матеріи. Потомъ заѣхала къ портнихѣ и примѣрила послѣднее платье, а когда вернулась домой—подошло время обѣда, и вернулся со службы Павелъ Аркадьевичъ.

Послѣ обѣда Ольга Карповна хотѣла сказать ему обычную фразу, но вмѣсто этого сказала:

— Я сегодня вечеромъ хочу сходить къ Карелинымъ, мы давно не были у нихъ.

— Къ Карелинымъ?—повторилъ Павелъ Аркадьевичъ.—Это хорошо. А можетъ-быть, ты посидишь дома, отдохнешь?

— Нѣтъ. Если я останусь дома, мнѣ не будетъ сидѣться. Я не утерплю.

Онъ съ улыбкою кивнулъ головою:

— Пожалуй, ты и права. Побывай у нихъ и поклонись отъ меня.

Карелины были ихъ старые знакомые. Онъ—учитель и писатель—былъ товарищемъ Павла Аркадьевича по университету: они почти въ одно время женились, и жена его, Надежда Захаровна, была дружна съ Ольгой Карповной, хотя и видались рѣдко.

— Побывай у нихъ и поклонись отъ меня,—повторилъ Павелъ Аркадьевичъ:—только не возвращайся поздно.

— Нѣтъ, я сегодня совсѣмъ пріѣду рано. Въ двѣнадцать самое позднее.

— Ну, ну...

Павелъ Аркадьевичъ пошелъ спать, а Ольга Карповна перешла въ дѣтскую, захвативъ съ собою работу. Дѣти обрадовались, увидя ее. Они засыпали ее вопросами, потомъ стали просить ее разсказать сказку.

Она стала разсказывать сказку. Дѣти слушали и смѣялись. Лицо няньки было весело. Время прошло незамѣтно. Ольга Карповна думала только объ одномъ: какъ она пойдетъ играть и отыграется. И, когда дѣти легли спать, она прошла въ спальню, гдѣ храпѣлъ ея мужъ, осторожно вынула 50 рублей и вышла изъ дома.

Въ первый разъ она пріѣхала въ клубъ одна. Прислуживающіе у вѣшалки встрѣтили ее низкими поклонами, сидѣвшій у книги господинъ въ красномъ галстукѣ почтительно съ нею раскланялся, и она вошла въ игорную залу сіяющая, довольная, кланяясь направо и налѣво знакомымъ партнерамъ, свободно заняла мѣсто и властнымъ голосомъ спросила себѣ двѣ карты. Она чувствовала себя въ этой угарной залѣ, съ воздухомъ, насыщеннымъ табачнымъ дымомъ, съ мужчинами, нагло смотрѣвшими на дамъ, и съ дамами, привѣтливо улыбающимися мужчинамъ, какъ дома. Ей нравилась эта атмосфера: нравилось волненіе, которое охватывало всѣхъ во время монотоннаго выкрикиванія номеровъ, и общій говоръ и шумъ, когда раздавался крикъ: „довольно“; суета людей, продающихъ карты, звонъ денегъ и отрывочныя фразы, раздающіяся то здѣсь, то тамъ. Оглянувшись вокругъ, она съ удовольствіемъ убѣдилась, что̀ въ клубѣ не было ни Калеріи ни ея мужа.

Но счастье все-таки не улыбалось ей, и она проигрывала игру за игрою. Волненіе ея увеличилось. Она стала брать по три карты, пересаживалась на новое мѣсто, пробовала всѣ способы закрыванія номеровъ—и все-таки не выиграла ни разу. Даже не видѣла у себя ни одной кварты.

Павелъ Аркадьевичъ еще сидѣлъ за работой, когда она вернулась домой.

— Ну, какъ поживаютъ Карелины?—спросилъ онъ ее.

Ей стало совѣстно. Она покраснѣла и, отвернувшись въ сторону, равнодушно отвѣтила:

— Ничего особеннаго: тебѣ кланяются.

Онъ продолжалъ осыпать ее вопросами, и ей становилось все болѣе неловко. Она сказала:

— Я страшно устала и лягу спать.

— Иди, иди, — заботливо сказалъ Павелъ Аркадьевичъ. — Выспись, и завтра утромъ напьемся вмѣстѣ чаю.

Она прошла въ спальню, думая, что, кажется, счастье оставило ее.

Второй вечеръ.

Вчера она проиграла 50 рублей, сегодня тоже. Надо отыграться. А вдругъ опять проиграешь? Не лучше ли бросить?

Но при этой мысли она упрямо качнула головой.

Бросить, когда выиграть такъ легко. И неужели ей уже больше никогда не удастся закричать: „довольно“? „Не было даже кварты“,—съ досадой думала она, укладываясь въ постель.

А Павелъ Аркадьевичъ, наклонясь надъ счетами, щелкалъ косточками, подводилъ итоги и радостно думалъ, что жена окончила игру въ лото и избавилась отъ своего короткаго увлеченія.

Но злой вихрь уже захватилъ Ольгу Карповну.

Днемъ она ходила мрачная, озлобленная, не занимаясь ни дѣтьми ни хозяйствомъ. Вечеромъ уѣзжала въ клубъ, каждый разъ называя мужу новыхъ знакомыхъ.

— Ты у меня совсѣмъ свѣтской сдѣлалась, — шутилъ онъ и не безъ грусти прибавлялъ:—Лото тебя испортило.

Она вспыхивала:

— Я не могу совсѣмъ сидѣть дома вечеромъ, Павля. Если бы ты не былъ занятъ всегда...

— Иди, иди,—говорилъ онъ:—только не утомляйся. Ты сегодня къ кому?

И она называла новую знакомую фамилію.

Счастье оставило ее совершенно. Она пробовала играть въ долѣ, въ компаніи, купила бѣлыхъ фарфоровыхъ слоновъ—но никакого выигрыша, и каждый разъ она оставляла 20 и 30 рублей.

Лицо ея осунулось, и глаза стали блестѣть лихорадочнымъ блескомъ, отчего она стала еще красивѣе.

IX.

Она сидѣла передъ зеркаломъ и расчесывала волосы, а въ головѣ ея копошились неотвязныя мысли о послѣднихъ вечерахъ съ ихъ неудачами. По цѣлымъ вечерамъ не выходитъ даже кварты. Вчера случилось, что на двухъ картахъ она закрыла только четыре номера.

— Барыня, можно?—раздался голосъ Луши.

— Войди,—сказала она.

Луша остановилась въ дверяхъ спальни:

— Что̀ покупать итти?

— Купи, что̀ придумаешь,—вяло отвѣтила Ольга Карповна.

— Деньги пожалуйте!

Она раскрыла кошелекъ и на мгновеніе застыла. Въ кошелькѣ лежали трехрублевая ассигнація, маленькій золотой и немного серебра. Это все.

— На,—сказала она торопливо Лушѣ, подавая золотой, и закрыла кошелекъ.—Иди скорѣе.

Луша ушла, а Ольга Карповна испуганно открыла ящикъ туа-

лета, гдѣ лежали ея деньги, все еще не довѣряя себѣ самой. Лицо ея изобразило неподдѣльное изумленіе, когда она увидѣла пустой ящикъ. Такъ недавно въ немъ лежали сотенныя ассигнаціи, сегодня онъ пустъ, и въ кошелькѣ всего восемь рублей, изъ которыхъ пять она отдала на обѣдъ. Что же это? И она безсильно опустила руки.

— Мама,—сказала, входя, Катя, и Ольга Карповна вздрогнула:—будемъ заниматься?

— Что? Нѣтъ, Катя: сегодня я не расположена. Я тебѣ покажу, что дѣлать, ты позаймись одна. Сдѣлай задачку. Прочти по географіи кусочекъ.

— Хорошо, мама. А ты уйдешь?

— Я?—Ольга Карповна растерялась.—Да, я уйду!

Катя съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее и тихо вышла изъ комнаты, сказавъ:

— Я приготовлю книги, мама.

— Приготовь!

Ольга Карповна снова осталась одна, раскрыла ящикъ, посмотрѣла въ него, вынула кошелекъ и снова убѣдилась, что отъ всей массы денегъ у нея осталось въ наличности три рубля. Она разсѣянно обвела комнату взглядомъ и увидѣла множество вещей, купленныхъ за дни выигрыша, ничтожныхъ, дрянныхъ вещей: флаконы съ духами, стоящіе на туалетѣ, фарфоровые часы, никуда не годные, потому что они отставали въ теченіе часа на полчаса, безтолковыя вазы для цвѣтовъ, статуэтки, а потомъ вспомнила разныя тряпки, которыя покупала безъ счета и толка. Она растерянно покачала головой, и ей пришла мысль, что только одна Калерія можетъ помочь ей въ ея растерянности. Хорошо быть такой опытной въ жизненныхъ передрягахъ, какъ она.

Ольга Карповна торопливо закончила свой туалетъ и рѣшила итти къ ней. Передъ уходомъ она зашла въ дѣтскую. Петя игралъ, Катя разложила книги. Ольга Карповна наклонилась къ Катѣ, взяла книги и наскоро указала, что дѣвочка сама должна сдѣлать за день.

— А я пойду. Няня, когда Катя кончитъ заниматься, пойди прогуляться съ дѣтьми. Только не опоздай къ обѣду.

Она поцѣловала дѣтей, одѣлась и поспѣшно вышла изъ дома.

Калерія, не причесанная, въ капотѣ и туфляхъ на босу ногу, сидѣла за обѣденнымъ столомъ и раскладывала пасьянсъ. Увидѣвъ Ольгу Карповну, она вскочила, смѣшала карты и радостно воскликнула:

— Душечка, какъ я рада! Садись, я сейчасъ распоряжусь кофеемъ. Катя!—закричала она звонко.—Накрой на столъ и подай кофе. Ну разсказывай, что новаго? Что интереснаго? Рубль у тебя есть?

Ольга Карповна раскрыла портмонэ и подала единственную оставшуюся у нея ассигнацію.

— Вотъ и отлично. Мы сейчасъ попьемъ за сладкимъ. Катя, Катя, иди сюда!

Растрепанная Катя вошла въ комнату.

— Вотъ на тебѣ деньги, купи колбасы, одинъ фунтъ, безъ чесноку. Булки есть? Ну, хорошо. Купи финиковъ, коробку финиковъ. И, знаешь, тѣхъ конфетъ, которыя я ѣмъ, на 20 копеекъ. Иди скорѣе. Дверь сама закрой.

Катя ушла, а Калерія обратилась къ Ольгѣ Карповнѣ:

— А я только-что хотѣла ѣхать къ тебѣ. Скучища анаѳемская, денегъ—ни гроша, хоть шаромъ покати. Мой Костька удралъ со вчерашняго дня, и я не знаю, гдѣ онъ. Въ редакцію позвали, и пропалъ. Вѣроятно, въ карты дуется, а обо мнѣ и мысли нѣтъ. Шуть съ нимъ! Вернется, я ему голову намылю. Вчера дворникъ приходилъ: за квартиру платить надо; приходили отъ портного. Изъ электричества пришла повѣстка: скоро загасятъ электричество, а денегъ нѣтъ и нѣтъ. Я говорю, достань хоть десять рублей, пойдемъ сыграемъ въ лото... Ну, а откуда эти десять рублей достать? Хоть бы чортъ какой-нибудь застраховался, что ли. Вотъ тогда были бы деньги. Ну, а у тебя? Я ему говорила, чтобы у тебя занять: онъ не позволяетъ.

Ольга Карповна горько улыбнулась.

— У меня занять трудно,—сказала она.—Ты знаешь, я все проиграла.

— Все?—Калерія всплеснула руками.

— Все! И даже тѣ деньги, которыя мужъ далъ на расходы. У меня эти три рубля—послѣдніе.

— Бѣдная ты моя, бѣдная. Я говорила: иногда карта идетъ недѣлю, двѣ: иногда вотъ, какъ тебѣ, три дня. Надо было беречь деньги.

Ольга Карповна вздохнула:

— Это было такъ внезапно: развѣ я этого ожидала?

— Да, съ этой игрой всегда такъ. Сегодня густо, завтра пусто. Надо, душечка, постоянно играть. Теперь собери десять рублей и отыграйся.

— А какъ собрать? Я пришла къ тебѣ, Калерія, посовѣтоваться, что мнѣ дѣлать. Теперь нужны деньги на расходы. Какъ я скажу мужу? Ты сама подумай: было столько денегъ, онъ еще далъ сто рублей,—и я скажу ему, что у меня нѣтъ денегъ. Это ужасно. Когда я сегодня утромъ узнала, мнѣ казалось, что я умру. Вотъ-вотъ, такъ и умру.

Калерія звонко засмѣялась:

— Господи, сколько бы разъ я умирала отъ этихъ открытій! Одинъ разъ, знаешь, что случилось? Мнѣ страсть какъ захотѣлось въ лото поиграть. А онъ пропалъ. Я сложила его сюртучную тройку, отправила съ Катей въ ломбардъ и проиграла всѣ денежки, а ему квитанцію на столъ. Вотъ онъ злился тогда. Ха-ха-ха!—Она звонко разсмѣялась.

— Оставь, Калерія, мнѣ не до смѣху. Что мнѣ дѣлать?

— Что? Да вѣдь ты же массу вещей купила. Ну и заложи, что можешь. У тебя еще такая шелковая матерія есть. Ты сшила платье?

— Нѣтъ.

— Она 65 рублей стоитъ: всегда 35 дадутъ. Двадцать на хозяйство, а 15 на лото.

— Нѣтъ, нѣтъ,—Ольга Карповна тряхнула головой.—Ни за что играть не буду.

— Твое дѣло. Тогда проживешь на эти деньги, а тамъ еще заложи. Мужъ и не узнаетъ.

— Ужасно!—Ольга Карповна тяжело вздохнула.

Калерія ласково погладила ее по рукѣ:

— Глупенькая ты; право, глупенькая. Есть о чемъ тужить. На то и игра. Выиграла—проиграла: проиграла—выиграла. Пословица говоритъ: „играй, да не отыгрывайся“, а я бы всегда отыгрывалась. Когда-нибудь опять выиграю.

— Мнѣ ужасно досадно. Знаешь, вѣдь я все время играла.

И Ольга Карповна съ жаромъ начала разсказывать, какъ она проигрывала, какіе у нея выпадали номера, и какъ ей не везло:

— Даже терны не выходило. Понимаешь?

— Да, да, бываетъ. У меня одинъ разъ на одной картѣ ни одного нумера не закрылось. По-моему, въ этихъ случаяхъ надо также выдавать деньги,—и Калерія стукнула кулакомъ по столу.—Хочешь, я разложу пасьянсъ и узнаю, выиграешь ты или нѣтъ?

— Нѣтъ, Калерія, я играть не буду.

Калерія засмѣялась:

— Не будешь? Ну, милая, не зарекайся. Членъ клуба „Семейнаго Очага“ и чтобы не играла въ лото! Этого не бываетъ.

Ольга Карповна напилась кофе у Калеріи и, нѣсколько успокоенная, пошла домой.

Да, она заложитъ нѣсколько вещей потихоньку отъ всѣхъ, и на это они проживутъ. Мужъ ничего не узнаетъ объ ея проигрышѣ.

А тѣмъ временемъ Павелъ Аркадьевичъ у себя въ конторѣ щелкалъ на счетахъ, подводилъ итоги, хлопалъ огромными книгами, ставилъ ихъ въ несгораемый шкапъ, вынималъ оттуда новыя, свѣрялъ счета и кипѣлъ въ своей скучной бухгалтерской работѣ. Къ нему подошелъ, согнувъ голову, Карлъ Семеновичъ, его непосредственный начальникъ,—старшій бухгалтеръ. Онъ былъ высокъ ростомъ, съ длинной черной бородой и совершенно лысой головой. Выпуклые голубые глаза его ласково смотрѣли сквозь очки въ толстой золотой оправѣ.

— Вотъ что, голубчикъ,—сказалъ онъ неправильнымъ русскимъ языкомъ.—Директоръ имѣлъ до васъ маленькое дѣло.

— Какое, Карлъ Семеновичъ?

— Пройдемъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Павелъ Аркадьевичъ пошелъ за старшимъ бухгалтеромъ въ его кабинетъ, и тотъ объяснилъ ему:

— Какъ вамъ говорить. Намъ нужно для дѣла давать нѣкоторымъ лицамъ разныя суммы. Понимаете, будто взаймы...

Павелъ Аркадьевичъ кивнулъ. Онъ зналъ, что общество принимаетъ на себя разные подряды, и для полученія ихъ приходится давать взятки.

— Ну, вотъ,—продолжалъ бухгалтеръ:—намъ черезъ контору это неудобно. У насъ было такое лицо, а теперь нѣтъ. Директоръ остановился на васъ.

— Что же я долженъ дѣлать?

— Ничего. Вы будете держать у себя двѣ-три тысячи. Когда нашъ агентъ вамъ назоветъ господина и сумму—вы будете этому господину давать эту сумму, будто отъ себя, подъ расписку.

— И только?

— И все...

— Я готовъ, Карлъ Семеновичъ,—отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ.—Это совсѣмъ пустое дѣло.

— Мы вамъ будемъ за это благодарны,—и Карлъ Семеновичъ дружески пожалъ Павлу Аркадьевичу руку.

Онъ возвращался къ своей конторкѣ, когда къ нему подошелъ разсыльный и сказалъ:

— Васъ просятъ къ телефону.

— Сейчасъ.

Онъ прошелъ въ будку къ телефону. На крючкѣ висѣла трубка. Онъ взялъ ее и сказалъ:

— Я слушаю. Откуда?

— Я, дружище; узнаешь?

Павелъ Аркадьевичъ сразу узналъ голосъ Карелина.

— Узналъ. Что скажешь?

— Да то, что сто лѣтъ тебя не видѣлъ и хочу тебѣ напомнить: послѣзавтра приходи съ женой. У насъ годовщина свадьбы, а заодно и Степкино рожденье. Приходи непремѣнно и жену волоки.

— Хорошо. Спасибо,—отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Не забудь: послѣзавтра.

— Помню!

Павелъ Аркадьевичъ повѣсилъ трубку и въ это мгновеніе вспомнилъ, что жена недавно была у Карелиныхъ. Почему они не сказали ей объ этомъ?

Въ 5 часовъ онъ шелъ домой и думалъ о новой обязанности. Несомнѣнно, это означаетъ особое довѣріе. Быть-можетъ, его повысятъ и прибавятъ жалованье. Было бы хорошо, если бы явилась возможность избавиться отъ вечернихъ занятій. Онъ вернулся домой въ хорошемъ настроеніи духа. Жена дружески встрѣтила его, дѣти выбѣжали къ нему навстрѣчу, и на него пахнуло прежнимъ уютомъ, о которомъ онъ тосковалъ послѣднее время. Онъ крѣпко поцѣловалъ жену и прошелъ въ спальню переодѣться. Она, по обыкновенію, вошла слѣдомъ за нимъ и сѣла въ кресло.

— Вотъ какая новость,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.—Правленіе поручило мнѣ какъ бы частнымъ образомъ, отъ себя, раздавать нужнымъ людямъ деньги. Буду въ нѣкоторомъ родѣ банкиромъ.

— А это выгодно?—спросила Ольга Карповна.

— Вѣроятно, за это что-нибудь заплатятъ.

Она улыбнулась:

— Хорошо, если бы тебѣ дали прибавку. Они отличаютъ тебя по службѣ.

— Я и самъ замѣчаю это, Оля; я думаю, что пройдетъ годикъ, и я избавлюсь отъ вечернихъ занятій.

— Дай Богъ!

— Да, еще! Карелинъ по телефону звонилъ ко мнѣ,—Ольга Карповна вдругъ покраснѣла и отвернулась:—и зоветъ насъ къ себѣ послѣзавтра. У нихъ годовщина свадьбы, а потомъ рожденіе мальчишки. Я подумалъ, почему они тебѣ ничего не сказали, когда ты была у нихъ?

Ольга Карповна пересилила себя и отвѣтила:

— Мнѣ она говорила, да я позабыла передать. Все равно я помнила.

— Да! Такъ это онъ отъ себя, а она отъ себя. Вѣроятно, такъ.

Ольга Карповна сдѣлала усиліе, чтобы скрыть ложь, и чувствовала, какъ кровь отлила отъ лица, а потомъ прилила. Пересиливая волненіе, она торопливо встала, прошла въ столовую и крикнула:

— Выходи скорѣе!

Дѣти уже сидѣли за столомъ. Она торопливо стала разливать супъ, а въ головѣ ея вихремъ проносились мысли. Какой позоръ, если откроется эта ея ложь! Теперь надо непремѣнно предупредить Карелину, чтобы не вышло замѣшательства.

— Что это ты какая-то не своя?—спросилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Я? Нѣтъ! Я отлично себя чувствую.

— Я тебѣ два раза сказалъ, а ты не слышишь.

— А что ты сказалъ?

— Да просто спросилъ, какъ Катя сегодня занималась.

— Ничего, какъ всегда.

Онъ ушелъ спать. Ольга Карповна прошла въ дѣтскую, но чувствовала себя тревожно. Сознаніе, что она соврала,—соврала въ первый разъ,—угнетало ее. А больше всего ее пугала мысль, что это вранье можетъ легко и быстро разоблачиться. Надо предупредить во что бы то ни стало. Она пойдетъ завтрашній день къ Карелинымъ въ гости, посидитъ съ Надеждой Захаровной, и впечатлѣніе останется, что она была, а когда—никто не станетъ объ этомъ допытываться. При этой мысли она облегченно вздохнула. Это было такъ просто, и, когда Павелъ Аркадьевичъ проснулся, она ласково позвала его пить чай и весело съ нимъ говорила.

— Знаешь что?—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.—Сходимъ въ кинематографъ, а потомъ вернемся, и я сяду заниматься, а ты ляжешь.

Ольга Карповна опять смутилась. Онъ можетъ спросить у нея денегъ, а сейчасъ у нея всего рубль съ копейками.

— Нѣтъ, Павля, у меня болитъ голова, я устала, и мнѣ не хочется выходить изъ дому. Лучше почитаемъ, если хочешь, а потомъ ты сядешь заниматься.

— Ну, ну, какъ знаешь. Не хочешь итти, такъ я прямо за работу сяду.

— А я подлѣ тебя. У меня есть штопка.

И они мирно закончили вечеръ.

X.

Вечеръ, проведенный дома, успокоилъ Ольгу Карповну, и она проснулась бодрая и оживленная ко времени ухода мужа. Они вмѣстѣ напились чаю, и Павелъ Аркадьевичъ радостно простился съ нею, уходя на службу. Едва онъ вышелъ, Ольга Карповна поспѣшно завернула свое лучшее платье, одно изъ тѣхъ, которыя она сшила во время выигрышей, и понесла его въ ломбардъ. Успокоенная и довольная, она вернулась домой, дала Лушѣ на расходъ денегъ и прошла въ дѣтскую, гдѣ стала заниматься съ Катей. Казалось, миръ вернулся ей въ душу. Она заложитъ, продастъ всѣ вещи, пріобрѣтенныя на выигрышныя деньги, и снова войдетъ въ колею тихой семейной жизни. Теперь только избавиться отъ этой лжи... И она послѣ завтрака поѣхала къ Карелинымъ.

Надежда Захаровна, толстая, высокая, съ радушнымъ веселымъ лицомъ, встрѣтила ее радостнымъ возгласомъ:

— Милая! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Стыдно такъ забывать своихъ друзей.

— Занята я очень съ дѣтьми да съ мужемъ,—отвѣтила Ольга Карповна.

— А я?

Надежда Захаровна крѣпко поцѣловала Ольгу Карповну и, взявъ ее за талію, провела въ уютную спальню, гдѣ постель была отгорожена ширмою, а у окна стоялъ письменный столъ, заваленный рукописями и книгами, съ пишущей машинкой посрединѣ. Надежда Захаровна опустилась въ мягкое кресло и, похлопывая Ольгу Карповну по рукѣ, сказала:

— Стыдно, стыдно забывать своихъ друзей. Ну а завтра-то придете?

— Непремѣнно,—отвѣтила Ольга Карповна.—Да что вы меня корите, а сами?

— Сама, сама!—Надежда Захаровна махнула пухлою рукою и показала на столъ.—Развѣ у меня есть свободное время? Вотъ я утромъ встану и со своимъ Степой занимаюсь. Готовимъ его въ первый классъ. Позаймусь съ нимъ, а тамъ завтракъ, обѣдъ заказать надо, а потомъ вотъ за эту работу.

— Что за работа?

— Мой Сережа задумалъ писать учебникъ. Такъ вотъ укажетъ, какія ему нужно выборки сдѣлать—я ихъ за день сдѣлаю; потомъ онъ придетъ, отдохнетъ и садится за свое писаніе: пишетъ, а я все это на „Ремингтонѣ“ перестукиваю. Вотъ и выходитъ работы по горло. А тамъ зачинить, а тамъ заштопать, а тамъ по хозяйству... Э, милая, да развѣ вы не знаете, сколько у насъ работы?

Ольга Карповна почувствовала въ душѣ своей неловкость и молча кивнула головою.

— Мы—занятые люди, намъ ничего даромъ не дается. Они воображаютъ, что мы ничего не дѣлаемъ, а какъ посмотришь, то, пожалуй, больше ихъ работаемъ. Только меньше зарабатываемъ, вотъ они и гордятся.—Надежда Захаровна весело засмѣялась.—Гдѣ лѣто были?

Ольга Карповна вяло отвѣтила:

— Жили въ Стрѣльнѣ, купались въ морѣ, искали грибы; нѣсколько разъ въ театрѣ были... Скучно было очень, знакомыхъ никого.

— А мы въ Финляндіи, и великолѣпно провели время: купались, катались, и экскурсіи были... Однако что же это я? Давайте кофе пить. Сейчасъ я распоряжусь.

Она встала и развалистой походкой вышла изъ комнаты, и скоро раздался ея властный голосъ. Потомъ она вернулась.

— Степку-то моего не видали?.. Выросъ и пополнѣлъ. Я его гулять услала. Вы вотъ посидите и увидите его.

— Ой, мнѣ некогда!

— А завтра придете?

— Непремѣнно. Мой Павля уже говорилъ объ этомъ.

— Я приказала своему Сергѣю непремѣнно вамъ сказать, потому что безъ васъ и праздникъ не въ праздникъ.

— Что за праздникъ у васъ?

— Какъ же? 15 лѣтъ нашей свадьбы и 10 лѣтъ нашему Степѣ—итого 25 лѣтъ. Вотъ оно юбилей и выходитъ.

Надежда Захаровна весело и бодро засмѣялась. Вошла прислуга и сказала, что завтракъ поданъ. Онѣ прошли въ уютную столовую. Надежда Захаровна говорила безъ умолку. Ольга Карповна съ удовольствіемъ слушала ее и на время забылась и почувствовала себя легко и весело. Есть какая-то особенность въ трудящихся людяхъ: они несутъ съ собою всегда бодрость и веселье, и Ольга Карповна невольно заразилась отъ нея здоровой бодростью трудящагося человѣка. Онѣ крѣпко расцѣловались на прощанье, и Ольга Карповна, идя домой, давала себѣ слово навсегда разстаться съ безумнымъ увлеченіемъ и отдаться тихой семейной жизни съ ея маленькими тревогами и радостями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Валентинъ Александровичъ Сѣровъ.

Очеркъ **А. А. Ростиславова.**

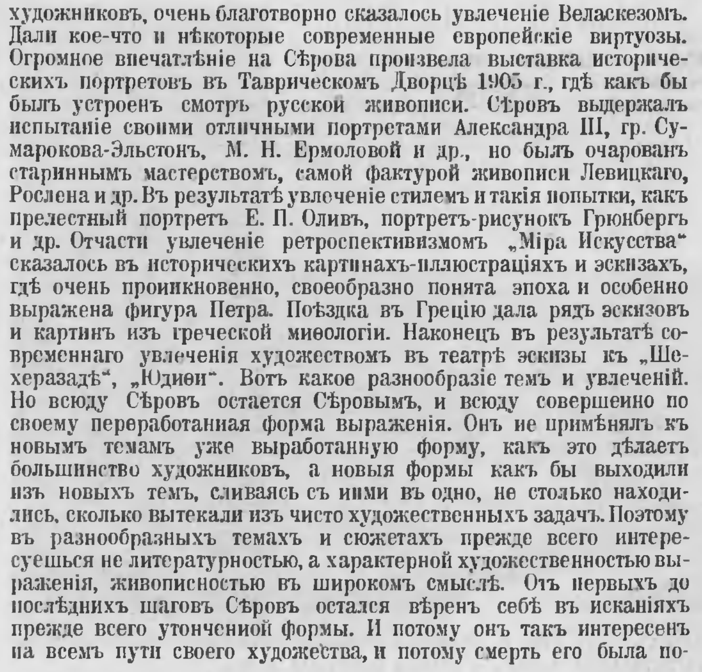
Сейчасъ послѣ посмертной выставки, послѣ выхода книги И. Грабаря, посвященной Сѣрову, значеніе и величина Сѣрова настолько выяснены, такъ стали извѣстны всѣ подробности, касающіяся его біографіи и художественной дѣятельности, что было бы излишне повторять всѣмъ извѣстное. Родившись (1865 г.), воспитавшись и впервые выступивъ на передвижныхъ выставкахъ въ концѣ 80-хъ г.г., въ періодъ реалистическаго пониманія живописи, выразившагося у насъ въ передвижничествѣ, Сѣровъ—яркій представитель той переходной эпохи, когда задачи живописной формы взяли верхъ надъ сюжетомъ. Здѣсь его крупнѣйшая разница съ Рѣпинымъ, тоже прежде всего живописцемъ, но всегда озабоченнымъ сюжетомъ и даже подчинявшимъ ему свою живопись. Параллели тѣмъ болѣе интересныя, что въ концѣ концовъ Рѣпинъ и Сѣровъ—главныя вѣхи на пути нашей живописи цѣлаго ряда недавнихъ десятилѣтій.

Чрезвычайно характерно, что Сѣровъ, хотя его и называли

одно время портретистомъ, былъ однимъ изъ первыхъ у насъ художниковъ вообще. т.-е. одинаково умѣло и мастерски изображалъ фигуры, пейзажъ, nature morte, животныхъ и пр. Раньше, какъ извѣстно, художники довольно строго, даже въ группировкахъ академическихъ классовъ, разграничивались на портретистовъ, жанристовъ, историковъ, пейзажистовъ, анималистовъ и пр. въ зависимости отъ содержанія своихъ картинъ и умѣнья только въ опредѣленной области. Доходило до того, что пейзажисты, даже крупные, были совершенно безпомощны въ писаніи фигуръ и наоборотъ. Объясненіе, конечно, въ томъ. что формѣ не придавалось абсолютнаго значенія, удачные „мотивы“ примиряли съ ея компромиссами и несовершенствами. И только такія стихійныя дарованія, какъ дарованіе Рѣпина, органически стремились къ ея совершенству во всѣхъ областяхъ.

У Сѣрова это стремленіе было не только органическимъ, а и сознательнымъ. Съ внѣшней стороны сюжетъ, конечно, существуетъ и въ его живописи, какъ и во всей нашей живописи до самыхъ новѣйшихъ теченій, когда основнымъ принципомъ становится не подражаніе природѣ, а выборъ изъ природы. Сѣровъ передавалъ и изображалъ природу въ широкомъ смыслѣ, но никогда не исходилъ изъ анекдотическаго, литературнаго интереса изображенія. Она интересовала его прежде всего со стороны передачи ея формъ, красокъ, передачи, какъ реалистической, такъ особенно стилизованной, схематизированной. У насъ Сѣровъ—явленіе, тѣмъ болѣе поразительное и крупное, что онъ не слѣдовалъ опредѣленному, уже провозглашенному къ началу его дѣятельности теоретизму импрессіонистовъ, а исходилъ изъ чисто органическихъ задачъ всей своей художественной натуры, необычайно богатой и разносторонней. Совершенно самобытно, еще 22-лѣтнимъ юношей, онъ выступилъ съ такими превосходными и вполнѣ оригинальными образцами нашего импрессіонизма, какъ портретъ дѣвочки В. С. Мамонтовой и находящійся въ Третьяковской галлереѣ этюдъ дѣвушки, освѣщенной солнцемъ. Этими работами такъ же, какъ и значительно позднѣйшими, напримѣръ, портретомъ Акимовой, Сѣровъ наглядно показалъ, какъ онъ владѣлъ сильными и яркими красками, передающими всю силу цвѣта и свѣта путемъ и разложеній на цвѣтовыя пятна и синтетизма цвѣтныхъ поверхностей. Очевидно, слѣдовательно, что тотъ общій сѣрый тонъ живописи, который свойственъ большинству его работъ,—результатъ не отсутствія красочнаго дара, а совершенно особенныхъ, опять-таки чисто художественныхъ, задачъ формы и живописи.

Сѣровъ былъ крупнѣйшимъ мастеромъ и. что особенно замѣчательно, до самыхъ послѣднихъ дней углублялся въ изученіе утонченности и разнообразія передачи формы. Въ живописи онъ одинаково понималъ красоту яркихъ сочетаній и скромныхъ гармоній, того общаго сѣраго тона, въ какомъ, напримѣръ, написанъ его извѣстный превосходный женскій портретъ Г. Л. Гиршманъ. Сѣрова одинаково привлекали и детальная законченность рисунка, какъ въ головкахъ многочисленныхъ женскихъ портретовъ или въ превосходномъ портретѣ Императора Николая II, и виртуозность наброска. Здѣсь у покойнаго художника сказывались такія огромныя знанія, такое мастерство, что самыми скупыми средствами, самыми легкими абрисами онъ передавалъ какъ бы всѣ подробности и всю утонченность формы, всю тонкость характеристикъ. Образцами могутъ служить извѣстный портретъ дѣвочекъ Боткиныхъ, съ его нѣжнѣйшими и въ то же время широкими очертаніями, портретъ дѣвочекъ Касьяновыхъ, вообще очень многочисленные портреты-наброски, гдѣ нѣтъ ни одной случайной линіи. Однимъ изъ самыхъ прелестныхъ, живыхъ и виртуозныхъ по легкости является портретъ Обнинской. Легкая расцвѣтка въ рисункахъ часто даетъ живописные намеки. Впрочемъ, въ портретахъ Сѣрова нельзя различать живопись и рисунокъ. Въ нихъ та общая тонкость исканій, то разнообразіе подхода, которыя обусловлены именно глубокимъ пониманіемъ формы, говорящихъ черезъ нее психологическихъ чертъ.


В. А. Сѣровъ, портретъ работы И. Е. Рѣпина.

Какъ извѣстно, Сѣровъ подолгу писалъ многіе свои женскіе портреты, гдѣ у него часто такъ своеобразно соединяются детальная выписка лицъ и широкое виртуозное письмо костюма и обстановки, напримѣръ, въ прекрасныхъ портретахъ Боткиной, кн. Юсуповой, Лосевой, кн. Орловой. Выискиваніе самаго сокровеннаго въ оригиналахъ требовало утонченной детальной формы. Въ подобныхъ портретахъ виденъ огромный трудъ, но не отталкивающій замученностью работы, какъ у недаровитыхъ художниковъ, а наоборотъ — чрезвычайно привлекающій раскрытіемъ утонченности художественно-психологическихъ задачъ. Утонченность художественная какъ бы обусловлена утонченностью психологической. И оттого женскіе портреты Сѣрова прежде всего такъ изящны, не претендуя на внѣшнее изящество и пуритански воздерживаясь отъ всякаго прикрашиванія, свойственнаго моднымъ дамскимъ портретистамъ.

У Сѣрова были широко открыты глаза на трудность передачи сокровеннаго, и своими работами онъ раскрывалъ не свой личный трудъ, а именно эту трудность.

Но это углубленіе въ наиболѣе выразительную утонченность формы у него всюду. И не оттого ли столько необычайной жизненности въ его пейзажахъ, изображеніяхъ животныхъ? Онъ какъ бы совсѣмъ особенно чувствовалъ характеръ и простоту русской природы, столь оригинальное сліяніе съ нею въ одно излюбленныхъ имъ животныхъ, особенно лошадей. „Баба въ телѣгѣ“, „Стригуны“, „Лошадки у пруда“, „Купанье“, Волы“ и мн. др.—все это исключительныя по выразительности и жизненности картины. Въ чистомъ пейзажѣ, какъ „Осень“, „Ели“ и др., Сѣровъ по лаконизму, остротѣ и правдивости стоитъ рядомъ съ Левитаномъ. Можетъ-быть, во всей русской живописи не было мастера, равнаго Сѣрову по изображенію животныхъ, столь имъ излюбленныхъ, гдѣ его виртуозный лаконизмъ выражалъ самое характерное. Въ этомъ отношеніи удивительно интересна появившаяся на посмертной выставкѣ серія „Басенъ“, гдѣ на протяженіи цѣлаго ряда лѣтъ шла переработка детальныхъ формъ въ наиболѣе выразительныя, лаконично схематическія.

Вообще Сѣрова менѣе всего можно назвать реалистомъ въ смыслѣ детальнаго копированія формъ природы, не говоря уже о передвижническомъ пониманіи формы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе онъ шелъ къ схематизму и стилю и какъ бы органически не могъ остановиться и успокоиться на опредѣленныхъ достиженіяхъ, что бываетъ съ другими художниками. Въ этомъ отношеніи весь его путь отъ реалистическихъ портретовъ первыхъ лѣтъ до нашумѣвшей „Иды Рубинштейнъ“, стилистическихъ послѣднихъ работъ въ родѣ „Похищенія Европы“ или занавѣса къ „Шехеразадѣ“ совершенно послѣдователенъ.

Необыкновенно углубленный въ сущность художества, чрезвычайно зоркій, честный и прямой человѣкъ, онъ прежде всего былъ безпощаденъ къ самому себѣ и, стремясь къ преодолѣніямъ, никогда не могъ унизиться до рынка, какъ многіе, даже очень даровитые, художники, слишкомъ обласканные, засыпанные похвалами и успѣхами.

Посмертная выставка, гдѣ работы Сѣрова были представлены въ извѣстной хронологической послѣдовательности, особенно раскрыла глаза на тѣ пути, которыми онъ шелъ. Само собой понятно, что крупные художники и художественныя явленія вліяли на него, но не въ смыслѣ подражанія, а какъ импульсивные толчки для все новой и самобытной работы надъ собой.

Въ основѣ еще въ дѣтствѣ и юности были заложены прекрасныя вліянія Рѣпина, у котораго Сѣровъ учился еще мальчикомъ, и своеобразной внѣакадемической школы проф. П. П. Чистякова, черезъ которую прошелъ рядъ крупнѣйшихъ русскихъ художниковъ. Для общаго художественнаго развитія и разнообразія впечатлѣній много должны были дать раннія поѣздки и жизнь за границей. Въ академическіе и ближайшіе годы было благотворно вліяніе даровитыхъ товарищей, напр., Врубеля (наглядно сказалось въ иллюстраціяхъ къ „Демону“). Какъ на большинствѣ даровитѣйшихъ

художниковъ, очень благотворно сказалось увлеченіе Веласкезомъ. Дали кое-что и нѣкоторые современные европейскіе виртуозы. Огромное впечатлѣніе на Сѣрова произвела выставка историческихъ портретовъ въ Таврическомъ Дворцѣ 1905 г., гдѣ какъ бы былъ устроенъ смотръ русской живописи. Сѣровъ выдержалъ испытаніе своими отличными портретами Александра III, гр. Сумарокова-Эльстонъ, М. Н. Ермоловой и др., но былъ очарованъ стариннымъ мастерствомъ, самой фактурой живописи Левицкаго, Рослена и др. Въ результатѣ увлеченіе стилемъ и такія попытки, какъ прелестный портретъ Е. П. Оливъ, портретъ-рисунокъ Грюнбергъ и др. Отчасти увлеченіе ретроспективизмомъ „Міра Искусства“ сказалось въ историческихъ картинахъ-иллюстраціяхъ и эскизахъ, гдѣ очень проникновенно, своеобразно понята эпоха и особенно выражена фигура Петра. Поѣздка въ Грецію дала рядъ эскизовъ и картинъ изъ греческой миѳологіи. Наконецъ въ результатѣ современнаго увлеченія художествомъ въ театрѣ эскизы къ „Шехеразадѣ“, „Юдиѳи“. Вотъ какое разнообразіе темъ и увлеченій. Но всюду Сѣровъ остается Сѣровымъ, и всюду совершенно по своему переработанная форма выраженія. Онъ не примѣнялъ къ новымъ темамъ уже выработанную форму, какъ это дѣлаетъ большинство художниковъ, а новыя формы какъ бы выходили изъ новыхъ темъ, сливаясь съ ними въ одно, не столько находились, сколько вытекали изъ чисто художественныхъ задачъ. Поэтому въ разнообразныхъ темахъ и сюжетахъ прежде всего интересуешься не литературностью, а характерной художественностью выраженія, живописностью въ широкомъ смыслѣ. Отъ первыхъ до послѣднихъ шаговъ Сѣровъ остался вѣренъ себѣ въ исканіяхъ прежде всего утонченной формы. И потому онъ такъ интересенъ на всемъ пути своего художества, и потому смерть его была подлинно преждевременной. Онъ не только не зарывалъ таланта въ землю, а какъ бы откапывалъ все новыя и новыя его стороны.

Драгоцѣнны въ Сѣровѣ были и монолитность художника и человѣка, гармоническая оригинальность всего его облика. Прямота, честность, простота и въ то же время сложность натуры такъ гармонировали съ сущностью его художественнаго дарованія. Рядъ крупныхъ фактовъ въ его дѣятельности говоритъ, что онъ никогда не шелъ ни на какіе компромиссы. Онъ уходитъ изъ учениковъ Академіи, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія и не добиваясь никакихъ званій, круто и прямо переходитъ отъ передвижниковъ къ „Міру Искусства“, провозгласившему лозунгъ свободы живописи, уходитъ изъ членовъ Академіи, убѣдившись въ безполезности или даже вредности ея дѣятельности, уходитъ изъ преподавателей Московскаго Училища Живописи, Ваянія и Зодчества, не желая итти на компромиссы ни съ начальствомъ ни съ учениками. Извѣстно, какой популярностью и уваженіемъ онъ пользовался среди товарищей.

Съ виду сумрачный, неразговорчивый, онъ такъ привлекалъ не только репутаціей знаменитаго художника, а и оригинальной силой не рядового человѣка, сквозившей въ его внѣшности, манерѣ держаться.

У насъ не мало знаменитыхъ художниковъ, но знаменитость эта нерѣдко требуетъ провѣрки и можетъ быть переоцѣнена. Среди многихъ изъ нихъ Сѣровъ, можетъ-быть, даже былъ менѣе знаменитъ при жизни. Но въ будущемъ слава и репутація его кажутся очень прочными, ибо зиждятся не только на его выдающейся талантливости, но и на тѣхъ путяхъ самаго подлиннаго художества, какими онъ шелъ съ момента своего появленія до гробовой доски.

* * *

Хочешь, я скажу, что знаю
Все, что знаю о Веснѣ?
Я иду навстрѣчу Маю,
Ты иди навстрѣчу мнѣ!

Май зеленый насъ обниметъ,
Май кудрявый будетъ радъ,
Если кто замки посниметъ
У калитокъ, у оградъ.

Въ каждомъ словѣ вольность степи!
Въ каждомъ взглядѣ гордость горъ!
Сдѣлай такъ—и сброситъ цѣпи
Съ ногъ твоихъ мой первый взоръ!

П. Потемкинъ.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала.

(Съ 9 рис. на стр. 413—416).

Едва ли многіе петербуржцы знаютъ, почему Литейный проспектъ и мостъ носятъ свое названіе. Исторически же эта названіе объясняется тѣмъ, что около этого моста въ началѣ нынѣшняго Литейнаго проспекта была построена по волѣ Петра Великаго „Литейная изба“ или „Литейный дворъ“ — скромное бревенчатое зданіе или, точнѣе, рядъ зданій, въ которыхъ начались работы по литью пушекъ и артиллерійскихъ снарядовъ.

Первый строитель, „родоначальникъ“ С.-Петербургскаго Арсенала, голландецъ Вильгельмъ де Геннинъ.

Изъ этой „Избы“ впослѣдствіи возникъ С.-Петербургскій Арсеналъ. 21 апрѣля с. г. исполнилось двухсотлѣтіе существованія Арсенала.

Петръ Великій всегда стремился къ тому, чтобы сдѣлать Россію независимой отъ заграницы въ области боевой техники. Онъ бралъ изъ Западной Европы все, что находилъ полезнымъ, но старался все взятое и изученное тамъ пересадить на русскую почву, чтобы потомъ умѣть обходиться безъ заграничныхъ, далеко не всегда безкорыстныхъ, учителей. Онъ неоднократно говаривалъ своимъ сотрудникамъ: „Намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы должны повернуться къ ней задомъ“. Поэтому онъ счелъ необходимымъ устроить, между прочимъ, и собственное военное снаряженіе: литье пушекъ, ковку холоднаго оружія, изготовленіе пороха. Но въ самомъ началѣ пригласилъ для этого дѣла иностранцевъ...

Точной даты основанія „Литейнаго двора“ не установлено. Но имѣется копія съ указа Правительствующаго Сената за подписью Меньшикова, и изъ этого указа явствуетъ, что передача построеннаго въ 1712 г. (а по другимъ источникамъ—въ 1711 году) Литейнаго двора въ артиллерійское вѣдомство состоялась 21 апрѣля 1714 года. Эта историческая дата и принята за основаніе для установленія срока юбилейнаго торжества.

Литейный дворъ и примыкавшія къ нему строенія занимали въ то время нынѣшній районъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія, Окружнаго Суда и нѣкоторыхъ другихъ зданій военнаго вѣдомства. Литейныя строенія или, какъ ихъ при Петрѣ называли, „литейные анбары“ представляли собою довольно нескладную кучу бревенчатыхъ построекъ, разбросанныхъ безъ всякой связи среди двора, огороженнаго валомъ. Нѣсколько позднѣе, когда появился извѣстный указъ Петра, воспрещавшій строить въ Петербургѣ деревянные дома, арсенальные „анбары“ были замѣнены мазанковыми постройками. Перестройка эта была поручена голландскому генералу Вильгельму де Геннину, который и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ первымъ начальникомъ Арсенала. Этотъ выдающійся дѣятель и сотрудникъ Петра Великаго позднѣе былъ основателемъ и управляющимъ первыхъ русскихъ горныхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ.

Нынѣшнее свое названіе С.-Петербургскій Арсеналъ получилъ лишь въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка. Въ составъ Арсенала тогда входили, кромѣ Литейнаго двора, Пушечный дворъ, Дѣловой дворъ и склады, а также и музей для храненія „достопамятныхъ вещей“. Въ Арсеналѣ изготовлялись мѣдныя орудія, лафеты, снаряды и предметы войскового обоза, а также хранились запасы огнестрѣльнаго и „бѣлаго“ (холоднаго) оружія. Литье пушекъ производилось изъ особыхъ круглыхъ печей, и первое время этимъ дѣломъ руководили иностранцы, мастера колокольнаго и „штатуйнаго“ дѣла. Первымъ такимъ мастеромъ былъ нѣмецъ Карлъ Шпекле. Самая процедура литья однако была еще очень несовершенна, такъ что, при всемъ тогдашнемъ искусствѣ, получался громадный процентъ брака — иногда 90 процентовъ. Литье большихъ орудій велось очень торжественно и даже сопровождалось „молебнымъ пѣніемъ“.

Въ 1733 году Арсеналъ былъ радикально перестроенъ: вмѣсто безпорядочной группы мазанокъ появилось большое каменное зданіе съ высокимъ шпилемъ и вензелемъ Императрицы Анны Іоанновны. Въ 1774 году одинъ изъ героевъ екатерининскаго вре-

мени, кн. Григорій Орловъ, построилъ на свой собственный счетъ огромное зданіе „знатной архитектуры“ спеціально для храненія достопамятныхъ вещей. Еще продуктивнѣе была дѣятельность Зубова въ 1794 году: при немъ Арсеналъ былъ еще разъ перестроенъ и расширенъ, и былъ выписанъ англичанинъ съ 12 мастеровыми для поднятія производительности завода. Въ началѣ XIX вѣка въ Арсеналѣ появилась рѣдкая по тому времени новинка—первая паровая машина, купленная на заводѣ Берда за сто тысячъ рублей. Это былъ цѣлый переворотъ въ жизни Литейнаго двора: до этого времени станки въ арсенальныхъ мастерскихъ приводились въ движеніе людьми и лошадьми.

Другой крупный переворотъ въ жизни Арсенала послѣдовалъ въ 1841 году, когда состоялся указъ императора Николая I о перенесеніи Арсенала на правый берегъ Невы—на то мѣсто, гдѣ Арсеналъ находится въ настоящее время. Въ прежніе годы здѣсь была такъ называемая „градская партикулярная верфь“. Работы по постройкѣ новыхъ зданій шли быстро, и въ 1850 году уже состоялось освященіе новаго Арсенала. Зданія же стараго Арсенала на Литейномъ проспектѣ нѣкоторое время служили мѣстомъ храненія „достопамятныхъ вещей“, а частью были заняты орудійной мастерской Главнаго Артиллерійскаго Управленія. Въ 1864 году открылись новые суды въ Россіи. Министерство Юстиціи стало подыскивать въ Петербургѣ подходящее помѣщеніе для Окружнаго Суда и Судебной Палаты. И выборъ палъ на выморочное зданіе бывшаго Арсенала—какъ разъ на то зданіе, которое было выстроено Орловымъ.

Переведенный на новое мѣсто, Арсеналъ постепенно развивался и совершенствовался. Въ настоящее время въ немъ находится цѣлый рядъ мастерскихъ (механическая, литейная, деревянная и т. д.), установлены новыя машины, калильныя печи, нефтяные горны, гидравлическіе прессы. Арсеналъ сталъ работать съ небывалой интенсивностью и производительностью — особенно въ началѣ новаго столѣтія, когда происходило перевооруженіе нашей артиллеріи.

Производительность Арсенала въ послѣдніе годы возросла до 800.000 р. по заработной платѣ. За двѣсти лѣтъ отъ петровскаго „Литейнаго двора“ не осталось ничего, если не считать „достопамятныя вещи“, т.-е. музейные слѣды прошлаго.

Эти слѣды, въ видѣ старинныхъ образцовъ орудій, станковъ, инструментовъ и старинныхъ гравюръ, составляютъ цѣнное сокровище въ музейномъ отдѣленіи Арсенала, и по нимъ можно видѣть, какимъ былъ Арсеналъ при Петрѣ и его потомкахъ...

Во время юбилейныхъ торжествъ былъ открытъ памятникъ Основателю Арсенала, Петру Великому.

С.-Петербургскій Арсеналъ въ концѣ XVIII в. Прямо — Литейный домъ, направо—Сергіевскій всей Артиллеріи соборъ и старый Пушечный дворъ.

Генералъ-маіоръ М. Д. Гедеоновъ, начальникъ С.-Петербургскаго Арсенала.

Главное зданіе С.-Петербургскаго Арсенала, по фасаду.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала, 21 апрѣля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Двѣнадцать мѣсяцевъ.

Маргариты Шубинской.

Январь.

Вьюга мететъ и стелетъ по городу глубокій снѣжный покровъ. Вѣтеръ шумитъ и рветъ съ крышъ облака сухого, чистаго снѣга, кружитъ падающіе съ неба хлопья и зацѣпляетъ стекла оконъ.

На столѣ стоятъ въ вазѣ цвѣтущія вѣтви миндаля, бѣлыя, какъ снѣгъ, нѣжныя, какъ улыбки... Отъ нихъ вѣетъ тепломъ юга, лаской блѣднаго голубого неба.

Слышится тихій шепотъ моря—и хочется свѣта, тепла, хочется вдыхать ароматъ цвѣтущихъ вѣтвей и ощущать влажное, соленое дыханіе моря...

Февраль.

Я шелъ отъ тебя, дорогая. Что это, какъ все измѣнилось кругомъ? Какъ стали прямы и красивы дома и улицы! Какъ высоки и прекрасны деревья бульваровъ!

Какъ свѣтло небо, вечернее февральское небо! Какъ блестятъ снѣжинки на вѣтвяхъ кустовъ, какъ горятъ золотые купола маленькой церкви! Надъ ними крестъ, а надъ крестомъ блѣдная, дрожащая звѣзда.

Какая красота!..

Какая тишина!..

Я не слышу шума улицъ, грохота и звонковъ трамваевъ, рѣзкихъ гудковъ автомобилей: я слышу музыку. Ея звуки рождаются въ душѣ моей—и разливаются кругомъ до самаго неба, до самой дрожащей звѣзды... Тихій дворъ покрытъ бѣлой блестящей ризой. Кругомъ привѣтно стоятъ высокія деревья сада. Зимнія птицы прыгаютъ по вѣткамъ. Я вхожу въ свой маленькій домикъ, я сажусь къ моему одинокому столу—но и тутъ все измѣнилось! Свѣтлыя комнаты стали высоки и радостны, цвѣты на окнахъ сдѣлались пышны и прекрасны. Позолота, хрусталь, серебро—все горитъ новымъ, яркимъ блескомъ... А въ окна смотритъ блѣдно-синее февральское небо, и на немъ горитъ свѣтлая дрожащая звѣзда.

Арсенальный плотникъ временъ Петра Великаго. Съ старинной литографіи.

О моя свѣтлая звѣзда, такая же блѣдная, какъ моя радость, такая же дрожащая и звенящая слезами!..

О мои тихіе цвѣты,—распускайтесь и благоухайте!

Не обрывайтесь, звуки... Дайте минуту, дайте призракъ счастья!

Мартъ.

По улицамъ бѣгутъ журчащіе ручьи. Солнце сверкаетъ — и плавитъ хрустальные чертоги снѣга, слѣпитъ глаза нѣжной горячей лаской и разливаетъ всюду безуміе весны. Птицы, животныя, люди—все движется, бѣжитъ, кричитъ, смѣется, какъ во время карнавала, когда подъ маской и пестротой одежды прячутся на мгновеніе заботы, горе и печали.

Но что же случилось?

— Ничего. Только вѣтерокъ принесъ съ полей дыханіе цвѣтущихъ ивъ и вербъ, да воробьи у капелей прочирикали:

„Весна!“

Арсенальный кузнецъ (1727—1730). Съ старинной литографіи.

Апрѣль.

Надъ городомъ поникъ свѣтлый апрѣльскій вечеръ. Въ золотѣ заката какъ будто предпраздничное обѣщаніе: черныя вѣтви деревьевъ рѣзко и радостно сплетаются между домовъ на фонѣ алаго неба...

Въ церкви служатъ всенощную. Въ сумеркахъ ярко горятъ ризы иконостаса. Волны ладана и звуковъ замираютъ подъ сводами. Темно въ придѣлахъ и углахъ.

Темны лики иконъ, темны образы молящихся, тяжки вздохи и слезы, что льются вмѣстѣ съ молитвами и вмѣстѣ съ ладаномъ и пѣніемъ хора поднимаются къ небесамъ...

Я вхожу въ полутемную со сверкающимъ иконостасомъ церковь, я становлюсь поодаль у окна, и слезы льются изъ моихъ глазъ при звукахъ знакомыхъ, забытыхъ, молитвъ...

Дѣтство мое, радостное, свѣтлое, какъ сіяніе иконостаса, кроткая наивная вѣра, исканіе подвига, умиленіе передъ жертвой — воскресаютъ въ этихъ забытыхъ звукахъ. Былыя надежды, былая радость передъ наступающей жизнью, ожиданіе счастья, только счастья, только свѣта слышатся въ нихъ—и неизъяснимой сладкой болью жгутъ разбитое сердце и стѣсняютъ больную грудь.

Какъ зерна хрустальныхъ четокъ, текутъ слезы: какъ молитвы, встаютъ съ каждымъ зерномъ далекія свѣтлыя воспоминанія.

Май.

Свѣтлый май. Изъ окна моей комнаты я вижу на фонѣ блѣднаго вечерняго неба золотые цвѣточки клена, частую сѣтку его тонкихъ коричневыхъ вѣтокъ, горящіе въ лучахъ заката купола церкви и, какъ огнемъ начертанные, надъ ними кресты.

Отъ города несется несмолкаемый гулъ до моего тихаго жилища. Въ комнатахъ ютится свѣтлый полумракъ. Въ саду цвѣтетъ черемуха: въ черной, влажной землѣ синѣютъ гіацинты, теплятся словно огоньки красные и желтые тюльпаны.

Гдѣ ты, дитя души моей? Гдѣ ты, звѣзда моей ночи? Отчего же тебя нѣтъ со мною? Отчего пути нашихъ жизней встрѣтились лишь на мгновенье, какъ встрѣчаются пути двухъ падающихъ звѣздъ?..

И отчего я одна въ этотъ лучезарный, ароматный майскій вечеръ?..

Іюнь.

Отъ сосновой рощи несется душистая пыль цвѣтущей хвои... Солнце ласково грѣетъ и сверкаетъ золотой сѣтью въ синихъ холодныхъ струяхъ рѣки. Тихъ высокій песчаный берегъ. Тихо въ рощѣ, какъ въ церкви. Высокіе стволы сосенъ прямы и неподвижны: темныя вершины ихъ что-то шепчутъ.

Прислушайся къ ихъ шепоту: не слышишь ли ты въ немъ дуновенія вѣчности? Не слышишь ли ты въ немъ голоса Бога? Не говоритъ ли Онъ тебѣ:

— „Ты, маленькая одухотворенная песчинка міра,—ты живешь мгновеніе. Это мгновеніе полно страданья. И потомъ ты умираешь. Но Я въ тебѣ—не умираю. Я—лучшая частица твоей души: Я—поднимаюсь въ небеса. Тамъ Мой Престолъ, тамъ безпредѣльное царство свѣта. И оттуда Я вновь спускаюсь на землю: въ солнечномъ лучѣ, въ душистомъ запахѣ травъ, въ звенящемъ пѣніи птицъ, въ шепотѣ сосенъ. Но отъ земли Я принимаю скорбь. И эта скорбь такъ велика, что облака ея плывутъ по небу и заслоняютъ небесный свѣтъ, и слезы льются въ струяхъ дождя... И вновь, въ каждой каплѣ ихъ, Я возрождаюсь на землѣ—въ цвѣтахъ и травахъ...“.

Іюль.

„Когда солнце зайдетъ,
Когда мѣсяцъ взойдетъ...“ — въ старомъ домѣ забытой усадьбы тихо встаютъ тѣни умершихъ. Неслышно бродятъ онѣ по заглохшимъ дорожкамъ сада, отдѣляются отъ высокихъ стѣнъ молчаливыхъ комнатъ и проходятъ, блѣдныя, одна за другой, и киваютъ мнѣ въ сумракѣ лѣтняго вечера—и исчезаютъ.

Я одна, одна въ старомъ домѣ, одна въ холодномъ, пустынномъ мракѣ жизни.

Милыя, забытыя видѣнія! Вы давно ушли изъ этого дома, но память о васъ живетъ въ моей душѣ. Вы окружали меня въ дѣтствѣ любовью и лаской, вы баюкали мой сонъ нѣжной пѣсенью, вы были добрыми духами въ сказкѣ моей жизни.

Зачѣмъ же сказка стала такой страшной? Зачѣмъ же ушли вы и бросили свое дитя? Зачѣмъ я не могу прижаться, какъ прежде, родная, къ твоей груди?

Ты не видишь моей тоски... Только тихо улыбаешься изъ овальной рамы портрета и протягиваешь мнѣ розу.

Августъ.

Какъ разлука влюбленныхъ, прекрасенъ и грустенъ свѣтлый день августа. Въ золотѣ и пурпурѣ листьевъ—торжество любви: грусть—въ ихъ близкомъ увяданіи. Въ солнечномъ лучѣ, уже не жгучемъ,—печаль прощенія: въ яркихъ цвѣтахъ сада — послѣдній пышный расцвѣтъ умирающей красоты.

И всюду, во всемъ—красота и страданье.

Я брожу по дорожкамъ сада. Синее небо смотритъ сквозь темныя вѣтви елей: бѣлыя облака, какъ паруса, побѣдно плывутъ надъ головой. Какъ хочется удержать этотъ, быть-можетъ, послѣдній яркій день уходящаго лѣта! Но онъ уже прошелъ—какъ многіе дни. О, жаль уходящей безслѣдно жизни, жаль всего, что разбиралось, что порвалось—и никогда не вернется.

Сентябрь.

Въ саду между кустовъ протянулись на солнцѣ длинныя серебряныя нити паутины. Это паукъ, обманутый позднимъ тепломъ сентябрьскаго солнца, строитъ свои серебряные воздушные мосты. Но солнечный лучъ блѣд-

Офицеръ и мастеръ С.-Петербургскаго Арсенала временъ Петра Великаго. Съ старинной литографіи.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала, 21 апрѣля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Памятникъ Петру I, Основателю С.-Петербургскаго Арсенала, открытый и освященный въ день юбилея, 21 апрѣля с. г., на Выборгской сторонѣ, противъ зданія Арсенала. Работа скульптора В. В. Лишева.
По фот. М. Брейткасъ.

нѣетъ. Дождь и вѣтеръ въ одно мгновеніе уничтожаютъ работу паука.

. . . .

Не такъ же ли случайный твой привѣтъ, дорогой другъ мой, протягиваетъ въ душѣ моей серебряныя нити мечтаній, и въ сердцѣ, обманутомъ мимолетной, нежданной лаской, — просыпается надежда?.. Но холодный взглядъ... равнодушное слово — и разрываются серебряныя нити.

Октябрь.

Сѣетъ мелкій осенній дождь. На дворѣ мутно, сыро и тоскливо. Небо и городъ залиты слезами. Ноетъ грудь, и хочется закрыть глаза и заснуть надолго.

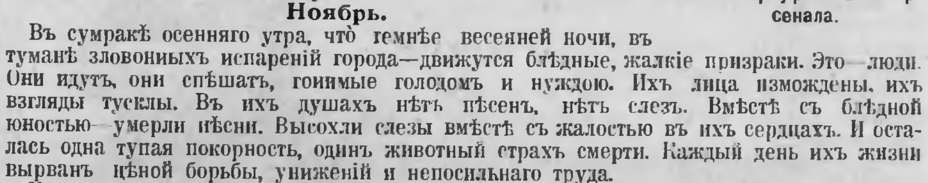
Я одна въ большомъ, пустынномъ домѣ. Здѣсь жизнь затихла и растворилась въ сплошную атмосферу тоски. Тоской пропитанъ воздухъ высокихъ старинныхъ комнатъ.

Тоска гнетъ вѣтви цвѣтовъ на окнахъ. Сѣрые призраки ея выглядываютъ изъ-за складокъ тяжелыхъ занавѣсей, прячутся въ углахъ темной зеркальной залы, толпятся въ гостиныхъ и галлереяхъ. Они собрались сюда, какъ на свой праздникъ, въ этотъ ненастный осенній день, и подъ шумъ дождя и завыванье вѣтра сплетаются въ причудливыя сочетанія плавно и медленно танцующихъ вереницъ и наполняютъ собою мою душу. Они усыпляютъ въ ней надежды и желанья, острую боль ранъ, рѣзкое трепетаніе жизни... И одѣваютъ ее тяжелымъ покрываломъ апатіи и безысходности.

Клонится голова; закрываются глаза. Гдѣ-то въ глубинѣ, въ дали—звенитъ тихая, однообразная мелодія, и кажется—весь домъ, весь міръ полны этой жалобной, непрерывной мелодіей, этой тоской моей души.

Общій видъ памятника Петру I, Основателю С.-Петербургскаго Арсенала.

Ноябрь.



Въ сумракѣ осенняго утра, что темнѣе весенней ночи, въ туманѣ зловонныхъ испареній города—движутся блѣдные, жалкіе призраки. Это—люди. Они идутъ, они спѣшатъ, гонимые голодомъ и нуждою. Ихъ лица измождены, ихъ взгляды тусклы. Въ ихъ душахъ нѣтъ пѣсенъ, нѣтъ слезъ. Вмѣстѣ съ блѣдной юностью—умерли пѣсни. Высохли слезы вмѣстѣ съ жалостью въ ихъ сердцахъ. И осталась одна тупая покорность, одинъ животный страхъ смерти. Каждый день ихъ жизни вырванъ цѣной борьбы, униженій и непосильнаго труда.

И одинъ за другимъ въ туманѣ осенняго утра проходятъ тысячи бѣдняковъ, гонимыхъ голодомъ и нуждою — и городъ поглощаетъ ихъ, какъ песокъ воду разливаетъ.

Пожалѣй этихъ людей, дорогой другъ мой!..

Снарядный отдѣлъ слесарно-паяльной мастерской С.-Петербургскаго Арсенала.

Двухсотлѣтіе С.-Петербургскаго Арсенала, 21 апрѣля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Декабрь.

Мчится жизнь города подъ бѣлымъ покрываломъ зимней вьюги, словно кто невидимый спустилъ возжи бѣшеной тройки...

Блестятъ огни въ туманѣ зимней ночи. Летитъ мысль. Летятъ желанья. Жажда новизны, острыхъ и яркихъ ощущеній охватываетъ души.

Рѣзкіе крики свистковъ и гудковъ рвутъ туманную мглу.

Звуки божественной музыки сливаются съ рыданьями и стонами горя. Вопль сбитаго бѣшенымъ карьеромъ жизни, раздавленнаго бѣдняка—пропадаетъ во мракѣ.

Льется вино, какъ сверкающее безуміе, льются потоки золота, рѣки слезъ.

А надо всѣмъ, какъ лейтмотивъ, какъ доминирующая нота—крикъ голода и стихійное влеченіе любви.

Любовь и голодъ. Два главныхъ нерва города, два призрака, что поднимаются надъ нимъ въ кровавомъ туманѣ—какъ страшный, зловѣщій гербъ.

В. А. Тихоновъ.

(Портр. на этой стр.).

В. А. Тихоновъ, извѣстный драматургъ и беллетристъ. (1857—1914). По фот. Д. Здобнова.

Друзья А. П. Чехова сходятъ одинъ за другимъ въ могилу.

13 мая с. г. скончался Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ, одинъ изъ той плеяды писателей, которая, унаслѣдовавъ завѣты реалистической школы, съ честью пронесла ихъ до нашихъ дней.

В. А. Тихоновъ былъ писателемъ подлинной жизни. Человѣкъ изумительной наблюдательности и гибкаго ума, онъ умѣлъ видѣнное и слышанное запечатлѣть въ той художественной формѣ, которая далека отъ излишествъ въ ту или иную сторону. Его пьесы, которыя доставили автору шумный и длительный успѣхъ, заслужили его именно правдивостью своей. И читающая Россія знала покойнаго, какъ правдиваго и честнаго бытописателя. Оставляя однако въ сторонѣ характеристику литературной дѣятельности В. А. Тихонова, остановимся на тѣхъ качествахъ его, которыми опредѣлялась эта богатая индивидуальность.

Много имѣется людей даровитыхъ, умныхъ и образованныхъ, но весьма рѣдки въ наше время натуры цѣльныя, кованныя. Къ числу этихъ немногихъ и принадлежалъ Тихоновъ. Сынъ Волги, онъ былъ широкъ, порывистъ и пѣвучъ, какъ вскормившая его великая рѣка. Онъ не зналъ изгибовъ и изломовъ. Прямо и бодро бралъ жизнь и умѣлъ ею повелѣвать. Божій міръ онъ чувствовалъ, какъ великую радость, счастье, ниспосланное намъ, людямъ. И потому только лицо жизни видѣлъ онъ. Всѣ тѣневыя стороны обыденщины стирались и расплывались въ томъ добромъ и радостномъ, что видѣлъ и чувствовалъ покойный. Вотъ почему онъ никогда не питалъ злобы къ людямъ. Иногда, жестоко и несправедливо обиженный, онъ негодовалъ и проклиналъ обидчика. Но уже черезъ нѣсколько дней (а иногда и часовъ), онъ забывалъ объ обидчикѣ, прощалъ ему и находилъ для него смягчающія обстоятельства. Такимъ образомъ незлобивость В. А. проистекала изъ его любви къ красотѣ міра. Отсюда же и тотъ оптимизмъ, который не покидалъ покойнаго до послѣдняго дня жизни. А были тяжелыя минуты отчаянной борьбы за существованіе, безъ надежды на скорый конецъ матеріальныхъ затрудненій. Но Тихоновъ не унывалъ, жилъ вѣрой въ скорое лучшее будущее и самъ же трунилъ надъ своими невзгодами.

Онъ хотѣлъ взять отъ жизни максимумъ того, что можно было. Его не пугали неизвѣстность и возможность непріятностей и заботъ, и потому онъ перепробовалъ на своемъ вѣку много профессій. Безпокойный и любознательный, онъ съ гимназической скамьи мечтаетъ о лаврахъ героя, идетъ на войну (1877—78 гг.) и молодымъ офицеромъ обращаетъ на себя вниманіе Великаго Князя Михаила Николаевича. Но, освоившись со средой и набравшись впечатлѣній, онъ охладѣвалъ и жаждалъ другого рода дѣятельности. Такъ, военный мундиръ быстро замѣнилъ онъ штатскимъ костюмомъ. Преобразовался въ купца и зажилъ кипучей жизнью, разъѣзжая по Европѣ. Прискучила торговая дѣятельность—и онъ,—къ тому времени серьезно отдавшійся литературѣ,—посвятилъ себя театру. Игралъ въ опереткѣ—и пользовался успѣхомъ. Былъ драматическимъ актеромъ — и пожиналъ лавры въ провинціи. Онъ любилъ выступать на подмосткахъ до послѣдняго времени, участвуя въ благотворительныхъ спектакляхъ.

Такъ въ теченіе долгихъ странствованій изучилъ онъ различные слои общества, запечатлѣлъ въ памяти тысячи любопытныхъ фактовъ и характерныхъ явленій—и съ этимъ огромнымъ запасомъ наблюденій посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Ему не приходилось выдумывать фабулы и типы. Въ памяти его было такъ много интереснаго, что слѣдовало лишь умѣло запечатлѣть видѣнное. А этого хватило бы еще на многіе годы. И онъ разсказывалъ просто, искренно, такъ же ярко, какъ разсказывалъ друзьямъ, у него собиравшимся.

Слава В. А. Тихонова, какъ разсказчика, была велика. Его сравнивали съ Григоровичемъ, въ свое время славившемся, какъ остроумнѣйшій собесѣдникъ. И уже у порога смерти, изможденный упорной и тяжелой болѣзнью сердца, онъ—какъ и десять лѣтъ назадъ—умѣлъ остроумно и занимательно по нѣскольку часовъ подъ рядъ разсказывать о томъ, что довелось ему видѣть.

Характера мягкаго и добраго, натуры широкой, поистинѣ волжской, былъ В. А. Тихоновъ и въ наиболѣе тяжелыя минуты жизни. Онъ швырялъ деньгами направо и налѣво, пока деньги были. А когда наступила старость, и болѣзни одна за другой стали терзать Владиміра Алексѣевича—и тутъ не покинули его привычки стараго барина, хотя все хуже и хуже шли матеріальныя дѣла.

Наконецъ отмѣтить надо то уваженіе, какое питалъ покойный къ печатному слову и къ званію писательскому. Долго и тщательно отдѣлывая каждое, даже самое незначительное, свое произведеніе, онъ и отъ другихъ писателей требовалъ бережнаго и любовнаго отношенія къ литературѣ, возмущаясь небрежностью и работой на спѣхъ.

Читающая Россія а вмѣстѣ съ тѣмъ и читатели „Нивы", въ которой онъ былъ долголѣтнимъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ, долго еще будетъ знать имя Тихонова. Навѣки сохранятъ о немъ и память добраго, славнаго человѣка. Да будетъ легка ему земля!

Петръ Рыссъ.

И. И. Боргманъ.

(Портр. на этой стр.).

И. И. Боргманъ, первый выборный ректоръ С.-Петербургскаго университета. (1849—1914).

Въ маѣ с. г. скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ заслуженный ординарный профессоръ Петербургскаго университета Иванъ Ивановичъ Боргманъ. Окончивъ въ 1870 году Петербургскій университетъ, покойный былъ оставленъ при университетѣ и въ 1873 году былъ командированъ за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ и работалъ въ лабораторіи подъ руководствомъ знаменитаго физика, открывшаго спектральный анализъ, Кирхгофа. Въ ученомъ мірѣ покойный извѣстенъ какъ физикъ-экспериментаторъ, давшій наукѣ цѣнные матеріалы для теоретическаго объясненія частичныхъ силъ, дѣйствующихъ въ электрическихъ явленіяхъ. Главнымъ трудомъ всей жизни покойнаго было изслѣдованіе электрическихъ и магнитныхъ явленій, и смерть застала его въ моментъ изданія второго тома интереснаго, цѣннаго труда его „Основы ученія о магнитныхъ и электрическихъ явленіяхъ". Чтеніе лекцій по физикѣ въ университетѣ покойный началъ съ 1877 года послѣ защиты диссертаціи „О гальваническомъ

сопротивленіи углей при различныхъ температурахъ“, основанной на личныхъ опытахъ.

Въ 1877 году покойный блестяще защитилъ диссертацію на доктора физики.

Съ 1905 по 1908 годъ И. И. Боргманъ былъ первымъ ректоромъ Петербургскаго университета по выборамъ, а съ 1906 года былъ членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ университета, сложивъ это званіе послѣ роспуска первой Государственной Думы. Однако профессорская дѣятельность покойнаго не ограничивалась чтеніемъ лекцій на высшихъ „владимірскихъ“ курсахъ, на Высшихъ Женскихъ Курсахъ и педагогическихъ, въ Технологическомъ и Электро-техническомъ институтахъ. Съ 1883 по 1886 годъ проф. Боргманъ преподавалъ физику Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору, и съ 1886 по 1890 годъ — Великому Князю Георгію Александровичу, затѣмъ Великому Князю Михаилу Александровичу и Великой Княжнѣ Ксеніи Александровнѣ. Кромѣ педагогической дѣятельности, покойный занимался также литературной и съ 1875 года состоялъ редакторомъ физической части журнала русскаго физико-химическаго общества при Петербургскомъ университетѣ, а послѣдніе годы редактировалъ сборники статей „Новыя идеи въ физикѣ“. Кромѣ того, перу покойнаго принадлежитъ цѣлый рядъ научныхъ книгъ и статей по электричеству и магнетизму, печатавшихся въ русскихъ и иностранныхъ научныхъ журналахъ. Какъ общественный дѣятель, покойный принималъ участіе въ качествѣ члена въ Совѣтѣ Торговли и Мануфактуръ, состоялъ много лѣтъ членомъ петербургской городской думы, попечителемъ Петропавловской городской больницы. Покойному было 65 лѣтъ, но, несмотря на этотъ возрастъ, онъ былъ еще за недѣлю до смерти бодрымъ, энергичнымъ и неутомимымъ работникомъ какъ въ научной, такъ и общественной дѣятельности. Его лекціи въ университетѣ всегда собирали многочисленную аудиторію, такъ какъ читались всегда съ большимъ воодушевленіемъ и подъемомъ. Для учащейся молодежи покойный былъ не только блестящимъ профессоромъ, но и чуткимъ, отзывчивымъ человѣкомъ, близко принимавшимъ къ сердцу ея горести и готовый всегда по мѣрѣ своихъ силъ помочь ей.

Н. С. Павловскій.

Императрица Екатерина II, Основательница Смольнаго института. (Съ рѣдкаго портрета).

Императрица Марія Θеодоровна, супруга Императора Павла I, воздвигшая для Смольнаго института новое зданіе и завѣщавшая ему капиталъ свыше полутора милліона ассигнаціями.

150-лѣтіе Смольнаго института.

(Съ 6 рис. на стр. 418 и 419).

Въ маѣ 1764 года императрица Екатерина II издала указъ объ учрежденіи въ Смольномъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ, учебно-воспитательнаго заведенія для благородныхъ дѣвицъ. При основаніи этого заведенія императрица задалась цѣлью посредствомъ школьнаго воспитанія создать въ Россіи „новую женщину“: въ своемъ наказѣ она такъ и выражалась. Она мечтала о томъ, что воспитанная ею новая женщина дастъ ея подданнымъ „новое бытіе“, что съ ея помощью народится „новая порода“ благоразумныхъ, справедливыхъ и счастливыхъ людей. Видя главный источникъ всѣхъ недостатковъ современной ей русской женщины въ старозавѣтномъ русскомъ складѣ семьи, Екатерина II естественно приходила къ мысли, что воспитаніе задуманной ею „новой породы“ женщинъ можетъ успѣшно состояться лишь при томъ условіи, чтобы питомица основаннаго ею заведенія была совершенно отрѣзана отъ семьи. Такъ понялъ ея главную мысль и знаменитый И. И. Бецкой, на котораго императица возложила воплощеніе своихъ идеаловъ въ проектированномъ учебномъ заведеніи.

И. И. Бецкой, ближайшій сотрудникъ Имп. Екатерины II по основанію Смольнаго института.

Курсъ воспитанія и обученія былъ, по первоначальному плану института, двѣнадцатилѣтній, раздѣленный на четыре курса или класса, по три года на каждый классъ. Порѣшивъ въ принципѣ, что устраненіе всякаго вліянія со стороны семьи составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ гарантій успѣха воспитанія, постановили, чтобы родители, отдававшіе своихъ дѣвочекъ въ институтъ, давали подписку о томъ, что до истеченія двѣнадцати лѣтъ не возьмутъ ихъ изъ него; не полагалось также никакихъ отпусковъ и даже и свиданій воспитанницъ съ родителями до самаго окончанія курса.

Проектъ памятника въ Бозѣ почивающей Основательницѣ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи — Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Памятникъ сооружается на площади передъ Смольнымъ институтомъ. (Проектъ скульптора Е. И. Черемисиновой).

Къ 150-лѣтію Смольнаго института (1764—5 мая—1914 г.). По фот. Я. Штейнберга.

Зданіе Смольнаго института, въ С.-Петербургѣ.

Въ преподаваніи первое мѣсто было отведено Закону Божію; затѣмъ много мѣста отводилось изученію русскаго и иностранныхъ языковъ; далѣе шли ариѳметика, географія, исторія, стихотворство и отчасти архитектура и геральдика; преподавались также танцы, музыка, всякаго рода рукодѣлія и „экономія“, подъ которой подразумѣвалось домашнее хозяйство; этой экономіи, судя по пространнымъ разъясненіямъ о ней въ уставѣ института, придавалось большое значеніе.

По вступленіи на престолъ императора Павла, руководительство дѣлами Смольнаго института взяла на себя императрица Марія Θеодоровна. Августѣйшая попечительница института была такъ мелочно-внимательно къ дѣтямъ любимаго ею заведенія, что почти каждый день присылала его начальству какія-нибудь свои письменныя распоряженія, а иногда такія распоряженія присылались даже два-три раза въ день. При ея попечительствѣ была устроена вся хозяйственная часть заведенія, и обращено очень серьезное вниманіе на улучшеніе состава преподавателей. Не довольствуясь личными заботами объ институтѣ, императрица побуждала къ нимъ своихъ дѣтей, великихъ князей и княженъ. Весь планъ воспитанія былъ измѣненъ. По первоначальному уставу, въ институтъ принимали дѣвочекъ 5—6 лѣтъ: онѣ образовывали младшій, „кофейный“ (по цвѣту платья) возрастъ. При Маріи Θеодоровнѣ этотъ возрастъ совсѣмъ отмѣнили, пріемъ сталъ производиться съ 8—9 лѣтъ, и общій курсъ сталъ девятилѣтнимъ. Измѣнились, сообразно требованіямъ времени, и учебныя программы; кое-какіе предметы прибавили, напр., логику, геометрію, опытную физику, признававшуюся наукою, „разсѣивающею пустые страхи, предохраняющею отъ суевѣрій, придающею уму крѣпость и основательность“.

Съ 1839 года дѣятельнымъ покровителемъ института сдѣлался извѣстный просвѣщенный благотворитель, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Императрица Марія Александровна, принявшая на себя впослѣдствіи попечительство надъ институтомъ, поручила знаменитому педагогу К. Д. Ушинскому тщательно разсмотрѣть существовавшій планъ преподаванія въ институтѣ и разработать новый, сообразно требованіямъ времени. Выработанный имъ проектъ удостоился Высочайшаго одобренія и былъ примѣненъ въ институтѣ самимъ Ушинскимъ и группою подобранныхъ имъ молодыхъ, талантливыхъ учителей. Институтъ обратился въ среднеучебное заведеніе съ семилѣтнимъ курсомъ; прекратилось „зубреніе“ уроковъ и замѣнилось живымъ нагляднымъ обученіемъ. Прекратилась и строгая замкнутость жизни института: питомицъ стали увольнять въ отпускъ на лѣтнія каникулы, Рождество и Пасху; допущены были свиданія съ родственниками въ самомъ институтѣ. Потомъ по образцу Смольнаго института были преобразованы всѣ другія закрытыя женскія среднія учебныя заведенія въ Россіи.

Въ послѣдующіе годы, вплоть до нашихъ дней, постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла въ Смольномъ институтѣ продолжала совершенствоваться. Было обращено вниманіе на физическую сторону воспитанія, введена раціональная гимнастика, въ послѣдніе годы, между прочимъ, и новая гимнастическая система Далькроза.

За свое 150-лѣтнее существованіе Смольный институтъ выпустилъ свыше 6.000 питомицъ, и, какъ извѣстно, многія изъ нихъ занимали и занимаютъ очень видныя мѣста, особенно на педагогическомъ поприщѣ.

Международный шахматный чемпіонъ-турниръ въ Петербургѣ.

Евг. А. Зноско-Боровскаго.

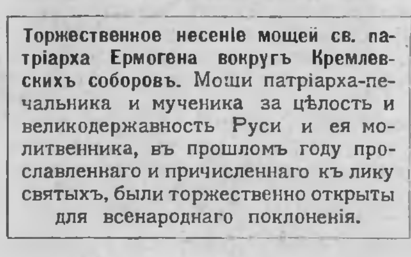
(Съ 3 потретами на стр. 420 б).

Происходившій въ апрѣлѣ и маѣ и недавно окончившійся международный шахматный чемпіонъ-турниръ въ Петербургѣ займетъ одно изъ самыхъ значительныхъ мѣстъ среди всѣхъ когда-либо бывшихъ шахматныхъ состязаній. Къ участію въ немъ приглашены были только такіе игроки, которые взяли хотя бы одинъ чистый первый призъ на большомъ международномъ турнирѣ, т.-е. дѣйствительные побѣдители, могущіе мечтать или мечтавшіе прежде о соперничествѣ съ шахматнымъ королемъ. Такихъ игроковъ оказалось около 20-ти, но, конечно, пріѣхали не всѣ: одни принуждены были отказаться изъ-за болѣзненности или преклоннаго возраста (какъ Бернъ, Винаверъ, Вейсъ), другіе не явились по разнымъ случайнымъ причинамъ (Мароци, Дурасъ, Тейхманъ); всего обиднѣе было отсутствіе Шлехтера, сдѣлавшаго матчъ ничьимъ противъ самого Ласкера. Но и безъ нихъ составъ оказался хотя не слишкомъ большимъ (11 человѣкъ), но очень внушительнымъ: здѣсь были соратники Стейница и Чигорина — Блэкбернъ (I-й пр. въ Берлинѣ 1881 г., Гирфордѣ 1885 г., Лондонѣ 1886 г.) и Гунсбергъ (I-й пр. въ Гамбургѣ 1885 г., Брэдфордѣ 1887 г.), былъ чэмпіонъ міра Ласкеръ, о которомъ будетъ сказано дальше и его соперникъ — Таррашъ (I пр. въ Бреславлѣ 1889 г., Манчестерѣ 1890 г., Дрезденѣ

Прогулка смолянокъ въ вѣновомъ паркѣ института.

Къ 150-лѣтію Смольнаго института (1764—5 мая—1914 г.). По фот. К. Булла.

Торжественное несеніе мощей св. патріарха Ермогена. Въ шествіи принимаетъ участіе Его Высочество Князь Іоаннъ Константиновичъ. Мощи патріарха покоятся въ кипарисовомъ гробу, окованномъ серебромъ.



Торжественное несеніе мощей св. патріарха Ермогена вокругъ Кремлевскихъ соборовъ. Мощи патріарха-печальника и мученика за цѣлость и великодержавность Руси и ея молитвенника, въ прошломъ году прославленнаго и причисленнаго къ лику святыхъ, были торжественно открыты для всенароднаго поклоненія.

1892 г., Лейпцигѣ 1894 г., Вѣнѣ 1898 г., Монте-Карло 1903 г., Остенде 1907 г.), представитель ближайшаго къ нимъ поколѣнія: Яновскій (I-й пр. въ Монте-Карло 1901 г., Ганноверѣ 1902 г.), младшіе его — Маршаллъ (I-й пр. въ Кэмбриджъ-Спрингсѣ 1914 г., Нюрнбергѣ 1906 г.), Бернштейнъ (I-й пр. съ Рубинштейномъ въ Остенде 1907 г.), Рубинштейнъ (I-й пр. въ Карлсбадѣ 1907 г., Санъ-Себастьяно 1912 г., Пиштьенѣ 1912 г, Остенде — съ Бернштейномъ — 1907 г.); самый молодой — Капабланка (I-й пр. въ Санъ-Себастьяно, 1911 г.) и наконецъ только что получившіе I-й пр. во всероссійскомъ турнирѣ маэстро въ Петербургѣ 1913 г.—Алехинъ и Нимцовичъ.

Такъ какъ участниковъ было не очень много, турниръ былъ бы очень коротокъ и мало убѣдителевъ, если бы играть всего по одной партіи, а такъ какъ, съ другой стороны, многіе изъ участниковъ высказались противъ турнира по двѣ партіи, то организація состязанія была выработана нѣсколько своеобразная. Сперва былъ устроенъ турниръ, гдѣ всѣ участники играли другъ съ другомъ по одной партіи; затѣмъ пять первыхъ по количеству очковъ игрока образовали второй турниръ, гдѣ играли по двѣ партіи каждый съ каждымъ, но для распредѣленія призовъ результаты обоихъ турнировъ складывались. Подобная система имѣетъ одно неудобство: при случайно неудачной игрѣ кого-нибудь въ первомъ турнирѣ онъ рискуетъ не попасть въ группу побѣдителей (такъ и случилось съ великолѣпнымъ игрокомъ Рубинштейномъ, счастье которому такъ измѣнило, что онъ остался внѣ числа призеровъ), но зато она имѣетъ и существенную выгоду: благодаря ей, призеры сыграли между собою по 3 партіи—почти цѣлый матчъ.

Первый турниръ окончился съ такимъ результатомъ: впереди всѣхъ, безъ проигрыша, Капабланка + 8 изъ 10 (т.-е. превосходные 80%), затѣмъ Ласкеръ и Таррашъ по 6½, Алехинъ и Маршаллъ по 6, — эти пятеро и попали въ группу призеровъ; за ними: Бернштейнъ и Рубинштейнъ по 5, Нимцовицъ 4, Блэкбернъ и Яновскій по 3½, Гунсбергъ 1. При такой большой разницѣ между первымъ и другими игроками казалось, что Капабланка окажется первымъ и во всемъ турнирѣ, но здѣсь Ласкеръ сталъ играть замѣчательно и изъ 8 партій, ни одной не проигравъ, сдѣлалъ 7 очковъ, т.-е. совсѣмъ небывалые 87,5% (другіе имѣли: Капабланка 5, Алехинъ 4, Маршаллъ и Таррашъ по 2). Такимъ образомъ весь турниръ окончился съ результатомъ: I-й пр. — Ласкеръ 13½, II-й—Капабланка 13, III-й—Алехинъ 10, IV-й—Таррашъ 8½, V-й — Маршаллъ 8.

Успѣхъ, выпавшій на долю чемпіона міра, великолѣпенъ и напоминаетъ лучшую пору его турнирной дѣятельности, показавъ, что онъ сейчасъ находится въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Особенно поразительны его рекордъ въ группѣ побѣдителей и ровность его игры: сдѣлавъ въ итогѣ 75%, онъ удержалъ этотъ % и въ игрѣ съ призерами и съ непризерами, чѣмъ показалъ, что для него призеры не выше другихъ, что подтвердилъ еще тѣмъ, что перегналъ всѣхъ на 3½ очка. Только одинъ оказался ближе къ нему, отставъ всего на ½ очка, это Капабланка. И этотъ результатъ болѣе, чѣмъ побѣда въ Санъ-Себастьяно, выдвигаетъ его, какъ опаснѣйшаго соперника Ласкеру. Отлично сыгралъ еще Алехинъ, успѣхъ котораго не только выше всѣхъ прежнихъ успѣховъ, но и превосходитъ всѣ ожиданія, которыя съ нимъ связывались.

Если такимъ образомъ турниръ не имѣлъ въ заданіи явиться зачинателемъ новой эры (ибо приглашались лишь игроки признанныхъ репутацій), то нельзя не признать, что, помимо нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ въ каждомъ состязаніи случайностей и, прежде всего, неудачи Рубинштейна, турниръ отлично выполнилъ возложенную на него миссію. Онъ подтвердилъ безспорность для настоящаго момента Ласкера, какъ сильнѣйшаго игрока; онъ выдвинулъ Капабланку, какъ опаснѣйшаго ему соперника, и провозгласилъ Алехина лучшей надеждой младшаго поколѣнія.

Этихъ итоговъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы признать турниръ вполнѣ удавшимся.

Скажемъ нѣсколько словъ о побѣдителѣ турнирахъ.

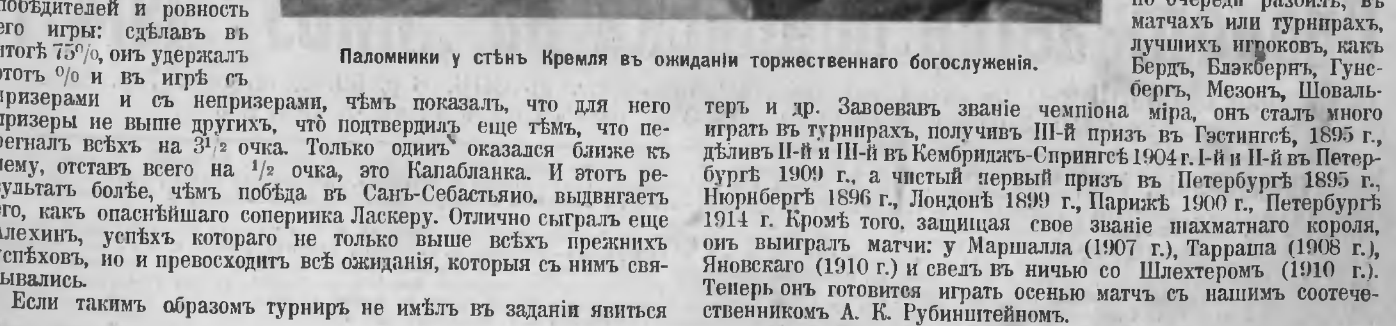
Первый призъ въ только-что окончившемся международномъ шахматномъ чемпіонъ-турнирѣ получилъ чемпіонъ міра Эммануилъ Ласкеръ, но, кромѣ того, онъ является въ нынѣшнемъ году двойнымъ юбиляромъ: двадцать пять лѣтъ назадъ, въ 1889 г., на международномъ Haupt-турнирѣ въ Бреславлѣ, онъ завоевалъ званіе маэстра, а черезъ пять лѣтъ, въ 1894 г., т.-е. двадцать лѣтъ назадъ (именно 13 мая), онъ обыгралъ въ матчѣ (+ 10 — 5 = 4) прежняго шахматнаго короля Стейница и самъ утвердился на опустѣвшемъ его тронѣ (матчъ-реваншъ въ 1896 г. онъ выигралъ съ 10 партіями противъ всего 2-хъ проигранныхъ).

Шахматная дѣятельность его, помимо уже названныхъ событій, представляется въ такомъ видѣ. Родившись 12 (24) декабря 1868 г. въ Берлинхенѣ, въ Пруссіи, онъ рано узналъ шахматы и, ставъ маэстро, выигралъ матчи у Барделебена, Мизеса, Энглиша, взялъ II-й призъ въ 1889 г. на турнирѣ въ Амстердамѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Англію и Америку, гдѣ по очереди разбилъ, въ матчахъ или турнирахъ, лучшихъ игроковъ, какъ Бердъ, Блэкбернъ, Гунсбергъ, Мезонъ, Шовальтеръ и др. Завоевавъ званіе чемпіона міра, онъ сталъ много играть въ турнирахъ, получивъ III-й призъ въ Гэстингсѣ, 1895 г., дѣливъ II-й и III-й въ Кембриджъ-Спрингсѣ 1904 г. I-й и II-й въ Петербургѣ 1909 г., а чистый первый призъ въ Петербургѣ 1895 г., Нюрнбергѣ 1896 г., Лондонѣ 1899 г., Парижѣ 1900 г., Петербургѣ 1914 г. Кромѣ того, защищая свое званіе шахматнаго короля, онъ выигралъ матчи: у Маршалла (1907 г.), Тарраша (1908 г.), Яновскаго (1910 г.) и свелъ въ ничью со Шлехтеромъ (1910 г.). Теперь онъ готовится играть осенью матчъ съ нашимъ соотечественникомъ А. К. Рубинштейномъ.

Крестный ходъ вокругъ Кремлевскихъ соборовъ; непосредственно за духовенствомъ слѣдуетъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Θеодоровна.

Торжества открытія мощей святителя Ермогена въ Москвѣ II мая 1914 года. По фот. С. Смирнова.

Очередь богомольцевъ, ожидающихъ впуска въ московскій Успенскій соборъ для поклоненія нетлѣннымъ мощамъ св. патріарха Ермогена.



Паломники у стѣнъ Кремля въ ожиданіи торжественнаго богослуженія.

Торжества открытія мощей святителя Ермогена въ Москвѣ II мая 1914 года. По фот. С. Смирнова.

Международный шахматный чемпіонъ-турниръ въ С.-Петербургѣ.

I-й призъ. Д-ръ Э. Ласкеръ.

II-й призъ. Хозе-Рауль Капабланка.

III-й призъ. А. А. Алехинъ.

Ласкеръ очень извѣстенъ въ теоретической и литературной области. Редактируя многіе шахматные отдѣлы и сотрудничая въ разныхъ изданіяхъ, онъ и самъ издавалъ шахматные журналы, какъ-то „Lasker's Chess Magazine“ и нынѣшній „Der Schachwart“. Выпустилъ онъ еше книги „Здравый смыслъ въ шахматахъ“, „Борьба“ и чисто философскій трудъ „Міропониманіе“.

Если постараться опредѣлить личность Ласкера, то его прежде всего придется характеризовать, какъ очень ярко выраженную индивидуальность бойца. Хотя онъ и склоненъ къ философіи, сама философія его построена на борьбѣ. И для него шахматы — осколокъ міра, гдѣ также идетъ вѣковѣчная борьба, а потому и тѣ же дѣйствуютъ законы, и, кромѣ того, они—отраженіе его личности съ огромнымъ напряженіемъ воли на первомъ планѣ, непреклонnымъ стремленіемъ къ поставленной цѣли, желаніемъ настоять на своемъ, хотя бы замыселъ былъ и не вѣренъ. Подобно тому, какъ въ жизни своей ставитъ онъ себѣ опредѣленныя цѣли и отъ одной смѣло переходитъ къ другой, такъ и на шахматной доскѣ онъ сразу опредѣляетъ себѣ цѣль и уже не отступаетъ, пока ея не добьется. Отсюда — онъ можетъ проиграть партію, но она никогда не можетъ быть вялой, безъ идеи; отсюда: если ему надо выиграть партію—онъ ее непремѣнно выиграетъ.

Имѣть одновременно большой философскій умъ и желѣзную волю борца — рѣдко встрѣчается такое сочетаніе.

Между тѣмъ въ шахматахъ лишь при наличности его можно достичь совершенства.

Ласкеру не чуждо оно, и про него больше, чѣмъ про кого-нибудь другого, можно сказать, что онъ мастеръ своего дѣла и своего искусства.

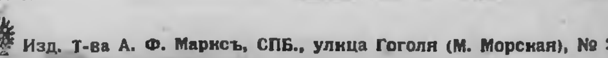
Пожаръ Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ 2 мая с. г. Прибытіе пожарныхъ частей. По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

Пожаръ Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ, 2 мая с. г., уничтожившій множество цѣнныхъ декорацій прежняго и современнаго репертуара. По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 11“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.



ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 22 г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 31 мая 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 12.

Р. Берггольцъ. Первый снѣгъ.

Поджогъ

Повѣсть I. I. Ясинскаго.

(Окончаніе)

XLI.

Саша на койкѣ Ивана стонала съ закрытыми глазами и заснула. Дыханіе у нея было неровное, она бредила, но сонъ былъ крѣпкій.

Иванъ подошелъ къ окну.

Разсвѣтъ дрожалъ огненно-пестрый, какъ игра опала.

Выйдя на дворъ, Иванъ опять услыхалъ, какъ на улицѣ люди гнались другъ за другомъ и безсвязно кричали и плакали. Направо, гдѣ клубился красный дымъ, пылалъ теперь огненный столбъ. Горѣла колокольня Воздвиженской церкви. Она была обвита пламенемъ, какъ золотымъ плющемъ. Ея золотой колоколъ гнѣвно гудѣлъ и вдругъ съ воплемъ отчаянія сорвался съ балки, безпомощно рявкнулъ и замеръ.

Аксинья стояла около Ивана, смотрѣла на колокольню и плакала.

Иванъ сказалъ ей:

— Я сейчасъ вернусь... Никуда не уходите...

Онъ былъ разбитъ страшной ночью, но не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ и во что бы то ни стало захотѣлъ видѣть Наденьку.

Оранжевый свѣтъ трепеталъ на крышахъ домовъ. У трубъ ютились люди и смотрѣли на гибнущій городъ.

Иванъ повернулъ къ Лебядкѣ. Домъ Аглаи Ермолаевны стоялъ молчаливый, весь темно-синій, и только свѣтились, качаясь, верхушки тополей. У калитки дрожала Ульяна въ безрукавкѣ.

— Барыня дома?

— Ушли на пожаръ

— А барышня?

— Плачутъ въ садочкѣ.

Крѣпко забилось сердце у Ивана.

— А съ кѣмъ барыня ушла?

— Съ вашимъ папашей... Что тутъ вытворялось! — она стыдливо закрыла лицо рукавомъ.—Миленькій Иванъ Хрисанѳовичъ, побѣгу-ка и я на пожаръ... Уже Воздвиженье занялось.

— Идите, Ульяша.

XLII.

Наденька, какъ призракъ, отдѣлилась отъ цвѣтущаго жасмина, подошла къ Ивану и обѣ руки свои, бѣлыя и оголенныя, положила на его плечи.

— Для меня пришелъ?—спросила она съ лаской въ голосѣ.

— Ты плачешь?

— Нѣтъ.

— А Ульяша сказала.

— А ты бы не болталъ съ нею.

Она взяла Ивана подъ руку и стала ходить съ нимъ по дорожкамъ и по берегу Лебядки.

— Разыгралось два скандала,—начала она.—Первый сдѣлала тетушка, такъ какъ ей донесли, что я на кладбищѣ имѣла свиданіе съ твоимъ родителемъ.

— Я былъ при этомъ и догадался, что говорятъ о тебѣ... Но ты нечаянно встрѣтилась съ нимъ?

— Нисколько. Я въ самомъ дѣлѣ ходила на свиданіе съ Хрисанѳомъ Семеновичемъ.

— Ты?

— Онъ съ вечера шепнулъ мнѣ—и я согласилась.

— Вы, Наденька, согласились?

— Я согласилась пойти на кладбище, мой мальчишка, изъ любопытства. Не за тебя же мнѣ выходить замужъ. Да и не дуракъ же ты. А положеніе мое у тетушки требуетъ, чтобы я позаботилась о себѣ.

Она сильно прижала руку Ивана къ своей груди.

— Ты выслушай до конца. Отецъ твой сказалъ мнѣ, что онъ женился бы на тетушкѣ, если бы не я. Я чуть не лопнула отъ смѣха. Строго говоря, было бы въ высшей степени глупо отклонить лестное предложеніе—сдѣлаться твоей мачехой, мальчишка... Я больно ущипну тебя, если ты посмѣешь вырываться. Я страшно ущипну тебя. Ахъ, ты! Я разсказала тебѣ не свою точку зрѣнія, а тетушкину; она именно все такъ сообразила. Она оскалилала зубы, и столько пѣны было у нея на губахъ, что на моемъ мѣстѣ она поступила бы такъ... Но ты еле волочишь ноги. Усталъ? Хочешь, пойдемъ посмотримъ тетушкину кровать и новую постель, которую она построила не очень давно — догадываешься, для чего?

Съ силою повернувъ Ивана, она потащила его въ комнаты

— Тебя угнетаетъ пожаръ, мальчишка,—начала она, взявъ его за подбородокъ.—Еще ты голенькій — бороды нѣтъ... Какъ? Ты могъ представить себѣ, что я—невѣста Хрисанѳа Семеновича?

— Зачѣмъ же ты пошла на свиданіе?

— Такая скука и безвыходность. Но, пожалуй, никогда не проститъ мнѣ твой родитель того, что я ему сказала... Я отчитала его.

— Да?

— Я сказала ему, что трехъ молодыхъ людей я предпочла бы вмѣсто него одного.

— Послушайте, Наденька, но вы ходили гулять еще съ Ключаревскимъ.

— Развѣ мнѣ сладко сидѣть дома? Но ты все знаешь, ревнивый мальчишка. Что жъ, воображаешь, что ты—мои серьезная любовь? Ты—мое развлеченіе.

— Ты ходила съ нимъ въ городской садъ?

— Ну, да.

— Вчера я видѣлъ его тамъ съ Катей Ольгиной.

— Мальчишка знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Не тебѣ чета.

— И онъ—твое развлеченіе?

— И онъ. Не смѣй разспрашивать о подробностяхъ. Признаюсь тебѣ, впрочемъ, что къ намъ присоединилась еще Катя Ольгина. Такъ было хорошо. Мы пообѣдали въ „Зеленомъ Кабачкѣ“ при закрытыхъ ставняхъ. Два часа прошло, и не замѣтили... Не смотри такими глазами...

— Тебя не напугалъ пожаръ?—робко спросилъ Иванъ.

— Наплевать на пожаръ. Радоваться надо, что пожаръ. Какіе разговоры будутъ! Многіе дрянные людишки навѣрно уже выказали чудеса храбрости. А Хрисанѳъ Семеновичъ съ разстригою Лаврентіемъ и съ гнуснымъ Петрусевичемъ порвались къ намъ. Но тутъ вооружись невозмутимостью, мальчишка. Ложись. У тетушки шелковое одѣяло... Не церемонься. Съ ногами... А я дамъ тебѣ наливки.

Она достала изъ кіотника, передъ которымъ горѣла красная лампадка, граненый графинчикъ и угостила Ивана.

Онъ жадно выпилъ стаканъ наливки.

— И, разумѣется, разыгрался другой скандалъ,—продолжала Наденька.—Я соврала тетушкѣ, что на кладбищѣ не была. Развѣ стыдно обманывать такихъ, какъ тетушка? Я отъ тебя только ничего не утаила бы никогда. Слава Богу, начался пожаръ — я это говорю со словъ тетушки. И, кстати, домъ застрахованъ въ двухъ обществахъ. И въ особенности ради пожара она примирилась со мной. Мы стояли за воротами и любовались весчастьемъ, какъ откуда ни возьмись Хрисанѳъ Семеновичъ съ Петрусевичемъ и съ Лаврентіемъ. Но въ какомъ видѣ! А тетушка даже не сконфузилась и прямо съ мѣста: „А мнѣ, говоритъ, все извѣстно про кладбище“. „Дѣйствительно,—отвѣчаетъ Хрисанѳъ Семеновичъ:—я видался на кладбищѣ съ вашей племянницей—не для себя, а для моего друга Аксентія Ѳаддеевича Петрусевича, для котораго она фигурируетъ, когда купается“. „А, вотъ въ чемъ дѣло!“—закричала тетушка — и про пожаръ забыла, давай присѣдать: „Если такъ, то на Аксентія Ѳаддеевича зла не имѣю, а за честь благодарю“... „Что за глупыя шутки!“ — возразила я, но тетушка назвала меня дурой, мечтающей о партіяхъ не по своему носу. Думаю, убѣжать лучше всего. Но тутъ Хрисанѳъ Семеновичъ и разстрига схватили меня, и мнѣ показалось, что и тетушка тоже пьяна. Конечно, наливки насвистались на ночь. Ты понимаешь, тетушка придержала мнѣ руки. И все это на улицѣ, въ лучахъ зарева. Но хорошо, что мой прелестный женихъ, оставшись безъ поддержки, упалъ лицомъ въ песокъ, а я сдѣлала страшное усиліе и нечаянно ударила локтемъ Хрисанѳа Семеновича. Онъ схватился за глазъ, а я воспользовалась и исчезла. Когда же вернулась,—тетушки и никого уже не было. Неправда, я не плакала,—стоитъ ли?—а сидѣла, закрывши лицо руками.

Наденька опять выпила наливки съ Иваномъ.

— Со мной истерики все-таки не сдѣлалось,—начала она.—Но только, мальчишка, что же мнѣ дѣлать теперь?

Она подошла и сѣла на край постели, протянувъ къ Ивану руку. А онъ зажалъ ея пальчики въ своей рукѣ.

XLIII.

— Я всегда была почтительна къ тетушкѣ, и, къ чести ея нужно сказать, она меня поила, кормила и одѣвала, требуя только взамѣнъ, чтобы я была ея горничной. Хуторокъ моей покойной мамы она, какъ опекунша, продала еще десять лѣтъ назадъ, чтобы

Р. Берггольцъ. Пробужденіе весны.

опредѣлить меня въ гимназію. Отчета я не спрашивала, и, вѣроятно, она больше потратила, чѣмъ получила. До послѣдняго времени поэтому она считала себя въ правѣ надѣлять меня пощечинами... Да ты слушаешь ли?

— Наденька, куда ни посмотришь — вездѣ безпросвѣтность,—сказалъ Иванъ.

— Мучительная и глухая жизнь у насъ, и пора покончить съ нею. Тетушка глупа, но и зла и сильна—у нея средства. И, чтобы избавиться отъ нея — я же не могу выйти не только за Петрусевича, но и за Хрисанѳа Семеновича—противно,—я обречена — вотъ что ужасно—на...

— Наденька!

— Ну, полно, Ваня,—прервала его молодая дѣвушка.—Какой ты мужъ? Съ тобой только цѣловаться хорошо и отводить душу.

Иванъ приподнялся и обнялъ Наденьку:

— Уѣдемъ въ Петербургъ...

— А что дѣлать будемъ въ Петербургѣ?

— Я поступлю въ университетъ.

— А я?

— На курсы.

— Съ чѣмъ же мы уѣдемъ?

Иванъ молчалъ. Дрожь ужаса пробѣжала у него по тѣлу. Саша встала передъ нимъ съ обожженнымъ лицомъ и забинтованными руками. Онъ ослабѣлъ. Кіотъ съ лампадкой наклонился и поплылъ. Наденька мелькнула слѣва и справа, и онъ потерялъ сознаніе.

Когда же онъ очнулся, Наденька сидѣла надъ нимъ и гладила его по головѣ. Такъ точно когда-то онъ очнулся послѣ тифа, и покойная мать тоже ласкала его. Лицо Наденьки показалось ему необыкновенно значительнымъ съ ея бѣлымъ подбородкомъ. Вопросительно подняты были брови, а на губахъ мелькала улыбка.

— Ты, какъ мама,—невольно сорвалось у него съ губъ

— Ну, вотъ какой потѣшный мальчишка,—ласково сказала Наденька.—Что же, мнѣ очень бы хотѣлось быть твоей мамой, но не выходи замужъ за Хрисанѳа Семеновича.

— Ахъ, Ванечка,—тихо продолжала она:—я насилу оттерла тебя нашатырнымъ спиртомъ. Напугалъ ты меня. Лучше тебѣ?

Онъ сталъ осыпать поцѣлуями ея шею.

— Довольно,—произнесла она.—Да. Я поѣхала бы въ Петербургъ. Если продать мои наслѣдственныя золотыя кольца и брошки, то рублей пятьдесятъ набралось бы. А въ столицѣ можно сдѣлаться кокоткой. Въ провинціи вѣдь и этого нельзя. А больше я ни на что не способна. И изъ всѣхъ видовъ рабства самое сносное, мнѣ кажется, продавать свои ласки.

— Что ты говоришь, Наденька?—вскрикнулъ Иванъ, отрываясь отъ нея.—Какъ у тебя повернулся языкъ?

— Тебя я великолѣпно бы обставила въ университетѣ, и ты кончилъ бы профессоромъ. Ужасно непрактичны люди и не умѣютъ выбиться, а на жизнь стоитъ посмотрѣть только сверху внизъ.

— Наденька, ты въ особомъ настроеніи.

— Можетъ-быть, я этого не сдѣлаю, потому что честнѣе быть женою Петрусевича. Не правда ли?

Иванъ молчалъ.

— Неужели и ты пошлякъ?

— Но любить за деньги развѣ тоже не пошлость?

— Но гдѣ же выходъ?—съ блѣдной улыбкой спросила Наденька.

XLIV.

— Душно здѣсь,—помолчавъ, сказалъ Иванъ.—Ахъ, что тамъ дѣлается, отъ всего можно съ ума сойти! Выйдемъ, Наденька, въ садъ. Сколько ужасовъ! Да, страшная жизнь.

Уже не было зарева. Стояли предразсвѣтныя сумерки, и сквозь сѣрое облако тускло свѣтила холодная луна. Только не было тишины въ городѣ, онъ еще гудѣлъ, какъ улей.

— Пожаръ перестал,—сказала Наденька, поравнявшись съ кустомъ жасмина, похожимъ на букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ и лившимъ одуряющій ароматъ.—Помнишь?

Дрожащими губами она поцѣловала Ивана.

— Но ты весь въ грязи!—съ громкимъ смѣхомъ вскрикнула она.

— Прости, Наденька, не до поцѣлуевъ

— Не сердись, мальчишка,— все равно,—оглянувшись, заговорила она.—Глупый, глупый!

Прошуршала кисея капота, и острѣе пахнуло жасминомъ.

— Наденька!—вырвавшись отъ нея, вскричалъ Иванъ.— Я бы повезъ тебя къ Сашѣ домой.

— Она вернулась.

Иванъ заплакалъ.

Наденька обняла его и прижалась къ нему.

— Я ушелъ къ тебѣ, пока она забылась. Она чуть не сгорѣла. Сожгла руки.

— Отчего же ты раньше не сказалъ?—пристыженная, спросила Наденька.

Иванъ плакалъ на плечѣ у дѣвушки.

— Ну, пойдемъ къ ней, пойдемъ. Что намъ стеречь тетушкино добро?

— Главное не то, что она обожглась,—проговорилъ Иванъ.

— Что же?

— На нее нашло безумiе. Вдругъ она убѣжитъ и станетъ кричать въ народѣ, что она подожгла городъ!

Болѣзненно, какъ молнiя, мелькнула въ головѣ Ивана страшная картина расправы черни съ Сашей, и онъ рванулся изъ сада:

— Пусти меня!

— И я же съ тобой. И я.

Но на крылечкѣ въ туманѣ блѣднаго разсвѣта появилась Агаѳя Ермолаевна.

— Развратница!—взвизгнула она, увидя молодыхъ людей.— А-а, вотъ съ кѣмъ обнимаешься!—продолжала она, подбѣгая, переваливаясь на ходу.—Рѣшила поперекъ горла становиться на каждомъ шагу. Вчера отцу вѣшалась на шею, сегодня сыну. Иванъ Хрисанѳовичъ, она гадкая... У, глаза безстыжiе!.. Смѣешь такъ смотрѣть на меня? На кладбищѣ съ тобой для опыта было сдѣлано. Интриговать противъ меня? Шашни заводить?

Она сдѣлала еще подползающiй шагъ къ Наденькѣ и ударила ее кулакомъ по плечу съ дрянными слезами на глазахъ.

Наденька схватила руку Ивана и съ страшнымъ спокойствiемъ, внезапно овладѣвъ собою, сказала:

— Хорошо, тетушка, я уйду, но уже не вернусь. Ваня, иди къ Сашѣ... Я скоро буду,—съ тетушкой должна посчитаться.

Агаѳя Ермолаевна уродливымъ призракомъ металась передъ молодой дѣвушкой—словно пухла и вздувалась она съ своей вытянутой шеей, выпученными глазами, съ широко раскрытымъ ртомъ.

Иванъ держалъ руку Наденьки. Но нетерпѣнiемъ сверкнули ея глаза—и онъ повиновался и ушелъ.

XLV.

На улицѣ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ чернорабочимъ и Силантiемъ.

Силантiй остановился и пристально посмотрѣлъ на Ивана.

— Ничего не можетъ быть неожиданнаго въ такую ночь,—сказалъ онъ.

Мужчина и ребенокъ боролись въ душѣ Ивана. Ему не хотѣлось показать, что онъ испугался встрѣчи.

— Я вернусь туда,—началъ онъ. — Съ сестрой огромное несчастье.

— Что съ сестрой?

— Сожгла руки. — „Ему все можно сказать“. — подумалъ онъ. — Прокламацiи, которыя пропали, она унесла къ себѣ тайно отъ меня, стала ихъ жечь понемножку и подожгла Анну Дмитрiевну — и сожгла городъ.

Силантiй сдѣлалъ шагъ впередъ и пристально воззрился въ глаза Ивана.

— Конечно, вы говорите правду?—сказалъ онъ.

Тутъ Иванъ замѣтилъ, что у Силантiя впалились глаза, и все лицо похудѣло, и заострился носъ. Но въ то же время оно сiяло внутренней радостью.

— Не бываетъ худа безъ добра,—проговорилъ наконецъ Силантiй.—Ваша сестра сорвала спектакль.—Нѣтъ, вамъ не зачѣмъ возвращаться туда. Ступайте къ сестрѣ!

— Мнѣ надо побыть съ нею — она обезумѣла и бредитъ, и какъ бы она не выдала себя.

— А-а. Ступайте, ступайте къ сестрѣ. Но въ такомъ случаѣ и я пойду. Я утѣшу ее, если она горюетъ. Она невольно совершила подвигъ. Нельзя было лучше отвлечь вниманiе. Подкопъ,—понизивъ голосъ, сказалъ Силантiй: — удался, мина встрѣтилась съ старой норой, которой воспользовались наши друзья, наскучивъ ожиданiемъ. Теперь уже всѣ на свободѣ. Да и домикъ сгорѣлъ — мы сами подожгли его.

Силантiй говорилъ сиплымъ голосомъ. Дрожа отъ передавшейся ему радости и ужаса, спросилъ Иванъ:

— Вы простудились?

— На пожарѣ пришлось кричать. Я успѣлъ привести въ восторгъ своимъ героизмомъ и силою губернатора. Его почтенная мамаша лично пожелала напоить меня чаемъ, и я только-что изъ ея будуара. А какого-то разстригу за такой же героизмъ губернаторъ тутъ же, на людяхъ, велѣлъ выдрать и окатить изъ пожарной кишки, чтобъ привести въ чувство. Порядокъ и юморъ.

— Разстригу Лаврентiя! — вскрикнулъ Иванъ.

— Вашъ знакомый? Правда, онъ былъ пьянъ, и съ нимъ еще было двое товарищей, тоже невмѣняемыхъ.

— Вы не знаете объ ихъ судьбѣ?

— А вы любили вашего отца? — вдругъ спросилъ Силантiй.

— Въ числѣ ихъ былъ мой отецъ, — сказалъ Иванъ и хрустнулъ пальцами. — Но вы не отвѣтили на мой вопросъ.

— Потому что я всего не знаю. Что-то произошло. Страшная была давка, кости трещали... Небывалая ночь... — пробормоталъ Силантiй.—Ну, а если?..—послѣ молчанiя произнесъ онъ.

Ничего не сказалъ на это Иванъ.

Они шли мимо слабо дымящихся черныхъ костровъ и обгорѣлыхъ печей. Дѣти спали подъ открытымъ небомъ на диванахъ или на составленныхъ стульяхъ, а взрослые сидѣли и бродили, какъ тѣни. Уличные мальчишки и дѣвчонки искали въ огнѣ металлическихъ слитковъ. Раздвинулись пространства, улицы обратились въ площади. На нихъ тамъ и здѣсь возвышались развалины каменныхъ домовъ, и высоко къ небесамъ поднимала свой почернѣлый куполъ потухшая колокольня Воздвиженья.

Вставало солнце сквозь рыжiй туманъ.

XLVI.

Ворота дома Вертлуговыхъ были уже заперты. Аксинья выбѣжала на звонокъ. Поднесла передникъ къ глазамъ и стала плакать.

— Что еще?—спросилъ Иванъ съ упавшимъ сердцемъ.

— Сейчасъ пришедши Ульяша, что барина раздавили.

Поблѣднѣлъ Иванъ.

— А гдѣ же Ульяша?

— На кухнѣ плачетъ.

— А Саша дома?—съ усилiемъ спросилъ Иванъ.

— Спитъ и ничего-то не знаетъ, и маленькiя дѣточки спятъ, какъ ангелочки.

— Спитъ, тѣмъ лучше. Я подожду, когда она проснется,—сказалъ Силантiй. — Я—докторъ, голубушка, и пришелъ полѣчить барышню.

Иванъ побѣжалъ на кухню.

— Ульяша! —закричалъ онъ. — Вы сами видѣли?

— Видѣла.

— Но что же съ нимъ сдѣлали?

Ульяша залилась слезами:

— Я же, Иванъ Хрисанѳовичъ, не виновата. Стою я ни жива ни мертва, а наши прибѣжали.

— Кто наши?

— Хрисанѳъ Семеновичъ съ батюшкой Лаврентiемъ и съ тѣмъ третьимъ, что усы большiе. Сейчасъ разстрига верхомъ на пожарную машину сѣли и кишку порвали. А дома горятъ кругомъ. Ну, старшой закричали, и солдаты растянули Лаврентiя и высѣкли, а папаша увидѣли и сказали „протестую“ и какъ рявкнутъ, а машину тронули — и вдругъ они, какъ котенокъ, замяукали — подъ колеса, значитъ, попали, — тутъ и духъ вышелъ.

Р. Берггольцъ. Въ рощѣ.

И они опять тихо и мирно провели весь вечеръ, а на другой день вечеромъ были у Карелиныхъ.

Самъ Карелинъ, невысокаго роста, приземистый, съ длинной русой бородою и съ совершенно плѣшивой головою, производилъ впечатлѣнiе добродушнаго взрослаго ребенка. Онъ безпрестанно хохоталъ тонкимъ смѣхомъ и хлопалъ руками по бедрамъ.

— А, дружище Павля!—закричалъ онъ, увидавъ Павла Аркадьевича и его жену.—Ольга Карповна! Вотъ обрадовали-то, друзья мои. Безъ васъ намъ и пиръ не въ пиръ. Сегодня 25-лѣтiе справляемъ: 15 лѣтъ свадьбы, 10 лѣтъ Степкѣ. Между прочимъ, знакомьтесь.

Въ гостиной они застали общество. Нѣсколько учителей, товарищей хозяина, двѣ городскихъ учительницы, офицеръ, два студента. Надежда Захаровна познакомила со всѣми, а тѣмъ временемъ Сергѣй Петровичъ уже говорилъ:

— Чай пить, чай пить милости просимъ. Съ коньякомъ, съ ромомъ,—кому съ чѣмъ угодно.

Они прошли въ столовую. Сергѣй Петровичъ очень весело сталъ разсказывать о своемъ пребыванiи въ Финляндiи, и разговоръ незамѣтно принялъ политическiй характеръ. Надежда Захаровна быстро прервала разгоравшiйся споръ.

— Брось политику, Сережа!—сказала она.—Лучше разскажи, какую мы съ тобой привезли игру.

— А какую?—быстро спросила молодая учительница.

— Самая общераспространенная, называется лото! — отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ, весело смѣясь тонкимъ смѣхомъ.

— Лото!—невольно воскликнула Ольга Карповна.

Павелъ Аркадьевичъ усмѣхнулся:

— Насъ этимъ не удивишь. Мы ходимъ играть въ клубъ и выигрываемъ сотнями рублей.

— Кто это?—спросилъ Сергѣй Петровичъ.

Ольга Карповна засмѣялась:

— Это онъ про меня говоритъ; я нѣсколько разъ была въ клубѣ и выиграла.

— Да какъ! Павелъ Аркадьевичъ взмахнулъ руками. — Гору! Одинъ разъ 60, другой разъ 100, въ третiй 200; просто въ мѣшокъ деньги складывали.

— Да ну?

Надежда Захаровна съ удивленiемъ посмотрѣла на Ольгу Карповну, и та невольно покраснѣла:

— Чему вы удивились?

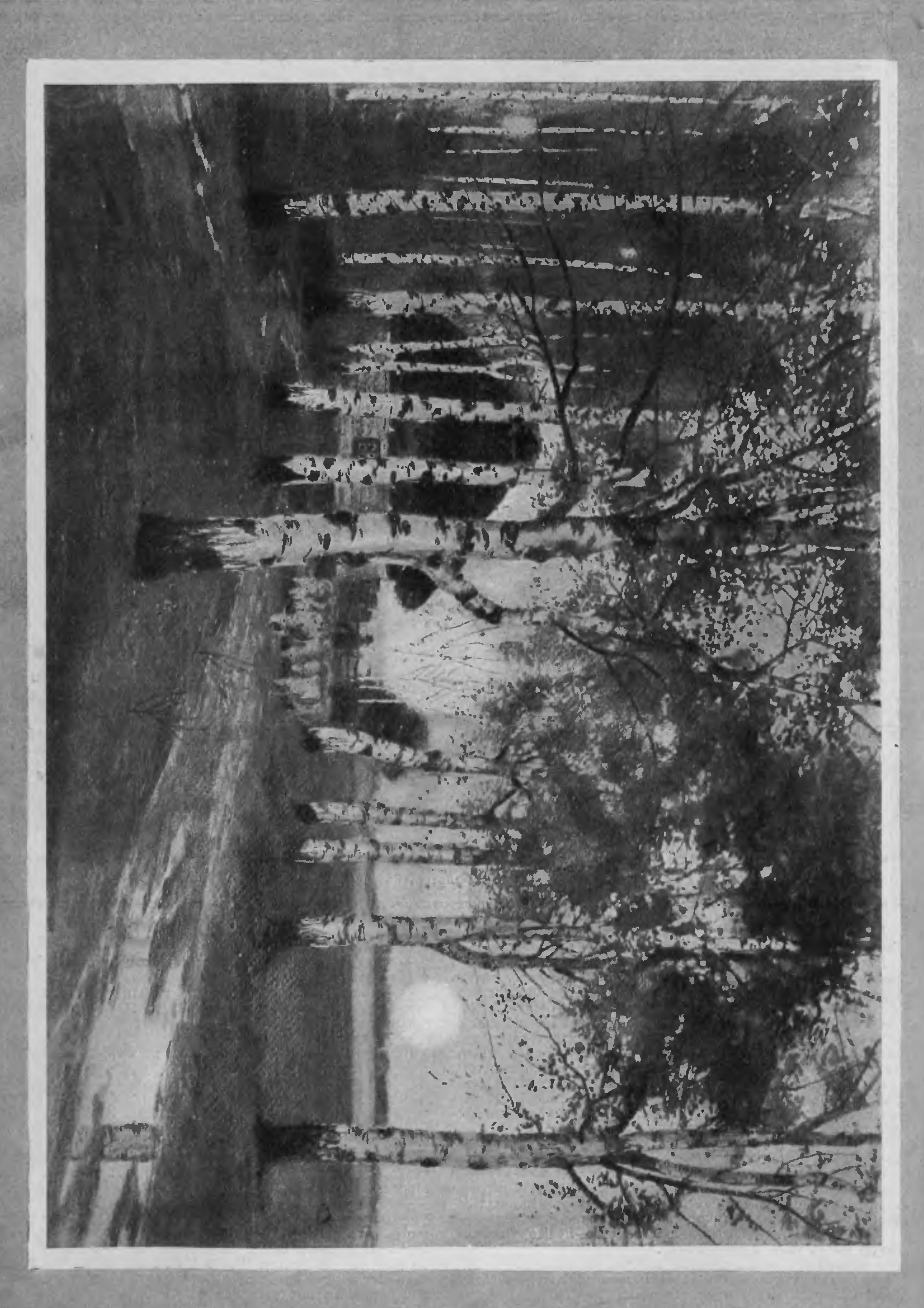
— Да такъ; не ожидала отъ васъ подобнаго: и азартный игрокъ и членъ клуба, —отвѣтила Надежда Захаровна. — Нѣтъ, у насъ игра мирная, семейная. Жили мы въ Финляндiи въ довольно пустынномъ мѣстѣ; скучно было. Прiѣхало одно русское семейство и привезло лото, и стали мы всѣ играть. Погода случилась дурная, и мы каждый вечеръ для азарта съ котломъ играли.

— Это что же значитъ?

— Съ котломъ, — объяснилъ Сергѣй Петровичъ: — это значитъ, что касса все увеличивается. Выиграли вы по первому ряду— берете одну треть кассы; по второму ряду — половину; а если по третьему — тогда все. И вотъ у насъ случилось, что 12 игроковъ восемь игръ подъ рядъ выигрывали по первому ряду, и каждый разъ двѣ трети оставалось въ кассѣ, и касса росла, росла.

— Однимъ словомъ, Степа, приготовь лото!—сказала Надежда Захаровна.

Толстый мальчуганъ соскочилъ съ мѣста и убѣжалъ въ гостиную.


Р. Бергольцъ. Сумерки.

— Мы васъ сейчасъ и просвѣтимъ!

Ольга Карповна оживилась:

— Мнѣ эта игра очень нравится.

Молодой учитель математики сказалъ:

— Въ ней есть что-то похожее на трясину. Сначала играешь шутя, потомъ понемногу начинаешь засасываться и засасываться и погружаешься весь. Игра совершенно глупая, тупая, а понемногу завлекаетъ.

— Не совсѣмъ ужъ такъ: въ ней есть и тайна, — возразилъ офицеръ: — я хожу въ клубъ и, признаюсь, доставляю себѣ изрядное удовольствіе и волненіе. Напримѣръ, надо вамъ 62—и вы выиграете, а кричатъ: 63, 65, 68, и все нѣтъ вашего номера; это нервируетъ, волнуетъ, и незамѣтно приходишь въ азартъ. Конечно, это не карты.

Всѣ засмѣялись и перешли въ гостиную.

Степа взялъ пачку картъ и сталъ обносить гостей. Сергѣй Петровичъ досталъ деревянную чашку и, остановившись посреди комнаты, съ важностью сказалъ:

— Каждый можетъ брать сколько хочетъ картъ, но за каждую карту долженъ внести въ кассу 5 копеекъ. Пожалуйте, господа!— И съ этими словами онъ началъ обходить играющихъ.—Съ васъ гривенникъ, съ васъ 15 копеекъ. Ого, Ольга Карповна! Да вы настоящій игрокъ! 4 карты—20 копеекъ.

— Ну какая же это игра?—смѣясь, сказала Ольга Карповна.— По пятачку!

— А вы почемъ же привыкли?

— Положимъ, тоже не по крупному: по 20 копеекъ. Но, вы знаете, въ клубѣ за 20 копеекъ выдача иногда бываетъ 60 рублей.

— Ну, здѣсь, сударыня, выше трехъ рублей не бываетъ. Сколько насъ играетъ? Разъ, два, три, четыре... двѣнадцать. А сколько картъ? Степка, считай! Эге, 30 картъ! Итого 1 р. 50 коп. Игра начинается. Буду выкликать номера я первый, а потомъ по очереди: ты—Павелъ Аркадьевичъ; вы—барышня; вы—молодой человѣкъ, и такъ дальше, вплоть до Надежды Захаровны.

— Я не играю; я по хозяйству.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сегодня и ты играешь. Хозяйство потомъ,—и онъ началъ выкликать номера.

Ольга Карповна съ удивленіемъ почувствовала, что волнуется, какъ будто бы находится въ клубѣ. И она со вниманіемъ стала слѣдить за номерами и радостнымъ голосомъ крикнула: „довольно!“, когда у нея закрылось 5 номеровъ.

— По какому ряду?

— Посрединѣ.

— 75 копеекъ получайте! Вотъ вы уже и разбогатѣли.

Игра продолжалась, и въ этотъ вечеръ счастье повернулось къ Ольгѣ Карповнѣ, и она то и дѣло кричала: „довольно“, а одинъ разъ, когда въ кассѣ накопилось до 3 рублей, она выиграла по нижнему ряду.

— Всю кассу, почти милліонъ!

Сергѣй Петровичъ передалъ ей всѣ деньги, а Надежда Захаровна сказала:

— Довольно! Теперь ужинать! — И всѣ пошли снова въ столовую. — Кто сколько проигралъ, сознавайтесь! Ольга Карповна, сколько выиграли?

Она вынула портмонэ, пересчитала деньги и весело отвѣтила:

— 8 рублей 40 копеекъ.

— Въ переводѣ на крупную игру?..

Она пожала плечами:

— Даже и сказать не могу. Можетъ-быть, сто, а можетъ-быть, и полтораста рублей.

— Ого! Вамъ бы только въ клубѣ и играть, — сказалъ шутливо офицеръ.

Павелъ Аркадьевичъ усмѣхнулся:

— Искусилась и бросила.

— И хорошо сдѣлала, — серьезно замѣтила Надежда Захаровна. — Нѣтъ ничего хуже выигрышныхъ денегъ. Не про эти, это пустое, а когда въ клубѣ, когда читаешь про разорившихся людей. Нечистыя деньги...

— Господа, по единой! — провозгласилъ Сергѣй Петровичъ, наливая водку.

Вечеръ прошелъ оживленно и весело.

Ольга Карповна давно не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ этотъ вечеръ, и, возвращаясь домой, говорила Павлу Аркадьевичу:

— Хорошо у этихъ Карелиныхъ!

— Оттого, что это—настоящіе интеллигенты, работающіе и умѣющіе веселиться, — отвѣтилъ Павелъ Аркадьевичъ. — Это, голубушка, не Синицыны.

— Напрасно ты на нихъ нападаешь. Если бы ты видалъ, сколько работаетъ самъ Синицынъ, ты бы никогда не сказалъ этого. У всякаго своя работа. Одинъ преподаетъ, а другой страхуетъ и продаетъ машины.

— Ну, ну, я вѣдь такъ только,—сказалъ примирительнымъ тономъ Павелъ Аркадьевичъ.

Они замолчали. Ольга Карповна проѣхала молча нѣсколько времени, а потомъ сказала:

— А какъ мнѣ везло. По пятачку—и 8 рублей 40 копеекъ!

— Если бы въ клубѣ,—засмѣялся Павелъ Аркадьевичъ.

— Что же ты смѣешься? Если бы такъ везло въ клубѣ, я бы имѣла полтораста рублей.

— Не хватаетъ только, чтобы ты опять попробовала тамъ счастья, — сказалъ онъ уже сухо.

— Я не къ тому вовсе! —отозвалась она, и между ними словно пробѣжало неудовольствіе.

Она замолчала, а когда легла въ постель, мысль, что, быть-можетъ, къ ней вернулось прежнее счастье, назойливо овладѣла ею. Сегодня она выигрывала ставку за ставкой. И если такъ два, три, четыре дня, то она снова разбогатѣетъ, и снова вернутся тѣ веселые дни, когда она тратила безъ счету, баловала дѣтей, одѣлась и одѣла всѣхъ.

И, уже засыпая, она почувствовала, что ей неудержимо хочется снова ѣхать въ клубъ и попытать счастье.

„А гдѣ достать денегъ? — уже въ полуснѣ думала она. — Есть вещи,—что-нибудь заложить и ѣхать“.

„Поѣду“, — рѣшила она, засыпая, и во снѣ видѣла освѣщенную залу, игроковъ, служащихъ и огромную доску, на которой съ сухимъ стукомъ открывались номера.

XI.

Азартъ — прилипчивая и упорная болѣзнь. Заразившійся ею не можетъ вылѣчиться сразу; кажется, излѣчился человѣкъ, но достаточно какого-нибудь случая—и заснувшая страсть пробуждается съ удвоенной силой. Быть-можетъ, Ольга Карповна и забыла бы про свое увлеченіе, если бы не вечеръ у Карелиныхъ, гдѣ она снова прикоснулась къ этому лото. И страсть играть проснулась въ ней сразу. Она не хотѣла бороться съ нею, и первой мыслью, когда она проснулась, была мысль объ игрѣ. Надо что-нибудь заложить и вечеромъ ѣхать играть.

Едва ушелъ Павелъ Аркадьевичъ на службу, она занялась съ дѣтьми, а потомъ подъ видомъ прогулки прошла въ ломбардъ и заложила тамъ кольцо за 30 рублей. Когда Павелъ Аркадьевичъ проснулся послѣ обѣда, она ласково сказала ему:

— Ты будешь заниматься, а я навѣщу Калерію.

— Неужели тебѣ не сидится дома?

— Скучно, Павля! — отвѣтила она капризнымъ голосомъ.—Ты занимаешься; дѣти сейчасъ лягутъ спать; я спать еще не хочу и совсѣмъ не знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Не все же штопкой заниматься. А по Калеріи я соскучилась,—давно ее не видѣла.

— Да иди, коли есть охота,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ добродушно.—Только не возвращайся поздно.

— Нѣтъ, я позднѣе часа не вернусь. Съ послѣднимъ трамваемъ, а то и раньше.

— Съ Богомъ! — сказалъ Павелъ Аркадьевичъ. — Напьемся чаю, и иди.

Она поспѣшила напоить чаемъ Павла Аркадьевича, потомъ крѣпко его поцѣловала и почти выбѣжала на улицу.

„Выиграю, выиграю“, — думала она, и сердце ея радостно билось при мысли о томъ, какъ она будетъ играть.

Калерія, въ распахнувшемся капотѣ, непричесанная, сидѣла за столомъ и пила чай, когда пришла Ольга Карповна.

— Вотъ ужъ какъ я рада!—закричала Калерія, увидѣвъ ее.— Садись, пить чай будемъ! Я тебѣ пасьянсъ разложу, разговаривать будемъ. Какія новости?

— Я хочу играть въ лото, — сказала Ольга Карповна, садясь у стола.

— Ага! Я говорила: не зарекайся. По-моему вышло! — радостно воскликнула Калерія.—Нѣтъ, матушка, это такая игра — засосетъ. Ну, скажи, сколько дней ты не играла?

— Три дня.

— Вотъ видишь...

— Такъ ты слушай! — сказала Ольга Карповна. — Вчера мы были у однихъ знакомыхъ и тамъ играли въ лото. По пятаку играли, и я выиграла 8 рублей 40 копеекъ. По пятачку, понимаешь? Мнѣ такъ шла карта, такъ шла, что ты себѣ и представить не можешь. Вотъ я и подумала: если везетъ, то, значитъ, и сегодня и завтра. Вѣдь ты же говорила....

— Непремѣнно! — твердо сказала Калерія. — А у тебя много денегъ?

— 30 рублей. Я заложила кольцо.

— Хорошія деньги,—одобрила Калерія и вздохнула.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ,—сказала Ольга Карповна.

— Вмѣстѣ? Фью! У меня ни шиша. Хоть шаромъ покати... Костя поганый удралъ, завертѣлся: вчерашній день съ ночи ускакалъ. Я знаю: это его позвали въ винтъ играть. Ну, хорошо! Играй въ винтъ, но вечеръ, утро, сегодня весь день—и его все нѣтъ. И дома ни копейки. Вотъ пью брандахлыстъ какой-то, даже леденцовъ не на что купить, а ты: играть! И рада бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Поѣдемъ, Калерія, я раздѣлю съ тобой пополамъ. Тебѣ 15 и мнѣ 15. Потомъ отдашь.

Лицо Калеріи сразу оживилось:

— Если такъ, то ѣдемъ! Вотъ, милая, ты меня обрадовала. Скука адская. Я просто не знала, что̀ дѣлать съ собою, а теперь поѣдемъ и выиграемъ. Кучу денегъ выиграемъ; а Костѣ ни копейки, ни шиша, такъ ему и надо. Ну, я живо одѣнусь, и ѣдемъ!

Она убѣжала къ себѣ въ комнату и оттуда продолжала весело тараторить:

— Все, что̀ было,—заложила; гроша не осталось. За квартиру платить надо—денегъ нѣту; портной пришелъ — нѣту; изъ электричества повѣстку прислали, что совсѣмъ прикроютъ электриче-

ство. Ну, и что же? Будемъ въ темнотѣ сидѣть! Костѣ все равно, поганый! Ну, я готова!

Она вышла оживленная, веселая, и не было замѣтно, чтобы ее тяготила жизнь, и какія бы то ни было крутыя обстоятельства могли бы согнать ея веселье.

— Катя!—закричала она.—Мы уходимъ.

— А что барину сказать?

— Барину ничего. Скажи, была и вся вышла. Ну, пошли!

Они вышли. Калерія по дорогѣ говорила:

— Непремѣнно выиграемъ! А знаешь, тамъ этотъ Пинкусъ. Видала его?

— Знаю, замѣтила...

— Онъ все проситъ его съ тобой познакомить. Я сегодня сдѣлаю это.

— А мнѣ все равно, — безпечно сказала Ольга Карповна: — тамъ всѣ знакомы и всѣ незнакомы.

— Ну, положимъ. Въ концѣ концовъ всѣ насъ знаютъ.

Онѣ, весело болтая, вошли въ клубъ. Человѣкъ въ красномъ галстукѣ вѣжливо имъ поклонился. Скрипка подбѣжалъ къ Калеріи и поцѣловалъ ея руку. Пинкусъ подошелъ къ ней, и она сказала:

— Оля, позволь тебѣ представить нашего общаго клубнаго пріятеля, Генриха Германовича Пинкуса!

Толстыя синія губы Пинкуса расплылись въ улыбку: онъ склонилъ свою голову и присосался губами въ рукѣ Ольги Карповны.

— Весьма польщенъ, жаждалъ знакомства съ вами, — сказалъ онъ, чмокая губами, и глаза его при этомъ замаслились.

Ольга Карповна поспѣшно выдернула руку и пошла вдоль столовъ, ища себѣ мѣста. Калерія шла рядомъ съ нею.

— И зачѣмъ ты меня съ нимъ познакомила? — сказала Ольга Карповна.—Онъ такой противный.

— Забавный,—сказала она.—Такого юбочника свѣтъ не производилъ!—И она звонко засмѣялась.—Ну, садимся. По двѣ карты беремъ?

— Да. Я всегда на двухъ.

Ольга Карповна волновалась, по счастье отвернулось отъ нея. Она съ досадою слѣдила за счастливыми номерами, и на ея долю не выпадало почти ни одного. Въ одну игру случилось, что она закрыла шесть номеровъ на обѣихъ картахъ. Не выходило не только кварты, но даже терны.

— Пересядемъ на другое мѣсто,—сказала она уже сердито, и онѣ пересѣли на другое мѣсто.

— Новая игра, 50 копеекъ карта!—громко выкликнулъ распорядитель.

Ольга Карповна взглянула въ свой кошелекъ, злобно оттолкнула и потомъ поблѣднѣла.

— Калерія,—тихо сказала она.

— Что?

— Я проиграла все. У меня даже нѣтъ на извозчика.

— И я,—весело отозвалась Калерія.

— Но ты живешь подлѣ, — съ ужасомъ сказала Ольга Карповна:—а я на другомъ концѣ города. Мнѣ нужно на извозчика.

— На извозчика? Я сейчасъ тебѣ достану.

Калерія быстро встала и пошла между стульями. Ольга Карповна съ тревогою слѣдила за нею и увидѣла, какъ она подошла къ Пинкусу и быстро стала о чемъ-то говорить съ нимъ. Ольга Карповна покраснѣла и съ досадой подумала, что, пожалуй, она будетъ говорить про нее. Калерія скоро отошла отъ Пинкуса и, подойдя къ Ольгѣ Карповнѣ, сказала:

— На!—и протянула ей рубль.

Ольга Карповна зажала рубль въ рукѣ и, быстро поднявшись, сказала:

— Идемъ!

Калерія покраснѣла:

— Я хочу сыграть еще одну игру.

— Значитъ, у тебя есть деньги?—вспыхнувъ, спросила Ольга Карповна.

— Рубль,—отвѣтила Калерія.—Мнѣ вѣдь близко.

Ольга Карповна съ презрѣніемъ пожала плечами и молча пошла изъ залы. Ее охватилъ внезапный гнѣвъ. Какъ недобросовѣстно ведетъ себя Калерія! Она раздѣлила все пополамъ, а Калерія затаила деньги и теперь будетъ играть одна и, можетъ-быть, выиграетъ. Она вышла изъ клуба и медленно пошла по улицамъ.

— Позвольте проводить!—обратился къ ней какой-то прохожій.

Она испуганно отшатнулась отъ него и подбѣжала къ извозчику. Она ѣхала домой, сердясь и на свою неудачу и на поведеніе Калеріи. Въ головѣ ея мелькала мысль, что, если бы она не взяла съ собой въ долю Калеріи, у нея было бы 30 руб., и она бы выиграла. И какой измѣнницей оказалась Калерія! Имѣла деньги и спрятала и теперь играетъ; быть-можетъ, выиграла.

Она вернулась домой, усталая и раздраженная. Павелъ Аркадьевичъ встрѣтилъ ее и спросилъ:

— Что такъ поздно?

— И совсѣмъ не поздно! Еще ходятъ трамваи.

— Весело было?

— Какое же у нихъ веселье! Мужъ ея убѣжалъ, денегъ ни гроша; она, разстроенная, сидѣла и ныла...

— Что не можетъ играть въ лото,—съ улыбкою добавилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— А хоть бы и такъ!—отвѣтила она.—Мнѣ ее жалко, и я ее понимаю.

А когда она легла въ постель, соблазнъ игры охватилъ ее съ новой силой. „Только бы достать денегъ“,—думала она, засыпая, но на другой день не рѣшилась ни закладывать вещей ни ѣхать играть. Ей очень хотѣлось поѣхать, но было совѣстно передъ мужемъ, и было противно придумывать предлогъ, чтобы уѣхать.

„Тяжело жить въ такой зависимости“,—съ досадой думала она, ожидая съ тоскою время обѣда, тоскливаго послѣобѣденнаго часа и еще болѣе тоскливаго вечера.

Павелъ Аркадьевичъ вернулся домой и сказалъ:

— Ну, Оля, придется намъ съ тобою разстаться.

Ольга Карповна испугалась:

— Почему?

— Правленіе посылаетъ меня въ командировку. Ты не бойся! 7—10 дней не больше, — отвѣтилъ онъ, замѣтивъ, какъ измѣнилось ея лицо.

Но она не боялась. Ея испугъ уже прошелъ и смѣнился радостью. Она будетъ свободной десять дней и можетъ отдаться своей страсти.

— А когда ты ѣдешь?

— Завтра утромъ.

— А какъ съ деньгами?

— Я принесъ жалованье за мѣсяцъ,—сказалъ онъ, передавая ей деньги:—да изъ моихъ прогонныхъ можешь истратить 30 руб. Вотъ 230 руб. Соберешь мнѣ вещи, и завтра утромъ я ѣду.

Ольга Карповна съ трудомъ сдерживала свою радость. Она была особенно ласкова съ мужемъ въ этотъ вечеръ, а когда наступило утро, радостно и торопливо собрала его вещи, а потомъ поѣхала его провожать и крѣпко и долго цѣловала его.

— За тѣми деньгами, что у тебя,—сказалъ онъ:—придутъ изъ правленія. Тамъ 650 рублей. Возьми расписку.

— Хорошо! Пріѣзжай скорѣй! — И она горячо обняла его на прощаніе.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее. Поѣздъ загромыхалъ, тронулся и медленно покатился. Ольга Карповна смотрѣла ему вслѣдъ и радостно думала: „свобода!“ И мысль о предстоящей игрѣ въ лото заслонила у нея всѣ другія мысли.

Игра! Теперь она будетъ играть безъ Калеріи, одна,—и новая радость охватывала ея душу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новооткрытая статья Пушкина.

Замѣтка **А. Ѳомина.**

Въ дошедшемъ до насъ экземплярѣ „Литературной Газеты“ 1830 года *), посланномъ въ Парижъ Ал. Ив. Тургеневу издателемъ ея, барономъ Дельвигомъ, чрезъ ихъ общаго друга — князя П. А. Вяземскаго, сохранились замѣтки послѣдняго, раскрывающія авторовъ неподписанныхъ статей газеты.

Изъ 30 замѣтокъ кн. Вяземскаго—семь опредѣляютъ авторство А. С. Пушкина. Въ шести случаяхъ это опредѣленіе теперь оказалось только подтвержденіемъ того, до чего раньше, благодаря разнымъ другимъ соображеніямъ, дошли наши изслѣдователи **).

Въ одномъ случаѣ замѣтка кн. Вяземскаго указываетъ для насъ впервые на Пушкина, какъ на автора критической статьи, помѣщенной въ № 8 „Литературной Газеты“ 1830 г., 5 февраля.

Статья относится къ отдѣлу „Библіографіи“ и посвящена спеціально общей темѣ „Альманахи 1830 года“.

Но Пушкинъ беретъ только одинъ изъ альманаховъ 1830 года—„Денницу“ М. Максимовича, да и при разборѣ его останавливается исключительно на одной работѣ, привлекшей всецѣло его вниманіе, вызвавшей его восторгъ и полное сочувствіе.

Это—„Обозрѣніе Русской Словесности 1829 года“ Ив. В. Кирѣевскаго *).

Пушкинъ начинаетъ свою статью съ того, что называетъ работу Кирѣевскаго „замѣчательнѣйшей“ и „заслуживающей болѣе нежели бѣглый взглядъ разсѣяннаго читателя“; онъ увѣренъ, что „Обзоръ“ Кирѣевскаго „сдѣлаетъ большее впечатлѣніе“, и заключаетъ свою работу выводомъ, хотя и прямо противоположнымъ сдѣланному Кирѣевскимъ, но именно потому и интереснымъ, что его произноситъ такая литературная величина, какъ Пушкинъ.

„Тамъ,—пишетъ онъ:—гдѣ двадцати-трехъ-лѣтній Критикъ могъ написать столь занимательное, столь краснорѣчивое „Обозрѣніе Словесности“, тамъ есть Словесность — и время зрѣлости оной уже недалеко“.

Пушкинъ въ правѣ былъ сказать это больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, такъ какъ онъ именно и былъ тѣмъ создателемъ русской литературной зрѣлости, начиная съ котораго рус-

*) См. подробно объ этомъ въ моей статьѣ въ „Русс. Библ.“ 1914 г., апр. „Къ вопросу объ авторствѣ Ал. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Д. Давыдова и др. въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г.“

**) Кончая послѣдними цѣнными въ этомъ направленіи работами Н. Лернера.

*) Род. въ 1806 г., умеръ въ 1856 г.

ская литература стала твердой ногой на неустойчивой для нея до сихъ поръ почвѣ и заняла въ русской жизни положеніе, соотвѣтствующее достоинству и высотѣ міросозерцанія русскаго народа.

Ал. Ив. Тургеневъ получилъ этотъ экземпляръ „Литературной Газеты“ довольно поздно—2 іюня *) и тотчасъ же отозвался на нее съ присущей ему горячностью и даже страстностью, такъ какъ на него произвела особенно большое впечатлѣніе именно статья Пушкина о работѣ Ив. Кирѣевскаго, въ которой тотъ касается роли Н. И. Новикова въ исторіи русской мысли, общественности и просвѣщенія.

Отвѣтное письмо Александра Ивановича кн. Вяземскому можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ статьямъ и Кирѣевскаго и Пушкина, и дополненіемъ тѣмъ болѣе цѣннымъ, что все, что сообщаетъ Тургеневъ, произошло у него самого на глазахъ, а во многомъ онъ самъ, его отецъ и братья принимали непосредственное участіе.

„Поблагодари Дельвига за журналъ (т.-е. за „Литературную Газету“). Право, давно не читалъ такой занимательной газеты. Въ ней столько оригинальныхъ статей: твои, Пушкина, Дельвига и другія можно прочесть и перечесть, хотя во многомъ я и не согласенъ съ тобою. Какъ много знаете вы о насъ, европейцахъ! Какъ умно многое судите или какъ дѣльно по крайней мѣрѣ о многомъ намекаете! „Газета“ Дельвига — петербургскій „Globe“. Кто таковъ Кирѣевскій? Пришлите мнѣ скорѣе его обозрѣніе въ „Денницѣ“. Не сынъ ли онъ пріятельницы Жуковскаго? Не онъ ли будетъ жить или уже живетъ въ Мюнхенѣ? Высылайте его скорѣе въ Европу: дайте ему дозрѣть! Я уже люблю его за Новикова...“

И далѣе, послѣ цѣлаго ряда интересныхъ мыслей о Новиковѣ и его значеніи въ русской жизни, Тургеневъ снова настаиваетъ:

„Еще разъ: присылайте Кирѣевскаго, въ лицахъ или въ „Денницѣ“...

Кн. Вяземскій, сообщая Тургеневу нѣкоторыя подробности о Кирѣевскомъ, прибавляетъ по поводу работы, такъ заинтересовавшей Пушкина:

„Статья его зелена слогомъ, а иногда и мыслями, но эта зелень—цвѣтъ надежды“.

Въ виду большой цѣнности этой статьи Пушкина, какъ матеріала, характеризующаго взгляды Пушкина на русскую литературу, помѣщаемъ ее полностью.

Библіографія.

Альманахи 1830 года.

„Денница“, Альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ.—М. въ Универс. типогр. 1830 (LXXVIV—256 стран. въ 16-ю д. л., съ гравир. заглав. листкомъ).

Въ семъ Альманахѣ встрѣчаемъ имена извѣстнѣйшихъ изъ нашихъ писателей, также стихотворенія нѣсколькихъ дамъ: украшеніе неожиданное, пріятная новость въ нашей Литературѣ.

Но замѣчательнѣйшая статья сего Альманаха, статья, заслуживающая болѣе, нежели бѣглый взглядъ разсѣяннаго читателя, есть „Обозрѣніе Русской Словесности 1829 года“, сочиненіе Г-на Кирѣевскаго. Авторъ принадлежитъ къ молодой школѣ Московскихъ Литераторовъ, школѣ, которая основалась подъ вліяніемъ новѣйшей Нѣмецкой Философіи, и которая уже произвела Шевырева, заслужившаго одобрительное вниманіе великаго Гете, и Д. Веневитинова, такъ рано оплаканнаго друзьями всего прекраснаго. Нѣсколько критическихъ статей Г. Кирѣевскаго были напечатаны въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и обратили на себя вниманіе малаго числа истинныхъ цѣнителей дарованія. Вѣроятно, „Обзоръ“ Г. Кирѣевскаго сдѣлаетъ большее впечатлѣніе не потому, что мысли въ немъ зрѣлѣе (что, впрочемъ, неоспоримо, несмотря на слишкомъ систематическое умонаправленіе Автора), но потому только, что нѣкоторыя изъ его мнѣній выражены рѣзко и неожиданно.

Г. Кирѣевскій, ставя успѣхи гражданственности выше славы воинскихъ подвиговъ, въ началѣ статьи своей признаетъ изданіе новаго Цензурнаго Устава „важнѣйшимъ событіемъ для блага Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ, и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Араратомъ, важнѣе взятія Арзерума, и той славной тѣни, которую бросили Рускія знамена на стѣны Царьградскія“. Онъ приписываетъ сему Уставу уже замѣтное движеніе въ текущей Словесности прошедшаго года. „Наши Журналы заимствовали болѣе изъ Журналовъ иностранныхъ: переводы, хотя по большей части дурные, передавали намъ болѣе слѣдовъ умственной жизни нашихъ сосѣдей и отъ того вся Литература наша непримѣтно приближалась болѣе къ жизни обще-Европейской. Самыя перебранки нашихъ Журналовъ, ихъ неприличныя критики, ихъ дикій тонъ, ихъ странныя личности, ихъ вѣжливости „мегородскія“,—все это было похоже на нестройныя движенія разпелетаго ребенка: движенія, необходимыя для развитія силы, для будущей красоты и здоровья“.

Сначала, разсматривая характеръ Словесности XIX-го столѣтія, Г. Кирѣевскій говоритъ о тѣхъ писателяхъ, кои по его мнѣнію опредѣлили духъ нашей Литературы; но прежде посвящаетъ краснорѣчивую страницу памяти того *„кто подвинулъ на полвѣка образованность“* нашего народа, кто всю жизнь употребилъ во благо отечества, кому и самъ Карамзинъ обязанъ, можетъ быть, своею первою образованностію. „Овъ умеръ недавно (говоритъ Г. Кирѣевскій), почти всѣми забытый, близъ той Москвы, которая была свидѣтельницею и средоточіемъ его блестящей дѣятельности. Имя его едва извѣстно теперь большей части нашихъ современниковъ, и если бы Карамзинъ не говорилъ объ немъ, то можетъ быть многіе, читая эту статью, въ первый разъ услышали бы о дѣлахъ Новикова и его товарищей, и усомнились бы въ достовѣрности столь близкихъ къ намъ событій. Память объ немъ почти изчезла: участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности; многихъ уже нѣтъ; но дѣло, ими совершенное, осталось: оно живетъ, оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности потомства.

„Новиковъ не разпространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10 тысячъ рублей; черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было уже 20, и книгъ продавалось на 200.000. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; разпускалъ почти даромъ тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными; заставлялъ переводить книги полезныя, повсюду распространялъ участниковъ своей дѣятельности, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія, почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: рожденія *общаго мнѣнія*“.

Признавъ филантропическое вліяніе Карамзина за характеръ первой эпохи Литературы XIX-го столѣтія, идеализмъ Жуковскаго за средоточіе второй, и Пушкина, поэта дѣйствительности, за представителя третьей, Авторъ приступаетъ къ обозрѣнію Словесности прошлаго года.

„XII томъ „Исторіи Россійскаго Государства“, послѣдній плодъ трудовъ великихъ, послѣдній подвигъ жизни полезной, священной для каждаго Рускаго, кажется, еще превзошелъ прежніе силою краснорѣчія, обширностью объема, вѣрностью изображеній, ясностью, стройностью картинъ и этимъ ровнымъ блескомъ, этою чистотою, твердостью брилліантовою Карамзинскаго слога. Вообще достоинство его Исторіи ростетъ вмѣстѣ съ жизнію протекшихъ временъ. Чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ полнѣе разкрывается передъ нами судьба нашего отечества; чѣмъ сложнѣе картина событій, тѣмъ она стройнѣе отражается въ зеркалѣ его воображенія, въ этой чистой совѣсти нашего народа“.

Въ число историческихъ сочиненій, Г. Кирѣевскій включаетъ и поэму „Полтаву“. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ, „изъ двадцати критикъ, вышедшихъ на эту поэму, болѣе половины разсуждало о томъ, дѣйствительно ли согласны съ Исторіей описанныя въ ней лица и произшествія. — Критики не могли сдѣлать большой похвалы Пушкину“. Признавая въ сей поэмѣ большую зрѣлость таланта, онъ осуждаетъ въ ней недостатокъ единства интереса, „единственнаго изъ всѣхъ единствъ, коего несоблюденіе не прощается законами либеральной піитики“. Этимъ изъясняетъ онъ малый успѣхъ, который имѣла послѣдняя и едва ли не лучшая изъ поэмъ А. Пушкина.

„Жуковскій“, продолжаетъ Авторъ, „напечаталъ въ прошедшемъ году свое „Море“, „Пѣснь побѣдителей“ изъ Шиллера, и связанные отрывки изъ Иліады. Здѣсь въ первый разъ увидѣли мы въ Гомерѣ такое качество, котораго не находили въ другихъ переводахъ: что у другихъ напыщенно и низко, то здѣсь просто и благородно; что у другихъ бездушно и вяло, здѣсь сильно, мужественно и трогательно; здѣсь все тепло, все возвышенно, каждое слово отъ души. Можетъ-быть это-то и ошибка, если прекрасное можетъ быть ошибкою“.—Авторъ имѣлъ въ виду Кострова: въ прошломъ году мы не гордились еще „Иліадою“ Гнѣдича.

„Море Жуковскаго живо напоминаетъ всю прежнюю его поэзію. Тѣ же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, всѣ струны прежней его лиры отозвались здѣсь въ одномъ душевномъ звукѣ. Есть однако отличіе: что-то больше задумчивое, нежели въ прежней его поэзіи“.

Изъ молодыхъ поэтовъ Нѣмецкой школы, Г. Кирѣевскій упоминаетъ о Шевыревѣ, Хомяковѣ и Тютчевѣ. Истинный талантъ двухъ первыхъ неоспоримъ. По Хомяковъ написалъ „Ермака“, и сія трагедія уже заслуживаетъ особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиленія внушило молодому Критику нѣсколько трогательныхъ строкъ. Онъ говоритъ о своемъ другѣ, о *лучшемъ изъ избранныхъ*, о покойномъ Веневитиновѣ.

„Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его Поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его Философіи. Кто вдумается съ любовью въ

*) См. „Остаф. Архивъ“, т. III, стр. 201, письмо № 723.

сочиненія Веневитинова (ибо одна любовь даетъ намъ полное разумѣніе); кто въ этихъ разорванныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ произхожденія, единственно одушевлявшаго ихъ существа, кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройною жизнью души поэтической, — тотъ узнаетъ Философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка; тотъ узнаетъ Поэта глубокаго, самобытнаго, котораго каждое чувство освѣщено мыслію, каждая мысль согрѣта сердцемъ: котораго мечта не украшается искуствомъ, но сама собою родится прекрасная; котораго лучшая пѣснь — есть собственное бытіе, свободное развитіе его полной, гармонической души. Ибо щедро природа надѣлила его своими дарами, и ихъ разнообразіе согласила равновѣсіемъ. Отъ того все прекрасное было ему родное; отъ того въ познаніи самого себя находилъ онъ рѣшеніе всѣхъ тайнъ искуства, и въ собственной душѣ прочелъ начертаніе высшихъ законовъ, и созерцалъ красоту созданія. Отъ того природа была ему доступною для ума и для сердца, онъ могъ

«Въ ея таинственную грудь
«Какъ въ сердце друга заглянуть.

„Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа, и самая фантазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія. Это доказываетъ, что онъ былъ рожденъ еще болѣе для Философіи, нежели для Поэзіи. Прозаическія сочиненія его, которыя печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ, еще подтвердятъ все сказанное нами“.

Тутъ критикъ сильно и остроумно доказываетъ преимущественную пользу Нѣмецкихъ Философовъ на тѣхъ изъ нашихъ Писателей, которые, не отличаясь личнымъ дарованіемъ, тѣмъ яснѣе показываютъ достоинство чужаго или пріобрѣтеннаго.

„Здѣсь господствуютъ два рода Литераторовъ: одни слѣдуютъ направленію Французскому, другіе Нѣмецкому. Что встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ первыхъ? *Мыслей* мы не встрѣчаемъ у нихъ (ибо мысли, собственно Французскія, уже стары, слѣд. не мысли, а общія мѣста: сами Французы заимствуютъ ихъ у Нѣмцевъ и Англичанъ). Но мы находимъ у нихъ *игру словъ*, рѣдко, весьма рѣдко, и то случайно соединенную съ остроуміемъ, и шутки, почти всегда лишенныя вкуса, часто лишенныя всякаго смысла. И можетъ ли быть иначе? — Остроуміе и вкусъ воспитываются только въ кругу лучшаго общества; а многіе ли изъ нашихъ Писателей имѣютъ счастіе принадлежать къ нему?

„Напротивъ того, въ произведеніяхъ Литераторовъ, которые напитаны чтеніемъ Нѣмецкихъ умствователей, почти всегда найдемъ мы что-нибудь достойное уваженія, хотя тѣнь мысли, хотя стремленіе къ этой тѣни“.

Въ Князѣ Вяземскомъ Г. Кирѣевскій видитъ доказательство, что истинный талантъ блеститъ вездѣ, во всякомъ направленіи, подъ всякимъ вліяніемъ.

„Однако жь“, говоритъ Авторъ, „и Князь Вяземскій, несмотря на всѣ свои дарованія, несмотря на то, что мы можемъ назвать его остроумнѣйшимъ изъ нашихъ Писателей, еще выше тамъ, гдѣ, какъ въ „уныніи“, голосъ сердца слышнѣе ума“.

Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ людей, утверждающихъ, что Французское направленіе господствуетъ также и въ произведеніяхъ Баратынскаго. Онъ видитъ въ немъ Поэта самобытнаго, *своеобразнаго*.

„Чтобы *дослышать* всѣ *оттѣнки* лиры Баратынскаго, надобно имѣть и тоньше слухъ и больше вниманія, нежели для другихъ Поэтовъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда, — вѣрный признакъ Поэзіи, сомкнутой въ собственномъ бытіи, но доступной не для всякаго. Даже въ художественномъ отношеніи, многіе ли способны оцѣнить вполнѣ достоинство его стиховъ, эту мѣрность изящную, эту благородную *щеголеватость*?—Но если бы идеалъ лучшаго общества явился вдругъ въ какой-нибудь неизвѣстной намъ столицѣ, то въ его избранномъ кругу не знали бы другого языка“.

Авторъ справедливо ставитъ „Эду“, одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній элегической поэзіи, выше „Бальнаго вечера“, поэмы, болѣе блестящей, но менѣе изящной, менѣе трогательной, менѣе вольно и глубоко вдохновенной. Опредѣляя характеръ поэзіи Барона Дельвига, Критикъ говоритъ: „Всякое подражаніе по системѣ должно быть холодно и бездушно. Только подражаніе изъ любви можетъ быть поэтическимъ и даже творческимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ, можемъ ли мы совершенно забыть самихъ себя? и не отъ того ли мы и любимъ образецъ нашъ, что находимъ въ немъ черты, соотвѣтствующія требованіямъ нашего духа? — Вотъ отъ чего новѣйшіе всегда остаются новѣйшими во всѣхъ удачныхъ подражаніяхъ древнимъ; скажу болѣе: нѣтъ ни одного истинно-изящнаго перевода древнихъ классиковъ, гдѣ бы не легли слѣды такого состоянія души, котораго не знали наши праотцы по уму. Чувство религіозное, коимъ мы обязаны Христіанству; романическая любовь, подарокъ Арабовъ и варваровъ; уныніе, дитя Сѣвера и зависимости; всякаго рода фанатизмъ, необходимый плодъ борьбы вѣковыхъ неустройствъ Европы съ порывами къ улучшенію; наконецъ перевѣсъ мысленности надъ чувствами, и оттуда стремленіе къ единству и сосредоточенію“... и пр.

Уголокъ мастерской Р. А. Берггольца. Къ 25-лѣтію его художественной дѣятельности. По фот. І. Глыбовскаго.

Разсуждая о нѣкоторыхъ произведеніяхъ драматической Музы нашей, Авторъ съ такою веселостію изображаетъ состояніе сцены, что мы, не раздѣляя вполнѣ его мнѣнія, не можемъ однако жь не выписать сего оригинальнаго мѣста.

„Вообще нашъ Театръ представляетъ странное противорѣчіе съ самимъ собою: почти весь репертуаръ нашихъ комедій состоитъ изъ подражаній Французамъ, и не смотря на то, именно тѣ качества, которыя отличаютъ комедію Французскую ото всѣхъ другихъ: вкусъ, приличность, остроуміе, чистота языка, и все, что принадлежитъ къ необходимостямъ хорошаго общества,—все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вмѣсто того, чтобы быть зеркаломъ нашей жизни, служитъ увеличительнымъ зеркаломъ для однѣхъ лакейскихъ нашихъ, далѣе которыхъ не проникаетъ наша комическая Муза. Въ лакейской она *дома*, тамъ ея и гостиная, и кабинетъ, и уборная: тамъ проводитъ она весь день, когда не ѣздитъ на запяткахъ дѣлать визиты Музамъ сосѣднихъ Государствъ, и чтобы Рускую Талію изобразить похоже, надобно представить ее въ ливреѣ и въ сапогахъ.

„Таковъ общій характеръ нашихъ оригинальныхъ комедій, еще не измѣненный немногими, рѣдкими исключеніями. Причина этого характера заключается отъчасти въ томъ, что отъ Фонъ-Визина до Грибоѣдова *) мы не имѣли ни одного истиннаго комическаго таланта, а извѣстно, что необыкновенный человѣкъ, какъ необыкновенная мысль, всегда даютъ одностороннее направленіе уму: что перевѣсъ силы уравновѣшивается только другою силою: что вредъ генія исправляется явленіемъ другаго, противодѣйствующаго.

„Между тѣмъ можно бы замѣтить нашимъ комическимъ Писателямъ, что они поступаютъ неразчетливо, избирая *такое* направленіе. За простымъ народомъ имъ не угнаться, и какъ ни низокъ языкъ ихъ, какъ ни богаты неприличностями ихъ удалыя шутки, какъ ни грубы ихъ фарсы, которымъ хохочетъ раекъ; но они никогда не достигнутъ до своего настоящаго идеала, и всѣ комедіи ихъ—любой извощикъ убьетъ однимъ словомъ“.

*) Кажется, Авторъ выразился ошибочно. Не хотѣлъ ли онъ сказать: „кромѣ Фонъ-Визина и Грибоѣдова“?

Исчисляя переводы, явившіеся въ теченіе 1829 года, Авторъ замѣчаетъ, что шесть иностранныхъ Поэтовъ раздѣляютъ преимущественно любовь нашихъ Литераторовъ: Гете, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Муръ и Мицкевичь.

Пропустивъ нѣкоторыя сочиненія, болѣе или менѣе замѣчательныя, но не входящія въ область чистой Литературы, Авторъ обращается къ сочиненіямъ въ родѣ повѣствовательномъ. Прошлый годъ богатъ былъ оными: но „Иванъ Выжигинъ“, безспорно, болѣе всѣхъ достоинъ былъ вниманія по своему чрезвычайному успѣху. Два изданія разошлись менѣе чѣмъ въ одинъ годъ: третье готовится. Г. Кирѣевскій произноситъ ему строгій и рѣзкій приговоръ *), не изъясняя однако жь удовлетворительно неимовѣрнаго успѣха нравственно-сатирическаго романа Г. Булгарина.

„Замѣчательно“, говоритъ Г. Кирѣевскій, „что въ прошедшемъ году вышло около 100,000 экземпляровъ азбуки Руской, около 60,000 азбуки Славянской, 60,000 экз. Катихизиса, около 15,000 азбуки Французской, и вообще учебныя книги разходились въ этомъ году почти цѣлою третью болѣе, нежели въ прежнемъ. Вотъ что намъ нужно, чего недостаетъ намъ, чего по справедливости требуетъ Публика“.

Спѣшимъ окончить сіе слишкомъ уже пространное изложеніе. Г. Кирѣевскій, вкратцѣ упомянувъ о Журналахъ, о духѣ ихъ полемики, объ Альманахахъ, о переводахъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ сочиненій, заключаетъ свою статью слѣдующимъ печальнымъ размышленіемъ: „Но если мы будемъ разсматривать нашу Словесность въ отношеніи къ Словесностямъ другихъ Государствъ, если просвѣщенный Европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: „Гдѣ Литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ Европою?“—„Что будемъ отвѣчать ему?—

„Мы укажемъ ему на „Исторію Россійскаго Государства“; мы представимъ ему нѣсколько одъ Державина, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, нѣсколько басенъ Крылова, нѣсколько сценъ изъ Фонъ-Визина и Грибоѣдова, и—гдѣ еще найдемъ мы произведеніе достоинства Европейскаго?

„Будемъ безпристрастны, и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ Литературы. Но утѣшимся: у насъ есть благо, залогъ всѣхъ другихъ: у насъ есть надежда и мысль о великомъ назначеніи нашего Отечества!“—

Мы улыбнулись, прочитавъ сей меланхолической эпилогъ. Но замѣтимъ Г-ну Кирѣевскому, что тамъ, гдѣ двадцати-трехъ-лѣтній Критикъ могъ написать столь занимательное, столь краснорѣчивое „Обозрѣніе Словесности“, тамъ есть Словесность—и время зрѣлости оной уже недалеко.

*) См. Девница, Обозр. Р. С. стр. LXXII.

Академикъ Р. А. Берггольцъ. Къ 25-лѣтію его художественной дѣятельности. По фот. І. Глыбовскаго.

„Поэтъ дѣйствительности“.

Послѣсловіе къ предыдущей статьѣ. **Н. О. Лернера.**

Пушкинъ оцѣнилъ въ И. В. Кирѣевскомъ, уже прежде привлекшемъ къ себѣ благосклонное вниманіе поэта и читателей замѣчательной статьей „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“ („Московск. Вѣстникъ“ 1828 г.), своего надежнаго союзника и крупную литературную силу. „Онъ,—писалъ Кирѣевскій 15 января 1830 г. роднымъ:—сдѣлалъ мнѣ три короба комплиментовъ объ моей статьѣ“ (Сочин. И. Кирѣевскаго, изд. 1911 г., I, 18). Но ограничиваясь „комплиментами“, Пушкинъ хотѣлъ обратить вниманіе публики на это замѣчательное литературное явленіе и въ рядѣ извлеченій изъ статьи Кирѣевскаго популяризовать его взгляды на современное положеніе русской литературы, а также высказать свой: что время ея зрѣлости приближается. Великій поэтъ не могъ не сознавать, что самъ онъ—вѣрнѣйшее знаменіе зрѣлости русской литературы. Тутъ онъ говоритъ подлинно, какъ „власть имѣющій“. Почти нѣсколькими днями раньше онъ писалъ въ той же „Литературной Газетѣ“ (№ 3): „въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что „Литературная Газета“ у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однако жъ произведенія нашей литературы какъ ни рѣдки, но являются“... Въ одной изъ своихъ замѣтокъ, вѣроятно, тоже 1830 года, онъ говоритъ: „какъ наша словесность съ гордостью можетъ выставить передъ Европою „Исторію“ Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ „Иліады“, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло“. Здѣсь Пушкинъ намекаетъ, между прочимъ, и на статью Кирѣевскаго. Въ слѣдующемъ году онъ опять вспомнилъ объ этомъ „краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности“ и еще года три-четыре спустя писалъ („Мысли на дорогѣ“) объ „опытахъ Кирѣевскаго, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews“.

Едва ли Пушкинъ раздѣлялъ всѣ общіе взгляды Кирѣевскаго, который, обосновывая идеалистическое славянофильство, отдавалъ Россіи скипетръ духовнаго главенства надъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, уже готовый выпасть изъ дряхлѣющихъ рукъ великихъ западныхъ народовъ, попеременно владѣвшихъ имъ. Это положеніе трезвый и осторожный Пушкинъ обошелъ молчаніемъ,—тѣмъ болѣе, что у Кирѣевскаго оно лишено всякой аргументаціи и производитъ даже впечатлѣніе чего-то неожиданнаго. Оставляя въ сторонѣ „прогнозъ“, Пушкинъ заинтересовался лишь „діагнозомъ“, такимъ вѣрнымъ и мѣткимъ.

Замѣчательно опредѣленіе, которое даетъ Пушкинъ самому себѣ: „поэтъ дѣйствительности“. Кирѣевскій характеризуетъ эпоху Пушкина, какъ періодъ „стремленія къ лучшей дѣйствительности“, „уваженія къ дѣйствительности“; говоритъ, что его цѣль — „воплотить поэзію въ дѣйствительность“, но краткая формула „поэтъ дѣйствительности“ принадлежитъ самому Пушкину. Интересно мнѣніе поэта о своей „Полтавѣ“:—„едва ли не лучшая изъ поэмъ А. Пушкина“. Вскорѣ Пушкинъ говорилъ о ней: „сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся“. Упоминанія объ „Ермакѣ“ Хомякова, объ изучающихъ нѣмецкую философію московскихъ „любомудрахъ“, о Баратынскомъ и его „Эдѣ“, объ „Иванѣ Выжигинѣ“ Булгарина связываютъ рецензію Пушкина съ многими другими, болѣе подробными его критическими заключеніями.

Новый мѣстный судъ и новыя правила веденія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Очеркъ **Г. Вольтке.**

Законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда внесъ большія измѣненія въ устройство низшихъ судовъ, а также въ судопроизводство какъ мировыхъ, такъ и общихъ судебныхъ установленій. До изданія этого закона въ большинствѣ губерній Россіи (43 губерніи Европейской Россіи) судебная власть по менѣе важнымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ принадлежала назначаемымъ правительствомъ земскимъ начальникамъ, городскимъ судьямъ и уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ, замѣнившимъ въ 1889 г. выборныхъ мировыхъ судей. Для крестьянъ существовали волостные суды изъ крестьянъ, назначаемыхъ земскимъ начальникомъ, совершенно оторванные отъ прочихъ судебныхъ учрежденій и руководствовавшіеся особыми, изданными для нихъ, правилами и судебниками, а главнымъ образомъ — мѣстными обычаями.

Земскіе начальники и городскіе судьи разбирали иски на сумму не свыше 300 р. и уголовныя дѣла, предусмотрѣнныя Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, а также менѣе важныя нарушенія Устава объ акцизныхъ сборахъ.

Уѣздные члены окружныхъ судовъ рѣшали гражданскія и уголовныя дѣла, превышавшія подсудность земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, но не выходившія за предѣлы подсудности бывшихъ мировыхъ судей, какъ-то иски на сумму отъ 300 до 500 р. и т. п.

Различны были и учрежденія, рѣшавшія дѣла по жалобамъ на упомянутые выше суды. Для волостныхъ судовъ, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей второй инстанціей являлись уѣздные съѣзды, состоявшіе изъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, уѣзднаго члена и товарища прокурора окружнаго суда и почетныхъ мировыхъ судей подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, а кассаціонной — губернскія присутствія, учрежденія административныя, въ коихъ предсѣдательствуетъ губернаторъ, при чемъ въ составѣ этого присутствія имѣются только два представителя судебнаго вѣдомства: предсѣдатель или членъ окружнаго суда и прокуроръ или его товарищъ.

Для уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ апелляціонной инстанціей являлись окружные суды, а кассаціонной—гражданскій или уголовный кассаціонный департаментъ Сената.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было введено Положеніе о земскихъ начальникахъ (города Вильна и Астрахань, губерніи: Юго-Западныя, Прибалтійскія, Архангельская, Измаильскій уѣздъ Бессарабской губ., Царство Польское, Кавказъ, Сибирь, Туркестанъ, Средняя Азія), дѣйствовали мировые судьи, назначенные правительствомъ. Лишь въ 8 значительнѣйшихъ городахъ Имперіи (Петербургъ, Москва, Одесса, Харьковъ, Саратовъ, Казань, Нижній-Новгородъ и Кишиневъ), въ Донской области и въ Петербургскомъ уѣздѣ Петербургской губ. мировые судьи избирались городскими думами.

Эту чрезвычайную пестроту судебныхъ порядковъ законъ 15 іюня 1912 г. въ значительной степени устраняетъ. Судебная власть по менѣе важнымъ дѣламъ сосредоточивается у мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ: земскіе начальники лишаются ея, городскіе судьи и уѣздные члены окружныхъ судовъ упраздняются. Хотя для крестьянъ остаются сословные волостные суды, но они введены въ связь съ безсословными мировыми судами, такъ какъ апелляціонной инстанціей является для нихъ верхній сельскій судъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ мировой судья (членами верхняго сельскаго суда состоятъ предсѣдатели волостныхъ судовъ по установленной очереди).

Кассаціонной инстанціей для верхняго сельскаго суда служитъ мѣстный мировой съѣздъ.

Такимъ образомъ волостные суды, состоящіе изъ выборныхъ крестьянъ и рѣшающіе дѣла главнымъ образомъ по мѣстнымъ обычаямъ, поставлены теперь въ связь съ мировыми судебными учрежденіями, дѣйствующими по закону. Къ тому же новымъ волостнымъ судамъ предписано обращаться къ постановленіямъ Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства о порядкѣ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ во всѣхъ случаяхъ, когда волостной судъ затруднится рѣшить дѣло на основаніи преподанныхъ ему новымъ закономъ правилъ и установившейся въ волостныхъ судахъ практики. Прежніе волостные суды эти Уставами не руководствовались. Что касается уголовныхъ дѣлъ, то новые волостные суды при опредѣленіи наказаній должны примѣнять Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Лишь въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ новые волостные суды не связаны общими гражданскими законами, изложенными въ X томѣ Свода Зак., и могутъ рѣшать дѣла по мѣстнымъ обычаямъ. Но постоянная связь, установленная между новыми волостными судами и мировыми судами, примѣняющими общіе гражданскіе законы, постепенно приведетъ къ тому, что новые волостные суды привыкнутъ основывать свои рѣшенія и по гражданскимъ дѣламъ на общемъ законѣ и примѣнять по всѣмъ вообще дѣламъ общія правила судопроизводства. Компетенція новыхъ волостныхъ судовъ сравнительно съ прежними значительно сокращена. Волостнымъ судамъ подсудны лишь самыя мелкія дѣла, а именно иски о движимости, по домашнимъ договорамъ (кромѣ векселей), о вознагражденіи за убытки на сумму не болѣе 100 руб., дѣла по наслѣдованію (не исковыя) и о раздѣлахъ между наслѣдниками крестьянскаго движимаго имущества цѣнностью не болѣе 500 руб., если оно, не составляя принадлежности крестьянскаго надѣла, оказалось однако въ предѣлахъ волостного судебнаго участка, и на неограниченную сумму, если оно входитъ въ составъ этого надѣла или составляетъ его принадлежность. Изъ дѣлъ о недвижимомъ имуществѣ волостному суду подсудны иски о правахъ на надѣльныя земли, находящіяся въ общинномъ пользованіи, и о возстановленіи нарушеннаго или утраченнаго владѣнія такими землями, если со времени нарушенія или утраты прошло не болѣе года. Изъ подсудности волостныхъ судовъ изъяты иски крестьянъ о земляхъ внѣнадѣльныхъ и объ участкахъ отрубного владѣнія. Изъ дѣлъ уголовныхъ волостному суду подсудны лишь немногіе болѣе мелкіе проступки, указанные въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, наказуемые денежными взысканіями не свыше 100 руб. или арестомъ не свыше одного мѣсяца.

Рис. 1. **Каѳедральный соборъ въ Санъ-Доминго, гдѣ покоятся останки Христофора Колумба.**

Кругъ лицъ, обязанныхъ судиться въ новыхъ волостныхъ судахъ, ограниченъ: 1) крестьянами, 2) лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію (мѣщане и ремесленники, постоянно живущіе въ селеніяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ), и 3) сельскими обществами. Если отвѣтчикомъ является лицо, не подвѣдомственное крестьянскому общественному управленію, то волостной судъ не въ правѣ принять къ своему производству искъ крестьянина или лица, ему подвѣдомственнаго. Но лицо, не подвѣдомственное крестьянскому общественному управленію, имѣетъ право предъявить искъ къ лицу, подвѣдомственному этому управленію, въ волостномъ судѣ. По соглашенію между истцомъ и отвѣтчикомъ иски, подсудные волостному суду, могутъ быть предъявляемы и у мировыхъ судей также и крестьянами и лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію. Что касается уголовныхъ дѣлъ, то волостному суду подсудны лишь преступныя дѣянія крестьянъ и лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію, если они возникли въ предѣлахъ волостного судебнаго участка. Если въ совершеніи проступка участвовало вмѣстѣ съ этими лицами и лицо, волостному суду не подвѣдомственное, то дѣло это передается мировому судьѣ. Если потерпѣвшимъ отъ преступнаго дѣянія лица, подвѣдомственнаго волостному суду, является лицо, не подвѣдомственное крестьянскому общественному управленію, то оно въ правѣ обратиться съ жалобой, по своему усмотрѣнію, или въ волостной судъ, или къ мировому судьѣ.

Такимъ образомъ законодатель предоставилъ самому населенію выбрать себѣ тотъ или иной мѣстной судъ: крестьянскій или мировой. Выборъ этотъ, конечно, опредѣлится въ зависимости отъ того, какой изъ этихъ судовъ пріобрѣтетъ больше довѣрія у мѣстнаго населенія.

Значительныя измѣненія введены и въ организацію мирового суда. Выборъ мировыхъ судей предоставленъ органамъ общественнаго самоуправленія: уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, а въ нѣсколькихъ значительнѣйшихъ городахъ — городскимъ думамъ. Изъятіе изъ этого правила установлено лишь для девяти губерній западныхъ, а также Астраханской (кромѣ г. Астрахани), Оренбургской и Ставропольской. Кругъ лицъ, изъ которыхъ могутъ быть выбираемы мировые судьи, по новому закону значительно расширенъ.

Прежде лицо, желающее баллотироваться въ мировые судьи, обязано было владѣть недвижимымъ имуществомъ опредѣленной цѣнности. Теперь отъ этого условія освобождены мѣстные жители, окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, если они въ той губерніи, гдѣ производятся выборы, занимали или занимаютъ не менѣе трехъ лѣтъ какую-либо судебную должность не ниже земскаго участковаго начальника, исполнявшаго до изданія новаго закона судейскія обязанности, мирового или городского судьи, судебнаго слѣдователя или товарища прокурора окружнаго суда, или состояли въ теченіе того же срока присяжными повѣренными или нотаріусами, или состоятъ старшими кандидатами на судебныя должности.

Рис. 2. **Серебряная дощечка съ надписями, два винта, которыми она была прикрѣплена, и пуля, остававшаяся въ тѣлѣ Колумба,— вещи, найденныя въ свинцовомъ ящикѣ, вырытомъ въ соборѣ въ Санъ-Доминго.**

Рис. 3. **Мавзолей Христофора Колумба въ соборѣ въ Санъ-Доминго.**

Если указанные выше мѣстные жители съ высшимъ юридическимъ образованіемъ не имѣютъ судебнаго опыта, пріобрѣтаемаго службою въ упомянутыхъ должностяхъ, то имъ разрѣшается все же баллотироваться въ мировые судьи, если они сами, родители ихъ или жены владѣютъ не менѣе года недвижимымъ имуществомъ, стоящимъ вдвое менѣе той суммы, которая требуется для другихъ лицъ, не обладающихъ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Размѣръ этой суммы (имущественнаго ценза) для всѣхъ вообще лицъ, желающихъ быть избранными въ мировые судьи, уменьшенъ вдвое противъ прежняго въ отношеніи земельныхъ имуществъ внѣ городовъ: прежде надо было имѣть для этого земли вдвое противъ того, что требуется для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія: теперь достаточно имѣть только такое количество земли, которое имѣетъ каждый земскій избиратель. Только для столицъ и городовъ съ населеніемъ свыше 100.000 человѣкъ имущественный цензъ повышенъ: для первыхъ — съ 6.000 руб. до 15.000 руб., а для вторыхъ съ 3.000 руб. до 6.000 руб.

Наконецъ отъ образовательнаго ценза, необходимаго для всѣхъ вообще мировыхъ судей (высшее или среднее образованіе), и служебнаго судебнаго опыта (но не отъ полнаго имущественнаго ценза) освобождены предводители дворянства и секретари мирового съѣзда, а также служившіе до введенія закона о преобразованіи мѣстнаго суда земскіе участковые начальники и секретари уѣзднаго съѣзда, если всѣ эти лица занимали упомянутыя должности не менѣе шести лѣтъ. Только въ случаѣ недостатка лицъ, которыя могли бы быть избраны въ участковые мировые судьи, недостающее до установленнаго комплекта число судей назначается, и то лишь временно, до слѣдующихъ выборовъ, 1-мъ Департаментомъ Сената по представленію министра юстиціи изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть выбранными въ мировые судьи.

Гдѣ покоятся останки Колумба?

Предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ въ семи городахъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Кишиневѣ, Одессѣ и Казани) избираются мировыми судьями изъ своей среды, а въ прочихъ мѣстностяхъ — назначаются Высочайшей властью по представленію министра юстиціи изъ лицъ, прослужившихъ мировыми судьями не менѣе трехъ лѣтъ или имѣющихъ право на занятіе должности по судебному вѣдомству не ниже члена окружнаго суда.

Судебныя права мировыхъ судей по закону 15 іюня 1912 г. очень расширены. По гражданскимъ дѣламъ мировые судьи могли рѣшать дѣла по искамъ на сумму не болѣе 500 р. Теперь эта сумма увеличена вдвое: до одной тысячи руб. Прежде мировой судья не имѣлъ права рѣшать дѣла по спорамъ о правахъ на недвижимое имущество, какъ бы незначительна ни была цѣнность оспариваемаго имущества. Теперь мировому судьѣ подсудны и споры о правахъ на недвижимое имущество, если цѣна его не свыше одной тысячи рублей. Прежде мировой судья не имѣлъ права разбирать дѣла, въ которыхъ заинтересованы казенныя управленія (иски этихъ управленій и иски къ нимъ). Теперь это право ему предоставлено. Прежде мировой судья могъ разбирать дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія только въ томъ случаѣ, если со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ. Теперь этотъ срокъ увеличенъ до одного года. По уголовнымъ дѣламъ мировой судья могъ разбирать только проступки, перечисленные въ особомъ Уставѣ о наказаніямъ, налагаемыхъ мировыми судьями. По этому Уставу наказанія за проступки назначены слѣдующія: выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взысканія не свыше 300 р., арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ и заключеніе въ тюрьмѣ не свыше одного года и шести мѣсяцевъ. Впослѣдствіи мировому судьѣ предоставлено было право разбирать и другіе проступки, предусмотрѣнные въ Уставахъ казенныхъ управленій, а также нѣсколько преступныхъ дѣяній, указанныхъ въ Уложеніи о наказаніяхъ и даже въ Уголовномъ Уложеніи *), каковыя дѣянія облагаются наказаніями, не превышающими упомянутой выше подсудности.

Законъ 15 іюня 1912 г. предоставилъ мировымъ судьямъ право присуждать къ денежнымъ взысканіямъ и пенямъ не свыше одной тысячи рублей, къ аресту независимо отъ его срока и къ тюремному заключенію на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ $1^1/_2$ года, если только оно не соединено съ лишеніемъ правъ, и если вообще эти наказанія не влекутъ за собою воспрещенія участвовать въ общественномъ или сословномъ собраніи, высылки изъ мѣстъ жительства, закрытія или уничтоженія фабрикъ, заводовъ или иныхъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, или машинъ и орудій ихъ производства, закрытіе аптекъ и учебныхъ заведеній, или лишенія права производить торговлю или промыселъ, или заниматься опредѣленнаго рода дѣятельностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ мировые судьи получили право разбирать и такіе преступленія и проступки, которые упомянуты въ Уложеніи о наказаніяхъ и въ различныхъ Уставахъ, напечатанныхъ въ другихъ томахъ Свода Законовъ, если высшее наказаніе, опредѣленное въ законѣ, не выше того, которое является предѣльнымъ для власти мирового судьи. Нѣкоторыя однако преступленія, которыя по размѣру назначеннаго за нихъ наказанія могли быть подсудны мировому судьѣ, законъ 15 іюня 1912 г. изъялъ изъ подсудности мировыхъ судей особымъ постановленіемъ, въ которомъ перечислены всѣ изъятыя статьи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Уложеніе о Наказаніяхъ — составленный въ 1845 г. и впослѣдствіи дополненный и измѣненный вновь издаваемыми законами сборникъ законовъ о преступленіяхъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ и другимъ общимъ судебнымъ установленіямъ. Уголовное Уложеніе — утвержденный въ 1903 г. сборникъ уголовныхъ законовъ для всѣхъ вообще судовъ Имперіи, который долженъ былъ замѣнить устарѣвшее Уложеніе о наказаніяхъ. Однако введеніе въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія было отсрочено до изданія другихъ законовъ, а затѣмъ введены были въ дѣйствіе лишь немногія части его (о преступленіяхъ политическихъ, религіозныхъ и др.).

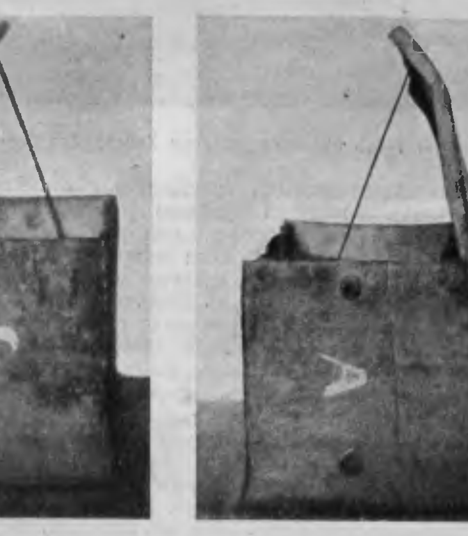


Рис. 4—6. Свинцовый ящикъ, найденный въ соборѣ въ Санъ-Доминго, на боковыхъ стѣнкахъ котораго сохранились начальныя буквы имени Христофора Колумба, и въ которомъ нашли его останки.

Рис. 7. Останки Христофора Колумба, хранимые въ его мавзолеѣ: свинцовый ящикъ, въ которомъ ихъ нашли, а на его крышкѣ—хрустальный ковчежецъ съ останками Колумба—кусочками его костей; на крышкѣ ковчежца—два гвоздя и пуля.

Гдѣ покоятся останки Колумба?

(Съ 7 рис. на стр. 435 и 436).

Въ біографіяхъ знаменитаго „descubridor'a" (открыватель) Америки, какъ его называютъ испанцы, обыкновенно сообщается, что онъ умеръ 10 мая 1506 года, въ возрастѣ 65 лѣтъ, въ Вальядомедѣ, что его останки были погребены въ одной изъ севильскихъ церквей, а затѣмъ перевезены на островъ Санъ-Доминго и съ тѣхъ поръ покоятся въ тамошнемъ каѳедральномъ соборѣ, который у испанцевъ считается примаціональною, т.-е. какъ бы домашнею церковью примаса, архіепископа Индій (испанцы называютъ Индію—las Indias, во множественномъ числѣ).

Но это мѣстонахожденіе останковъ Колумба не всѣми признавалось несомнѣннымъ. Иные думали, что его трупъ остался въ Испаніи. Вопросъ этотъ поднимался много разъ, поднялся еще разъ въ самое послѣднее время по очень своеобразному поводу и нынѣ считается уже окончательно рѣшенымъ въ пользу Санъ-Доминго.

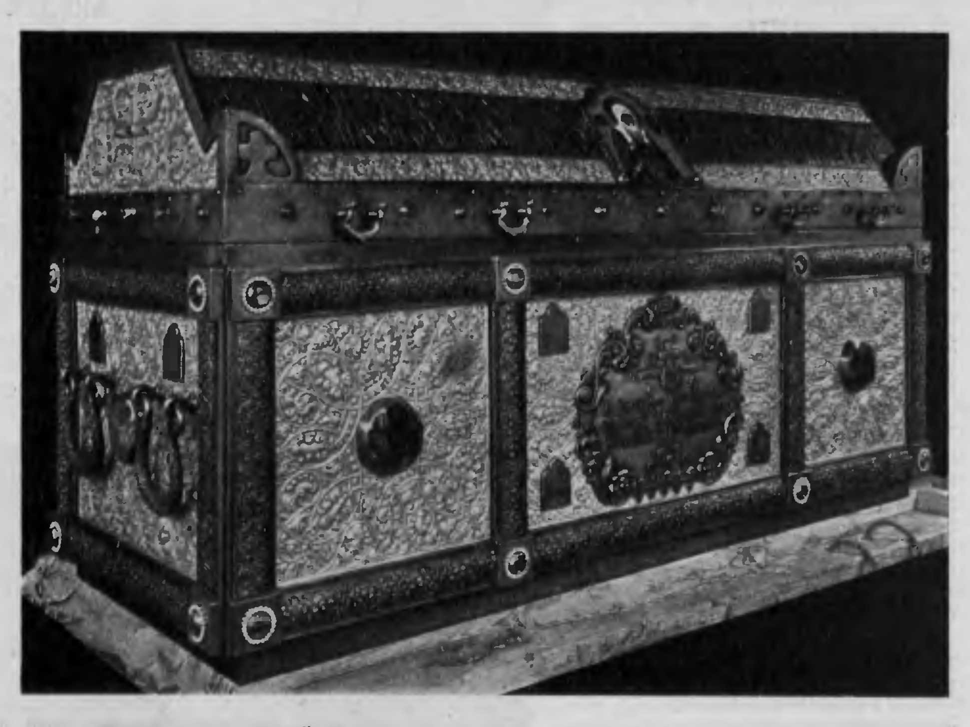
Вотъ какъ было дѣло. Приготовляясь къ торжественному открытію Панамскаго канала, американцы задумали рядъ самыхъ пышныхъ подробностей этого торжества и, между прочимъ, возымѣли мысль провезти останки Колумба во главѣ того кортежа, который первый пройдетъ по каналу, а затѣмъ направить въ Санъ-Франциско, гдѣ будетъ въ то время открыта всемірная выставка, и оставить здѣсь эту реликвію на все время выставки, чтобы публика, собравшаяся со всего свѣта, могла поклониться праху великаго мореплавателя. Правительство Соединенныхъ Штатовъ уже вошло по этому поводу въ переговоры съ правительствомъ республики Санъ-Доминго. Но прежде чѣмъ начать эти переговоры, американцы, помня, что мѣстонахожденіе праха Колумба подвержено сомнѣнію, произвели самое тщательное разслѣдованіе. И вотъ каковы были результаты этого разслѣдованія.

Какъ извѣстно, наградою за труды Колумба была черная неблагодарность со стороны испанцевъ. Послѣ первыхъ его тріумфовъ начались противъ него жесточайшія придворныя интриги, нашедшія откликъ въ сердцѣ сухого и замкнутаго эгоиста Фердинанда. Великій адмиралъ Индій умеръ бѣдный и покинутый. Его сынъ и наслѣдникъ всѣхъ его пышныхъ титуловъ могъ стать во главѣ правительства Индій лишь четыре года спустя по смерти отца, въ 1509 года. На него тоже взвели обвиненія въ превышеніи власти: онъ вернулся въ Испанію, цѣлыхъ десять лѣтъ хлопоталъ о возстановленіи своихъ правъ и умеръ въ 1526 г., ничего не добившись. Черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и сынъ его, тоже Діэго, послѣдній адмиралъ изъ Колумбова рода; съ нимъ прекращалось мужское потомство Колумба.

Тѣло Колумба, какъ удалось точно выяснить, первоначально было погребено въ мѣстѣ его кончины, въ Вальядолидѣ, въ монастырѣ св. Франциска, и лишь въ 1513 году перенесено въ Севилью, въ монастырь las Cuevas. Но Колумбъ еще при жизни постоянно высказывалъ желаніе быть погребеннымъ въ Санъ-Доминго: объ этомъ онъ ясно упоминалъ и въ своемъ завѣщаніи. Санъ-Доминго было колыбелью его славы. Это былъ второй островъ, открытый имъ послѣ того, какъ онъ переплылъ Атлантическій океанъ: первый былъ Санъ-Сальвадоръ, второй — Санъ-Доминго, который онъ назвалъ Испаньолою.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти общественное мнѣніе въ Испаніи приняло очень сочувственное ему настроеніе. Раньше этого „иностранца" (какъ извѣстно, Колумбъ былъ итальянецъ, родомъ изъ Генуи) за то и тѣснили, что онъ чужакъ имъ; теперь же стали имъ гордиться. Вспомнили перенесенныя имъ обиды и захотѣли отплатить ему, за неимѣніемъ лучшаго, хоть исполненіемъ его послѣдней воли. И вотъ тогда-то останки его самого и его сына Діэго были перенесены въ Санъ-Доминго и погребены въ мѣстномъ каѳедральномъ соборѣ. Хранилось преданіе, что останки Колумба зарыты въ соборѣ рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ хранится Евангеліе.

Въ 1795 году по Базельскому трактату Испанія уступила Франціи часть острова Санъ-Доминго, которая еще оставалась въ ея владѣніи. Испанцы, конечно, вспомнили о томъ, что прахъ Колумба покоится на территоріи, уступленной другому народу, и рѣшили взять его къ себѣ. Съ этою цѣлью 20 декабря 1795 г. была произведена раскопка въ томъ мѣстѣ собора, гдѣ, по преданію, былъ зарытъ прахъ Колумба. При раскопкѣ нашли кости, смѣшанныя съ обломками свинца, но не нашли ни надгробнаго камня ни надписи. Но всѣ принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ слѣпо вѣрили въ преданіе и не позаботились произвести необходимую провѣрку. Найденныя невѣдомыя кости перевезли на островъ Кубу и 20 январи 1796 г. торжественно помѣстили ихъ въ мавзолей, воздвигнутый для нихъ въ каѳедральномъ соборѣ города Гаванны. Когда же Куба была уступлена Соединеннымъ Штатамъ — и погребальная урна съ прахомъ Колумба была отправлена въ Севилью, гдѣ и пребываетъ поднесь.



Серебряная рака для св. мощей святителя Ермогена, сооруженная по повелѣнію и иждивеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, по проекту художника С. И. Вашкова, фабрикой Т-ва П. И. Оловянишникова С-я.

Облаченіе для св. мощей святителя Ермогена. Епитрахиль.

Облаченіе для св. мощей святителя Ермогена. Мантія.

Но обстоятельства, при которыхъ произошло вырытіе останковъ въ 1795 г., возбудили сомнѣнія въ обитателяхъ Санъ-Доминго. Могло ли быть, чтобы останки Колумба были столь скромно погребены? Шли толки о томъ, что тогда вышло какое-то недоразумѣніе. И вотъ скоро послѣ послѣдняго переноса останковъ эти толки подтвердились.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Санъ-Домингскомъ соборѣ приступили къ большому ремонту и, производя при этомъ раскопки, натолкнулись на свинцовый ящикъ, сильно пострадавшій отъ времени, и въ немъ кости. Въ первое время этой находкѣ не придали значенія. Но мѣстный археологъ Карлосъ Ноуель, заинтересовавшійся находкою, отчистилъ этотъ свинцовый ящикъ, и тогда на немъ обнаружилась надпись: „Адмиралъ донъ Луисъ Колумбъ, герцогъ де Верагуа". Этотъ Колумбъ былъ не кто иной, какъ внукъ Христофора. Тутъ только хватились и начали продолжать раскопки въ томъ же мѣстѣ, но уже съ величайшимъ тщаніемъ. Около могилы бригадира дона Хуана Санчеса Рамиреса нашли пустую могилу, вѣроятно, ту самую, изъ которой была сдѣлана выемка костей и свинца въ 1795 году. Раскопки продолжали и скоро вырыли прямоугольный свинцовый ящикъ, стоявшій на двухъ кирпичныхъ подпорахъ, шириною въ 22 сантиметра и длиною въ 44. На его крышкѣ послѣ ея отчистки выступила надпись: „D. de la A. P-er A-te", сокращеніе словъ: „Descubridor de la America, Primer Almirante" (открыватель Америки, первый адмиралъ). Внутри на крышкѣ была надпись готическими буквами: „Ill-tre y Esdo Varon Dn Cristóval Colon", т.-е. знаменитый и славный мужъ донъ Христофоръ Колумбъ. На двухъ поперечныхъ стѣнкахъ ящика и на передней стояли буквы: „C. C. A.", т.-е. Cristóval Colon Almirante. Внутри ящика нашли лишь осколки и пыль костей въ очень небольшомъ количествѣ. Нашли еще серебряную дощечку въ 87 милиметровъ длиною и 33 милиметра шириною съ надписями: на одной сторонѣ: „U...a p...te de los r...stos del p...mor Al-te. ON Cristoval Colon Des" (точки замѣняютъ стершіяся буквы), т.-е. Ultima parte de los restos del primor Almirante Don Cristoval Colon Descubridor" (Послѣдняя часть останковъ перваго Адмирала дона Христофора Колумба, открывателя). На другой сторонѣ той же серебряной дощечки была надпись: „A... Cristoval Colon" (адмиралъ Христофоръ Колумбъ). Пластиночка эта (всѣ остальные предметы изображены на прилагаемыхъ рисункахъ) была снабжена двумя дырочками и, вѣроятно, была привинчена внутри ящика двумя винтами, которые тутъ же и нашли. Слова „ultima parte" были истолкованы въ томъ смыслѣ, что тутъ все, что̀ осталось отъ праха великаго человѣка послѣ его переносовъ изъ Вальядолида въ Севилью, а изъ Севильи—въ Санъ-Доминго. Въ томъ же ящикѣ нашли еще овальную свинцовую пулю вѣсомъ въ 30 граммъ. Какъ извѣстно, Колумбъ въ молодости долго плавалъ въ восточной части Средиземнаго моря, ведя борьбу съ мусульманскими морскими разбойниками, свирѣпствовавшими въ тѣ времена, участвуя во множествѣ схватокъ съ ними. Въ одной изъ нихъ онъ былъ раненъ пулею, которую при его жизни не могли извлечь: рана отъ этой пули у него разболѣлась въ послѣдніе годы жизни и, причинивъ ему не мало страданій, вѣроятно, ускорила его смерть.

Тотчасъ вслѣдъ за этою находкою была образована спеціальная комиссія для строжайшаго обсужденія этихъ останковъ, которая и пришла къ заключенію объ ихъ несомнѣнной подлинности.

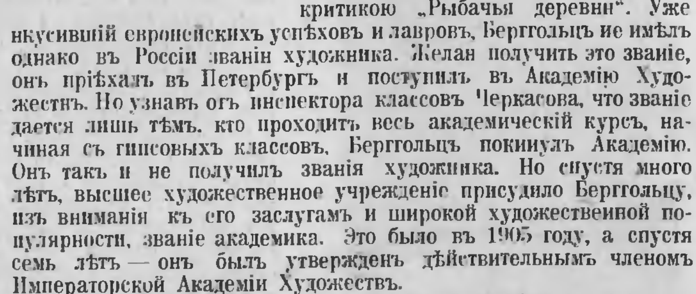
Жители Санъ-Доминго, желая почтить память великаго морехода достойной его могилою, воздвигли въ соборѣ великолѣпный мавзолей, украшенный барельефами, изображающими главныя событія его жизни. На этомъ-то мавзолеѣ, въ роскошной хрустальной, въ серебряной оправѣ, урночкѣ, положенной на тотъ же перегорѣвшій отъ ржавчины свинцовый ящикъ, лежитъ та ничтожная щепоть костяныхъ обломковъ и пыли, которая осталась отъ Христофора Колумба.

Надо полагать, что тѣ кости, которыя были выкопаны испанцами въ 1795 году, представляли останки старшаго сына Колумба, Діэго. По преданію, его прахъ былъ перевезенъ на Санъ-Доминго вмѣстѣ съ прахомъ его отца и, конечно, погребенъ рядомъ съ нимъ. Между тѣмъ, теперь около могилы Колумба оказалась пустая могила: тутъ, вѣроятно, и покоился прахъ его сына, его и вырыли испанцы въ 1795 году.

Академикъ Р. А. Берггольцъ.

(Къ 25-лѣтію художественной дѣятельности).

Академикъ живописи Р. А. Берггольцъ, четверть-вѣковой юбилей дѣятельности котораго недавно исполнился, безспорно принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ пейзажистовъ. Берггольцъ—русскій художникъ и русскій академикъ, однакоже картинами своими онъ гораздо ближе примыкаетъ къ западной. французской школѣ. Недаромъ онъ жилъ и работалъ во Франціи, пользуясь совѣтами и указаніями такой крупной величины въ области ландшафтной живописи, какъ Пелюзъ. Но отъ этого перваго профессора своего Берггольцъ не унаслѣдовалъ ни техники ни манеры подходить къ природѣ. И въ томъ и въ другомъ отношеніи Берггольцъ напоминаетъ скорѣе умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ французскаго пейзажиста Казэна. Если бъ понадобилось какъ-нибудь однимъ, двумя словами характеризовать Берггольца и его талантъ, назвавъ его русскимъ Казэномъ, никто ничего болѣе мѣткаго и лучшаго не придумалъ бы. Та же мягкая, меланхолическая поэзія, обволакивающая безхитростные, застѣнчивые пейзажи. Та же недоговоренность, неопредѣленность контура въ нѣжныхъ и мягкихъ аквареляхъ, тѣ же деревья, тоненькія, чуть-чуть убранныя листвою. Словомъ, Берггольцъ, подобно Казэну, какъ настоящій художникъ-поэтъ, никогда не искалъ красивыхъ, декоративныхъ ландшафтныхъ мотивовъ, отлично понимая, что настоящая художественная красота не въ живописности того или другого уголка, а въ томъ, какимъ настроеніемъ одухотворенъ хотя бы самый скромный, самый невыигрышный, въ смыслѣ перваго впечатлѣнія, „кусокъ" или даже „кусочекъ" природы.



Протоіерей о. Константинъ Изразцовъ. Настоятель церкви при Императорской миссіи въ Агудинъ-Айресѣ, Южная Америка. По поводу 25-лѣтія заграничной службы, начатой въ Гаагѣ въ 1889 г.
По фот. К. Булла.

Берггольцъ не ограничился Парижемъ. Парижъ не могъ ему дать тѣхъ сокровенныхъ знаній природы, вѣрнѣе—средствъ получить эти знанія, какими владѣлъ знаменитый „дюссельдорфскій отшельникъ" Дюккеръ. Уроженецъ Прибалтійскаго края, Дюккеръ былъ профессоромъ Дюссельдорфской академіи по пейзажному классу. Около двухъ лѣтъ работалъ Берггольцъ подъ наблюденіемъ Дюккера, сформировавшись въ законченнаго мастера-пейзажиста, картины котораго могли бы украсить любую международную выставку. Да оно такъ было и на самомъ дѣлѣ. Берггольцъ выставлялъ и въ парижскихъ салонахъ, и въ мюнхенскомъ „Glas-Palast", и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ. Послалъ онъ въ Россію на академическую выставку рядъ картинъ. Среди нихъ въ 1887 г. обратила вниманіе и была отмѣчена критикою „Рыбачья деревня". Уже вкусившій европейскихъ успѣховъ и лавровъ, Берггольцъ не имѣлъ однако въ Россіи званія художника. Желая получить это званіе, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію Художествъ. Но узнавъ отъ инспектора классовъ Черкасова, что званіе дается лишь тѣмъ, кто проходитъ весь академическій курсъ, начиная съ гипсовыхъ классовъ, Берггольцъ покинулъ Академію. Онъ такъ и не получилъ званія художника. Но спустя много лѣтъ, высшее художественное учрежденіе присудило Берггольцу, изъ вниманія къ его заслугамъ и широкой художественной популярности, званіе академика. Это было въ 1905 году, а спустя семь лѣтъ — онъ былъ утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской Академіи Художествъ.

Берггольцъ съ одинаковымъ мастерствомъ владѣетъ и акварельной техникой и техникой масляной живописи. Но самъ художникъ тяготѣетъ больше къ акварелямъ, и Берггольцъ-акварелистъ извѣстнѣе Берггольца-живописца не только у насъ, но и за границей. На Западѣ нѣтъ, кажется, ни одного общества акварелистовъ, гдѣ Берггольцъ не былъ бы приглашенъ въ почетные члены. Въ „Обществѣ русскихъ акварелистовъ" Берггольцъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ несетъ обязанности предсѣдателя. Кромѣ того, видное участіе принимаетъ онъ въ „Товариществѣ художниковъ", создавшемся послѣ раскола въ кружкѣ „Петербуржцевъ".

Въ пейзажахъ своихъ Берггольцъ избѣгаетъ веселыхъ, жизнерадостныхъ настроеній, съ яркимъ воздухомъ, солнцемъ и сочной зеленью. Излюбленные мотивы его—осень и ранняя весна, когда еще бѣлѣетъ снѣгъ, еще скована ледянымъ панцыремъ вода и голы деревья. Эти настроенія съ тихой и грустной поэзіей увяданія природы и медленнаго возврата къ жизни удаются Берггольцу, и въ этой области онъ чувствуетъ себя полноправнымъ хозяиномъ.

Женщина-врачъ Н. А. Добровольская, первая въ Россіи, получившая званіе приватъ-доцента, читаетъ лекціи слушательницамъ Женскаго Медицинскаго Института. По фот. Я. Штейнберга.

Иногда отъ этой „реальной поэзіи" Берггольцъ уходитъ къ полуфантастическимъ мотивамъ въ духѣ балладъ и „беклиновскихъ" настроеній. Это—угрюмыя башни, вымершіе фантастическіе за̀мки, пустынно-скалистые острова и холодное, безпріютно тоскующее море. Иногда эти мрачныя баллады-пейзажи Берггольцъ оживляетъ фигурами, хотя слово „оживляетъ" не идетъ сюда. Наоборотъ, одинокія фигуры лишь подчеркиваютъ окружающую пустынность. Въ своей техникѣ и манерѣ Берггольцъ не примыкаетъ ни къ старому направленію ни къ новому. Идя вровень съ вѣкомъ, много и вдумчиво работая, Берггольцъ сумѣлъ сохранить собственную физіономію. Живопись его свободная, смѣлая, но онъ никогда не вдавался въ модернистическія крайности и никогда не пренебрегалъ формой. Наоборотъ, вѣрный ученикъ Дюккера, онъ всегда клалъ форму въ основаніе своего творчества и, уже владѣя ею, позволялъ себѣ предаваться мечтамъ.

Берггольцъ—западникъ не только въ смыслѣ техники своей, но и по мотивамъ, его вдохновляющимъ: русскую природу вы не часто встрѣтите на картинахъ Берггольца. Ежегодно талантливый художникъ путешествуетъ по Италіи, Швейцаріи, Нормандіи и Бретани и возвращается въ Петербургъ съ этюдами, которые и обрабатываетъ въ своей мастерской—къ слову сказать, стильной, съ убранствомъ въ духѣ временъ Имперіи — въ картины.

25-лѣтній юбилей засталъ Берггольца въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, и впереди еще — непочатый уголъ интереснаго, продуктивнаго творчества.

Какъ человѣкъ, Р. А. Берггольцъ хорошій, доброжелательный товарищъ, занимательный собесѣдникъ, много видѣвшій, много читавшій, образованный и отлично владѣющій иностранными языками.

Политическое обозрѣніе.

Пріѣздъ венгерскихъ гостей.—Албанскія разочарованія.

Вѣнская и берлинская печать весьма сурово и неодобрительно отнеслись къ мысли графа Корольи о поѣздкѣ представителей венгерской оппозиціи въ Россію. Съ своей точки зрѣнія нѣмецкіе о̀рганы совершенно правы: сближеніе Венгріи съ Россіей и славянствомъ отнюдь не входитъ въ расчеты германскихъ политиковъ, руководствующихся старымъ правиломъ: „раздѣляй и властвуй". Нѣмецкая гегемонія надъ юго-западомъ Европы въ значительной степени держится именно искусственнымъ раздѣленіемъ и натравливаніемъ мѣстныхъ народовъ, маккіавельевскимъ раздуваніемъ ихъ взаимной вражды. Поскольку вражда между племенами благопріятствуетъ австро-германской гегемоніи, постольку установленіе нормальныхъ человѣческихъ отношеній между ними дѣйствительно угрожаетъ благополучію Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ германское торжество и на Балканахъ и на всемъ юго-западѣ Европы является по самымъ условіямъ своего существованія какъ бы синонимомъ торжества глупости и звѣрства. Австро-германскіе всенѣмцы не придумали для своего господства болѣе прочной, болѣе культурной и болѣе человѣчной основы и тѣмъ самымъ заранѣе обрекли его на неизбѣжное разрушеніе. Разумъ и справедливость въ концѣ концовъ неизмѣримо могущественнѣе тьмы и насилія. Сближеніе венгровъ съ Россіей имѣетъ пока огромное культурно-нравственное, но не политическое въ узкомъ смыслѣ слова значеніе. Имъ ликвидируется долголѣтняя вражда, начало которой положено великой политической ошибкой Россіи, чтобы не сказать—великимъ грѣхомъ ея передъ возставшимъ за свою національную свободу венгерскимъ народомъ, который въ 1848 г. былъ приведенъ русскими штыками къ повиновенію Габсбургамъ. Печальная ошибка императора Николая I давно оплакана всею русскою печатью безъ различія направленій, давно искуплена въ словахъ покаянія русскою общественною совѣстью, но нашей глубоко-человѣческой скорби за прошлое до сихъ поръ не зналъ и не чувствовалъ венгерскій народъ, затаившій съ тѣхъ поръ глухую ненависть и къ Россіи и къ славянству. Непосредственное общеніе венгерскихъ представителей съ русскимъ обществомъ откроетъ ему наше сердце и заставитъ его вырвать изъ своего сердца остатки застарѣлой вражды. Вмѣсто слѣпой вражды другъ къ другу, не имѣющей за собою никакого иного повода, кромѣ давно уже искупленной покаяніемъ ошибки, начнется сознаніе братской солидарности народовъ, страдающихъ отъ общаго гнета. Крайніе славянофилы, не особенно глубоко вдумывающіеся въ причины явленій, протестуютъ противъ радушной встрѣчи венгерскихъ гостей изъ опасенія, какъ бы въ этомъ радушіи не прозвучало предательское равнодушіе къ преслѣдованіямъ родныхъ намъ угроруссовъ, обнаруженнымъ въ цѣломъ рядѣ судебныхъ процессовъ. Но, во-первыхъ, венгерская оппозиція, представителей которыхъ собираются чествовать въ Петербургѣ, сама относится весьма отрицательно къ звѣрствамъ венгерскаго правительства, а главное нельзя забывать того, что всякое сближеніе венгровъ съ Россіей неизбѣжно повлечетъ за собою сближеніе ихъ и со славянами вообще и тѣмъ самымъ сдѣлаетъ невозможнымъ продолженіе нынѣшняго славянскаго курса въ Будапештѣ. Въ этомъ отношеніи пріѣздъ венгерскихъ гостей открываетъ передъ нами ясныя перспективы. Онъ знаменуетъ грядущую побѣду права и тѣсно связанное съ нею торжество славянства. Рано ли, поздно ли, всѣ населяющіе юго-западъ Европы народы должны размежеваться въ своихъ этнографическихъ границахъ и торжественно признать другъ за другомъ право на національную свободу. Сейчасъ всѣхъ ихъ подавляетъ германскій гнетъ, находящій себѣ союзниковъ въ частичномъ угнетеніи каждымъ изъ подвластныхъ народовъ болѣе слабаго сосѣда. Наступающая эра славянскаго освобожденія тѣсно связана съ торжествомъ иныхъ этическихъ и правовыхъ началъ. Жаждущее свободы славянство никого не хочетъ угнетать и не угрожаетъ ничьей національной свободѣ. оно превосходно мирится и съ существованіемъ независимой Румыніи и съ существованіемъ независимой Венгріи. Вотъ почему къ отстаивающему его требованія тройственному согласію начинаютъ постепенно примыкать и румыны и венгры, до сихъ поръ поддерживавшіе гегемонію Германіи и тройственный союзъ. Въ жизни европейскихъ народовъ начинаютъ осуществляться

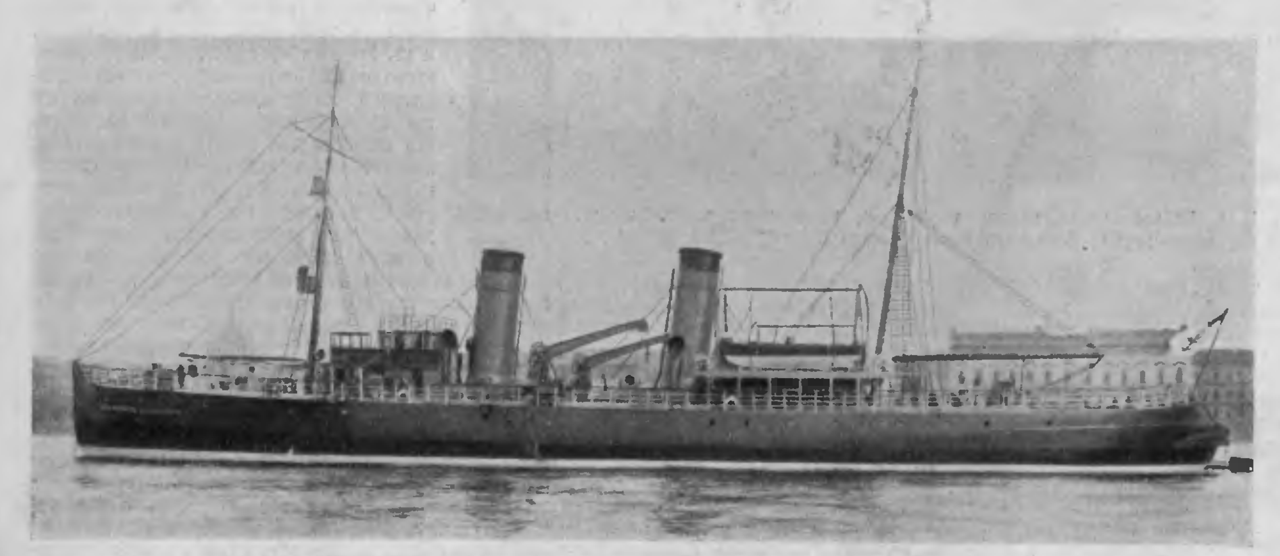
Стипендіатки Императорскаго Общества Поощренія Художествъ, г-жи: Плевако (1) и Бакулина (2) съ директоромъ Художественнаго Училища Общества, академикомъ Н. К. Рерихомъ (3). Г-жи Плевако и Бакулина получили заграничныя поѣздки. По фот. М. Брейткасъ.

новыя комбинаціи, политическое значеніе которыхъ станетъ яснымъ только тогда, когда мы поймемъ сокровенную связь политики съ моральными принципами. Новое направленіе народныхъ симпатій знаменуетъ новое распредѣленіе міровыхъ силъ и заново перекраиваетъ карту Европы.

События въ Албаніи упали, какъ снѣгъ на голову, европейской дипломатіи и раскрыли ту внутреннюю борьбу, которая втайнѣ давно уже кипѣла подъ личиной внѣшняго спокойствія и благополучія на этой части Балканскаго полуострова, опекаемой Италіей и Австріей. Борьба велась не только между различными элементами пестраго населенія края, которое рѣзко раздѣляется на взаимно враждебныя племена и вѣроисповѣдныя группы, между малиссорами, эпиротами, турками, магометанами, католиками и православными, но также и между соперничающими дипломатами союзныхъ державъ-попечительницъ, не безъ замѣтнаго, хотя и хорошо маскированнаго, участія Турціи. Еще передъ воцареніемъ принца Вида младо-турки пытались произвести маленькій революціонный переворотъ въ пользу возсоединенія Албаніи съ Турціей и съ этой цѣлью послали нѣсколько сотъ переодѣтыхъ вооруженныхъ солдатъ, которые должны были арестовать Кемаля, но вмѣсто того сами очутились подъ арестомъ на австрійскомъ суднѣ. Константинопольское правительство отказалось отъ всякаго соучастія съ неудачными революціонерами и сдѣлало видъ, будто бы покорно склонило буйную голову передъ волею Европы, посадившій на албанскій престолъ германскаго принца. Однакоже втайнѣ всякіе подкопы велись попрежнему. Власть официальнаго правителя, совершенно чуждаго народу и неизвѣстнаго странѣ, оставалась, разумѣется, въ значительной степени фиктивной.

Такъ какъ во главѣ привѣтственныхъ депутацій находился бывшій комендантъ Скутари — Эссадъ-паша, то новоприбывшій правитель, разумѣется, вынужденъ былъ опираться главнымъ образомъ на Эссада и сдѣлать его фактическимъ руководителемъ албанскаго правительства въ официальномъ званіи военнаго министра. Корреспонденты рисовали князя Вида коронованнымъ плѣнникомъ Эссада. Послѣдній помѣстилъ въ своемъ дворцѣ остальныхъ членовъ кабинета и пускалъ ихъ къ принцу не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія. Въ то же время въ качествѣ военнаго министра и подъ предлогомъ мобилизаціи для борьбы съ возставшимъ Эпиромъ Эссадъ постепенно собиралъ боевыя банды вѣрныхъ ему албанцевъ, ядромъ которыхъ служили вѣрные коменданту защитники Скутари. Однакоже энергичная дѣятельность министра показалась подозрительной австрійскимъ опекунамъ принца, и совершенно неожиданно по приказу Вида Эссадъ былъ арестованъ въ своемъ домѣ многочисленнымъ дессантомъ съ австрійскаго судна, разгромившимъ дворецъ Эссада нѣсколькими артиллерійскими выстрѣлами. Не успѣла Европа ахнуть передъ этой революціей, устроенной правителемъ противъ своего министра при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, какъ судьба приготовила ей цѣлый рядъ новыхъ, столь же неожиданныхъ, сюрпризовъ. Италія въ незаконномъ арестѣ Эссада увидѣла захватъ руководящаго вліянія Австріей и потребовала передачи плѣнника на итальянское судно. Водворившись подъ защиту итальянскаго флага, диктаторъ Албаніи заявилъ, что онъ не устраивалъ никакого заговора противъ принца, но, напротивъ того, самъ сдѣлался жертвою заговора и австрійскихъ интригъ.

Возмущенные албанцы вооруженной толпой двинулись на столицу, разбили высланный противъ нихъ отрядъ жандармеріи, захвативъ въ плѣнъ всѣхъ голландскихъ офицеровъ. Католики-малиссоры, охраняющіе княжескій дворецъ, при первыхъ выстрѣлахъ разбѣжались въ разныя стороны, а самъ князь съ семьею поторопился перебраться на итальянское судно. На другой день возставшіе албанцы послали парламентеровъ съ требованіемъ возстановленія Эссадъ-паши, уваженія къ магометанской религіи и признанія оттоманскаго владычества. Арестъ Эссада способствовалъ росту его популярности и сразу сдѣлалъ многихъ изъ его враговъ его крайними сторонниками. Такія же вспышки обнаружились и въ другихъ пунктахъ Албаніи. Въ Ковайѣ 500 мятежниковъ изгнали правительственныя власти, подняли турецкій флагъ и провозгласили Эссада королемъ. Въ Разбулѣ близъ Шваки мятежники разбили правительственный отрядъ. Валлона занята приверженцами Решидъ-паши. Въ Тиронѣ провозгласилъ свою власть Арифъ-Хикмедъ. Движеніе, начатое противъ Эссада, постепенно пріобрѣло религіозный характеръ и направляется въ его пользу. Его считаютъ національнымъ героемъ и мученикомъ австрійскихъ интригъ. Вообще анархія съ легкой австрійской руки охватила всю Албанію. Въ довершеніе всего, австрійская и итальянская дипломатіи вступаютъ между собою въ конфликтъ на почвѣ взаимнаго соперничества и взаимной подозрительности. Англія разсматриваетъ события, какъ явное нарушеніе европейскаго равновѣсія въ пользу и по иниціативѣ Австріи.

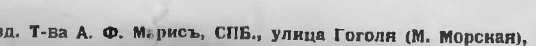


Новый ледоколъ „Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ“, торжественно освященный въ маѣ с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 12“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29  Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 23 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 7 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Іюнь 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Іюнь 1914 г. съ 28 рис., отдѣльн. листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 69 рис. дамскихъ рукодѣлій.

И. Владиміровъ. „Не переѣхать!“ XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Среди виноградниковъ.

Разсказъ **Алексѣя Окулова.**

Сколько ужъ дней онъ странствуетъ въ поискахъ работы, изъ деревни въ деревню, изъ одного городка въ другой, длинная лента дорогъ тянется передъ нимъ, распрямляется и загибается, и снова выростаютъ новыя деревни. А онъ идетъ все дальше, его отсылаютъ за его работой все куда-то впередъ безъ конца—въ даль и въ неизвѣстность. Усталыя ноги сгибаются, одежда его въ клочьяхъ, и лицо поблѣднѣло, но нужно итти. И идетъ.

Когда онъ вышелъ изъ города, его ласкали мечты объ одиночествѣ, свободѣ и поляхъ, его ободряли надежды на работу, которую онъ найдетъ, непремѣнно найдетъ, потому что онъ шелъ въ Турень, въ благословенный край, обремененный виноградомъ, ожидающимъ собирателей, и его увлекалъ къ себѣ душевный отдыхъ, котораго онъ давно не зналъ. Сзади, тамъ, остались за нимъ голодная мансарда, жара и душная пыль города, ненавистные разговоры, больные, подневольно бездѣльные люди и—нищета. И вотъ онъ шагаетъ по дорогѣ длинными ногами.

Долина рѣки передъ нимъ и холмы, какъ ожерелье, по краямъ ея; свѣтло-сѣрыя каменистыя вспаханныя поля ползутъ по склонамъ, врѣзаясь въ виноградники, и уходятъ впередъ, пока ихъ хватаетъ глазъ вдали; а сбоку синѣетъ рѣка вороненой синью, холодѣетъ и плещетъ, морщась бѣгучими складками. Сентябрь теперь, роняющій свой безпріютно-скучный дождикъ.

Но онъ все идетъ подъ дождемъ, несмотря на усталость. Денегъ нѣтъ, вечерѣетъ. Ночевать ему не на что, негдѣ и не у кого. И вотъ еще одна послѣдняя деревня впереди, послѣдняя надежда на ночлегъ и на ѣду, на табакъ, безъ котораго въ тѣлѣ ноетъ какая-то неутолимая, несмолкающая тоска.

— Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли работы по сбору винограда?

Но крестьянинъ отвѣчаетъ ему, не спѣша, и смотритъ внимательно:

— Нѣтъ, — я не думаю. — А потомъ онъ еще разъ смотритъ на него и прибавляетъ:—Нѣтъ вамъ работы. Винограда мало у насъ.

— Но я слышалъ—теперь урожай, виноградъ хорошій.

— Хорошій, но мало его. Не найти работы.

И снова нужно дальше, дальше... докуда же? Снова еще одна новая деревня осталась позади. Платье его отсырѣло и стало шуршать, какъ шелкъ, при каждомъ шагѣ, итти стало труднѣе.

Тогда возмущеніе и злоба охватили его, и онъ остановился. Ѣсть! Хочется ѣсть, нужно ѣсть, много ѣсть, потому что силъ съ каждымъ днемъ становится все меньше, нужно найти хоть немного тепла, хоть немного человѣческаго покоя, потому что жить такъ нельзя.

И онъ опустился у большого каштана, который стоялъ на краю дороги, и прислонился къ его стволу.

Онъ долго шарилъ въ своей котомкѣ остатки хлѣба, который купилъ утромъ на послѣдніе гроши... Нѣтъ, такъ жить нельзя. Постепенно происходитъ отсѣканіе его отъ жизни—даже отъ друзей... И это—нищета; она швыряетъ его, какъ мертвый камень, разбивая его тѣло, она измучила его, унизила въ глазахъ людей и въ глазахъ друзей унизила его. Однимъ онъ какъ будто сдѣлалъ одно, другимъ — другое, но это не онъ, а нищета, которая бьетъ его. И—онъ одинъ среди людей, и безъ нихъ, все равно, онъ одинъ...

А дождь все шелъ кругомъ, и чернѣла тьма, и какъ будто вмѣстѣ съ пришедшей тьмой дождь припускалъ все больше; какой-то большой листъ надъ ухомъ безпрерывно трещалъ подъ ударами крупныхъ капель, и вода подтекала со всѣхъ сторонъ украдкой и беззвучно.

Онъ лежалъ, прислонившись къ стволу каштана, утомленный и голодный, почему-то уныло вспоминая о разговорѣ съ однимъ кабатчикомъ, который разсказывалъ ему, что дѣла его идутъ совсѣмъ недурно.

„Все такъ же ли хорошо пойдутъ дѣла его? Вѣдь у старыхъ хозяевъ дѣла были въ упадкѣ“,—вспоминалъ онъ, вздыхая, и дождевая вода стекала подъ него отовсюду струями. „Вотъ винограда, быть-можетъ, будетъ отъ этого больше“, — думалъ онъ.

Но холодъ все сильнѣе его мучилъ, и все сильнѣе хотѣлось курить—до тоски.

А потомъ вдругъ разорвались нежданно облака на небѣ; осенняя, холодѣющая луна покатилась тамъ, серебря угловатые клочья; блеснула капля ва листѣ, потомъ рядомъ съ нею загорѣлась другая, и онѣ взглянули на него, точно холодные, злые глаза лѣсного звѣря.

И наконецъ онъ заснулъ, дрожа тяжелой и крупной дрожью.

Утромъ онъ проснулся и долго не открывалъ глазъ, отдохнувшій немного и приласканный, все глубже укладываясь въ согрѣтую его тѣломъ ямку; гдѣ-то у самаго его лица разливался острый ароматъ раздавленной мяты съ бархатными листами, и онъ радостно вдыхалъ его. А потомъ открылъ глаза,—это солнце со свѣтлаго неба навѣвало на него тепло, золотые ломкіе лучи потоками били въ древесные стволы, и казалось, что стволы эти колышутся и грузнутъ въ тепломъ свѣтѣ, блистая корой и пятнами покрывающихъ кору мховъ.

И плыли облака, облака. Онъ смотрѣлъ на нихъ. Они тихо пролетали въ высотѣ, ваклоняя къ землѣ свое бѣлоснѣжное лицо, и смотрѣли спокойно на все—ва рощи, на поля и на рѣчки и такъ безъ конца летѣли надъ землей и все видѣли. И покой ихъ вдругъ растрогалъ его. Онъ провожалъ ихъ влажными глазами и думалъ: „Отчего я не могу смотрѣть на все такими спокойными глазами, и отчего глаза мои плачутъ? Выходя изъ города, я уже зналъ, что глаза мои будутъ плакать. Отчего?“

А потомъ онъ всталъ и опять пошелъ по дорогѣ между рядами влажныхъ деревьевъ. Середина сентября; посвѣтлѣло, позолотѣло солнце, и свѣтъ его сталъ нѣжнымъ и прозрачнымъ; отдыхъ разлился въ перелѣскахъ в необъяснимая, неописуемая тишина. Что она дѣлала съ его душой, эта тишина осени? Непостижимо она овладѣвала ею, она заставляла его дышать полной грудью, глубоко вздыхая; тяжесть давящихъ его ненужныхъ, безполезныхъ мыслей исчезала...

И вотъ онъ шелъ теперь и свисталъ, довольный и радостный; денегъ не было, работы не было, но онъ свисталъ, шагая по дорогѣ.

При входѣ въ деревню онъ звонко поздоровался съ первымъ встрѣчнымъ:

— Есть ли работа для меня?

И его ждало счастье; оно, какъ всегда, пришло къ нему нежданно.

— У тетки Минье не хватаетъ работниковъ...

И онъ пошелъ къ этой теткѣ Минье. Черезъ полчаса онъ былъ уже нанятъ, послѣ полудня начиналась его работа, и онъ могъ отдохнуть еще, онъ могъ еще нѣжиться цѣлую вѣчность — въ комнатѣ, въ своей комнатѣ и на своей постели. Онъ сейчасъ же поднялся туда по узкой лѣстницѣ на чердакъ. И какъ тамъ было чисто, хорошо, все было прекрасно. Онъ видѣлъ въ окно, какъ высились рядами старые тополя, и какъ блистало надъ ними солнце, и какъ разстилались скошенные, уже вновь позеленѣвшіе луга.

„Блистаетъ солнце, — думалъ онъ: — и это прекрасно однимъ своимъ существованіемъ; такъ я жизнь. Господи, такъ и жизнь. Зачѣмъ я такъ много думалъ о ней и такъ надъ нею безконечно мудрствовалъ? Теперь я упиваюсь ею“.

А потомъ онъ бросился въ постель и заснулъ среди блаженства чистоты и ласкающаго тепла.

Въ полдень его разбудили. Онъ торопливо надѣлъ сухую рубашку и спустился, чтобы умыться. Маленькая дѣвочка показала ему водокачку во дворѣ; она смотрѣла на него, не отрываясь, какъ онъ долго умывался и какъ вытирался полотенцемъ, освѣженный водой колодца.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ ее.

— И она отвѣтила ему тонкимъ голоскомъ:

— Меня зовутъ Луиза.

— А меня зовутъ Борисъ, monsieur Борисъ,—сообщилъ онъ ей.—И я русскій,—ты знаешь?

Тогда вдругъ удивленіе ея достигло сразу крайняго предѣла. Она только придумала сказать ему въ отвѣтъ:

— Это маму мою вы видѣли сегодня, когда пришли. У меня есть еще сестра Мари, но она гораздо меня больше, гораздо выше.

И черезъ минуту они уже стали друзьями, прежде чѣмъ ихъ позвали къ завтраку. За завтракомъ было много народа: сама хозяйка, старый братъ ея, работникъ — парень съ широкимъ ртомъ, Луиза и двѣ дѣвушки. Всѣ ѣли не спѣша, много другъ съ другомъ говорили и смѣялись. Одна изъ дѣвушекъ смѣялась всего больше, она была большая и крупная, съ алымъ ртомъ и высокой грудью, звали ее Жерменъ. Смѣясь, она закидывала голову назадъ, и отъ этого грудь ея казалась еще выше.

Другую дѣвушку хозяйка назвала Мари, и онъ понялъ, что это—сестра Луизы. Мари не очень много была выше сестры своей, она была худая и тонкая.

Р. Берггольцъ. Тишина. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

— Monsieur Борисъ будетъ работать съ братомъ, а ты, Мари, съ Марселемъ, мы—съ Жерменъ.

Хозяйка такъ распорядилась съ работой на день.

И вышли всѣ ва виноградники.

Они расцвѣтились отъ осени своей пожелтѣлой, краснѣющей пятнами, листвой; подъ небомъ тихаго сентября закончился въ природѣ трудъ произрастанія, время созрѣванія завершилось: плоды наполнились соками и тяжело повисли на склоненныхъ недвижныхъ вѣтвяхъ. Это была отдыхающая природа среди богатства, и трудъ людей начинался.

И вотъ они разошлись среди лозъ, среди висящихъ гроздей, то аметистовыхъ, то золотистыхъ, увитыхъ вѣнками листвы, затаенныхъ въ сплетеніяхъ вѣтвей. Люди двинулись по правильнымъ рядамъ, шурша каменистой почвой; срѣзались сочныя кисти, ведра наполнялись, работники на спинахъ относили доверху полныя корзины, чтобы съ тяжелымъ шелестомъ опорожнить ихъ въ приготовленныя бочки; и горы аметистовъ, горы золотистыхъ хрусталей все наростали, все наполняли бочки одну за другой, все высились, пока не увозили ихъ, чтобы вернуться съ бочками снова и снова наполнить ихъ.

— Эй, слышите ли вы, вѣдь скоро отдыхъ!.. Слышите?

Но всѣ работаютъ. Идутъ по сосѣднему ряду Минье-хозяйка и Жерменъ, а дальше, далеко впереди, Мари съ Марселемъ. Она поетъ тонкимъ голосомъ—о чемъ поетъ? Она поетъ безъ отдыха, смѣняя пѣсню пѣсней, одну за другой: „Отвѣть моей милой“, „Ахъ, не мѣшай мнѣ поплакать“ и „Если ты хочешь...“

Но Борисъ отстаетъ отъ нихъ все дальше, его наполняетъ страхъ потерять работу въ одинъ день, опять итти, все въ даль и въ даль... Его товарищъ по работѣ, хозяйскій братъ—старикъ, приводитъ его въ отчаянье...

— Эй, monsieur Борисъ, гдѣ же вы?—кричитъ издалека Минье.

А старикъ его мучитъ безпрерывно. Онъ безъ конца говоритъ, что-то бормочетъ себѣ подъ носъ и каждую минуту придумываетъ отдыхи — чтобы поправить что-нибудь, чтобы пощупать свою спину, погладить свою лысину, чтобы передохнуть немного... И они отстаютъ, Борисъ яростно работаетъ, но не догнать ихъ... Гдѣ-то вдали за лозами скрылась Мари, далеко отъ него иногда распрямляется сильная Жерменъ, чтобы поправить прядь развѣянныхъ волосъ, и тогда на мгновеніе онъ видитъ ея высокую грудь. И старикъ все говоритъ, говоритъ, и сердце Бориса переполняется горечью до слезъ.

Потомъ начинается отдыхъ, большіе ломти хлѣба съ виноградомъ для работниковъ. Надъ Борисомъ шутятъ и надъ нимъ насмѣхаются:

— У насъ тутъ, въ нашей странѣ, всѣ торопится. А вы нѣтъ?

Но онъ вдругъ блѣднѣетъ весь и подымается.

— Если я не въ силахъ успѣть за всѣми, вы можете убавить то, что я здѣсь получу за трудъ.

И ноздри его вздрагиваютъ при этомъ, къ общему удивленію; онъ разсерженъ и стоитъ передъ ними враждебно и упрямо.

Тогда смѣхъ разомъ смолкаетъ, и хозяйка говоритъ ему тихо, она почти обижена:

— Въ нашей странѣ понимаютъ шутки, а въ вашей, вѣроятно, нѣтъ. Я знаю, съ кѣмъ вы работали. Хорошо, теперь вы будете работать съ Мари. Вы довольны?

— Я доволенъ,—бормочетъ онъ. — Я дѣлаю все, что могу, я буду работать еще лучше...

И нѣсколько мгновеній всѣ молчатъ, а потомъ снова дѣвушки что-то шепчутъ другъ другу и снова смѣются, и снова всѣ говорятъ и шутятъ. Лицо Бориса разглаживается, исчезаютъ морщины у его рта, и черезъ минуту онъ даже пытается разсказать съ своей стороны что-то смѣшное и смѣется со всѣми вмѣстѣ.

— Ты веселый,—говоритъ ему старый братъ хозяйки и хлопаетъ его по плечу:—ты добрый мальчикъ, я сразу это видѣлъ. Мы съ тобой поладимъ.

— Ну, ужъ конечно, мы поладимъ...

Борису улыбаются, и онъ улыбается всѣмъ—такъ всѣ кругомъ добры отъ работы и полевого вѣющаго вѣтра.

А потомъ снова началось срѣзаніе тяжелыхъ гроздей. И Борисъ былъ съ Мари. Она больше не пѣла, она боялась его и все спѣшила быть отъ него подальше, торопливо срѣзая виноградныя кисти впереди его и всякій разъ переходя дальше, когда онъ ее догонялъ. А онъ все догонялъ и догонялъ,—онъ такъ наскучался со своимъ старикомъ, онъ такъ былъ радъ этой счастливой перемѣнѣ, и боязнь Мари такъ забавляла его. И онъ работалъ изо всѣхъ силъ, смѣясь надъ этой гонкой. Когда на мгновеніе они сближались, онъ хитро караулилъ, посмотритъ ли она, и если она смотрѣла на него, онъ говорилъ себѣ:

„Ну, это все хорошо, хорошо такъ работать здѣсь...“

И они все чаще и чаще встрѣчались у общаго ведра, чтобы сложить туда свой виноградъ, вотому что кисти его становились все крупнѣе.

Иногда онъ спрашивалъ Мари о разныхъ сортахъ — ихъ было много вокругъ: аметистовыхъ, съ бѣлымъ и съ краснымъ сокомъ, зеленыхъ, крупныхъ и мелкихъ. Она ему отвѣчала торопливыми губами и снова устремлялась впередъ. Но съ каждымъ часомъ она работала все тише и медленнѣй. Онъ скоро догадался, сталъ обгонять ее и работалъ оттуда ей навстрѣчу; тогда они сходились и цѣлую минуту были вмѣстѣ, и вотъ тутъ онъ непрестанно говорилъ съ нею, чтобы посмотрѣть, какъ она краснѣетъ.

Но она стала работать еще тише, часто распрямлялась и трогала свою усталую спину. И онъ распрямлялся, оглядываясь на засвѣтлѣвшіе жидкой зеленью перелѣски; сжатыя поля вдали пустынны, и по краямъ ихъ кусты качали вѣтвями подъ свѣжѣющимъ вѣтромъ...

— Эй, окончить кусокъ сегодня нужно!.. Торопитесь!

Н. Химона. Рыбаки въ Финскомъ заливѣ. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Тогда онъ сталъ помогать ей, онъ заботливо самъ переносилъ ведро со срѣзанными гроздями, низко, до самой земли, наклонялся, чтобы собрать самыя нижнія кисти, самъ поднималъ ведро съ виноградомъ и самъ его опоражнивалъ въ корзину работника, который несъ ее до бочекъ.

Мари распрямилась, пользуясь минутой. Лицо ея слегка поблѣднѣло, и грудь ея, свободная, ничѣмъ не стѣсненная, сильно дышала.

Она говорила ему, извиняясь:

— Столько работы для васъ, вотъ сколько вамъ работы сегодня, для начала...

И улыбалась безпомощно.

А онъ откидывалъ мокрые волосы со лба назадъ—онъ былъ радъ. Онъ не усталъ еще, нѣтъ, онъ не усталъ еще.

— Эй, относчикъ, ждемъ!—выкрикивалъ онъ.

И все работалъ и работалъ — такіе ли дни работы видѣлъ онъ?

Когда закатилось солнце, всѣ кончили. Разомъ всѣ двинулись, собрались у большихъ двухколесныхъ телѣгъ, сложили свои ведра у корзины; заговорили дѣвушки, заболтали, заскакали по словамъ, какъ птицы по вѣтвямъ. И телѣги двинулись обратно; дѣвушки сидѣли на нихъ, скрестивъ свои опущенныя ноги, и говорили, говорили, качаясь на толчкахъ дороги среди полей. Они тамъ всѣ говорили вмѣстѣ и перекликались,—мужчины и женщины,—они всѣ были свои и знакомые.

А Борисъ шелъ одинъ. Онъ не слышалъ, о чемъ они говорили. Ему видна была только Мари, которая сидѣла сзади, и какъ ея глаза скользили по всему вокругъ съ усталымъ довольствомъ— и по нему они тоже скользили.

Е. Дюкеръ. Осенью. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Возвращались съ полей чужія телѣги одна за другой, наполненныя бочками съ виноградомъ, выѣзжали со всѣхъ сторонъ на дорогу; работники, хозяева встрѣчались, поклоны и привѣтствія безъ конца, смѣхъ въ сумракѣ, въ дымкѣ поля. Сквозь облака у самой земли далекій закатъ, золотисто-оранжевый, щурился все и меркнулъ, и тучи, какъ темныя брови, тянулись надъ нимъ. А потомъ одна зоря осталась и долго всѣмъ, какъ дѣвушка—милому, краснымъ платкомъ на краѣ неба помахивала. Потомъ и она потускла.

Утромъ онъ проснулся отдохнувшій. Но спина его съ непривычки къ работѣ болѣла, хотѣлось потянуться и все тянуться куда-то въ безконечной сладости и истомѣ отъ этой незнакомой боли.

А. Орловъ. Весной повѣяло. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Хозяйка Минье, которая разбудила его, спросила черезъ дверь:

— Вы совсѣмъ проснулись? Пора!

— Совсѣмъ проснулся.

И онъ слышалъ, какъ она пошла будить дѣвушекъ. Онъ лежалъ на спинѣ, все еще не рѣшаясь встать, и думалъ, какъ онѣ будутъ просыпаться, какъ оборвутся ихъ сны,—какіе сны, о чемъ?—какъ свѣтъ вольется въ ихъ глаза, и онѣ потянутся долго и протяжно, и что онѣ вспомнятъ изъ сновъ своихъ, и какъ снова закроютъ глаза, и какъ будетъ трудно имъ стряхнуть съ себя истомную, сонную лѣнь.

А когда онъ пошелъ внизъ, чтобы умыться, маленькая Луиза опять стояла тамъ, у водокачки, и дружески улыбалась ему. Осеннее ясное утро охватило его, оно клубилось вокругъ, свѣжее и крѣпкое.

— Здравствуй, маленькая Луиза.

— Здравствуйте, monsieur Борисъ.

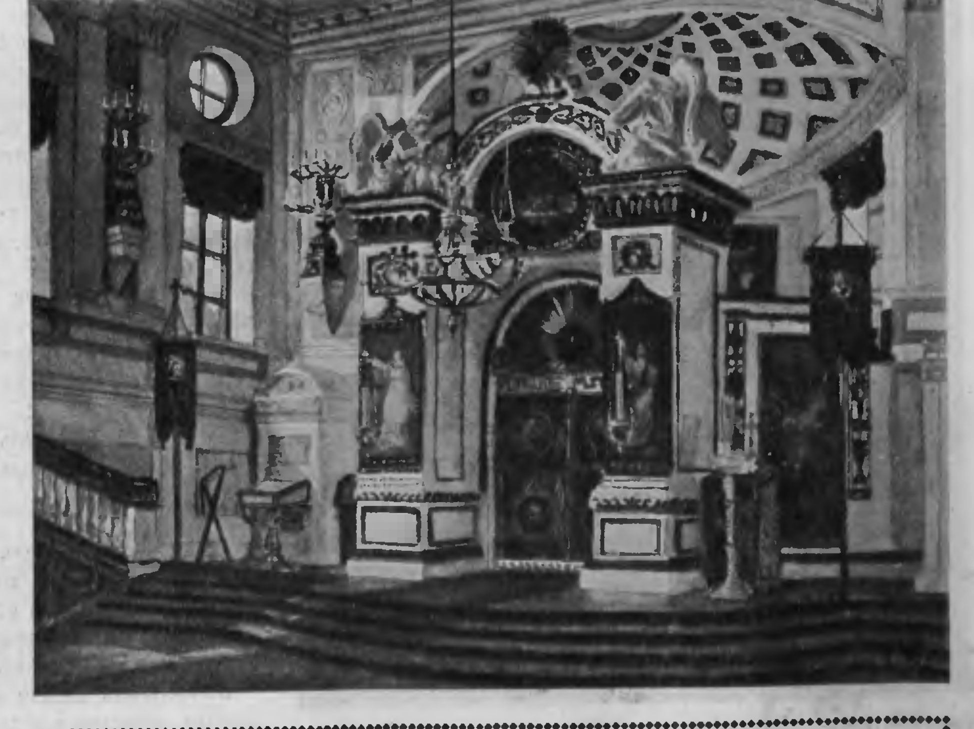
Онъ взялъ ее за подбородокъ мимоходомъ и тронулъ слегка ея волосы.

— Ты вѣдь очень красива, маленькая Луиза.

И она порозовѣла отъ его словъ. Пока онъ умывался, ходилъ взадъ и впередъ, пока онъ расправлялъ руки со сна, она трижды становилась на его дорогѣ, тогда ждала, что онъ повторитъ ей свои слова и снова приласкаетъ ее. Но онъ былъ занятъ какими-то мыслями.

Когда пошли въ виноградники, на деревенской церкви зазвонили „Angelus“ торопливо и радостно, и утренній вѣтеръ игралъ летучими звуками.

Такъ налеталъ этотъ вѣтеръ, когда они стали работать съ Мари. Онъ поминутно развѣвалъ ея волосы, сдувалъ у нея шарфъ съ головы и ронялъ его на глаза, и она поправляла украдкой, подвязывая покрасивѣе его, и думала, что ее никто не видитъ. Но Борисъ смотрѣлъ на нее. Тогда она встрѣчала его взглядъ и смущалась все больше и больше по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ на нее. Но онъ смотрѣлъ все пристальнѣй, смѣясь, и она краснѣла до слезъ. Тогда онъ былъ доволенъ.



Его Высочество Князь Игорь Константиновичъ. Внутренній видъ церкви Павловскаго дворца. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Работникъ увезъ виноградъ, и Борису теперь приходилось носить корзину. Онъ переходилъ съ нею отъ однихъ къ другимъ, наклонялся, и ее наполняли изъ ведеръ тяжелымъ виноградомъ. А когда онъ подходилъ къ Мари, ей кричали:

— Новенькому положи хорошо, положи ему побольше!

И она несмѣло исполняла эту старую шутку. Въ то время, какъ онъ наклонялъ свою корзину на спинѣ, она надавливала на края ея, и это заставляло его откинуться назадъ всѣмъ тѣломъ. Тогда она смѣялась.

Въ свободныя минуты онъ возвращался къ ней, работалъ съ нею рядомъ и болталъ.

Она была легко одѣта, и вѣтеръ раздувалъ ея платье. При этомъ она прикрывала ноги свои быстрымъ и забавнымъ жестомъ рукъ. Но вѣтеръ снова и снова шевелилъ складки ея платья.

„Ну, я радъ... —думалъ Борисъ.— Ну, что же. Я молодъ, вдругъ оказалось, что я молодъ, и я готовъ кричать объ этомъ на весь міръ...“

А потомъ, неловко повернувшись на каменистой землѣ, Мари потеряла деревянный башмакъ и подскочила, какъ птица, на одной ногѣ, чтобы поднять его. Но Борисъ сдѣлалъ это быстрѣе, онъ схватилъ его и размахивалъ имъ надъ головой.

Тогда она стала умолять его:

— Нѣтъ, отдайте же, пожалуйста... Отдайте его мнѣ.

Она боялась, что онъ далеко заброситъ его въ виноградныя лозы. А онъ хохоталъ.

— И вы повѣрили, что я отдамъ его? Это я-то отдамъ его?

И онъ хохоталъ до тѣхъ поръ, пока и она не начала смѣяться съ нимъ. Голосъ у него при этомъ былъ молодой и звонкій, когда онъ выговаривалъ ей всѣ свои глупыя слова.

После этого они снова стали быстро работать. Щеки Мари розовѣли, и она часто повторяла:

— Вотъ. Все улыбаетесь. Право, цѣлый день. Отчего?

— Ну... Ну, я глупый и смѣшной человѣкъ, отъ этого я улыбаюсь. А вы чему улыбаетесь, я это съ утра замѣтилъ?

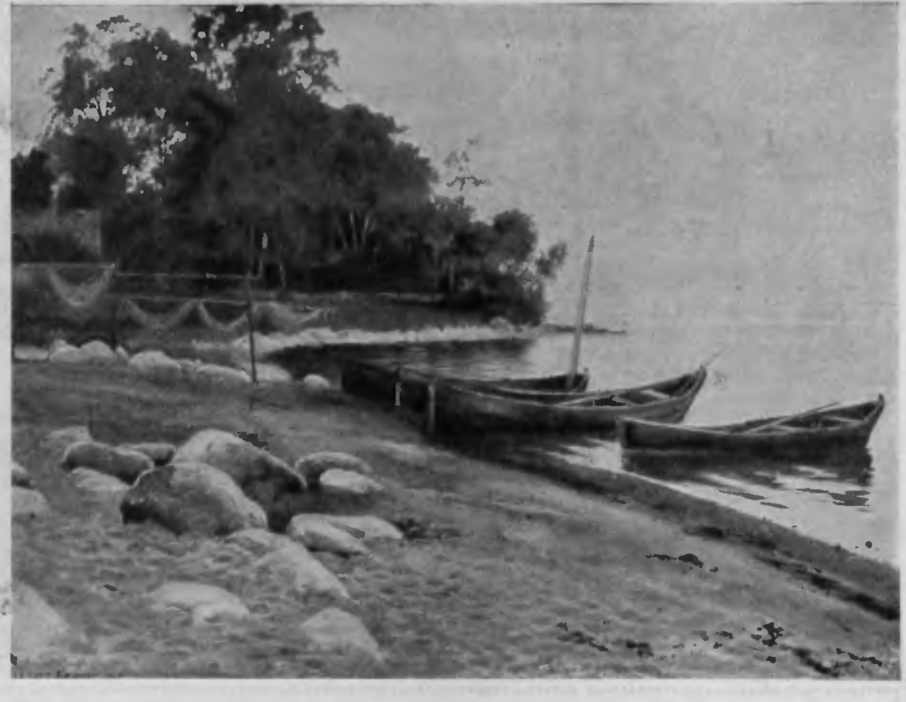
— А я тому, что вы смѣшной, monsieur Борисъ...

И когда они стали совсѣмъ друзьями, онъ взялъ тяжелую кисть винограда и брызгалъ на нее розовымъ сокомъ, раздавливая ягоды въ рукахъ, а она спасалась отъ него и закрывала лицо руками:

— Я не хочу... Не хочу... Monsieur Борисъ!

Но это такъ ему нравилось, что онъ не могъ остановиться. Когда же она, въ свою очередь, стала брызгать на него, онъ схватилъ ее за руки и приблизилъ къ себѣ. Да, она тоже играла съ нимъ, она этого хотѣла, и онъ задержалъ ея руки въ своихъ... Раньше она всегда торопилась ихъ отдернуть, когда онѣ случайно встрѣчались съ его руками, но теперь она не сдѣлала этого, она вдругъ оглянулась кругомъ, видитъ ли кто-нибудь ихъ, — она шалила...

Но всѣ склонились надъ своей работой, разбросанные между рядами лозъ.



Альбертъ Бенуа. Морской берегъ въ деревнѣ Бобыльской.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И она еще на одно мгновеніе оставила свои руки въ его рукахъ, потому что ихъ никто не видѣлъ. И такъ они работали и говорили цѣлый день, и говорили еще больше, когда этого никто не слышалъ и не видѣлъ. Вечеръ быстро и крадучись подошелъ къ полямъ и началъ раскладывать свои тонкотканныя, темнѣющія ткани.

Е. Лазарева. Портретъ Озеровой.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

А Борисъ наговаривалъ себѣ: „Господи, пошли сегодня вечеръ потемнѣе, я пойду съ Мари по дорогѣ вмѣстѣ до деревни, будь милостивъ ко мнѣ...“

И онъ сказалъ Мари:

— Правда, вѣдь очень трясетъ, когда ѣдешь на этихъ двухколесныхъ телѣгахъ по такой ужасной дорогѣ въ поляхъ?

— Да,—отвѣтила она.

Онъ наклонился и робкимъ голосомъ спросилъ ее:

— Можетъ-быть, вы сегодня захотите пойти вмѣстѣ со мной... и со всѣми... пѣшкомъ за телѣгами?

— Да, хорошо, — опять отозвалась она коротко и отвернулась въ сторону.

Быстро чернѣли деревья, и быстро утопали въ сумракѣ прозрачныя дальнія дали. Всѣ собрались поспѣшно и отправились домой. Темнота надвигалась и прикрыла собою все, только слышенъ былъ стукъ телѣгъ въ неизвѣстности, заплакала гдѣ-то собака, и за рѣкой далеко ей отвѣчала другая.

Борисъ подошелъ къ Мари, онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, чтобы тихо поговорить съ нею о чемъ-нибудь...

Но онъ былъ огорченъ—Марсель и Жерменъ вдругъ сошли съ телѣги и неожиданно пошли съ ними рядомъ въ двухъ шагахъ. Борисъ почувствовалъ, что веселость его уменьшилась; ему стало скучно.

А когда всѣ вошли въ деревню, и свѣтъ изъ лавочки прорѣзалъ улицу яркой полосой, онъ взглянулъ на Мари, и ему показалось, что лицо у нея тоже невеселое. Она безпомощно взглянула на него, перегнувъ посрединѣ свои брови.

Тогда онъ сказалъ:

— Я буду работать сегодня вечеромъ въ прессѣ, m-elle Мари,—такъ онъ сказалъ ей.—Вѣдь сегодня меня назначили туда.

Вечеромъ онъ пошелъ въ погребъ, гдѣ дѣлали вино. Въ этой пещерѣ, прорытой въ холмѣ, былъ сумракъ, тамъ горѣла одна свѣча, прикрѣпленная къ краю чана; зіяли тьмой пустыя бочки въ сторонѣ, и на черномъ полу шуршали и вились, какъ змѣи, тонкіе прутья, приготовленные для починки обручей.

Въ полутьмѣ ходили неясныя фигуры, были свои и чужіе — зрители, взрослые и подростки. Когда онъ вошелъ, онъ слышалъ, какъ шептали вокругъ:

— Вотъ русскій... Посмотрите, посмотрите на него.

Особенно одинъ, красивый черный парень, совсѣмъ близко

Альбертъ Бенуа. Въ паркѣ санаторіи Рауха.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

подошелъ къ нему и сталъ его разсматривать вплоть со спокойной развязностью и не смущаясь. Онъ долго смотрѣлъ на него.

Когда онъ отошелъ, Борисъ спросилъ Марселя:

— Кто это? Онъ, кажется, замѣтилъ, что̀ у меня три уха.

— Это Альфредъ Мерсье, богатый парень. Ему—что̀, онъ можетъ чужія уши считать. Э, пріятель!

Телѣги съ бочками подкатили къ самымъ люкамъ прессовъ, и виноградъ сталъ падать сочными массами, все громоздился и громоздился, выше и выше, съ богатствомъ и роскошью, люди вскочили сверху на него, въ своихъ тяжелыхъ деревянныхъ башмакахъ ходили по нему, давили его живыя гроздья, и сокъ его брызгалъ, какъ кровь; нѣжная красота его угасала. Подъ тяжелыми лопатами они сгребали виноградъ въ правильныя кучи и выходили изъ пресса, отряхнувъ свои башмаки на краю его, и за башмаками по полу оставались кровавые слѣды.

Борисъ работалъ у давильной машины, толкая длинный рычагъ съ однообразнымъ звукомъ, который издавали закладки механизма. Противъ него былъ Марсель, и они попеременно бросались другъ на друга, надавливая на рычагъ, они наклонялись впередъ и падали назадъ, какъ будто боролись другъ съ другомъ, танцовали дикій и неустанный танецъ, и груди ихъ разгорались отъ этой борьбы, и дышали они жарко. Борисъ увлекался этой живой работой.

Но вдругъ онъ увидѣлъ Мари, которая была недалеко. Она совсѣмъ близко стояла у пресса съ другими. И глаза ея смотрѣли непривѣтливо—она взглянула мелькомъ на него, какъ будто укололa ими, какъ будто постаралась обидѣть его своей усмѣшкой, и отвела ихъ. Почему? Она тамъ говорила съ кѣмъ-то изъ сосѣдей, все говорила, говорила... Нѣтъ, теперь она совсѣмъ не смотрѣла на него, и, можетъ-быть, она нарочно не смотрѣла на него—только чтобы его позлить немного или помучить. „Ну, посмотри же на меня, посмотри! Ты видишь, что я тебя прошу объ этомъ, очень прошу объ этомъ! Ахъ, какъ я прошу тебя объ этомъ!..“

И онъ неслышно хохоталъ надъ нею, содрогаясь грудью, и все выплясывалъ свой танецъ съ Марселемъ, падалъ назадъ и снова бросался ему навстрѣчу.

„Ну, посмотри же, прелесть моя, посмотри!..“

Но потомъ онъ еще разъ подумалъ, за что она не хотѣла смотрѣть на него.

„За неловкость, да, за глупую его неловкость. Да, за глупое возвращеніе со всѣми вмѣстѣ,—вдругъ сказалъ онъ себѣ.— А я вѣдь такъ приглашалъ ее съ таинственной миной, такъ ее упрашивалъ, о чемъ? Я долженъ быть ловкимъ, я былъ обязанъ... Я — дуракъ“.

И вдругъ она ушла куда-то, съ кѣмъ-то разговаривать — съ кѣмъ? Но онъ не могъ сообразить этого сразу. Онъ все смотрѣлъ по сторонамъ, кого не хватаетъ, и не видѣлъ въ полумракѣ. Да, она съ кѣмъ-то одна, съ кѣмъ-то теперь одна она...

Но давленіе пресса все возрастало, работа становилась тяжелѣе. Свѣжій выдавленный сокъ, сладкій, какъ сиропъ, — будущее нерожденное вино,—стекалъ съ журчаніемъ въ бассейнъ; онъ сначала капалъ звонко, капля за каплей, потомъ полился говорящими струями; понизилась груда винограда въ прессѣ, и рабочіе купались въ винѣ, смывая свою трудовую грязь. Работа становилась тяжелѣе, тяжелѣе.

„Онъ работалъ здѣсь, а она— одна?.. Съ кѣмъ она одна?.. Нѣтъ, съ кѣмъ же она?“

Хлопнула громко пробка бутылки у хозяйки. Отдыхъ, бросили тяжелый рычагъ машины. Всѣ собрались вокругъ m-me Минье и пили вино изъ серебряныхъ старыхъ стаканчиковъ, свои и чужіе.

Теперь онъ видѣлъ, какъ вернулась Мари, и кто-то вернулся съ нею,—это Альфредъ вернулся съ нею, красивый черный парень,

И. Мацкевичъ. На базаръ.
XXXIII выставка Общества Русскпхъ Акварелистовъ.

и еще богатый парень притомъ. Это съ нимъ она долго разговаривала.

Выбравъ минуту, онъ спросилъ ее:

— Съ кѣмъ это вы такъ долго разговаривали?

— Съ моей подругой.

Его этотъ отвѣтъ разсердилъ немного, и онъ отвернулся.

Черезъ мгновеніе она сказала, смотря на него съ простодушнымъ видомъ:

— Нѣтъ, слышите, я не хочу обманывать васъ. Это былъ Альфредъ, я говорила съ нимъ. Но вѣдь это почти все равно, что подруга, я такъ съ нимъ говорю.

И онъ остался со своими мыслями: „отчего она прибавила свои послѣднія слова? Она хотѣла оправдаться передъ нимъ въ

жетъ-быть, потому, что онъ отвыкъ заниматься собой, интересоваться своей внѣшностью, можетъ-быть, отъ этого онъ чувствовалъ себя необычно, по-праздничному, и даже нѣсколько волновался. Цѣлый свободный отъ работы день онъ никакъ не могъ найти для себя занятія, ходилъ по деревнѣ, выходилъ въ поля, оглядывался вокругъ и снова возвращался домой. Но дома не было никого, кромѣ хозяйки, и онъ скучалъ; ему было трудно остаться безъ движенія, безъ какихъ-нибудь разговоровъ, безъ людей, безъ развлеченія.

Въ концѣ концовъ это разсердило его, онъ круто повернулся и зашагалъ въ холмы далеко отъ деревни, вверхъ, откуда даль разстилалась передъ нимъ, города виднѣлись въ туманной дымкѣ, и ближній замокъ дремалъ надъ Луарой.

В. Навозовъ. Гулянье. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

этомъ уединенномъ разговорѣ? Нѣтъ, ей это ненужно—оправдываться передъ нимъ, они ничѣмъ не связаны; или она не хотѣла огорчить его?“

Онъ усмѣхнулся себѣ протяжно и безъ ясной мысли. „Забавно. Господи,—жизнь“.

Они сѣли съ нею рядомъ на опрокинутый желобъ для сливанія вина. Ни разу онъ не посмотрѣлъ на нее въ то время, когда другіе видѣли ихъ; онъ сѣлъ къ ней близко, очень близко придвинулся къ ней, и она все же не отстранялась отъ него въ этой полутьмѣ погреба, освѣщеннаго одинокой свѣчой. Онъ слышалъ ея близость до біенія своего сердца, такъ, что не хотѣлъ поднять на нее своихъ глазъ подъ взглядами людей, чтобы всего происходящаго какъ-нибудь не замѣтили другіе, а онъ былъ увѣренъ, что происходитъ что-то, хотя и ничего не происходило.

Потомъ они вышли изъ погреба послѣдніе, когда за ними гасили свѣтъ.

Это было воскресенье, балъ въ деревенскомъ кафе. Сборщики винограда отдыхали; ихъ ждали тамъ въ этотъ день съ заработанными деньгами.

Борисъ съ утра старательно одѣвался, брился, расчесывалъ заросшіе волосы, рубашка его блестѣла и сіяла чистотой. И, мо-

Онъ долго пробылъ тамъ одинъ и поздно явился въ кафе, когда зала уже была полна народа, стука и криковъ, и музыка играла на возвышеніи. Всѣ танцовали, кружились, двигались, перекликались и смѣялись. Въ первую минуту свѣтъ послѣ темной улицы ослѣпилъ его, шумъ разомъ наполнилъ его душу, и онъ растворился среди него безъ мыслей и желаній.

А потомъ онъ отошелъ въ сторону. Съ нимъ никто не перекликался и ничего не кричалъ ему. Даже Марсель, проходившій мимо, только мелькомъ взглянулъ на него и прошелъ дальше, не сказавъ ни слова. Тогда ему стало грустно, и онъ еще дальше отодвинулся отъ всѣхъ, чтобы не сидѣть на виду и не показывать всѣмъ своего одиночества.

Но вдругъ онъ увидѣлъ Мари и Жерменъ. Онѣ только-что пришли и были однѣ. Онѣ оглядывались во всѣ стороны, ища кого-то.

Тогда онъ сразу всталъ и подошелъ къ нимъ.

— Вы будете танцовать? — спросила его Мари.

— Да, буду. Можетъ-быть, я съ вами могъ бы протанцовать что-нибудь?

— Да, если хотите.

Онъ колебался нѣсколько мгновеній, а потомъ сказалъ имъ:

— Можетъ-быть, это будетъ не слишкомъ смѣло съ моей

„Кончина патріарха Ермогена“. Картина академика А. Н. Новоскольцева, недавно имъ законченная. По фот. Я. Штейнберга.

стороны, если я предложу вамъ и m-lle Жерменъ посидѣть со мной одну минутку, я такъ одинокъ здѣсь. Можетъ-быть, вы выпили бы стаканъ лимонада или чего-нибудь другого, что вамъ понравится?

— Да, но только не здѣсь, а рядомъ, въ большой комнатѣ. Здѣсь такъ толкаютъ со всѣхъ сторонъ тѣ, кто танцуетъ.

И онъ низко кланялся имъ и благодарилъ за согласіе — вѣдь онъ былъ только пришлый рабочій, и его не знали тутъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотворенія Сергѣя Михѣева.

I. Моя Весна.

Улыбкой, розовой вуалью
Не принесешь Весны мнѣ ты —
Свята безмолвною печалью
Моя Весна... Мои цвѣты,
Понявъ печаль въ глазахъ Мадонны,
Опустятъ долу лепестки,
Не глянувъ въ синіе затоны
Весенне-радостной рѣки,
И вся ты будешь только эхомъ
Давно отцвѣтшей и другой...
Пойми жъ и... дѣтскимъ звонкимъ смѣхомъ
Не тронь Весны моей святой!..

II. Мои цвѣты.

Мои цвѣты—мой ароматный ядъ...
Уставшіе отъ ласкъ далекаго... былого...
Счастливцы, знавшіе влюбленно-нѣжный взглядъ
И косы русыя и шопотъ у порога...
Я взялъ ихъ, брошенныхъ на заспанномъ роялѣ.
Ужъ блекли крылышки ихъ шелковыхъ рѣсницъ,
А въ глубинѣ лазоревой эмали
Свѣтились новыя, нездѣшнія печали
И тайны, взятыя съ прочитанныхъ страницъ.
Теперь они со мной, здѣсь, на столѣ моемъ,
Стоятъ, поникшіе въ хрустальной блѣдной вазѣ.
Ихъ грезы. какъ мои, всѣ въ прошломъ... всѣ въ быломъ...
Въ обыденныхъ словахъ, въ заученномъ разсказѣ
Намъ нечего другъ другу передать,
Намъ не о чемъ молить. намъ не о комъ гадать...
Но мнѣ они родны, родны, какъ ихъ печаль,
Какъ ихъ безропотность предъ близостью ненастья.
Я съ ними погрущу—и мнѣ уже не жаль
Ни старости своей ни прошлыхъ слезъ и счастья.

Тихій азартъ.

Современная повѣсть **А. Зарина.**

(Продолженіе).

XII.

Въ этотъ день она едва дождалась вечера и, едва только уложила дѣтей спать и напилась чаю, какъ быстро одѣлась, взяла съ собою 50 руб. и поѣхала въ клубъ. Совершенно новое ощущеніе испытывала она, входя въ залу. Ничто не давило ее. Въ этотъ вечеръ она не прибѣгала ни къ какой лжи и пришла одна, самостоятельно, какъ настоящій игрокъ. Она оживленно раскланивалась направо и налѣво, ласково подала руку Пинкусу, который впился въ нее губами, улыбнулась Скрипкѣ и сѣла на стулъ, кивнувъ своему визави, накрашенной полногрудой дамѣ, съ которой она давно успѣла завести дружескія отношенія.

— Не везетъ?—спросила дама.

— Не везетъ,—въ тонъ ей отвѣтила Ольга Карповна: — но сегодня я надѣюсь. Самое важное — бодрое настроеніе духа, а я именно сегодня въ радостномъ настроеніи.

— Счастливица!—сказала ей дама.—А мнѣ не везетъ, и нѣтъ никакой радости. Недавно купила, знаете, такихъ зимородковъ — съ носами и — ничего не выходитъ. Рѣшительно! Бросила ихъ и растоптала ногами. Надо, говорятъ, найти карту съ номерами 66 и 90. а гдѣ ее у чорта отыщешь?

— Игра начинается! Тихо!—раздались кругомъ голоса, и мягкій голосъ барышни сталъ выкликать числа.

Ольга Карповна погрузилась въ игру и замирала въ ожиданіи, но и въ этотъ вечеръ она оставила всѣ деньги, сохранивъ только рубль на извозчика.

Въ мрачномъ настроеніи она легла спать и проспала тяжелымъ сномъ до поздняго утра. И, проснувшись, она не занималась съ Катей, и вяло потянулся для нея день.

Какое-то проклятіе было въ этомъ азартѣ. Стоило ей посидѣть дома, и она просыпалась веселая, бодрая, способная работать.

Стоило ей пробыть въ клубѣ, и на другой день она была усталая и разбитая. Ея умъ охватывали суевѣрныя мысли: ей казалось, что въ ея проигрышѣ больше всего виновата Калерія. Слава Богу, что она ее не видитъ въ клубѣ.

Но въ тотъ же день Калерія сама пріѣхала къ ней, ураганомъ ворвалась въ комнаты и весело заговорила:

— Тебя нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я и пріѣхала. Получай свои 15 рублей! Что ты такая сердитая?

Ольга Карповна встрѣтила ее холодно и сурово.

— Я? Нисколько.—сдержанно отвѣтила она.

— Ну вотъ, не вижу!.. А я пришла къ тебѣ съ радостью. Костя-то мой вдругъ разбогатѣлъ! Вообрази себѣ, поймалъ какихъ-то трехъ дураковъ и сразу застраховалъ ихъ жизнь. Каждаго на 15 тысячъ. Получилъ проценты. А потомъ четыре диктовальныхъ машины продалъ: и пошло, и пошло. Прямо повезло! А эти дураки говорятъ: „мы вамъ еще другихъ приведемъ!“ Если каждый по три, то тогда вотъ заработаемъ, ой-ой-ой! Богатыми людьми сдѣлаемся. И все онъ ихъ по клубамъ ловитъ. Теперь въ лото мы ѣздимъ въ другой клубъ. Знаешь, подлѣ цирка Модернъ на Каменностровскомъ. Тамъ хоть помѣщеніе и отвратительное, — скетингъ былъ, такъ въ этомъ сараѣ играютъ,—а все-таки весело играть. Игроковъ мало, всѣ знакомые. Выдачи небольшія, но зато часто выигрываешь. Я уже выиграла 3 раза. Больше 30 рублей не бываетъ. Хочешь, туда поѣдемъ?

— Нѣтъ, — сухо отвѣтила Ольга Карповна:—я играю въ этомъ клубѣ.

— Ой, нѣтъ! Ты дуешься, дуешься и дуешься. Милая моя, скажи, душечка, за что ты дуешься?

Ольга Карповна съ неудовольствіемъ сказала:

— Ты сама должна знать, за что...

— Ну, скажи, за что?

— Въ тотъ разъ я съ тобой подѣлила послѣдніе 30 рублей.

— Я же тебѣ отдала ихъ.

— Не въ томъ дѣло. Но когда ты достала какія-то деньги, ты мнѣ кинула, словно нищей, жалкій рубль, а сама осталась играть.

— Я? Играть?..

— Ну да! Ты же осталась. Скажи, ты достала больше?

— Ну такъ что же?

— Ты должна была со мною точно такъ же раздѣлить ихъ пополамъ. Сколько у тебя было денегъ?

— Ну, если хочешь знать правду, такъ пять рублей. Я тебѣ дала рубль. Себѣ оставила тоже рубль и проиграла, а домой принесла три рубля. Скажи, развѣ я могла сдѣлать иначе? У насъ дома не было ни гроша. Утромъ бы проснулась—на булки дать нечего. Я и оставила три рубля на обѣдъ. Ну, что я сдѣлала худого?

Ольга Карповна смягчилась:

— Худо то, что ты мнѣ сказала неправду. Словно боялась.

— Ахъ, глупая! — всплеснула Калерія руками.—Чего же говорить-то было? Дала тебѣ рубль и сама сыграла за рубль. Ну, не сердись!

Ольга Карповна улыбнулась:

— Досадно тогда мнѣ было.

— И нечего было досадовать. Если бы ты знала, какъ мы все это время бѣдствовали. Теперь, какъ онъ принесъ мнѣ сразу 500 рублей, такъ мы и ожили. Я отъ скуки граммофонъ купила. Приходи ко мнѣ граммофонъ слушать. Завожу пластинку—Тартаковъ поетъ, а я пасьянсъ раскладываю. Костя опять Богъ его знаетъ гдѣ мечется. То туда уѣдетъ, то сюда. Вчерашній день съ компаніей пріѣхалъ, я имъ завтракъ устраивала. Пришлось на одинъ завтракъ 12 рублей истратить. И скучно съ нимъ, и весело съ нимъ: и досадно на него, и люблю его. То по цѣлымъ днямъ въ газетѣ торчитъ, то своихъ кліентовъ ловитъ: одного страхуетъ, другому диктовальную машину продаетъ. Теперь пріѣзжаютъ къ нему студенты съ этой машиной, а онъ съ ними изъ дома въ домъ. И выручаетъ. Машину продастъ—65 рублей получитъ. Все прибыль. Не держатся только у насъ деньги.

Калерія болтала безъ умолку. Ольга Карповна слушала ее разсѣянно и думала о томъ, что надо непремѣнно отыграться, потому что скоро вернется мужъ. Калерія ушла съ такимъ же шумомъ, съ какимъ пришла. Наступила томительная тишина. Ольга Карповна сѣла за обѣдъ, а потомъ стала писать письмо мужу. Онъ уже прислалъ ей четыре письма, а она успѣла написать только одно и теперь писала о томъ, какъ занимается Катя, какъ играетъ Петя, какъ ихъ здоровье, какъ они проводятъ время и скучаютъ безъ него. Запечатавъ конвертъ, она подумала: „Нянька все равно про клубъ скажетъ... И откуда она знаетъ, куда я ѣзжу?“—и вздохнула. Нянька становилась ей все больше и больше непріятной. Она съ укоромъ слѣдила за нею подслѣповатыми глазами, въ ея присутствіи вздыхала и охала и всегда приговаривала, что теперь кругомъ безпорядокъ. Ольга Карповна однажды ее окрикнула:

— И что это ты, няня, все каръ да каръ? Словно ворона.

— А съ чего радоваться мнѣ,—отвѣтила нянька:—нешто порядокъ у насъ въ домѣ? Посмотри сама, что дѣлается. Лушка теперь фордыбачитъ, что твоя барыня. Просыпаешься ты въ часъ, а то и въ два. Порядку дома никакого: Катя либо учится, либо нѣтъ. Тебя въ глаза не видно. Нешто это дѣло?

— Замолчи, это тебя не касается,—съ раздраженіемъ сказала Ольга Карповна, и отношенія между ними стали еще хуже.

— Кабы не дѣти, бросила бы все, и ушла.

— И иди, дѣти плакать не будутъ.

— Сказала тоже. Плакать не будутъ, а брошенныя совсѣмъ будутъ.

— Не смѣй со мной такъ говорить, а то уходи сейчасъ вонъ!

— Ужъ и испугалась!—сказала нянька и хлопнула дверью.

Счастье оставило Ольгу Карповну. Случалось, что она выигрывала, но всегда ничтожную сумму или дѣлила выигрышъ съ другимъ окончившимъ. И всегда возвращалась домой, имѣя въ карманѣ послѣдній рубль. Каждый вечеръ, уѣзжая въ клубъ, она со страхомъ открывала туалетный ящикъ и видѣла, какъ уменьшаются и уменьшаются деньги. Уже прошло шесть дней, какъ уѣхалъ Павелъ Аркадьевичъ, и отъ всѣхъ денегъ осталось только 25 рублей. Она съ трепетомъ взяла ихъ, поѣхала съ ними въ клубъ, но въ этотъ разъ счастье настолько отвернулось отъ нея, что она не закрыла ни разу даже трехъ номеровъ подъ рядъ. Унылая, растерянная, она проиграла послѣднія деньги и встала отъ стола почти безъ сознанія. Завтра надо жить, послѣзавтра надо жить: пріѣдетъ мужъ, и что она ему скажетъ? И въ такомъ состояніи она вернулась домой и легла въ постель, стараясь заснуть и забыться. Остается послѣднее средство: закладывать и играть. Можетъ-быть, счастье еще улыбнется.

XIII.

Ольга Карповна проснулась съ больной головой и совершенно разстроенными нервами. Мысль, что дѣлать, какъ быть,—мучила ее. Она съ завистью къ прошлому вспоминала свои первые выигрыши и съ недоумѣніемъ думала о проигрышахъ. Ей казалось, что совершается какая-то несправедливость, которая будетъ исправлена: что она должна продолжать игру и добьется прежней удачи. Только надо достать денегъ. Она перебирала въ умѣ вещи, за которыя можно было бы получить значительную сумму, и не находила ни одной цѣнной. Напившись чаю, она встала съ постели и не захотѣла ни одѣться ни причесаться. Въ ночномъ капотѣ, съ распущенными, наскоро подобранными, волосами, съ блѣднымъ, осунувшимся лицомъ, отчего глаза ея стали больше и горѣли лихорадочнымъ блескомъ, она производила впечатлѣніе больной. И сейчасъ же, вставъ съ постели, она словно для успокоенія сѣла писать письмо мужу.

„Милый Павля“,—начала она письмо и задумалась. Что она ему напишетъ? И стала писать обыденныя, банальныя фразы о томъ, что у нихъ все благополучно, что всѣ здоровы, всѣ ждутъ его съ нетерпѣніемъ, а потомъ прибавила: „А за этими деньгами изъ правленія никто еще не приходилъ“.—и вдругъ остановилась, словно увидѣла передъ собою призракъ. Кровь сразу прилила ей въ голову, потомъ медленно отлила. Она провела рукою по лицу.

Въ это время въ комнату вошла Луша:

— Барыня, на расходъ пожалуйте.

— Сейчасъ.

Ольга Карповна выпрямилась, отложила перо, встала, твердой поступью подошла къ туалетному столу, выдвинула ящикъ и, доставъ оттуда конвертъ, выдернула изъ него сторублевую ассигнацію и, подавая Лушѣ, сказала:

— Смотри, не растеряй денегъ. Видишь, здѣсь сто рублей.

— Будьте покойны, барыня, — сказала Луша и, бережно сложивъ бумажку, вышла.

Съ шумомъ захлопнула Ольга Карповна ящикъ туалета, защелкнула замокъ и безсильно опустилась въ кресло.

Растрата! Что же это такое? Кошмаръ? Она вскочила и побѣжала въ кухню, чтобы вернуть Лушу и взять отъ нея деньги, но Луша уже ушла. Ольга Карповна вернулась въ спальню.

„Я заложу какое-нибудь платье и покрою эти 5—6 рублей“,—подумала она и слабо усмѣхнулась, потому что уже знала, что этого не будетъ дѣлать.

Она прошла къ письменному столу мужа, окончила письмо, вложила въ конвертъ, запечатала, надписала адресъ, прилѣпила марку и пошла въ дѣтскую.

Катя уже окончила уроки, и Ольга Карповна стала ее спрашивать. Петя возился со складными домиками, нянька занималась осмотромъ костюмовъ.

— Гулять пойдемъ,—сказала она.

— И хорошо сдѣлаете, — отвѣтила Ольга Карповна вяло, а въ головѣ ея уже проносились мысли объ игрѣ. Въ это время раздался звонокъ.

— Кто бы это?—спросила Ольга Карповна.

— Сейчасъ узнаемъ.

Нянька пошла, и черезъ минуту раздались радостные возгласы:

— Вы, барыня?

— Я, я, няня! А что, твоя барыня дома?

— Дома, дома, пожалуйте. Ужъ какъ рады будутъ!

Ольга Карповна сразу узнала голосъ Карелиной, входившей уже въ столовую.

Дѣти повскакали съ мѣстъ и побѣжали къ ней навстрѣчу съ крикомъ:

— Тетя Надя, тетя Надя!

Ольга Карповна вышла слѣдомъ за ними. Большая, толстая Надежда Захаровна уже цѣловала дѣтей.

— Васъ нужно ждать, какъ свѣтлаго праздника, — заговорила она съ упрекомъ:—ждала, ждала, да вотъ и сама... Господи!—воскликнула она:—что это съ вами, голубушка?

Ольга Карповна виновато улыбнулась:

— Я еще не одѣлась, поздно встала.

— Да не то, не то. Лицо-то, лицо-то у васъ какое, словно мученица. Больны были?

— Нѣтъ,—сказала Ольга Карповна, смущаясь.

— Потому все это съ клубомъ,—заявила нянька.

— Молчи, няня!—остановила ее Ольга Карповна.

Карелина засмѣялась:

— Она у васъ менторомъ.

— Распустили мы ее. Вотъ и все.

Катя и Петя прижались къ Надеждѣ Захаровнѣ, и она ласкала ихъ, продолжая разговаривать съ Ольгой Карповной. Няня пошла хлопотать о завтракѣ. Въ это время вернулась Луша. Ольга Карповна облегченно вздохнула.

Да, это былъ сонъ, кошмаръ. Она сейчасъ эти деньги положитъ назадъ. Потомъ заложитъ свое шелковое платье и вернетъ, что истратила Луша. Надежда Захаровна говорила протяжно и пѣвуче:

— Все съ исторіей возимся. Каждый день выписки, выписки, а сегодня я ему сказала: „Нѣтъ ужъ, голубчикъ, довольно. Я на два дня дѣлаю себѣ отдыхъ“,—и поѣхала по знакомымъ. А и то такъ всѣ обижаются: ни къ тому ни къ этому. Все занята да занята. Въ воскресенье самой дома побыть хочется. Вѣдь мы Степу отдали учиться. Въ пансіонъ. Мой Сергѣй тамъ сталъ преподавать. Ну, а когда же вы къ намъ, голубушка?

— Да ужъ когда мужъ пріѣдетъ.

— То-то. Безъ мужа скучно, да и дѣлъ больше какъ будто.

— Ну,—улыбнулась Ольга Карповна:—когда мужа нѣтъ, дѣла всегда меньше.

Трудъ всегда облагораживаетъ человѣка. Въ Надеждѣ Захаровнѣ было что-то ласковое, бодрящее, что оживляло всѣхъ. Дѣти слушали ее внимательно, широко раскрывъ глаза, и она, говоря съ Ольгой Карповной, время отъ времени перекидывалась съ ними шутками. Ольга Карповна на время забыла удручающія заботы и увлеклась бесѣдой. Нянька охотно прислуживала Надеждѣ Захаровнѣ и угощала ее, какъ свою добрую пріятельницу, на что та ласково говорила ей:

— Спасибо, няня... Благодарю... Хорошая она у васъ, — говорила она Ольгѣ Карповнѣ.—Эти старыя добрыя няни напоминаютъ мнѣ время, когда мы были маленькими, и насъ баловали эти добрыя руки, и улыбались намъ эти сморщенныя старческія лица.—Она вздохнула:—Теперь почти нѣтъ такихъ.

— Зато она меня постоянно то учитъ, то ругаетъ,—капризно сказала Ольга Карповна.

— И есть за что,—ворчливо вмѣшалась няня.—Хоть бы вы сказали ей, барыня. Что это такое?

— А что?—спросила Надежда Захаровна.

Ольга Карповна топнула ногой и не шутя разсердилась.

— Замолчи, няня, и уходи!—сказала она.

Надежда Захаровна тактично перемѣнила разговоръ. Она заговорила о знакомыхъ и потомъ сказала:

— А помните вы высокую такую барышню, стройная блондинка, которая къ намъ приходила тотъ разъ, еще въ лото играла, подлѣ васъ сидѣла? Учительница городская, не только учительница, а и завѣдующая. Вообразите, стала въ лото играть и проиграла казенныя деньги. Въ какомъ была отчаяніи, если бы видѣли! Проиграла-то совсѣмъ нечаянно. Понимаете: одиночество, скучно, пошла, увлеклась. Тамъ, говорятъ, очень оживленно. Проиграла и стала проигрывать день за днемъ, а когда очнулась, оказалось, что проиграла 100 рублей. Хорошо, что нашлись друзья, успѣли помочь ей, а то бы лишилась мѣста и опозорилась. Какъ она плакала, если бы вы ее только видѣли, въ какомъ она была ужасномъ состояніи, когда прибѣжала ко мнѣ и разсказала эту ужасную исторію...

Ольга Карповна вдругъ поблѣднѣла, у нея перехватило дыханіе, и она тутъ же рѣшила, что никогда не дойдетъ до этого состоянія и никогда не вызоветъ этихъ словъ состраданія.

Надежда Захаровна просидѣла до самаго обѣда. Когда она уходила, Ольга Карповна крѣпко ее расцѣловала, а дѣти повторяли:

— Приходите, тетя Надя, къ намъ скорѣе.

Нянька проводила ее до самой площадки лѣстницы и тамъ что-то шептала ей, пока Ольга Карповна не закричала:

— Няня, иди дѣтей кормить!

Няня вернулась. Ольга Карповна пообѣдала и почувствовала непреодолимую слабость. Ломбардъ открытъ до 10 часовъ. И она пошла въ спальню, чтобы прилечь.

Когда она проснулась, кругомъ была тишина. Въ комнату падалъ слабый свѣтъ отъ уличныхъ фонарей. Она подумала, что уже ночь, но въ это время часы гулко пробили десять, и она сразу встрепенулась, сѣла на постель и испуганными глазами стала смотрѣть въ темноту.

— 10 часовъ. Напиться чаю и итти.

Какъ разъ къ самому разгару игры. „А ломбардъ? Деньги?“—мелькнуло у нея въ мысляхъ и тотчасъ заслонилось страстнымъ желаніемъ играть.

Она сбросила ноги съ постели, рѣшительно встала, повернула кнопку электрическаго свѣта и подошла къ зеркалу. Сонъ подкрѣпилъ ее, и теперь щеки ея казались полнѣе и румянѣе, а глаза смотрѣли безъ тревожнаго блеска. Она прошла въ дѣтскую, гдѣ уже спали дѣти, оттуда въ кухню, гдѣ нянька сидѣла у стола и что-то бубнила Лушѣ, которая разогрѣвала самоваръ.

— Давайте чай,—сказала Ольга Карповна.—Самоваръ не надо. Я одѣнусь, выпью и уйду.

— Опять?—не вытерпѣла нянька.

Ольга Карповна сердито отвѣтила:

— Няня, разъ навсегда брось ты эти разговоры!—и прошла къ себѣ въ спальню.

„Это безобразіе, до чего можно распустить человѣка! Она, кажется, дѣйствительно, воображаетъ себя въ правѣ дѣлать мнѣ замѣчанія и говорить укоры. Охъ, ужъ эти старыя дуры!“

Ольга Карповна торопливо одѣлась, торопливо выпила чаю, торопливо, почти не глядя въ конвертъ, на ящикъ съ деньгами, взяла оттуда четыре бумажки, заперла ящикъ и, сунувъ деньги въ портмонэ, вышла изъ дома.

Трепетно билось ея сердце, когда она сидѣла въ вагонѣ трамвая, и она старалась прогнать тѣ мысли, которыя вихремъ кружились у нея въ головѣ. Мелькало сознаніе, что она взяла чужія деньги; что растратой ихъ она лишитъ чести мужа: что нѣтъ чернѣе поступка, чѣмъ тотъ, который она сдѣлала. Но тутъ же загоралась надежда, что она выиграетъ и поправитъ свои дѣла.

Она то волновалась, хотѣла выскочить изъ вагона трамвая и итти назадъ домой: то вдругъ замирала и закрывала глаза, представивъ себѣ шумную залу, играющихъ, тѣ номера, которые она закрываетъ одинъ за другимъ, и желанный выигрышъ. Дни ея удачъ, когда она приносила домой деньги, ярко вспоминались ей и сулили возможность новой удачи. Она уже стремилась только скорѣе пріѣхать, войти въ эту залу и погрузиться въ игру съ ея номерами, съ ея таинственной судьбой.

Но отвернулось отъ нея счастье.

Она была въ залѣ, она дышала этой скверной атмосферой, она играла, трепеща и замирая, весь долгій вечеръ и, когда сказали, что игра кончилась, увидѣла, что дѣйствительно игра кончена: у нея осталось въ кошелькѣ три рубля съ мелочью.

Съ мертвеннымъ лицомъ, медленно, какъ автоматъ, пошла она къ выходу.

XIV.

Кошмарными видѣніями наполнилась темнота ея спальни, когда она загасила свѣтъ, и Ольга Карповна металась по своей постели, съ ужасомъ переживая грядущій позоръ и упреки мужа. Она зарылась головой въ подушки и плакала скорбными слезами.

Будь проклята эта игра!.. Затѣмъ сонъ смежилъ ея вѣки, она заснула крѣпкимъ, мертвымъ сномъ, а когда проснулась, и въ окно брызнули яркіе лучи солнца, отъ которыхъ она зажмурила заспанные глаза, къ ней вдругъ вернулось тихое спокойствіе. Такъ бываетъ съ тонущими, выбившимися изъ силъ: они опускаютъ руки и погружаются въ бездну, думая, „будь, что будетъ“. Она вдругъ рѣшила, что еще есть возможность отыграться, а если это не удастся, то все равно, что 50 рублей, что 200.

И съ этими мыслями она спокойно позвала няню, дала денегъ на расходъ Лушѣ; напилась чаю, встала, умылась и расчесала свои волосы. Днемъ она занималась съ Катей, потомъ повела дѣтей гулять и катала на извозчикѣ. Она вернулась домой спокойная, только веселья не было въ ея глазахъ, и черты ея лица какъ бы окаменѣли. Она сѣла писать мужу письмо, написала: „Милый Павля“ и изорвала бумагу. Слова не сходили съ ея пера, но сегодня это не волновало ея. Ее больше волновала возможность выигрыша, и рисовался предстоящій вечеръ.

Теперь она уже шла играть, словно на сраженіе. Она спокойно отсчитала пятьдесятъ рублей денегъ, медленно одѣлась и неторопливо вышла изъ дома. Въ головѣ ея бродили странныя суевѣрныя мысли:

„Если встрѣтится первой женщина, то непремѣнно выиграетъ; мужчина—проиграетъ“.

Улица, какъ нарочно, была пустынна. Вдругъ изъ-за угла выскочилъ мальчишка и быстро пронесся мимо. Она вздрогнула, но тутъ же слабо улыбнулась: „Это не женщина и не мужчина, а мальчикъ. Что дальше?“ Потомъ она встрѣтила сразу мужчину и женщину, идущихъ подъ руку, и снова успокоилась: „ни мужчина ни женщина;“ а потомъ встрѣтила мужчину, вздрогнула, но тутъ же мысль, не желающая допустить проигрыша, подсказала ей: „я думала о первой встрѣчѣ, а это уже третья“...

И когда она сѣла въ трамвай, то задумала на номеръ: получитъ билетъ съ номеромъ четнымъ—выиграетъ, нечетнымъ—проиграетъ, и конечныя цифры ея билета оказались 42. И опять у нея явилась мысль: „Я буду искать карту съ 42,—она выиграетъ“, Идя въ клубъ, она задумала: „Ступлю правой, или лѣвой? Постараюсь наступить правой“. Встрѣтится ли ей знакомый, или незнакомый: „постараюсь встрѣтить знакомаго“. Сниметъ пальто Петръ или Иванъ,—и нарочно подождала, когда освободился Петръ и снялъ съ нея пальто. И, успокоенная этими примѣтами, она вошла въ комнату для записи величественно, спокойно.

Нинкусъ словно поджидалъ ее, и его отвислыя губы расплылись въ улыбку, а глаза засверкали масленымъ блескомъ.

— Какъ вы всегда очаровательны!—произнесъ онъ, жадно цѣлуя ея руку.

— Дѣйствительно,—сказалъ, расшаркиваясь и цѣлуя ея другую руку, Скрипка.

Ее коробило отъ этой фамильярности, но она спокойно перенесла ее и вошла въ игорную залу, гдѣ уже были заняты почти всѣ мѣста. Игра была въ полномъ разгарѣ. Выдача дошла до 48 рублей.

Ольга Карповна поздоровалась съ нѣсколькими играющими и прошла на свое любимое мѣсто, откуда была видна доска и ясно доносился голосъ, произносящій номера. Она сѣла, дождалась окончанія игры и взяла себѣ три карты.

Сидящая противъ нея барыня съ накрашенными бровями закивала ей, какъ старой знакомой, и спросила:

— Что́ такъ поздно?

— Поздно? Я всегда прихожу въ это время, — отвѣтила Ольга Карповна.

— А здѣсь только-что исторія была,—сказала барыня съ накрашенными бровями.

— Какая?

— Двое играли, мужъ и жена: знаете, старикъ со старухой? Поругались, да такъ, что ихъ вывели.

Ольга Карповна слабо улыбнулась.

Что́ ей эти интересы, всѣ новости, которыми заняты здѣсь играющіе между собой? Теперь у нея одинъ интересъ: выиграть и покрыть всѣ расходы, которые влекутъ ее въ позоръ.

И она жадно погрузилась въ игру, когда стали выкликать номера. Это была ка́кая-то мука, агонія.

Она проиграла и первую, и вторую игры. Тогда она обратилась къ сидящей противъ нея старухѣ и сказала:

— Хотите заработать деньги?

— А какъ?—спросила та, перегнувшись черезъ столъ.

— Берите за меня три карты. Если вы выиграете, я дамъ вамъ пять рублей.

Старуха радостно закивала, отчего наколка на ея головѣ зловѣще закачалась.

— Я выиграю, выиграю!—радостно сказала она и жадно схватила три карты.

Если бы Ольга Карповна предложила ей просто слѣдить за номерами, то она и тогда съ жадностью согласилась бы, потому что ей нравился самый процессъ игры.

Игра началась.

Судьба зло посмѣялась надъ Ольгой Карповной. Она взяла за руку Счастье и передвинула его отъ нея — вонъ къ той, въ простой сатиновой кофтѣ, гладко причесанной, съ бархаткой на шеѣ, дѣвушкѣ, которая каждый разъ кричала: „довольно" и радостно хлопала въ ладоши. Молодые окружающіе ее люди весело смѣялись и хлопали ее по плечу. Кто-то съ другого конца стола закричалъ:

— Теперь, Анюта, будешь шампанское пить!

Лысый толстякъ съ брильянтомъ въ галстукѣ хрипло сказалъ:

— Пусть Анюта захочетъ—и ее выкупаютъ въ шампанскомъ.

Старуха сердито прошамкала:

— Вотъ всегда везетъ этимъ шлюхамъ. Приходятъ сюда, чтобы кого-нибудь замарьяжить, да еще выигрыши отбиваютъ.

— Завидно, старушка?—сказалъ молодой купчикъ въ черномъ бархатномъ жилетѣ съ толстой серебряной цѣпью на шеѣ.

— Я съ вами не ,разговариваю, — сердито отвѣтила старуха и обратилась къ Ольгѣ Карповнѣ:—Будемъ еще играть?

Ольга Карповна раскрыла портмонэ и увидѣла въ немъ три рубля съ мелочью. Она покраснѣла, торопливо вынула три рубля и отвѣтила:

— Сыграемъ!

Старуха радостно закивала.

Ольгѣ Карповнѣ она показалась зловѣщей птицей въ своей наколкѣ съ загнутымъ носомъ.

Она взяла три карты, и вдругъ лицо ея оживилось: на всѣхъ трехъ картахъ было 42,—номеръ трамвайнаго билета. Ну, теперь она выиграетъ!

Но она не выиграла и теперь.

— Это совсѣмъ плохая система,—раздался подлѣ нея слащавый голосъ.

Она оглянулась и увидѣла противное лицо Пинкуса, его отвислыя губы и жадные глаза:

— Берите пять картъ, десять. Разъ нѣтъ счастья — все равно ничего не выйдетъ. Играйте всегда на одной. Вотъ выигрышъ! Здѣсь берутъ 400 картъ. Что́ значитъ одна или двѣ?

Ольга Карповна холодно отвернулась отъ него, машинально вынула портмонэ и заглянула въ него.

— Позвольте одолжить вамъ до завтра, — вкрадчиво сказалъ Пинкусъ, вынимая бумажникъ.

Краска прилила къ ея лицу.

— Дайте!..—отвѣтила она, не сознавая, что́ говоритъ, и тотчасъ увидѣла въ рукѣ 25 рублей. Она подняла глаза и вздрогнула при видѣ его плотояднаго лица.

— Благодарю васъ,—сказала она какъ можно холоднѣе и тотчасъ спросила шесть картъ.

— Будемъ играть дальше,—сказала она старухѣ.

— Теперь мы навѣрное выиграемъ. Выдача 68 рублей! — воскликнула старуха и жадно взяла карты.

Ольга Карповна сдѣлала попытку улыбнуться, но если бы она играла теперь не на шести, а на шестидесяти шести картахъ — она все-таки проиграла бы все. Равновѣсіе духа, здоровье и равнодушіе къ выигрышу всегда оцѣниваются Судьбой.

Когда раздался звонокъ, и игра кончилась, Ольга Карповна вышла изъ клуба и остановилась на панели въ раздумьѣ:

„Что́ же это такое? Завтра уже не отыграться..."

— Будете завтра? — раздался вдругъ подлѣ нея старушечій голосъ, и она съ отвращеніемъ увидѣла свою партнершу, въ полинявшемъ капорѣ, въ драномъ пальто, съ облѣзлой мѣховой шалью на плечахъ. Она ничего ей не отвѣтила и поспѣшно сѣла на извозчика:

„Домой, домой..."

Она ѣхала по пустыннымъ улицамъ, и въ головѣ ея не было никакихъ мыслей: все сбилось въ сплошной хаосъ. Представлялось передъ нею страшное, противное лицо Пинкуса, сіяло радостное наивное лицо дѣвушки, хлопающей въ ладоши, слышались пошлые возгласы, и вдругъ вставала противная старая вѣдьма.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. И. Макушинъ.

(Съ портр. и рис. на этой стр.).

Бываютъ на землѣ счастливцы, которые, озираясь на пройденный жизненный путь, имѣютъ право съ гордостью сказать: „Нѣтъ, весь я не умру!..." Это—тѣ люди, жизнь которыхъ была посвящена какому-нибудь хорошему дѣлу, мысль и чувство которыхъ не теряли связи съ насущными задачами вѣка, которые понимаютъ, что жизнь только тогда достойна и прекрасна, когда она есть трудъ, озаренный свѣтомъ идеи. Къ числу такихъ избранниковъ принадлежитъ видный сибирскій работникъ на нивѣ просвѣщенія народнаго—П. И. Макушинъ. Его имя знаетъ вся Россія, но оно особенно популярно и любимо въ Сибири, гдѣ много культурныхъ начинаній обязано своимъ возникновеніемъ и существованіемъ чуткому сердцу и дѣятельному уму этого въ истинномъ смыслѣ слова хорошаго человѣка.

П. И. Макушинъ. Сибирскій общественный дѣятель. По фот. П. и Л. Пеньковыхъ, въ Томскѣ.

Главный фасадъ зданія, выстроеннаго П. И. Макушинымъ въ г. Томскѣ для Народнаго университета съ аудиторіями на 1.200 человѣкъ.

„Николай Ставрогинъ". Марья Тимоѳеевна и Ставрогинъ. (М. П. Лилина и В. И. Качаловъ).

„Николай Ставрогинъ". Шатовъ. (Н. І. Массалитиновъ).

Петръ Ивановичъ Макушинъ, по происхожденію пермякъ, вышелъ изъ глуби народной. Онъ—сынъ бѣднаго дьякона, но на мѣдныя деньги образовалъ золотой умъ и воспиталъ золотое сердце. Въ юности готовился къ духовному званію, но со студенческой скамьи духовной академіи вступилъ въ жизнь, не ожидая диплома, и въ 1865 г., двадцатилѣтнимъ, полнымъ силъ и надеждъ, молодымъ человѣкомъ увлекся дѣломъ распространенія и утвержденія христіанства на Алтаѣ и присоединился къ Алтайской церковной миссіи для приготовленія миссіонеровъ изъ среды тамошнихъ инородцевъ. Онъ тогда же поставилъ своей ближайшей цѣлью устроить при миссіи училище, которое послужило бы началомъ цѣлой сѣти инородческихъ школъ на Алтаѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ организованное имъ центральное училище дало миссіи хорошо приготовленныхъ учителей для пятнадцати новыхъ школъ. Занятія въ будни съ дѣтьми, бесѣды съ взрослыми въ праздничные дни, разъѣзды по краю, изученіе мѣстныхъ языковъ, быта, вѣрованій глубоко захватили молодого работника, не смущавшагося при этомъ самыми тяжелыми матеріальными лишеніями. Въ 1868 г. П. И. покинулъ Алтай, гдѣ устроенное имъ училище было поставлено такъ прочно, что уже могло существовать безъ него, и переѣхалъ въ Томскъ, на должность смотрителя духовнаго училища. Онъ занималъ ее пять лѣтъ и запущенное учебное заведеніе сдѣлалъ образцовымъ, изгналъ розгу и ввелъ ручной трудъ, учителей научилъ дѣйствовать на дѣтей не страхомъ, а довѣріемъ. Но и это поприще казалось ему узкимъ. „Грамотность, даваемая школой, — говорилъ онъ: — еще не образованіе, а только ключъ къ сокровищамъ знанія". А богатая Сибирь была тогда еще очень бѣдна этими сокровищами. Во всей странѣ не было ни одного книжнаго магазина, даже въ такомъ городѣ, какъ Томскъ, не было общественной библіотеки. П. И. рѣшилъ заняться распространеніемъ книги и, оставивъ для этого свое училище, открылъ библіотеку, а вскорѣ (1873 г.) и книжный магазинъ. Нельзя было вѣрнѣе сознать потребности края: лѣтъ черезъ пятнадцать магазинъ насчитывалъ рядъ отдѣленій въ разныхъ городахъ Западной и Восточной Сибири и имѣлъ постоянныя сношенія съ четырьмя тысячами корреспондентовъ. Изъ рѣдкаго товара книга, благодаря П. И., стала однимъ изъ самыхъ ходкихъ въ Сибири. Избранный въ 1875 г. гласнымъ томской городской думы, П. И. и на этомъ новомъ служебномъ поприщѣ занялся прежде всего своимъ любимымъ дѣломъ, обративъ вниманіе на городскія школы, и сталъ во главѣ учрежденной по его почину исполнительной училищной комиссіи. Онъ самъ работалъ и другихъ умѣлъ увлекать, — число училищъ и учащихся стало быстро расти, школы обзавелись лучшими помѣщеніями, открылись спеціальныя библіотеки для учениковъ, педагогическій музей. Уже въ 1833 г. въ Томскѣ одинъ учащійся приходился на 35 жителей, — цифра внушительная, особливо, если принять во вниманіе, что въ Москвѣ въ 1886 г. одинъ ученикъ начальной школы приходился на 75 человѣкъ. Одна изъ городскихъ школъ недаромъ названа „Макушинской". Но П. И. мало показалось вовлечь въ

„Николай Ставрогинъ". Лиза. (Л. М. Коренева).

„Николай Ставрогинъ". Варвара Петровна. (Н. С. Бутова).

„Николай Ставрогинъ". Даша. (В. В. Барановская).

Московскій Художественный театръ. Сценическіе типы изъ пьесъ „Николай Ставрогинъ", „Мысль" и „Хозяйка гостиницы".

По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

„Николай Ставрогинъ". Петръ Степановичъ Верховенскій. (И. Н. Берсеневъ).

школьное дѣло представителей города и профессіональныхъ работниковъ, — онъ заразилъ своей энергіей и обывателей и основалъ (1882 г.) „Общество попеченія о народномъ образованіи" и первыя десять лѣтъ безсмѣнно состоялъ его предсѣдателемъ. Не говоря о моральныхъ результатахъ дѣятельности этого учрежденія, стоитъ упомянуть, что въ свое первое двадцатилѣтіе оно собрало на дѣло народнаго образованія 200.000 руб. Затѣмъ послѣдовали безплатная общенародная библіотека, музей прикладныхъ знаній, общество содѣйствія вечернимъ общеобразовательнымъ классамъ, „Общество содѣйствія устройству сельскихъ безплатныхъ бибіотекъ-читаленъ въ Томской губерніи", открывшее уже болѣе 350 библіотекъ, на которыя П. И. единолично пожертвовалъ 40.000 руб., регентскіе лѣтніе курсы для учителей народныхъ школъ, содержимые на средства П. И., и т. д., и т. д., и т. д.,—настоящій потокъ добрыхъ дѣлъ, оправдавшихъ девизъ П. И.: „ни одного неграмотнаго!"... Еще въ 1889 г. Вольное Экономическое Общество единогласно присудило П. И. „за выдающіеся и многолѣтніе труды на пользу народнаго образованія въ Сибири" рѣдкую почетную награду—большую золотую медаль.

Вѣнцомъ дѣятельности П. И. является томскій „домъ науки", народный университетъ, объ утвержденіи устава котораго хлопочетъ въ настоящее время неутомимый семидесятилѣтній старецъ, нынѣ почетный гражданинъ города Томска, который столькимъ ему обязанъ. На содержаніе народнаго университета П. И. пожертвовалъ двѣсти тысячъ рублей и выстроилъ для него спеціальное зданіе стоимостью въ сто десять тысячъ. Съ скромностью, которую мы назвали бы чрезмѣрной, въ рѣчи, произнесенной на торжествѣ открытія этого зданія, 7 октября 1912 г., П. И. назвалъ народный университетъ „ручейкомъ, проводящимъ живую воду знанія"... „По мысли учредителей, — говорилъ П. И.: — университетъ долженъ служить широкому распространенію общаго и, въ частности, высшаго научнаго образованія и привлеченію симпатій населенія къ наукѣ и знанію. Проектируемый университетъ, кромѣ академическаго отдѣленія, преслѣдующаго цѣли систематическаго высшаго образованія, будетъ имѣть научно-популярное отдѣленіе, которое служило бы подготовительною школою для лицъ, желающихъ получить образованіе на академическомъ отдѣленіи, но не обладающихъ къ тому достаточною подготовкою. Въ задачи этого отдѣленія должно входить сообщеніе, въ объемѣ программъ средней школы, научныхъ знаній лицамъ, которыя, по недостатку средствъ, времени и по другимъ обстоятельствамъ, не имѣли возможности въ годы юности получить среднее образованіе. Народный университетъ имѣетъ въ виду обслуживать просвѣтительныя нужды по преимуществу пасынковъ русскаго просвѣщенія, т.-е. обездоленные въ культурномъ отношеніи слои общества. Онъ идетъ навстрѣчу всѣмъ, въ комъ есть серьезное стремленіе къ знанію, но кто лишенъ возможности проходить регулярную школу... Учиться можно и должно всю жизнь отъ юности до старости. Поистинѣ, счастливы тѣ, въ комъ сохраняется эта жажда знанія. Задача народнаго университета—поддерживать и раздувать этотъ священный, животворящій огонекъ. Мы всѣ собрались здѣсь подъ знаменемъ идеи широкаго всеобщаго распространенія свѣта и знанія. Унесемъ же отсюда горячее сочувствіе къ этой идеѣ и, въ частности, дѣятельное и живое сочувствіе къ возникающему въ нашемъ городѣ народному университету и постараемся зажечь это сочувствіе въ сердцахъ нашихъ знакомыхъ, отсутствующихъ здѣсь. Это будетъ актомъ проявленія нашей любви къ родинѣ, актомъ Христовой братской любви къ сидящимъ во тьмѣ".

„Николай Ставрогинъ". Лебядкинъ. (В. Ф. Грибунинъ).

„Мысль". Керженцевъ. (Л. М. Леонидовъ).

„Мысль". Савеловъ (И. Н. Берсеневъ).

„Мысль". Татьяна Николаевна. (В. В. Барановская).

Московскій Художественный театръ. Сценическіе типы изъ пьесъ „Николай Ставрогинъ", „Мысль" и „Хозяйка гостиницы".
По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

Пожелаемъ старому благородному труженику до конца дней своихъ, долгіе, долгіе годы хранить, не угашая въ своемъ сердцѣ огонь дѣятельной любви къ добру, и съ прежней неутомимостью, несмотря ни на какія препятствія, служить народному просвѣщенію, исторія котораго никогда не забудетъ имени П. И. Макушина. Н. Л.

Московскій Художественный театръ.

(Съ 13 рис. на стр. 453—455).

„Хозяйка гостиницы". Графъ д'Альбафіорита (А. Л. Вишневскій).

Московскій Художественный театръ, руководимый К. С. Станиславскимъ и В. И. Немировичемъ-Данченко, пользуется большими симпатіями у нашей театральной публики. Нечего и говорить, конечно, что слава, которую Московскій Художественный театръ пріобрѣлъ, вполнѣ имъ заслужена: рѣдко можно видѣть гдѣ-либо въ другой театральной труппѣ такую артистическую сплоченность, такой художественный ансамбль, какъ у москвичей.

Въ нынѣшній свой пріѣздъ въ Петербургъ москвичи привезли три новинки: „Николая Ставрогина" (инсценировка „Бѣсовъ" Достоевскаго), „Мысль" Леонида Андреева и „Трактирщицу" К. Гольдони, переименованную москвичами въ „Хозяйку гостиницы".

Московскій Художественный театръ уже не въ первый разъ инсценируетъ Достоевскаго. Всѣмъ намъ памятна постановка на его сценѣ „Братьевъ Карамазовыхъ". На этотъ разъ москвичи взяли чуть ли не самый сложный и глубокій изъ романовъ нашего великаго психолога. „Бѣсы", въ сущности, просто не могли бы уложиться въ сценическія рамки, даже при условіи введенія чтеца-истолкователя, какъ это было въ „Братьяхъ Карамазовыхъ": такъ сложна, пестра и многогранна фабула „Бѣсовъ". Но въ то же время образы и типы этого романа настолько интересны, самая судьба ихъ такъ захватываетъ читателя, что становится вполнѣ понятнымъ искушеніе инсценировать и это произведеніе Достоевскаго.

„Хозяйка гостиницы". Мирандолина и маркизъ ди-Форлипополи. (О. В. Гзовская и Г. С. Бурджаловъ).

Художественный театръ, впрочемъ, значительно ограничилъ самъ себя въ этой инсценировкѣ. Вмѣсто всего романа намъ показали только частичный эпизодъ его—исторію Николая Ставрогина—„Ивана Царевича", этого страннаго аристократа-революціонера, загадочнаго въ своихъ тяготѣніяхъ и отталкиваніяхъ отъ революціонныхъ „бѣсовъ" и таящаго въ себѣ черты своеобразнаго демонизма, за которымъ скрывается просто душевная болѣзнь. Москвичи поставили Ставрогина въ главу пьесы, окружили его наиболѣе выдающимися персонажами изъ романа и дали картину его переживаній. Но самихъ „бѣсовъ" мы почти не увидали.

Во всякомъ случаѣ и то, что̀ намъ дано сейчасъ, представляетъ значительный интересъ. Правда, не зная романа, не читавъ его, трудно понять сплошь все то, что̀ происходитъ на сценѣ. Но съ этимъ приходится считаться: слѣдуетъ предположить, что зритель уже знакомъ съ романомъ „Бѣсы". И тогда зрителю становится крайне интересно слѣдить за развертывающейся на сценѣ картиной душевныхъ переживаній Ставрогина, Лизы, Верховенскаго, Шатова и Дашеньки. Этими лицами, включая сюда еще Варвару Петровну, Верховенскаго-отца, капитана Лебядкина и несчастную хромоножку-сестру его, и ограничивается сценическій антуражъ „Николая Ставрогина".

Лица выбраны, пожалуй, наиболѣе характерныя. Въ особенности капитанъ Лебядкинъ, хромоножка Лебядкина и старикъ Верховенскій, въ лицѣ котораго Достоевскій, какъ извѣстно, пытался изобразить одного изъ видныхъ русскихъ писателей. И лица эти превосходно изображены артистами Художественнаго театра. Они сумѣли до такой степени войти въ художественные замыслы самого Достоевскаго, что когда мы читаемъ „Бѣсовъ", именно такими представляемъ себѣ героевъ романа, какими явились они предъ нами на сценѣ Художественнаго театра.

„Николай Ставрогинъ" поставленъ въ Художественномъ театрѣ въ 11 картинахъ. Инсценировка начинается сценой на паперти, когда Варвара Петровна увозитъ къ себѣ домой хромоножку. Затѣмъ воспроизводится рядъ событій, вытекающихъ изъ женитьбы Ставрогина на хромоножкѣ, кошмарный романъ его съ Лизой, убійство Лебядкиныхъ въ Зарѣчьѣ и наконецъ — гибель Лизы и самого Ставрогина. Въ этихъ рамкахъ умѣщается также извѣстное жуткое посѣщеніе Ставрогина ночью Шатова и изумительный по своей внутренней силѣ разговоръ съ Шатовымъ о „народѣ-богоносцѣ".

Мы уже говорили о типахъ. Но и обстановка и декораціи (худ. М. В. Добужинскаго) изумительно стильны и характерны. Чего стоитъ хотя бы паперть у монастыря, съ толпой богомольцевъ, съ барышнями и дамами въ костюмахъ 70-хъ годовъ, съ множествомъ мелкихъ характерныхъ подробностей... Ради одной этой картины стоитъ посмотрѣть „Ставрогина". Далѣе, рядъ изумительныхъ interieur'овъ у Варвары Петровны, у Шатова, у Лебядкина... И какъ поразительно передано настроеніе той осенней, дождливой ночи, когда Ставрогинъ путешествуетъ по городскимъ захолустьямъ къ Шатову, къ Лебядкинымъ. Какой безпросвѣтный мракъ и невылазная грязь и холодъ осени чувствуются за стѣнами. Эти картины поистинѣ лучшія во всемъ спектаклѣ.

О постановкѣ „Мысли" много говорилось и писалось. Отъ пьесы ждали очень многаго, потому что разсказъ Л. Андреева на ту же тему и съ тѣмъ же названіемъ пользуется заслуженной популярностью. Вѣроятно, черезчуръ повышенныя ожиданія привели къ тому, что критикѣ пьеса не особенно понравилась. И совершенно незаслуженно.

Произведенія Андреева можно любить или не любить, но съ ними всегда приходится считаться, какъ съ произведеніями яркаго и своеобразнаго таланта, у котораго все—даже ошибки—интересно и достойно вниманія. Разсказъ „Мысль", кажется, признанъ всѣми — и врагами и друзьями Андреева: онъ слишкомъ говоритъ самъ за себя. Что̀ касается пьесы, то въ ней есть кое-что надуманное, чувствуется тезисъ, къ которому кое-что подгоняется съ нѣкоторой долей искусственности. Но за всѣмъ тѣмъ мимо этой пьесы равнодушно пройти невозможно. И нельзя уйти съ ея представленія, не досидѣвъ до послѣдняго момента,—она захватываетъ.

Докторъ Керженцевъ живетъ въ „блестящемъ одиночествѣ", во власти своего „царственнаго ума", одинъ-на-одинъ съ своей гордой мыслью. Для него нѣтъ никакихъ моральныхъ запретовъ, потому что мысль побѣждаетъ все. И чувствуя свое умственное превосходство надъ людьми, зная, что ихъ можно покорить и усыпить силой своего ума и внушенія, онъ идетъ на преступленіе. Но мысль ему измѣняетъ: докторъ Керженцевъ не можетъ удержаться на скользкой грани между умомъ и безуміемъ и, воображая, что

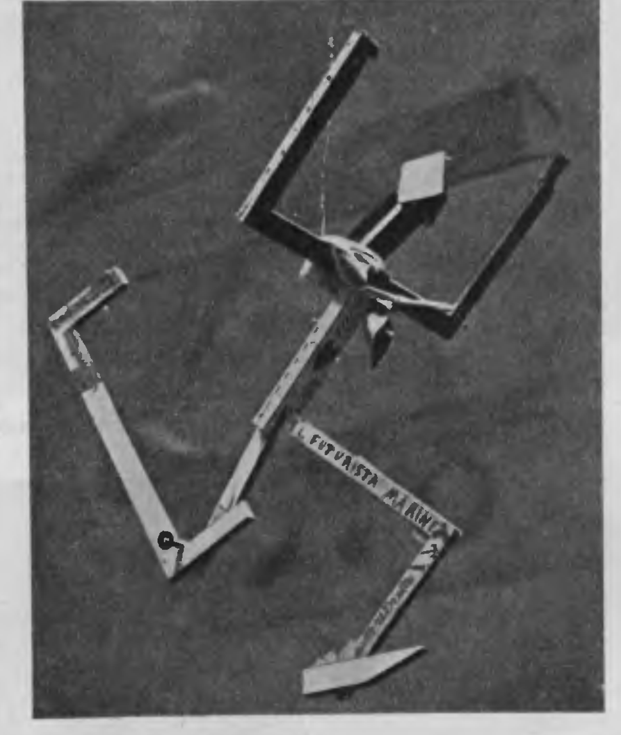
„Хозяйка гостиницы". Фабриціо. (Р. В. Болеславскій).

Московскій Художественный театръ. Сценическіе типы изъ пьесъ „Николай Ставрогинъ", „Мысль" и „Хозяйка гостиницы".
По фот. К. Фишера, въ Москвѣ.

заставитъ людей повѣрить въ свое мнимое сумасшествіе, оказывается дѣйствительно сумасшедшимъ. И до послѣдняго заключительнаго момента пьесы терзается страшнымъ душевнымъ раздвоеніемъ: онъ ли побѣдилъ мысль, или она его побѣдила?..

Изумительно играя Керженцева, артистъ Леонидовъ далъ такую выпуклую фигуру сильнаго человѣка, впадающаго въ трагическое безсиліе душевной болѣзни, что сумасшествіе доктора встаетъ предъ нами во всей ужасающей полнотѣ. И тѣ сцены, гдѣ сумасшествіе только еще зарождается (1-й и 2-й акты), гдѣ докторъ еще говоритъ языкомъ здравомыслящаго человѣка, производятъ особенно потрясающее впечатлѣніе. Грань между безуміемъ и здравымъ смысломъ еще не пройдена, но докторъ уже говоритъ такія пугающія вещи, что мы чувствуемъ позади его какую-то черную яму. Жуткость все нарастаетъ. Леонидовъ съ истинно-художественнымъ тактомъ оттѣняетъ это нарастаніе. И когда онъ схватываетъ прессъ-папье и идетъ убивать Савелова, крича ему: „Опусти руку, я тебя убью!“—зритель видитъ остановившійся безумный взглядъ доктора и самъ попадаетъ подъ гипнозъ этого страшнаго взгляда. И ему становится понятно, почему Савеловъ опустилъ руку, почему его жена молча стоитъ и смотритъ — и только потомъ кидается съ крикомъ къ убиваемому... Мысль на этотъ разъ какъ будто побѣдила. Но черезъ минуту она уже падаетъ, какъ подстрѣленная птица: докторъ Керженцевъ идетъ домой, хохочетъ, потираетъ отъ удовольствія руки—и вдругъ начинаетъ галлюцинировать... Онъ упалъ въ черную яму.

Весь интересъ пьесы, весь цвѣтъ ея —въ основной фигурѣ Керженцева-Леонидова. Пьесу надо смотрѣть хотя бы ради одного Леонидова. Что касается постановки и обстановки, то и здѣсь, какъ всегда и вездѣ, москвичи показали себя съ самой блестящей стороны.


Футуристсиая скульптура. Автопортретъ Маринетти. Наши читатели знакомы уже съ исторіей возникновенія футуризма по статьѣ А. Дейча «Въ станѣ разноголосыхъ» (въ Лит. Прил. №№ 1 и 2 1914 г.). Мы помѣщаемъ здѣсь «скульптурный портретъ» главы футуризма, изготовленный имъ самимъ изъ старыхъ коробокъ, деревянныхъ планокъ и кусковъ листового желѣза.

Послѣ той тьмы, въ которой протекаетъ жуткая исторія доктора Керженцева, особенно ярко сіяетъ солнце Флоренціи въ веселой и незатѣйливой комедіи Гольдони „Хозяйка гостиницы“. Эта комедія хорошо извѣстна петербуржцамъ: въ ней играла покойная Коммиссаржевская, въ ней же мы видѣли и интересную итальянскую артистку Тину ди-Лоренцо. Московскій Художественный театръ остановилъ свой выборъ на пьесѣ Гольдони по той же причинѣ, по какой онъ поставилъ и комедіи Мольера: какъ Мольеръ, такъ и Гольдони принадлежатъ къ классическимъ драматургамъ. Ихъ произведенія—тотъ родникъ, изъ котораго вытекаетъ вся современная драматическая литература. Настоящій, серьезный театръ никакъ не можетъ миновать этой классической литературы-родоначальницы, тѣмъ болѣе, что въ произведеніяхъ Гольдони сверкаетъ сама жизнь: Хозяйка гостиницы“, какъ великолѣпная даже въ чисто техническомъ отношеніи пьеса и какъ неизсякаемый родникъ живого смѣха и милой сатиры, никогда не умретъ.

И надо видѣть, какъ много жизни вложилъ московскій театръ въ эту пьесу, и безъ того насыщенную жизнью. Какія живыя фигуры создали здѣсь Станиславскій (кавалеръ Рипарфратта—„ненавистникъ женщинъ“), Вишневскій (маркизъ Форлипополи) и Гзовская-Мирандолина, очаровательная хозяйка гостиницы, за которой взапуски ухаживаютъ и маркизъ, и графъ, и даже, въ концѣ концовъ, самъ „ненавистникъ женщинъ“. Нельзя безъ смѣха видѣть это всеобщее ухаживаніе, въ результатѣ котораго Мирандолина одурачиваетъ и графовъ и кавалеровъ и объявляетъ своимъ избранникомъ Фабриціо, слугу ея гостиницы...

Москвичи-художники сумѣли вдохнуть въ пьесу такой темпераментъ, какого въ ней и не чувствуется, когда ее смотришь въ иномъ исполненіи. Въ театрѣ царилъ живой, беззаботный смѣхъ, сіяло итальянское солнце. Московскіе артисты сумѣли придать этимъ сценамъ характеръ непосредственной и милой веселости. Художественный театръ рѣшилъ здѣсь почти невыполнимую задачу: сочеталъ безшабашное итальянское буффонство съ художественнымъ тактомъ и чувствомъ мѣры. Значительно помогли въ данномъ случаѣ, конечно, изящная игра Мирандолины-Гзовской и ея грація. Гзовская и Станиславскій уже одни обезпечили бы этой пьесѣ успѣхъ. Но и всѣ остальные исполнители въ этой пьесѣ безподобны.

Нельзя не прійти въ восторгъ и отъ изумительныхъ декорацій „Хозяйки“: онѣ исполнены по эскизамъ Александра Бенуа. Въ нихъ бездна колоритности и солнца, и передъ зрителями встаетъ такая дивная панорама старой Флоренціи съ голубѣющими и розовѣющими холмами Фіезоле, съ бѣлыми домами и узенькими улочками, что нельзя оторваться отъ этой красоты.

Изъ всѣхъ новыхъ постановокъ Художественнаго театра „Хозяйка гостиницы“ имѣла въ Петербургѣ наибольшій успѣхъ. Это, въ общемъ, совершенно понятно: пріятнѣе видѣть на сценѣ солнце, слышать веселыя остроты и смѣхъ, чѣмъ созерцать тяжелыя картины душевнаго распада или надрыва. Но, конечно, душа московскаго театра все-таки тяготѣетъ къ Чехову, Достоевскому, Тургеневу, Андрееву. И никакой другой театръ такъ не ставилъ и не сможетъ поставить этихъ авторовъ, какъ Московскій Художественный.

Театръ идеи, театръ духа, этотъ театръ отдыхаетъ на комедіяхъ старыхъ буффоновъ, упиваясь ихъ смѣхомъ и живительнымъ темпераментомъ. Но для своего коренного зрителя, живущаго запросами духа, онъ готовитъ и ставитъ иныя пьесы,—пьесы гр. А. Толстого, Тургенева Чехова, и Андреева,—пьесы, которыми онъ началъ свое бытіе, и которыя его прославили.

Новый мѣстный судъ и новыя правила веденія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

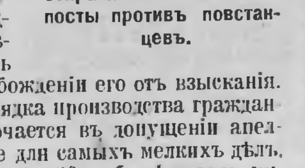
Очеркъ Г. Вольтие.

(Окончаніе).

Въ порядкѣ веденія гражданскихъ дѣлъ какъ у мировыхъ судей, такъ и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ законъ 15 іюня 1912 г. внесъ слѣдующія главнѣйшія измѣненія. Установленъ новый порядокъ понудительнаго исполненія по опротестованнымъ векселямъ и нотаріальнымъ договорамъ о платежѣ денегъ вообще и за наемъ недвижимаго имущества въ частности, о возвратѣ движимаго имущества, или о сдачѣ недвижимаго имущества нанимателемъ вслѣдствіе истеченія срока найма и наконецъ по надлежаще засвидѣтельствованнымъ актамъ соглашеній между потерпѣвшимъ отъ несчастнаго случая рабочимъ или служащимъ и хозяиномъ предпріятія. Просьба о понудительномъ исполненіи подается, смотря по цѣнѣ иска, мировому судьѣ или члену окружнаго суда, назначенному для рѣшенія такихъ дѣлъ общимъ собраніемъ суда. Искъ предъявляется по мѣсту жительства или временнаго пребыванія отвѣтчика, или по мѣсту совершенія исполнительныхъ дѣйствій, или по мѣсту нахожденія недвижимаго имѣнія. Просьбы эти удовлетворяются, если только обязательство, очевидно, не погашено давностью, если исполненіе направлено не противъ казеннаго управленія, и если просьба заявлена надлежащимъ истцомъ противъ надлежащаго отвѣтчика, немедленно, безъ вызова отвѣтчика, надписаніемъ резолюціи судьи на самомъ актѣ. Актъ съ резолюціей вмѣстѣ съ копіей для отвѣтчика передается судебному приставу, который назначаетъ должнику трехдневный срокъ для исполненія. Удобство этого порядка заключается въ ускореніи производства по безспорнымъ документамъ и въ лишеніи недобросовѣстнаго должника возможности затягивать окончаніе дѣла неосновательными спорами. На случай однако, если у отвѣтчика имѣются серьезныя возраженія противъ предъявленнаго требованія, законъ предоставляетъ ему право: 1) въ теченіе семи дней со дня врученія первой повѣстки объ исполненіи просить мирового судью или члена окружнаго суда, рѣшившаго дѣла, непосредственно или

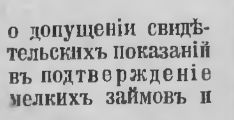
Возстаніе въ Албаніи. Портъ Дураццо. На рейдѣ стоятъ австрійскія и итальянскія суда.

черезъ судебнаго пристава, исполняющаго рѣшеніе,—о пріостановленіи понудительнаго исполненія: 2) въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня врученія копіи акта, подвергнутаго понудительному исполненію, предъявить искъ къ взыскателю для опроверженія его требованій и одновременно просить о пріостановленіи понудительнаго исполненія. Подача такой просьбы останавливаетъ, до разрѣшенія ея, выдачу взыскателю денегъ отвѣтчика, продажу описаннаго имущества, сдачу или очистку нанятаго помѣщенія или иного имущества. Просьба эта должна быть разрѣшена въ теченіе трехъ дней. Если она признана, по разсмотрѣніи возраженій отвѣтчика, не заслуживающей уваженія, распоряженіе о пріостановленіи исполненія теряетъ силу. Если же просьба уважена, то исполненіе пріостанавливается. Однако и это распоряженіе теряетъ силу, если оно не будетъ подтверждено въ теченіе мѣсяца опредѣленіемъ суда, которому долженъ быть предъявленъ искъ отвѣтчика объ освобожденіи его отъ взысканія.


Возстаніе въ Албаніи. Князь Вильгельмъ Видъ отправляется на аванпосты противъ повстанцевъ.

Другое существенное измѣненіе порядка производства гражданскихъ дѣлъ у мировыхъ судей заключается въ допущеніи апелляціи (жалобы по существу дѣла) даже для самыхъ мелкихъ дѣлъ, тогда какъ раньше иски на сумму менѣе 30 руб. рѣшались мировымъ судьей окончательно, и на эти рѣшенія можно было подавать мировому съѣзду только кассаціонныя жалобы (въ случаѣ нарушенія порядка производства или закона). Съ другой стороны, закономъ 15 іюня 1912 г. ограничено право кассаціоннаго обжалованія рѣшеній мирового съѣзда исками на сумму болѣе ста руб., такъ что по дѣламъ меньшей цѣнности жалобы Пр. Сенату приниматься не будутъ. Существенное облегченіе дано теперь тяжущимся, которые пользуются правомъ бѣдности. Они освобождены отъ обязанности вносить кассаціонный залогъ при подачѣ жалобы (десять руб. по дѣламъ мировой подсудности и 100 р. по дѣламъ общихъ судебныхъ установленій). Большое облегченіе для бѣдныхъ тяжущихся дастъ новое правило о допущеніи свидѣтельскихъ показаній въ подтвержденіе мелкихъ займовъ и

Возстаніе въ Албаніи. Князь Вильгельмъ Видъ съ супругой, покинувъ дворецъ въ Дураццо, переходятъ на итальянскій крейсеръ.


Возстаніе въ Албаніи. Албанскіе жандармы и итальянскій матросъ у княжескаго дворца въ Дураццо.

Возстаніе въ Албаніи. Члены международной контрольной комиссіи ведутъ переговоры съ повстанцами съ балкона дома въ деревнѣ Сіякъ.

Военный летчикъ штабсъ-капитанъ П. И. Нестеровъ, первый изъ авіаторовъ сдѣлавшій мертвую петлю и совершившій 11 мая с. г. блестящій перелетъ изъ Кіева въ Петербургъ (1.200 верстъ) въ 18 часовъ съ пассажиромъ унтеръ-офицеромъ Нелидовымъ. По фот. М. Брейткасъ.

залоговъ на сумму не свыше 30 руб. Прежде требовалось письменное обязательство, тогда какъ въ житейскомъ обиходѣ сплошь и рядомъ на такія небольшія суммы расписокъ не берутъ.

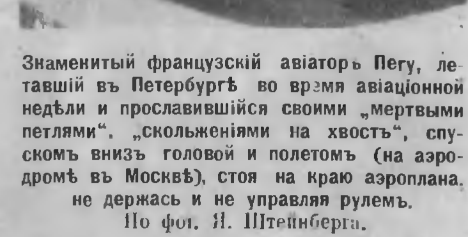
Считаясь съ отсутствіемъ въ большинствѣ мѣстностей Россіи надлежащей юридической помощи, законъ 15 іюня 1912 г. расширилъ самодѣятельность суда въ гражданскихъ дѣлахъ въ цѣляхъ отысканія истины. Раньше судъ могъ рѣшать дѣло только по тѣмъ даннымъ, которыя ему представляли стороны, и не въ правѣ былъ помогать тяжущимся своими указаніями или собирать доказательства помимо заявленій сторонъ. Теперь изъ этого правила, которое сохранено, какъ основное, допущены значительныя изъятія. Мировой судья можетъ пріобщить къ производству находящіяся въ другихъ его дѣлахъ всякаго рода справочныя свѣдѣнія, не касающіяся существа этого дѣла, но полезныя для его разъясненія.

Русскіе авіаторы А. Е. Раевскій и Е. Ф. Шпицбергъ, извѣстные своими смѣлыми полетами и „мертвыми петлями". По фот. Я. Штейнберга.

Извѣстный французскій авіаторъ Пуаре, совершившій рядъ смѣлыхъ полетовъ надъ Комендантскимъ аэродромомъ въ Петербургѣ, въ авіаціонную недѣлю—серію непрерывныхъ „мертвыхъ петель" очень низко надъ землей. воздушное „танго", спускъ винтомъ, скольженіе на крылья.
По фот. Я. Штейнберга.

Мировой судья можетъ предложить тяжущемуся представить въ опредѣленный срокъ доказательства въ подтвержденіе его заявленій для рѣшенія существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Съ другой стороны, если сторона ссылается на доказательства, по закону не допускаемыя или же излишнія для разъясненія дѣла, то судъ въ правѣ устранить такія доказательства. Суду предоставлено право назначать вознагражденіе по иску о доходахъ и убыткахъ по своему справедливому усмотрѣнію, если доказать размѣръ этого вознагражденія обычными доказательствами оказывается невозможнымъ.

Принятъ новымъ закономъ и рядъ мѣръ для устраненія судебной волокиты, создаваемой недобросовѣстными тяжущимися. Такъ, мировымъ судьямъ предоставлено право вызывать публикаціями отвѣтчика, мѣсто жительства коего истцу неизвѣстно (раньше это право принадлежало только общимъ судамъ), рѣшать дѣла и, въ случаѣ неврученія повѣстки тяжущемуся, если она послана по первоначальному адресу, впослѣдствіи измѣненному, но суду не сообщенному. Рѣшеніе не считается заочнымъ, хотя бы отвѣтчикъ и не давалъ объясненій въ послѣднемъ засѣданіи, если онъ присутствовалъ въ залѣ засѣданія и отказался представить потребованныя судьей объясненія, или если онъ ранѣе принималъ какое-либо участіе въ дѣлѣ лично или черезъ повѣреннаго.



Знаменитый французскій авіаторъ Пегу, летавшій въ Петербургѣ во время авіаціонной недѣли и прославившійся своими „мертвыми петлями", „скольженіями на хвостъ", спускомъ внизъ головой и полетомъ (на аэродромѣ въ Москвѣ), стоя на краю аэроплана, не держась и не управляя рулемъ.
По фот. Я. Штейнберга.

Существенное значеніе въ жизни должно получить новое правило, разрѣшающее должнику внести предсѣдателю мирового съѣзда, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — въ окружный судъ деньги и другія цѣнности или документы въ исполненіе обязательства, если кредиторъ или его представитель находятся въ отсутствіи или уклоняются отъ принятія этихъ вещей. Кредиторы или его правопреемники вызываются повѣсткой или публикаціей и, по явкѣ ихъ, получаютъ внесенное должникомъ имущество по представленіи обязательства должника. Движимое имущество, внесенное должникомъ, можетъ быть, по его просьбѣ, продано

съ публичнаго торга, если оно подвержено скорой порчѣ, или если храненіе сопряжено съ значительными издержками или затрудненіями, а кредиторъ, несмотря на сдѣланное ему предупрежденіе, имущества не принимаетъ.

Соотвѣтственно расширенію предѣловъ подсудности мировыхъ судовъ по исковымъ дѣламъ расширены права ихъ и по исполненію рѣшеній. Недвижимыя имѣнія, оцѣненныя не свыше 1.000 р., продаются при мѣстномъ мировомъ съѣздѣ, а деньги, вырученныя отъ этой продажи, распредѣляются между кредиторами предсѣдателемъ мирового съѣзда, тогда какъ раньше деньги эти распредѣлялись окружнымъ судомъ, что очень замедляло полученіе ихъ. Соотвѣтственно этому расширена подсудность мировыхъ судей и по раздѣлу наслѣдства: если оно стоитъ не свыше 1.000 р., оно дѣлится мировымъ судьей.

Вводъ во владѣніе всѣми вообще недвижимыми имѣніями предоставленъ теперь исключительно мировымъ судьямъ съ большимъ упрощеніемъ всей процедуры.

Въ производствѣ дѣлъ уголовныхъ также введены существенныя измѣненія.

Самое значительное—*судебные приказы*. Они установлены для ускоренія производства по маловажнымъ проступкамъ. Мировому судьѣ предоставлено право приговорить обвиняемаго къ денежному взысканію или пенѣ до 50 руб. или къ аресту до 15 дней безъ вызова обвинителя и обвиняемаго и выслушанія ихъ объясненій въ ближайшемъ судебномъ засѣданіи, но не ранѣе сутокъ по полученіи сообщенія полиціи, присутственнаго мѣста или должностного лица, если мировой судья найдетъ въ этомъ сообщеніи достаточныя, не возбуждающія сомнѣнія, доказательства обвиненія. Если обвинитель или обвиняемый явились къ объявленному, наравнѣ съ прочими дѣлами, до начала засѣданія разбору дѣла, то они допускаются къ объясненіямъ. Судебные приказы не допускаются по дѣламъ, которыя могутъ быть окончены примиреніемъ, по которымъ предъявленъ искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступнаго дѣянія, или требуется устраненіе или исправленіе совершеннаго вопреки закону. Обвинителю и осужденному немедленно посылается копія судебнаго приказа съ поясненіемъ о правѣ просить, въ теченіе семи дней по полученіи копіи, о судебномъ разборѣ дѣла. Если же такая просьба не поступитъ, то судебный приказъ признается подлежащимъ исполненію, какъ вступившій въ законную силу приговоръ.

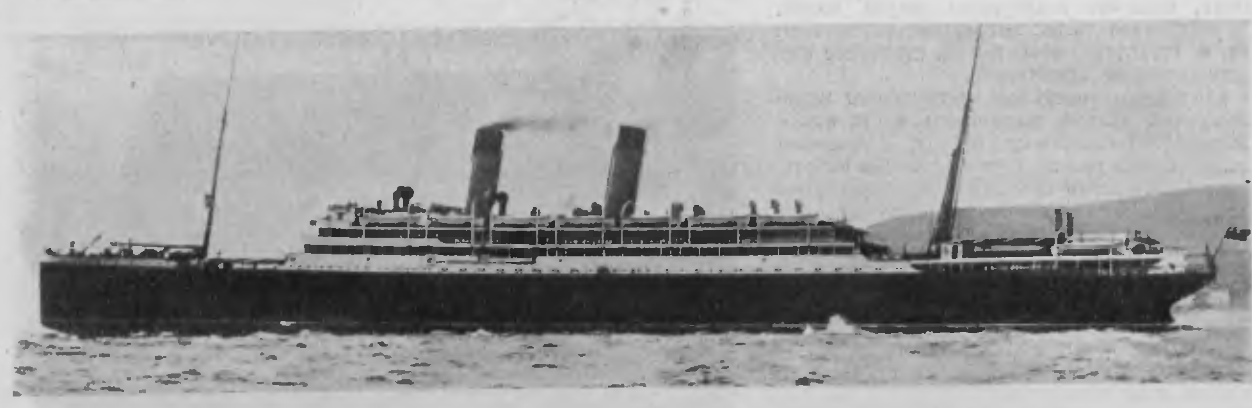
Для устраненія искусственной затяжки дѣла путемъ неявки (лично или черезъ защитника) къ судебному разбору, назначенному по одной лишь просьбѣ обвиняемаго, судебный приговоръ не считается заочнымъ, если обвиняемый не представилъ уважительныхъ причинъ неявки. Не считается онъ заочнымъ и въ томъ случаѣ, если обвиняемый, находившійся въ залѣ засѣданія при разборѣ дѣла, удалился до его окончанія.

Срокъ для подачи отзыва на заочный приговоръ (просьба о новомъ разсмотрѣніи дѣла мировымъ судьей, вслѣдствіе невозможности явиться къ первому засѣданію по уважительной причинѣ) сокращенъ съ двухъ недѣль до семи дней. Новое разсмотрѣніе не производится, если мировой судья признаетъ причину неявки неуважительной. Въ такомъ случаѣ обвиняемый можетъ принести лишь апелляціонную жалобу въ съѣздъ; если же срокъ изъ-за подачи отзыва уже пропущенъ, или до истеченія срока осталось менѣе трехъ дней, мировой судья долженъ продолжить срокъ для обжалованія еще на три дня со дня полученія извѣщенія объ оставленіи отзыва безъ послѣдствій.

Международная выставка садоводства въ Таврическомъ саду въ Петербургѣ. Изображеніе царя Михаила Ѳеодоровича, сдѣланное изъ цвѣтовъ художникомъ-садоводомъ Бежановымъ (изъ Москвы). По фот. К. Булла.

Международная выставка садоводства въ Таврическомъ саду въ Петербургѣ. Павильонъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.
По фот. К. Булла.

Международная выставка садоводства въ Таврическомъ саду въ Петербургѣ. Экспонаты Императорской Таврической оранжереи и бельгійскаго садоводства Биръ и Анкерсмитъ въ Гентѣ (Бельгія).
По фот. К. Булла.



Пароходъ Канадской линіи „Императрица Ирландіи“, погибшій при столкновеніи съ угольнымъ судномъ въ устьѣ рѣки св. Лаврентія у береговъ Канады. На пароходѣ погибло свыше 1.000 человѣкъ.

Такъ же, какъ и по гражданскимъ дѣламъ, расширена самодѣятельность суда для отысканія истины независимо отъ воли сторонъ.

Такъ, мировому съѣзду предоставлено право вызвать новыхъ свидѣтелей, а также свидѣтелей, въ допросѣ которыхъ мировой судья отказалъ, или передопросить уже допрошенныхъ имъ свидѣтелей, хотя бы стороны о томъ и не ходатайствовали. Отмѣнено запрещеніе суду разрѣшать дѣла, которыя могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ, по какимъ-либо даннымъ, не указаннымъ сторонами. Мировому съѣзду предоставлено право, независимо отъ указаній сторонъ, возстановить нарушенную подсудность или освободить обвиняемаго отъ отвѣтственности, если онъ осужденъ за такое дѣяніе, которое по закону не наказуемо, или измѣнить наказаніе, если обвиняемый присужденъ мировымъ судьей къ такому наказанію, которое закономъ за судимое дѣяніе не назначено.

Законъ 15 іюня 1912 г. освободилъ и по уголовнымъ дѣламъ лицъ, за коими признано право бѣдности, отъ внесенія кассаціоннаго залога.

Существенное значеніе имѣютъ правила, установленныя новымъ закономъ для устраненія излишнихъ стѣсненій свободы обвиняемаго. Лица, задержанныя полиціей въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ это дозволяетъ (при совершеніи преступнаго дѣянія и непредставленіи удостовѣренія о своей личности и мѣстѣ жительства или при наличности опасенія, что обвиняемый, которому грозитъ тюремное заключеніе, скроется до суда или уничтожитъ слѣды преступленія), должны быть въ теченіе 24 часовъ послѣ задержанія или освобождены, или приведены къ мировому судьѣ, а если это невозможно по дальности разстоянія отъ мѣста постояннаго пребыванія мирового судьи, то срокъ этотъ увеличивается на время, необходимое по мѣстнымъ условіямъ для привода задержаннаго къ мировому судьѣ. Послѣ привода обвиняемаго мировой судья обязанъ въ теченіе 24 часовъ допросить его и, соотвѣтственно результатамъ допроса, или освободить задержаннаго, или составить постановленіе о дальнѣйшемъ его задержаніи.

Мировой судья получилъ право прекратить всякое уголовное дѣло даже и безъ выслушанія объясненій сторонъ, если онъ усмотритъ, что въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ признаковъ преступнаго дѣянія, увѣдомивъ лишь обвинителя въ этомъ случаѣ о своемъ постановленіи. Дѣло прекращается безъ постановленія приговора и въ томъ случаѣ, если обвиняемый внесетъ могущее причитаться съ него по закону денежное взысканіе или пеню въ высшемъ размѣрѣ и судебныя издержки, а также удовлетворитъ заявленный потерпѣвшимъ гражданскій искъ. Приводъ неявившагося по вызову обвиняемаго разрѣшается теперь лишь въ томъ случаѣ, если не представлены уважительныя причины неявки. Прежде обвиняемый не имѣлъ права отлучаться изъ города или участка, гдѣ производится дѣло, безъ разрѣшенія мирового судьи. Закономъ о преобразованіи мѣстнаго суда это правило отмѣнено: обвиняемый долженъ только увѣдомлять судью о всякой перемѣнѣ своего мѣста жительства.

Очень гуманная мѣра установлена новымъ закономъ по отношенію къ арестованнымъ обвиняемымъ. По ихъ просьбѣ, мировой судья обязанъ предписать полиціи о принятіи первоначальныхъ мѣръ по охранѣ ихъ имущества и попеченію объ оставшихся безъ надзора малолѣтнихъ дѣтяхъ обвиняемаго. Новый законъ допускаетъ также и отсрочку исполненія приговора о лишеніи свободы по особо уважительнымъ семейнымъ, хозяйственнымъ и т. п. обстоятельствамъ до ихъ минованія.

Закономъ 26 іюня 1913 г. постановлено ввести въ дѣйствіе съ 1 января 1914 г. законъ 15 іюня 1912 г. въ полномъ объемѣ въ десяти губерніяхъ: Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Таврической. Съ 1 января 1915 г. законъ этотъ предположено ввести въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ въ слѣдующихъ десяти губерніяхъ: Витебской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Бессарабской, Воронежской, Орловской и Тамбовской и въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Саратовѣ и Астрахани.

Къ рисункамъ.

Всѣ воспроизводимые въ настоящемъ № „Нивы“ рисунки взяты съ послѣдней выставки Акварелистовъ. Какъ всегда, среди нихъ встрѣчаемъ много пейзажей; такъ, напримѣръ, колоритные пейзажи А. Бенуа *„Морской берегъ въ деревнѣ Бобыльской“* и *„Въ паркѣ санаторіи Рауха“*, затѣмъ противоположныя по настроенію, но одинаково изящныя акварели А. Орлова *„Весной повѣяло“* и Е. Дюккеръ *„Осенью“* и наконецъ—полный сосредоточенной молчаливости пейзажъ Р. Берггольца *„Тишина“*.

Отдали акварелисты дань и жанру. Много движенія и живыхъ типовъ въ акварели В. Навозова *„Гулянье“*: праздничная толпа около карусели, лавочки, незатѣйливый балаганъ—все играетъ яркими и свѣжими красками... Много жизни и въ сценкѣ И. Владимірова: *„Не переѣхать!“*. Трудно перебраться черезъ залитую весеннимъ разливомъ гать, и смущенно остановились и люди и лошади передъ неожиданнымъ препятствіемъ... Почти въ такомъ же затрудненіи оказался и *„Рыбакъ въ Финскомъ заливѣ“* (Н. Химона): ему тоже приходится брести по водѣ, таща по мели тяжелую рыбачью ладью.

„На базарѣ“ И. Мацкевича—типичное женское лицо изъ простонародья, очень выразительное. А въ мягкой дымкѣ окружающаго зимняго пейзажа чувствуется раннее холодное утро.

Изъ остальныхъ акварелей обращаютъ на себя вниманіе красиво написанный intérieur Е. В. Князя Игоря Константиновича *„Внутренній видъ церкви Павловскаго дворца“* и *„Портретъ г-жи Озеровой“* работы Е. Лазарева.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Іюнь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Іюнь 1914 г. съ 28 рис., отдѣльн. листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 69 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

... Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 24 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 14 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 13.

Среди виноградниковъ.

Разсказъ **Алексѣя Окулова.**

(Продолженіе).

Въ большой комнатѣ они сѣли за столикъ; тамъ было еще нѣсколько такихъ же столиковъ, занятыхъ молодежью; пили, шумѣли и курили.

Онъ сразу развеселился, пересталъ думать о себѣ, смѣялся, оглядывался и смотрѣлъ на Мари восхищенными и благодарными глазами; онъ больше не боялся смотрѣть на нее такъ откровенно и не слѣдилъ за собой, потому что она все время глядѣла куда-то въ сторону.

Но вдругъ онъ хлопнулъ себя по лбу: — она видѣла его! Все время видѣла его, это она въ зеркало смотрѣла такъ внимательно, она туда смотрѣла, и какое нелѣпое лицо его она разсматривала тамъ, какая неосторожность...

Она сразу повернулась къ нему и начала смѣяться — и въ послѣднюю минуту она видѣла лицо его, его послѣднюю и самую глупую мину.

— Я знаю, надъ чѣмъ вы смѣетесь.

— Не знаете.

— Надо мной.

Жерменъ куда-то ушла, и въ это время за сосѣднимъ столомъ зашумѣли, тамъ поднялся какой-то споръ... И всѣ обернулись туда съ жаднымъ любопытствомъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Тогда онъ положилъ руку на руку Мари. Она чуть вздрогнула, и рука ея двинулась отъ него, а потомъ осталась, и онъ задержалъ ее подъ своей рукой, и только тогда, когда шумъ за сосѣднимъ столомъ смолкъ, и всѣ обратно повернули головы, Мари убрала свою руку. Но она сдѣлала это нерѣшительно, тихо и извиняясь и какъ будто бы объясняя ему, почему она это сдѣлала.

Р. Берггольцъ. Albogasio на Lago di Lugano. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Онъ взялъ какое-то печенье, которое подали имъ, приложилъ его къ своимъ губамъ и такъ разсѣянно держалъ его, все еще жадно смотря на нее. И вдругъ онъ обрадовался: она сдѣлала то же. И она приложила къ своимъ губамъ печенье, и это былъ — точно неразсказанный, невидимый никому поцѣлуй среди чужихъ людей, тайный обмѣнъ, посланная ему ласка,—ласка губъ ея, на которыя онъ смотрѣлъ, не отрываясь, и тамъ онъ читалъ неясное желаніе, и ему казалось, что она смотрѣла на его губы, и въ глазахъ ея было то же неясное желаніе. Такъ странно — онъ чувствовалъ, какъ будто бы, въ свой чередъ, его губы краснѣли, молодѣли, становились свѣжими и зовущими, такъ непонятно она возбуждала въ немъ жизнь.

— M-lle Мари, я не могу сказать вамъ, какъ я благодаренъ вамъ.

— За что?

Но онъ сразу не могъ найти нужныхъ ему словъ и нѣсколько мгновеній молчалъ.

— Я благодаренъ вамъ за то, что я радъ сегодня, и вчера я былъ радъ, и всѣ дни, съ тѣхъ поръ, какъ я знаю васъ. Нѣтъ, если бы вы только могли это себѣ вредставить, хотя это немножко и смѣшно. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я кажусь себѣ полнымъ силъ, глубокихъ мыслей и разныхъ, еще невысказанныхъ, возможностей. Представьте себѣ, что я уже нѣсколько дней радуюсь самъ себѣ; если бы вы знали, какъ давно уже не было этого со мной.

— Ну, а за что же вы мнѣ благодарны?

— Это все вы, это все приходитъ ко мнѣ отъ васъ. Это съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ, m-lle Мари.

И послѣ этого она наклонила свою голову, и щеки ея порозовѣли. Но онъ видѣлъ также, какъ передъ этимъ метнулись ея глаза на него, съ какой остротой и блескомъ они метнулись и спрятались. Она поняла его слова и не отъ смущенія и робости опустила голову — она только не хотѣла, чтобы онъ видѣлъ ея лицо съ полураскрытыми алыми губами и съ ея побѣдоносными глазами. Вотъ почему она опустила голову.

Но тутъ подошелъ къ нимъ Альфредъ. Онъ властно, слишкомъ близко и развязно наклонился надъ нею — онъ былъ богатъ и красивъ, этотъ черный парень. И сейчасъ же онъ началъ надъ нею смѣяться, намекая на что-то, какими-то полусловами, полуфразами, которыя онъ говорилъ ей тихо на ухо; рука его была на ея плечѣ, и щеки ихъ почти касались. Но она отстранялась отъ него.

— Ты сегодня совсѣмъ, какъ роза, ты... Тàкъ ты съ чего-то красива сегодня, что я не утерпѣлъ и подошелъ къ тебѣ.

— Оставь меня, Альфредъ.

— Сегодня ты хочешь, чтобы я тебя оставилъ? Почему же сегодня?

— Я всегда хотѣла этого.

— Я оставлю тебя, конечно, оставлю. Ахъ, чтò у тебя сегодня за прическа, если бы ты знала! Не прическа, а цвѣтокъ, нужно только сверху вставить стебель, чтобы онъ торчалъ до потолка. Ну, и прическа! Вотъ такъ прическа...

Лицо ея померкло, и когда Борисъ увидѣлъ это, онъ сказалъ Альфреду, чтобы прекратить эту сцену, которая его мучила:

— Присядьте съ нами. Я хотѣлъ бы угостить васъ стаканомъ хорошаго вина. Хотите?

Но Альфредъ только мелькомъ взглянулъ на него и не отвѣтилъ. Онъ продолжалъ разговаривать съ Мари, не обращая на него никакого вниманія—вѣдь это былъ только бродячій рабочій, который смѣетъ навязывать свои приглашенія, это былъ никто для него.

И онъ все насмѣхался надъ Мари, дразнилъ ее на разныя манеры, а когда на глазахъ ея показались слезы, онъ небрежно повернулся и ушелъ.

Борисъ былъ чѣмъ-то обиженъ, не на него,—а на Мари; ему не было жаль ея, хотя лицо ея и сдѣлалось печальнымъ. Поэтому онъ тоже сталъ шутить надъ нею. Онъ говорилъ, что ей нужно уйти отъ него и пересѣсть къ Альфреду; что она неравнодушна къ нему,—ну, конечно, неравнодушна,—это же каждому ясно съ перваго взгляда: что онъ даже что-то мелькомъ объ этомъ слышалъ, когда вріѣхалъ.

Мари сначала слушала его, стараясь улыбаться. Но онъ шутилъ такъ много, такъ неумѣренно много и долго, мысль объ этой любви такъ ясно трогала его и такъ очевидно раздражала, она стала ему такой до отвращенія и униженія вѣроятной, что лицо его больше не было въ его власти, оно сдѣлалось напряженнымъ, неискреннимъ и озлобленнымъ. И онъ все шутилъ свои придуманныя шутки.

Тогда и она вдругъ загорѣлась озлобленіемъ.

— Перестаньте!—рѣзко сказала она, сжимая губы.—Я не хочу. Замолчите, пожалуйста.

За сосѣднимъ столомъ Альфредъ разсказывалъ парнямъ что-то веселое и забавное. Они поминутно хохотали, откидываясь на спинки стульевъ. Нѣкоторые изъ нихъ при этомъ смотрѣли въ ту сторону, гдѣ сидѣли Борисъ съ Мари.

Лицо ея темнѣло все больше и больше—почему? Почему ея губы стали дрожать, и что-то прошло надъ бровями, отчего ея лицо совсѣмъ запылало гнѣвомъ?

— Вы понимаетъ ихъ, чтò они говорятъ? Вы понимаете?— злобно спросила она.

— Нѣтъ, я не все понимаю,—разсѣянно отвѣтилъ онъ.—Они говорятъ на мѣстномъ говорѣ, это такъ трудно для меня.

— Они говорятъ, что вы бродяга, что васъ никто не знаетъ, что вы въ нищетѣ,—понимаете? Они говорятъ, что одинъ крестьянинъ видѣлъ васъ утромъ въ тотъ день, какъ вы пришли, когда вы спали оборванный у края дороги...

— Чтò же они еще говорятъ?—спросилъ онъ, и жилы на его лбу стали явственно надуваться.—Чтò же еще?

Тогда она крикнула ему почти со слезами:

— Они говорятъ, что хорошая дѣвушка не должна сидѣть съ такими, какъ вы! Развѣ они могутъ сказать о комъ-нибудь эти слова, кромѣ какъ о васъ!

Онъ круто повернулся и пошелъ туда, гдѣ сидѣли парни. Проходя мимо, онъ толкнулъ ихъ столъ; бутылка съ виномъ закачалась, упала и пролилась. Всѣ вскочили на ноги, началась ссора и шумъ, его окружили со всѣхъ сторонъ и яростно кричали ему въ лицо одно оскорбленіе за другимъ.

— Эй, проходимецъ, какъ ты смѣлъ разбить нашу бутылку! Кто заплатитъ за нее? Эй, ты, нищій!.. Кто?

Онъ бросилъ имъ франкъ на столъ потомъ бросилъ еще одинъ:

— Я плачу еще одну бутылку...

Но въ общемъ шумѣ ничего нельзя было разобрать, безполезно было говорить что-нибудь, потому что никто никого не слушалъ. Хозяинъ кафе ворвался въ самую середину этой свалки.

— Я не допущу скандала!—кричалъ онъ.—Прекратить! Сейчасъ же прекратить!

И всѣ мало-по-малу смолкли.

Тогда Борисъ сказалъ имъ:

— Вы напрасно здѣсь такъ дурно говорили обо мнѣ, когда я сидѣлъ съ моей дамой. Я долженъ былъ сдѣлать что-нибудь, чтобы вы замолчали наконецъ.

Онъ оглянулся кругомъ, но Мари уже не было. Можетъ-быть, она не видѣла всего этого и ушла раньше?

Онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ безобразнымъ шумомъ, который произвелъ, и отошелъ въ сторону. На душѣ его было отчаяніе.

Потомъ онъ сѣлъ за отдѣльный столикъ и заказалъ себѣ бутылку дорогого вина; онъ не зналъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это,—но онъ заказалъ себѣ вино въ пять франковъ—половина денегъ, которыя у него были. Онъ быстро выпилъ его и опять всталъ, не въ силахъ оставаться на мѣстѣ—съ такой тоской онъ думалъ обо всемъ, чтò случилось. Вино только возбуждало его и обостряло его чувство.

Послѣ минуты колебанія онъ снова вернулся въ танцовальную залу. Тамъ Мари танцовала съ кѣмъ-то и смѣялась, смѣялась, сверкая зубами подъ свѣтомъ лампъ.

Онъ увидѣлъ Жерменъ и сѣлъ съ нею рядомъ. Онъ началъ говорить ей одну любезную фразу за другой, наклонялся близко къ ней, заглядывая въ глаза, старался выдумать что-нибудь интересное для нея и тоже смѣялся,—онъ старался дѣлать это какъ только возможно громче.

Жерменъ иногда взглядывала на него и охотно хохотала, вздрагивая высокой грудью. Она разгорѣлась отъ жары и

танцевъ и сидѣла вся томная, въ какомъ-то безмятежномъ довольствѣ и радости. Время отъ времени они танцовали, и онъ снова садился рядомъ съ нею: кавалеръ ея, Марсель, много пилъ въ этотъ вечеръ и исчезъ куда-то очень рано.

Но вотъ танцовала Мари совсѣмъ близко отъ нихъ, дуновеніе отъ нея налетало и окутывало его всего, на мгновеніе онъ въ него погружался и пьянѣлъ. Тогда онъ сжималъ руки, чтобы не видѣли, какъ онѣ дрожатъ... Зачѣмъ она въ третій разъ проходитъ мимо, въ третій разъ кружитъ его голову?

И онъ съ жаромъ обращался къ своей дамѣ, онъ все больше и больше ухаживалъ за нею у всѣхъ на глазахъ,—нѣтъ, онъ былъ влюбленъ въ нее; положительно, онъ былъ влюбленъ въ нее...

И вотъ Мари прошла мимо нихъ еще разъ. Какъ она нахмурила свои брови, какъ она презрительно сдвинула ихъ...

Нѣтъ, онъ любилъ не свою даму, а нахмуренныя брови. И Боже мой, какое презрѣніе, какъ сверкаютъ глаза, какое отвращеніе на устахъ... Вотъ этому отвращенію онъ радъ,—да, онъ радъ ему, онъ страшно радъ ему...

И онъ утопаетъ въ шумѣ и сумбурѣ бала, въ стукѣ башмаковъ и въ вихряхъ душнаго воздуха. Возрастаетъ всеобщее опьяненіе, всѣ пьютъ гдѣ-то, приходятъ, уходятъ, танцуютъ дико и быстро, пока не задыхаются, пока не падаютъ въ усталости на скамьв, и снова встаютъ и снова падаютъ.

И трудно уже понять, чтò кругомъ совершается.

Онъ ушелъ изъ кафе очень поздно, когда тамъ почти никого уже не оставалось. Уходя, онъ купилъ себѣ еще одну бутылку вина и сѣлъ съ нею у воротъ своего дома. Была полная ночь и тишина вокругъ; играла луна черными отливами въ его бутылкѣ, изъ которой онъ отпивалъ глотокъ время отъ времени.

И. Мацкевичъ. Въ морозный день.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И вдругъ онъ усталъ среди этого молчанія, душа его разомъ поникла. Какъ онъ измученъ жизнью, какое отчаяніе, и какая жалостная улыбка кривила его губы. Все это —только забава и средство провести время; не все ли равно, какъ проводить его? Здѣсь или тамъ, или гдѣ-нибудь? Или, можетъ-быть, лучше вообще остановить это время для себя разъ и навсегда, какъ останавливаютъ стрѣлку часовъ, чтобы она больше не двигалась? Или, можетъ-быть, нужно просто отвернуться отъ жизни, лечь и лежать, пока не умрешь, ждать этого часъ за часомъ и день за днемъ, терпѣливо и неподвижно?

Потомъ онъ сталъ думать о текучести, обманѣ, недостижимости и безсиліи любви. Зачѣмъ она, если она не можетъ измѣнить жизни, если она приходитъ и уходитъ мгновенно, если она лжетъ, если послѣ нея остается отвращеніе?.. И долго думалъ объ этомъ.

Онъ услышалъ скрипъ ступеней на лѣстницѣ въ домѣ, ниже и ниже, все слышнѣе. Это она спустилась изъ своей комнаты внизъ, вышла во дворъ и взглянула на улицу.

Онъ вздрогнулъ, когда звякнула калитка рядомъ съ нимъ.

— Вы еще не спите?—успѣлъ онъ спросить Мари, но она не отвѣтила. Она почти сейчасъ же скрылась обратно во дворъ, онъ слышалъ ее тамъ.

И онъ подумалъ объ этомъ: „Зачѣмъ она спустилась внизъ? Она бы должна быть давно въ постели, спать спокойнымъ сномъ, потому что завтра работа". Но вотъ она спустилась внизъ. Она какъ будто улыбнулась ему, выглянувъ изъ калитки, онъ это мелькомъ видѣлъ при лунѣ, и когда онъ сказалъ ей свои слова, она посмотрѣла на него. Можетъ-быть, она только затѣмъ и спустилась, чтобы онъ заговорилъ съ нею, можетъ-быть, она хочетъ ему что-нибудь сказать...

И онъ вошелъ сейчасъ же въ калитку: въ кладовой у дома онъ увидѣлъ свѣтъ. Тамъ была Мари. Онъ подошелъ почти къ самой двери. Мари сейчасъ же заговорила, не оглядываясь на него. Она спустилась потому, что у нея былъ порѣзанъ палецъ: да, она искала внизу что-нибудь, чтобы промыть и обвязать его; она только-что искала тутъ что-нибудь подходящее; она для этого переставила всѣ банки въ кладовой, но она ничего не нашла. Какъ жаль!

Тутъ она обернулась и вдругъ улыбнулась ему:

— Можетъ-быть, мой палецъ излѣчится просто потому, что я переставила такъ много банокъ, такъ много выли на всемъ этомъ... Можетъ-быть отъ этого онъ и излѣчится. Вы не думаете?

И она опять улыбнулась ему, точно хотѣла извиниться, задобрить и приласкать его.

А онъ стоялъ, не двигаясь. Можно тысячу разъ думать обо всемъ—и о томъ, что палецъ у нея порѣзанъ, но все-таки — зачѣмъ она спустилась?

Онъ сразу вошелъ въ кладовую, гдѣ была она, и они остались одни, совсѣмъ близко другъ къ другу. Какъ она стала громко дышать, когда они остались одни,—казалось, что ея дыханіе наполняетъ маленькую комнату. Онъ задыхался и старался не захватывать воздухъ слишкомъ сильно, и ничего, ничего не могъ придумать, чтò бы сказать ей. А она все трогала и переставляла какія-то ненужныя банки, наклонилась иногда, и въ это мгновеніе онъ слышалъ шелестъ ея подымающейся груди, въ которомъ больше не было тайны и не было силъ скрываться дольше.

Онъ что-то сказалъ, несвязное и непонятное, она взглянула, отвернулась—глаза у ней были робкіе, испуганные... Она на мгновеніе широко раскрыла ихъ и потомъ ихъ опустила, онъ больше не видѣлъ ихъ влажной чистоты...

Онъ подошелъ къ ней вплоть и обнялъ ее. Она слегка вскрикнула, тѣло ея задрожало, и талія ея отстранилась... Но онъ не отнялъ своей руки, онъ медленно и все сильнѣе и сильнѣе прижималъ къ себѣ ея дрожащее тѣло, и оно все уступало ему, все уступало—и вдругъ совсѣмъ покорилось, перестанъ сопротивляться. Теперь оно было въ его рукахъ, гибкое и послушное его усиліямъ, оно прислонилось къ нему съ довѣріемъ и робостью.

— Ты—радость и прелесть моей жизни!.. Зачѣмъ ты мучила меня?—сказалъ онъ ей на ухо.—Зачѣмъ? Зачѣмъ? Нѣтъ, ты не будешь, ты никогда не будешь... Ты больше никогда не сдѣлаешь.

Но вдругъ вверху у матери стукнули, она рванулась отъ него

и исчезла, какъ видѣніе: онъ слышалъ шелестъ ея платья дальше и дальше, пока все не смолкло.

— Ты больше никогда не сдѣлаешь...—еще разъ шепталъ онъ, задыхаясь.

Но уже никого не было вблизи него.

Утромъ онъ проснулся въ радости, полный весь непонятнаго блаженства, несознанныхъ, несказанныхъ самому себѣ воспоминаній: они гдѣ-то въ глубинѣ его существа таились и распространяли оттуда тихое, неясное колебаніе, въ которомъ качалась душа его, какъ въ танцѣ. Чтò чувствуетъ оно теперь, ея быстрое сердце, послѣ того, какъ оно такъ близко билось отъ его сердца, когда все раскрыто, все ясно, послѣ всего, чтò между ними случилось?

И онъ думалъ о себѣ: „Я ничего не сказалъ ей вчера, ни одного слова, но я краснорѣчивъ на своемъ родномъ языкѣ, если бы знала она... Я бы могъ придумать ей ласкающія, чудесныя слова на моемъ языкѣ, шипучія, какъ вино; я бы разсказывалъ ей безъ конца все, чтò видѣлъ въ жизни, и забавлялъ бы ее долгіе часы: я бы заставилъ ее смѣяться, откинувъ голову назадъ, полной грудью, пока двѣ маленькихъ слезы не показались бы на ея глазахъ отъ смѣха: тогда я вдругъ вспомнилъ бы что-нибудь, трогающее сердце, и разсказалъ бы ей о немъ тихо и медленно, и тогда ея глаза начали бы меркнуть все больше и больше и стали бы устремляться вечально вдаль, и снова я заставилъ бы ее смѣяться... Ахъ, какъ я радовался бы этой власти надъ нею; я разложилъ бы всѣ богатства моей души—все, чтò есть въ ней красиваго, хорошаго, любимаго мною, и я бы тихо улыбался при этомъ. Но это невозможно для меня,—нѣтъ, это невозможно! Я не знаю такъ хорошо ея языка, слова ея языка не рождаются въ моемъ сердцѣ — они приходятъ ко мнѣ извнѣ, они падаютъ, какъ мертвыя птицы, всякій разъ, какъ я хочу послать ихъ, чтобы они летѣли къ ней. Нѣтъ, это для меня невозможно“.

И. Куликовъ. Деревенская дѣвушка.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И отъ этихъ мыслей ему сдѣлалось грустно.

Когда онъ утромъ вышелъ изъ комнаты пить свое кофе, одѣтый совсѣмъ, чтобы итти на работу, онъ встрѣтилъ маленькую Луизу.

Она звонко болтала ему о томъ и о семъ, о своихъ дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о вчерашнемъ балѣ.

— А гдѣ же m-lle Мари? — спросилъ онъ ее.

Въ отвѣтъ она засмѣялась съ хитрымъ видомъ:

— Ахъ, Мари... Ну, сегодня она не скоро покажется, она мечтаетъ. Будьте увѣрены, что она не скоро покажется...

— Но о чемъ же она мечтаетъ? — спросилъ онъ и съ испугомъ подумалъ, что кто-нибудь могъ ихъ видѣть вчера въ кладовой и разсказать объ этомъ.

— Ну, о чемъ же мечтаетъ? — спросилъ онъ растерянно.

— О чемъ? Конечно, объ Альфредѣ.

— Почему?

— Потому что вчера я видѣла ихъ, какъ они цѣловались тихонько отъ всѣхъ... Ахъ, они не видѣли меня, а я видѣла, какъ Альфредъ обнималъ ее... Она говорила ему: — „Оставь...“ А онъ все обнималъ ее.

— Гдѣ?

— Во время бала, они вышли на улицу и обнялись, я видѣла...

И глаза Луизы стали еще хитрѣе.

— Правда, monsieur Борисъ, она теперь должна бы мечтать объ этомъ? Я думаю, что она мечтаетъ... Я бы мечтала на ея мѣстѣ объ этомъ.

Но въ это время вошла Мари. Она вошла къ нимъ, и на лицѣ у нея была увѣренность. Она такъ улыбнулась ему, подавая руку, такъ счастливо посмотрѣла и отвела свои глаза. Теперь, въ этотъ день, она чувствовала, что завладѣла имъ, и это ее радовало. Онъ былъ покоренъ, онъ былъ въ ея власти—зачѣмъ? Зачѣмъ она добивалась этого?

Онъ даже вздрогнулъ отъ радости, и веселый холодокъ пошелъ у его сердца, какія-то нѣжныя слова совсѣмъ просились съ его языка. Но вдругъ онъ взглянулъ на ея прическу, — увидѣлъ ее и сразу разсердился, гнѣвъ вдругъ залилъ его лицо: прическа у нея была другая.

— Зачѣмъ вы причесались такъ? Нѣтъ, вы скажите, зачѣмъ вы измѣнили вашу прическу? Это онъ вчера говорилъ вамъ, я же слышалъ.

— Кто — онъ?

— Альфредъ.

— Какіе пустяки!

Но онъ уже не владѣлъ собой.

— Луиза, возьми эти деньги и купи мнѣ табаку, тогда я дамъ тебѣ маленькую монетку...

И они остались одни.

Онъ смотрѣлъ на нее со злобой и пренебреженіемъ.

— Есть у меня одна маленькая исторія,—исторія съ рукой Альфреда, и обнималъ ли онъ васъ, и какъ вы цѣловались?.. Я уже слышалъ объ этомъ веселые разговоры и сколько я думалъ о нихъ... Правда ли это? Но мнѣ со всѣхъ сторонъ повторяли одно и то же.

— Кто?

— Всѣ. Ну, конечно, всѣ.

— Неправда! — крикнула она и сразу распрямилась передъ нимъ, холодно и высокомѣрно.

А онъ все повторялъ одно и то же:

— Нѣтъ, рука Альфреда, и обнималъ ли онъ васъ? Нѣтъ, мы оставимъ другіе разговоры, потому что они мнѣ неинтересны. Нѣтъ, разскажите-ка мнѣ объ этой рукѣ, которая обнимала васъ...

И въ отвѣтъ она твердила упорно два только слова:

— Неправда! Неправда! Ложь!

Онъ вдругъ грубо схватилъ ее за руки и сказалъ ей съ отвращеніемъ:

— Вы уже лжете мнѣ, уже на второй день вы начали мнѣ лгать.

Тогда она оттолкнула его съ силой отъ себя, отстранилась и стала въ дальній уголъ.

— Уходите... откуда вы пришли! Какъ вы смѣете! Уходите въ эти двери сейчасъ же! Уходите навсегда! Слышите!

И вдругъ онъ понялъ, что совершилось нѣчто непоправимое. — „Уходите отсюда сейчасъ же, навсегда!..“ Она ничего не придумала другого, ея сердце ничего не подсказало ей, и ея голосъ не дрогнулъ, чтобы сказать ему эти слова, она еще при этомъ рукой указала ему на дверь,—да, на дверь, чтобы онъ вышелъ черезъ нее навсегда... И это привело его въ ярость.

Онъ заговорилъ, запинаясь и спѣша, онъ уже больше не разсчитывалъ своихъ словъ. Онъ говорилъ ей, какъ ее всѣ обнимали на этомъ отвратительномъ балу, какъ ея щеки горѣли, какъ блестѣли глаза, какъ ея грудь подымалась для всѣхъ этихъ людей, какъ она для всѣхъ улыбалась... Нѣтъ, въ цѣлую вѣчность она не пойметъ, чтò она дѣлала, чтò тогда совершалось. Она не можетъ представить самоё себя, вообразить себя на минуту, — нѣтъ, она тогда неспособна была сдѣлать это. Ахъ, если бы она была способна сдѣлать это... Она тогда сейчасъ же подошла бы къ зеркалу, чтобы по крайней мѣрѣ собрать свои волосы, потому что они у нея до отвращенія распустились въ тотъ вечеръ; она бы это сдѣлала немедленно, такъ было непріятно смотрѣть на нее... Но она этого не сдѣлала.

Н. Подберескій. Павловскій дворецъ весной.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И онъ еще долго говорилъ ей все въ этомъ родѣ, одну фразу за другой, все злѣе и обиднѣе, пока она не ушла отъ него, и онъ не зналъ, почему она не сдѣлала этого раньше.

Какое безмѣрное отвращеніе. Груба ко всему на свѣтѣ любовь. Приходитъ онъ къ ней съ ненужной для нея любовью, и она говоритъ ему безъ жалости и пощады: „Уходи, откуда ты пришелъ! Ну, уходи же скорѣе, потому что ты мнѣ наскучилъ“. И онъ уходитъ, согнувшись, въ ея двери, и видъ его не вызываетъ въ ней сожалѣнія. „Уходи! Ну!“ И у двери ждетъ другой.

Нѣтъ, не нужно, все равно...

И такая усталость и безразличіе охватываютъ его при мысли обо всемъ этомъ.

На другой день она уѣхала: ея не было три дня, она гостила у какой-то тетки.

И. Владиміровъ. У водопоя. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И когда она вернулась, онъ почувствовалъ боль и ревность при взглядѣ на нее. Нѣть, чтобы такъ измѣниться въ нѣсколько дней, стать совсѣмъ другой! Откуда же снизошло на нее нѣчто, что такъ измѣнило ее, гдѣ она взяла новый блескъ своихъ глазъ, гдѣ она нашла въ три дня какъ будто бы нѣсколько лѣтъ, чтобы стать старше и еще прекраснѣе?

И вотъ — когда она вернулась, она не обратила на него ни малѣйшаго вниманія. она шутила съ другими и нарочно позволяла имъ разныя маленькія вольности; она постоянно вспоминала объ Альфредѣ, говорила о немъ съ воодушевленіемъ и при всякомъ случаѣ хвалила его; она устроила такъ, что больше не работала съ Борисомъ—онъ работалъ теперь съ Жермень.

— Вы не устали, m-lle Жермень?— спрашивалъ онъ ее ласково.

Тогда она распрямлялась и тоже ласково смотрѣла на него:

— Нѣтъ, я не устала, m-r Борисъ.

— Я очень счастливъ, что мы немножко подружились съ вами, — говорилъ онъ черезъ минуту.—Я такъ счастливъ отъ этого. Вы чудесная дѣвушка, m-lle Жермень, и я никогда не встрѣчалъ такой, какъ вы.

М. Балунинъ. Зима въ деревнѣ. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Она смотрѣла мечтательно вдаль, слушая его слова. и онъ говорилъ ей все горячѣе съ каждымъ днемъ. Онъ такъ волновался въ эти дни, лицо его часто горѣло отъ горя и негодованія, но онъ старался выразить на немъ наслажденіе минутой, порывомъ, случайно найденной любовью. И иногда онъ поворачивался въ ту сторону, гдѣ была Мари. Нѣтъ, удивительно, какая она некрасивая сегодня; положительно, лицо ея не нравилось ему. Никогда онъ не думалъ, что оно можетъ быть такимъ вялымъ, такимъ невыражающимъ ничего, такимъ лишеннымъ всякой прелести. Нѣтъ, лучше бы она не показывалась ему сегодня, было бы лучше для нея. Ужъ лучше бы ея совсѣмъ не видѣть.

Но какъ она взглядывала иногда въ его сторону среди своей дешевой болтовни со всѣми!

„О, я теперь знаю твои высокомѣрные глаза,—говорилъ онъ себѣ: — они дѣлаются холодными, какъ горный камень, когда я разговариваю съ другой женщиной, они останавливаютъ на ней свой взглядъ и измѣряютъ ее всю, съ головы до ногъ. Но мнѣ все равно. рѣшительно все равно... Я пою и работаю, я вотъ болтаю здѣсь съ другой дѣвушкой, которая нравится мнѣ... А остальное меня не касается“.

Но проходилъ день, наступалъ вечеръ, работа кончалась, и вмѣстѣ съ нею кончалась дѣловая суета, исчезало множество мыслей, которыми онъ занималъ себя. Поднявшись къ себѣ наверхъ, онъ оставался одинъ.

Боже мой, какая боль,—отчего? Оттого, что она не смотрѣла на него сегодня; оттого, что она смѣялась съ другими, садилась отъ него далеко; оттого, что ея взгляды скользили по его лицу, не останавливаясь и съ презрѣніемъ, когда онъ встрѣчалъ ихъ— отъ этого?

„Нѣтъ, зачѣмъ ты меня заставляешь страдать такъ, если ты не хочешь, чтобы я страдалъ?—думалъ онъ.—Но ты по другой причинѣ поступаешь такъ—у тебя, должно-быть, чудесное сердце, и ты не заставила бы меня страдать напрасно. Ты просто забыла обо мнѣ съ ними, со всѣми этими людьми, забыла о моемъ существованіи, о томъ, что я живу вмѣстѣ съ тобой; твои улыбки обратились къ другимъ, и твои прекрасные глаза отвернулись отъ меня. Я теряю тебя въ этотъ день, каждый день все больше, ты удаляешься все дальше, какъ чужая и неизвѣстная мнѣ. Остановись!“—думалъ онъ...

И силы его падали въ вечернемъ одиночествѣ, онъ склонялся и принижался самъ передъ собой.

„Кто я? И кто всѣ другіе? — думалъ онъ. — Нѣтъ разницы. Все такъ ужасающе все равно. Такое всеобщее уравненіе“.

Обнималъ ли Альфредъ ее? Ко-

Н. Уконинъ. Въ Павловскомъ паркѣ. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

А. Юдинъ. Сестры. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

нечно, обнималъ, обнималъ, обнималъ!.. Какая отвратительная тоска!

Опять сегодня Луиза встрѣтила его; она старалась остаться съ нимъ какъ можно дольше и все придумывала разныя дѣла и предлоги, чтобы не уходить.

Онъ ласкалъ ее:

— Маленькая, и ты, еще нераскрытый цвѣтокъ,—и ты тянешься къ тому же солнцу; скрытая въ немъ необъяснимая сила подымаетъ тебя, какъ тянетъ она въ лѣсу стебель къ свѣту, и вотъ ты тянешься, тянешься ко мнѣ—совсѣмъ какъ стебель...

Тайны жизни, тайны жизни. Таинственная любовь. Ему все казалось недавно, что это онъ творилъ чудеса и былъ волшебникомъ; что это его глаза походили на двѣ чарующія флейты, вызывающія ея улыбку своимъ взглядомъ, владѣющія властно ея душой. Да, это онъ еще недавно былъ волшебникомъ. И вотъ теперь — это не его, это ея власть, это ея глаза—и вотъ онъ готовъ упасть на землю передъ ними, если они прикажутъ, и по волѣ ихъ губы его искажаются отъ боли, и по ихъ же волѣ онѣ радостно дышатъ, и по ихъ же волѣ подымаются его руки, чтобы схватиться за волосы въ минуту отчаянія. Таинственна любовь. Прошли надъ нимъ немногіе часы, и онъ узналъ ее, еще и еще разъ узналъ ее.

Онъ снова узналъ, что значитъ любить. Это значитъ — итти въ странномъ снѣ, съ огнемъ въ глазахъ, наталкиваться на все по пути, ранить себя и не замѣчать, мучить свое тѣло жестокими мученіями — и все итти и итти съ устремленными впередъ горящими глазами, шагать черезъ всѣ вещи міра, роняя ихъ и разбивая, и, не оглядываясь на обломки—все итти.

Онъ содрогался въ удивленіи и думалъ безъ конца; онъ былъ одинокъ у себя наверху.

И онъ думалъ еще:

„Нѣтъ, если бы я хотѣлъ писать о любви — я писалъ бы о дикихъ звѣряхъ, о крови, о горячей крови, которая пролилась, и еще — о бѣшеной собакѣ. Писалъ бы о томъ, что любовь и мучительство любимаго своего—неразлучны; писалъ бы еще о томъ, что ея собственное кроткое сердце имѣетъ когти, чтобы терзать того, кто любитъ...“

И проходили долгія минуты.

О униженіе, униженіе!..

Онъ цѣлыми часами мечталъ о томъ, чтобы случилось какое-нибудь несчастье, ужасная катастрофа, и чтобы онъ вдругъ явился спасителемъ для нея, мечталъ о томъ, чтобы разбиться, сломать для нея себѣ ногу, быть изувѣченнымъ навѣки и погибнуть. Все это онъ мечталъ сдѣлать для нея.

Но катастрофы не случилось.

И проходили дни за днями въ работѣ.

Иногда онъ мелькомъ видѣлъ Мари дома,—когда собирался уходить на работу. Онъ смотрѣлъ на нее. когда она садилась гдѣ-нибудь на окно. и не могла замѣтить, что онъ смотритъ на нее. Тогда она такъ напоминала ему какую-нибудь лѣсную птицу. Она оглядывалась вокругъ, поворачивая головой, — на небо, на поля, на людей и на дома, жмурила брови и снова смотрѣла куда-нибудь въ другую сторону. И глазъ ея сбоку казался чернымъ, какъ у птицы, и остро-блестящимъ, а все ея тѣло—готовымъ сейчасъ улетѣть.

Однажды онъ встрѣтилъ ее неодѣтой. Это вышло такъ: однажды утромъ онъ быстро спустился внизъ съ лѣстницы и неожиданно увидѣлъ ее—она перебѣгала отъ сестры въ свою комнату

Н. Уконинъ. Ясный день. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Ѳ. Сычковъ. На базарѣ весной. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

и была въ одномъ только лифѣ. Боже мой, какая она была тоненькая и гибкая!

Она только сказала ему тихо:

— Не входите, пожалуйста...

Но вѣдь онъ уже вошелъ и растерянно остановился на порогѣ.

Тогда она вдругъ закрыла лицо руками и бросилась изъ коридора; она крѣпко ударилась о косякъ двери, пробѣгая, и на мгновеніе остановилась... А потомъ убѣжала. И онъ видѣлъ ее, видѣлъ. Боже мой, какая она была тоненькая, какая она легкая! Нѣтъ, какая легкая. Развѣ это возможно, чтобы она была такая легкая?.. И онъ схватился за голову.

Дойти до того, какъ онъ, — чтобы любить всѣ вещи, которыя принадлежатъ ей, до которыхъ она касалась, обожать звукъ ея голоса, шаговъ, обожать тѣ часы, въ которые онъ видѣлъ ее, дни, когда она сказала ему что-нибудь безъ гнѣва, и отмѣчать эти дни старательно, какъ школьникъ въ своей книжкѣ... Еще такъ недавно казалось ему, что онъ могъ бы любить только раскрытую, властную, побѣдоносную красоту. И вотъ онъ любить тоненькую дѣвочку съ невинными глазами, неловкую и неумѣлую. И онъ говорилъ теперь себѣ, что это—глубокая его любовь—единственное, данное ему судьбой восхищеніе, единственное преклоненіе, вызывающее на его уста самыя чудесныя человѣческія слова, и ни одно изъ этихъ словъ не кажется ему слишкомъ красивымъ.

— Жерменъ, — говоритъ онъ каждый день въ поляхъ своей подругѣ по работѣ: — я люблю тебя, моя дорогая, я тебя люблю...

И губы его кривятся при этомъ, и на лицѣ неразсказанная мука.

— Я тоже тебя люблю,—отвѣчаетъ она простодушно.

— Но за что же, Жерменъ? За что ты любишь меня?

— За то, что ты добръ ко мнѣ.

И она глубоко вздыхаетъ съ радостью.

— Я тебя люблю,—повторяетъ она.

А онъ смѣется тихо и неслышно, — про себя, содрогаясь грудью.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тихій азартъ.

Современная повѣсть А. Зарина.

(Окончаніе).

XV.

— Барыня, а барыня! — услышала Ольга Карповна спросонья голосъ няньки и лѣниво открыла глаза.—Письмо!

— Что же ты будишь изъ-за пустяковъ?—раздражительно сказала она, беря конвертъ съ крупнымъ напечатаннымъ бланкомъ.

— Человѣкъ пришелъ со службы барина и говоритъ: „непремѣнно“,—объяснила нянька.

Словно ударъ хлыста ожогъ Ольгу Карповну и сразу вернулъ ей сознаніе.

— Скажи, чтобы подождалъ. Иди отсюда!—торопливо сказала она, сѣла на постель и быстро разорвала конвертъ.

Огненными строками запрыгало передъ нею короткое сообщеніе: „М. Г... Правленіе покорнѣйше проситъ васъ передать артельщику подъ расписку деньги, оставленныя вамъ супругомъ, въ размѣрѣ 650 рублей. Съ почтеніемъ: старшій бухгалтеръ...“—и затѣмъ неразборчивая подпись, буквы которой, казалось, кривлялись и прыгали.

Она безсильно опустила на постель письмо, и лицо ея застыло въ ужасѣ. Мысли вихремъ закружились въ головѣ.

Сколько она истратила? — она не помнитъ. Взяла одинъ разъ и другой... Все равно...

Она быстро встала, вдѣла ноги въ туфли, накинула капотъ, наскоро закрутила волосы и вышла въ переднюю.

Тамъ стоялъ молодой человѣкъ съ портфелемъ въ рукахъ. Она сдѣлала смущенное лицо.

— Простите меня, но мужъ уѣхалъ и заперъ ящикъ стола: я не могу безъ него открыть. Онъ писалъ, что скоро вернется. Скажите въ правленіи господину бухгалтеру, что я ничего не знаю.

— Слушаю, — сказалъ артельщикъ, взялъ въ руки котиковую шапку и вышелъ, вѣжливо поклонившись.

Ольга Карповна подождала, пока за нимъ закрылась дверь, потомъ провела рукой по лицу и вяло прошла въ спальню, гдѣ снова легла въ постель.

— Мы къ тебѣ!—закричала Катя, вбѣгая слѣдомъ за ней.

— И я!—сказалъ Петя.

Они забрались къ ней на постель и стали ее цѣловать. Она лежала неподвижно, съ устремленными въ потолокъ глазами. Никакихъ мыслей, никакихъ ощущеній, какъ будто плита навалилась на ея грудь и давила ее; какъ будто туманъ наполнилъ ея голову и закуталъ всѣ ея мысли. Няня внесла чай и поставила на спальный столикъ. Она не притронулась къ чашкѣ. Дѣти наперерывъ говорили:

— Сегодня я буду хорошо учиться, потому что я сегодня веселая. Я видѣла во снѣ папу.

Ольга Карповна вздрогнула.

— Что ты видѣла, дѣточка?—слабо спросила она.

— Папу! Онъ пріѣхалъ и привезъ много игрушекъ и пряникъ, большой пряникъ. Такой круглый, и посерединѣ орелъ. Ты встрѣтила папу и цѣловала. Потомъ папа посадилъ меня на одно колѣно, а Петю на другое, и мы всѣ прижались другъ къ другу.

— И ты опять будешь съ нами, не будешь ходить въ клубъ,—сказалъ Петя.

— Кто сказалъ тебѣ про клубъ?

— Няня сказала...

— Глупости говоритъ няня, — проговорила Ольга Карповна и опять погрузилась въ оцѣпенѣніе.

Звенѣли голоса Кати и Пети, звучалъ голосъ няни, затѣмъ раздался голосъ Луши:

— Позвольте денегъ!

Все равно...

— Катя, возьми со стола портмонэ,—сказала Ольга Карповна.

Катя побѣжала и принесла ей портмонэ. Она раскрыла его. Тамъ оставалось 12 рублей. Прикасаясь къ деньгамъ, Ольга Карповна вздрогнула: это отъ тѣхъ денегъ, которыя далъ Пинкусъ.

Она дала Лушѣ шесть рублей.

— Теперь уходите, дѣти. Я вставать буду.

Дѣти ушли.

Она встала, невыспавшаяся, утомленная, и начала заниматься съ Катей, разсѣянно слушая, что та ей разсказываетъ, разсѣянно диктуя ей слово за словомъ; потомъ прошла къ себѣ, и вяло потянулось для нея время до обѣда.

Послѣ обѣда она легла въ постель и заснула тяжелымъ, мертвымъ сномъ. Сонъ—лучшее спасеніе, если онъ посылается утомленной душѣ. Ольга Карповна была еще молода, и потребность сна не могло побороть никакое волненіе.

Она проснулась нѣсколько освѣженная и съ рѣшительнымъ видомъ подошла къ туалетному столу.

„Все равно“,—подумала она, вынимая оттуда деньги.

— Чай готовъ,—сказала няня, входя въ спальню.

— Сейчасъ я выйду,—отвѣтила Ольга Карповна, положила въ портмонэ деньги, медленно одѣлась и вышла въ столовую.

Когда она допивала чашку чая, раздался звонокъ, а слѣдомъ за нимъ Луша вошла въ комнату и подала ей телеграмму.

Она быстро черкнула свою фамилію на квитанціи, потомъ разорвала телеграмму и впилась въ нее глазами: „Пріѣду завтра утреннимъ поѣздомъ 8 час. Цѣлую, Павелъ“.

Она скомкала телеграмму и бросила ее на столъ:

— Вотъ послѣдняя ставка!..

Потомъ она снова взяла телеграмму, выправила ее, прочитала вновь, аккуратно сложила и отнесла на туалетный столъ.

Спустя четверть часа, она медленно шла къ трамваю.

Неудержимая сила влекла ее въ клубъ. Надежда на выигрышъ слабой искрой теплилась въ душѣ.

И все время, пока она ѣхала до рокового мѣста, въ душѣ ея было пустынно, и въ головѣ ея былъ туманъ.

Она медленно поднималась по лѣстницѣ, когда сзади нея молодой голосъ весело проговорилъ:

— А „будь, что будетъ, все равно. На святое Провидѣнье положился я давно“... Идемъ, Костя! Есть шесть рублей—и вали!

Ее перегнали два молодыхъ человѣка.

„Словно отвѣтилъ на мои мысли“, — подумала она и вошла въ помѣщеніе клуба. Снявъ пальто, она вошла въ залу, быстро отыскала глазами Пинкуса и подошла къ нему, открывая портмонэ.

— Вотъ ваши деньги. Благодарю васъ, — сказала она, передавая ему 25 рублей.

Пинкусъ схватилъ ея руку и, цѣлуя, воскликнулъ:

— Ну! И зачѣмъ торопились? Развѣ это такъ важно? Фа! Я вамъ всегда готовъ служить.

— Благодарю васъ,—повторила она, выдергивая отъ него руку и направляясь къ мѣсту.

Старуха точно сторожила ее и тотчасъ вышла ей навстрѣчу:

— А я васъ ждала. Будемъ сегодня играть? Сегодня выиграемъ. Я загадала.

Ужасомъ повѣяло на Ольгу Карповну отъ этой страшной старухи, но она побоялась отказать ей: „вдругъ что-нибудь наколдуетъ“, и отвѣтила:

— Будемъ. Опять на шести

— Мы навѣрное выиграемъ!—Старуха широко улыбнулась беззубымъ ртомъ, и Ольгѣ Карповнѣ показалось, что этотъ беззубый ротъ поглотитъ все ея счастье.

Сядемъ тутъ.

Ольга Карповна опустилась на стулъ. Недалеко отъ пея сѣла старуха и закивала ей:

— Ищите такую, чтобы было 66 и 12.

Ольга Карповна ничего не отвѣтила ей и сказала служащему:

— Я плачу за себя и за нихъ.

„Будь, чтò будетъ—все равно“...

— Выиграла!— крикнула она, едва произнесли первые 12 номеровъ, и радость волной хлынула въ ея сердце.

Старуха закивала, перегибаясь черезъ весь столъ, и шамкала:

— Я говорила, я говорила...

Ольга Карповна снисходительно улыбнулась ей.

— Теперь я выиграю!—крикнула старуха.

Началась новая игра. Во время игры барышня принесла деньги. Всего 21 р. Ольга Карповна опустила въ кружку рубль, а остальное положила въ портмонэ. Она знала, что это—пустой выигрышъ, но если повезетъ, и она выиграетъ раза два за полтинникъ и хоть разъ за рубль, тогда съ лихвой покроетъ всю растрату.

— Довольно!—черезъ нѣсколько игръ раздался неистовый крикъ старухи.

Ольга Карповна радостно кивнула ей.

— 46 рублей!—сказала она громко, не стѣсняясь окружающихъ.

— Знаю, знаю,—прошамкала старуха.— Теперь вы не платите. Я сама.

Э. К. фонъ-Липгартъ, хранитель Императорскаго Эрмитажа.

И снова началась игра. Ольга Карповна ободрилась и жадно слѣдила за номерами. Сидящая противъ нея полногрудая дама сказала:

— Вамъ, кажется, опять повезло, а то долгое время совсѣмъ не шло.

— Да, да, — отвѣтила Ольга Карповна и продолжала слѣдить за игрой. Вторая, третья, четвертая — и ни въ одной даже намека на счастье. Она оглянулась и вдругъ вздрогнула. Мѣсто старухи было пусто.

Она дождалась, когда окончилась игра, и торопливо спросила у служащаго:

— Вы не видали этой дамы?

— Старухи-то? — отозвалась полногрудая. — Да она уже двѣ игры, какъ ушла. Получила деньги и ушла. А чтò?

Ольга Карповна ударила рукой по столу.

— Вы съ нею въ долѣ были?

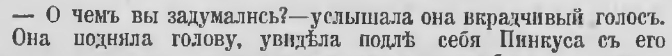
— Она играла за мои деньги! Я обѣщала ей пять рублей, — сказала Ольга Карповна.

— Вотъ, душечка, нашли, кому довѣриться! Да она вѣдь извѣстная. Она, если кто проглядитъ, прямо деньги крадетъ. Вотъ у меня одинъ разъ золотой лежалъ, вотъ такъ, — полногрудая показала, какъ лежалъ золотой.—Она вотъ здѣсь сидѣла, а потомъ пересѣла на другое мѣсто, такъ что и говорить было совѣстно. Прямо изъ-подъ руки украла! Ее давно выгнать надо. Пропали ваши денежки.

— Все равно,—блѣдными губами произнесла Ольга Карповна и стала продолжать игру на трехъ картахъ.

Игра шла за игрой, и она не видѣла даже у себя кварты—и вдругъ почувствовала утомленіе. Она отодвинула карты, встала, медленнымъ шагомъ прошла между играющими и вышла въ одинокую гостиную. Тамъ она сѣла въ глубокое кресло и погрузилась въ безрадостныя думы.

„Завтра утромъ пріѣдетъ Павелъ и... Развѣ это можно пережить?“ Передъ нею вдругъ промелькнулъ образъ старухи. Это она принесла ей несчастье.



— О чемъ вы задумались?—услышала она вкрадчивый голосъ. Она подняла голову, увидѣла подлѣ себя Пинкуса съ его растянутыми, отвислыми губами и невольно отодвинулась въ сторону, а онъ взялъ стулъ и придвинулся такъ, что колѣнками прикоснулся къ ея ногамъ.

— Милая барыня, — заговорилъ онъ съ акцентомъ:—о чемъ вы задумались, я знаю. Вы все проигрываете, а много ли проиграли? Ну, скажемъ, двѣсти; ну, скажемъ, триста рублей. Фа! Скажите только: „Генрихъ Германовичъ, одолжите мнѣ 300 рублей“,—и я вамъ сейчасъ дамъ. Милая барыня, не огорчайтесь! Скажите: „Генрихъ Германовичъ, одолжите 500 рублей“,—и я скажу: „возьмите 500 рублей“.—И онъ торопливо раскрылъ свой бумажникъ:—Берите!

— Какъ вы смѣете! — истерически крикнула Ольга Карповна и такъ быстро встала, что Пинкусъ едва успѣлъ отодвинуться со стуломъ.—Нахалъ!

И она выбѣжала изъ гостиной, вся содрогаясь отъ сдерживаемыхъ рыданій. Служащіе поспѣшно подали ей пальто; она одѣлась и почти бѣгомъ выбѣжала изъ клуба. Ей казалось, что за нею гонятся Пинкусъ и всѣ эти противные наглецы, которые смѣются сейчасъ надъ нею. А сзади корчится съ ужимками, какъ старая обезьяна, безобразная старуха.

Она бросилась въ первую попавшуюся пролетку, сказала адресъ и закричала:

— Гони, гони!

Извозчикъ помчался; она забилась въ уголъ пролетки и не чувствовала ни холоднаго вѣтра ни мокраго снѣга, который билъ ей въ лицо. Дрожащая отъ внутренняго волненія, съ замирающимъ сердцемъ, она поднялась въ темнотѣ по лѣстницѣ; позвонила и, едва Луша открыла дверь, вошла въ переднюю и быстро прошла въ спальню. Тамъ въ темнотѣ она опустилась въ кресло и застыла въ недвижной позѣ.

Э. К. фонъ-Липгартъ. „Моленіе о чашѣ“.
Картина съ послѣдней выставки Товарищества Художниковъ.

XVI.

Тьма окружала ее, и въ такую же тьму была погружена ея душа, охваченная ужасомъ, и только одна мысль, одна фраза долбила неотвязно ея голову:

„Какъ это вышло? Какъ это вышло?“

Она заломила руки и сидѣла недвижно. Никакихъ мыслей,—но въ темнотѣ вдругъ вспыхивали передъ нею яркіе образы: зала, освѣщенная огнями, лица, склоненныя надъ картами. Вотъ мелькнула дѣвушка Анюта, она хлопаетъ въ ладоши и радостно кричитъ: „выиграла, выиграла!“

— „Какъ это вышло?..“

Человѣкъ въ красномъ галстукѣ раскланивается и цѣлуетъ ея руку. Грязный Пинкусъ мокрыми губами присосался къ ея рукѣ.

„Какъ это вышло? Какъ это вышло?“

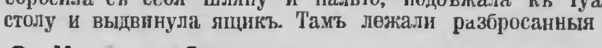
Зашамкала страшная старуха и закивала наколкой на накрашенныхъ волосахъ, а толстая дама съ накрашенными бровями склонилась къ ней черезъ столъ и говоритъ: „У насъ, душечка, и не то бываетъ“.

Ольга Карповна застонала.

„Чтò же будетъ?“ И представился ей мужъ съ расширенными отъ ужаса глазами: „Воръ!“

„Какъ она его встрѣтитъ? Чтò она ему скажетъ?“

Она быстро вскочила съ кресла и освѣтила спальню. Нервно сбросила съ себя шляпу и пальто, подбѣжала къ туалетному столу и выдвинула ящикъ. Тамъ лежали разбросанныя деньги.



Къ 50-лѣтію художественной дѣятельности Э. К. фонъ-Липгарта. По фот. Я. Штейнберга.

Академикъ Беггровъ. Недавно покончилъ самоубійствомъ академикъ живописи Беггровъ. Причина—невыносимыя физическія страданія, долго и мучительно не дававшія покоя художнику. Беггровъ по воспитанію — морской офицеръ, впослѣдствіи вышедшій въ отставку и цѣликомъ отдавшійся живописи. Это—одинъ изъ старѣйшихъ передвижниковъ, на протяженіи многихъ лѣтъ бывшій виднымъ членомъ Товарищества. Спеціальность Беггрова — море. Онъ любилъ его и мастерски изображалъ, превзойдя въ этомъ отношеніи своего перваго учителя, профессора Боголюбова. Беггровъ исполнилъ на своемъ вѣку много официальныхъ заказовъ, чтó не мѣшало ему писать небольшія интимныя вещицы, при чемъ онъ неоднократно изображалъ свой родной Петербургъ. Многія изъ картинъ Беггрова находятся въ Русскомъ Музеѣ, въ Третьяковской галлереѣ и въ частныхъ коллекціяхъ.

Академикъ А. К. Беггровъ за работой въ своей мастерской, въ Гатчинѣ.

Она высыпала туда все содержимое портмонэ и трепетными руками начала считать деньги. Сто рублей, сто рублей, пятьдесятъ, двадцать пять, десять, еще десять... опять сто, сто... 412 рублей: 412 рублей. А было? Сколько онъ оставилъ?—650 рублей.

Она схватилась за виски. Нѣтъ. Она сообразить не въ силахъ. Сколько же она истратила? И она стала считать снова. Взяла бумагу и карандашъ.

228 рублей денегъ чужихъ и своихъ 230 рублей. 228 рублей—вотъ растрата! Гдѣ же ихъ достать? Онъ пріѣдетъ сейчасъ, и позоръ ея откроется. Она заметалась по комнатѣ, захлопнувъ ящикъ.

Потомъ вдругъ на нее напало спокойствіе.

Она тихо вышла изъ спальни, крадучись прошла черезъ столовую и проскользнула въ кухню. Тамъ она зажгла огонь. Луша спала; изъ-за занавѣски торчала ея большая нога, и слышался ея протяжный храпъ. Ольга Карповна подошла къ кухонному столу, открыла шкапъ и стала внимательно пересматривать находившееся тамъ, а потомъ жадно схватила бутылку съ уксусной эссенціей и тихо прошла назадъ въ столовую. Такъ же осторожно она открыла буфетъ и вынула оттуда винный стаканъ.

А. Беггровъ. Петербургъ ночью.

Вотъ! Словно голову ея озарилъ яркій свѣтъ.

Это одинъ исходъ.

Какъ же она можетъ теперь смотрѣть на порядочныхъ людей чистыми, открытыми глазами? И со смертоносной бутылкой и стаканомъ она прошла назадъ въ спальню и поставила ихъ на туалетный столъ. Потомъ прошла въ столовую и сѣла къ столу мужа.

Передъ нею лежали бумаги и перья. Она твердой рукой обмакнула перо въ чернила и стала выводить ровныя строчки:

„Милый Павля, я не могла пережить своего позора. Этотъ позоръ упалъ бы на твою голову, а теперь ты покажешь это письмо, и всѣ тебя пожалѣютъ и оправдаютъ. Я безъ конца виновна передъ тобой, передъ дѣтьми, и мнѣ стыдно жить. Какъ я могу быть честной женой, какъ я могу быть матерью своихъ дѣтей послѣ такого позора? Милый, прости! Изъ

А. Беггровъ. Москва (храмъ Спасителя).

Къ кончинѣ академика А. К. Беггрова. По фот. І. Глыбовскаго.

Академикъ I. Крачковскій.

тѣхъ денегъ, которыя принадлежатъ правленію, я растратила 228 рублей. Остальныя деньги ты найдешь въ туалетномъ столѣ. Ключъ я кладу въ конвертъ. Деньги, которыя ты оставилъ мнѣ на расходы, я тоже растратила. Я предалась позорной страсти, падала все ниже и ниже и дошла до воровства. Прости, милый! Я никогда не думала, что я такая дурная. Люби дѣтей и скрой отъ нихъ мой... мой... Милый, цѣлую тебя. Люби меня... и не...— она написала:—„презирай"—и провела черту. Перо прошло по мокрому слѣду отъ слезъ, и чернила расплылись въ кляксу. Она откинулась и закрыла лицо руками.

О чемъ же думать? Исходъ возможенъ только одинъ.

И, вытеревъ глаза, она съ тихимъ вздохомъ сложила письмо, положила его въ конвертъ вмѣстѣ съ ключомъ, надписала твердымъ почеркомъ: „мужу" и положила письмо на видномъ мѣстѣ стола. Потомъ поднялась и прошла въ дѣтскую.

Катя спала, положивъ подъ голову обѣ руки. Петя разметался, сбросивъ съ себя одѣяло. Она тихо склонилась надъ Катей и долго смотрѣла на ея тонкія черты и прислушивалась къ ея ровному дыханію. Слезы струились по ея щекамъ и неслышно капали на одѣяло. Потомъ она подошла къ Петѣ и склонилась надъ нимъ, но тотчасъ встала и поспѣшно вышла. Она боялась разрыдаться и разбудить дѣтей. Она вернулась въ столовую и снова опустилась на стулъ подлѣ мужнинаго стола.

„Что я дѣлаю, что будетъ?"—мелькало у нея въ головѣ.

То внезапный просвѣтъ мыслей озарялъ ея умъ, и представлялся весь ужасъ смерти, то ужасъ позора заслонялъ эти мысли.

Часы гулко пробили семь.

I. Крачковскій. Осенній вечеръ. (Русскій Музей Императора Александра III).

Она вздрогнула и подняла голову. Почти въ ту же минуту раздался у дверей рѣзкій звонокъ.

Она вскочила, хотѣла бѣжать, но ноги ея точно приросли къ полу, и она окаменѣла, прижавъ руки къ замершему сердцу.

Послышался кашель Луши: дверь изъ кухни отворилась, и Луша, шлепая босыми ногами, добѣжала до входной двери и открыла ее. Въ переднюю вошелъ молочникъ.

— Получай свои двѣ бутылки, — сказалъ онъ:—и давай расчетъ за два дня.

Ольга Карповна опустилась на стулъ, и сердце ея забилось съ бѣшеной силой.

Глупая! Теперь еще 7 часовъ, а онъ пріѣдетъ не ранѣе 9. А она думала... И слабая улыбка мелькнула на ея лицѣ.

Она успѣетъ.

Изъ дѣтской послышался протяжный вздохъ проснувшейся няньки, кряхтеніе и дрожащій голосъ:

— Охъ, грѣхи наши, грѣхи, Господи!

— Няня! — закричалъ Петя.

— Не кричи, всѣхъ разбудишь, баловникъ!

— Катя, проснись!

— Не смѣй будить дѣвочку, если она спитъ!

Ольга Карповна, крадучись, скользнула въ спальню и услыхала шумъ вросыпающейся жизни. Петя смѣялся, няня ворчала, Луша ворочалась и шумѣла въ кухнѣ, растапливая плиту. Затѣмъ раздался звонкій голосъ Кати:

— Сегодня пріѣдетъ папа. Я пойду и разбужу маму, чтобы она ѣхала встрѣчать папу.

— Я хочу встрѣчать папу,—закричалъ Петя.

— Тебя не пустятъ, ты маленькій.

— Я хочу!

— Тихо вы, дѣти!—говорила няня, и потомъ слышно было, какъ она прошла черезъ столовую въ кухню и тамъ говорила, чтобы Луша скорѣе разогрѣла молоко и готовила первый завтракъ.

Ольга Карповна испуганно заперла на задвижку дверь и сѣла въ кресло, на которомъ такъ часто сидѣла, разговаривая съ мужемъ, когда онъ возвращался со службы или лежалъ въ постели. Недалеко отъ нея на туалетномъ столѣ стояли страшная бутылка и стаканъ. Она налила въ стаканъ эссенціи, и горлышко бутылки судорожно билось о края стакана.

Вотъ избавленіе и искупленіе за весь позоръ: въ этомъ—оправданіе ея мужа. Оправданіе ея передъ дѣтьми, передъ совѣстью, передъ людьми.

Трепетной рукой она подняла стаканъ и поднесла его къ губамъ. Острый кислый запахъ коснулся ея дыханья. Она отодвинула стаканъ и сморщила тонкія брови. Въ эту минуту зашумѣла ручка двери, и за нею раздался звонкій голосъ Кати:

— Мама, мамочка, пора вставать! Папа пріѣдетъ, ты проспишь.

Ольга Карповна затаила дыханье.

— Мама, вставай!—снова закричала Катя, стуча въ двери.

Ольга Карповна собралась съ силой и ровнымъ голосомъ сказала:

— Сейчасъ, дѣточка, не шуми.

Ужасъ охватилъ всѣ ея члены, холодный потъ выступилъ у нея на лбу. Страшно умирать...

Петя со всего размаха ударилъ ногой въ дверь и закричалъ:

— Мама, вставай! Папу проспишь, папу проспишь!

— Тихо, буянъ, что ты дѣлаешь!—заворчала няня, стоя подлѣ самой двери.

„Пора!" — рѣшила Ольга Карповна, подняла стаканъ и залпомъ опрокинула его въ ротъ. Рука ея дрогнула, жидкость расплескалась. Острая, жгучая боль, словно раскаленный прутъ, прошла черезъ всѣ ея внутренности: кислота обожгла ея губы, ея ротъ, огненнымъ потокомъ пробѣжала по подбородку. Она хотѣла вздохнуть, пронзительно вскрикнула и упала въ кресло, а съ него на полъ.

— Господи, что такое?—воскликнула нянька, отшатываясь отъ двери.

Дѣти испуганно стали колотить въ дверь и кричать:

— Мама, мамочка, отвори!

Нянька дернула ручку двери.

— Нѣтъ, не отворяется. Что же это такое? Лушка, Лушка! — закричала она.—Бѣги сюда скорѣе, дура!

Въ комнату вбѣжала Луша. Она была еще босикомъ и растрепана.

— Толкай дверь!

Луша толкнула запертую дверь, но она не поддавалась.

— Дура, плечомъ ударь! Ну!

Луша съ размаху ударила плечомъ, задвижка отскочила, и дверь распахнулась. Нянька вбѣжала въ комнату, увидѣла лежащую Ольгу Карповну и заметалась.

Катя и Петя бросились къ матери.

— Уйдите прочь!—очнулась няня и торопливо увела дѣтей.

— Луша, бѣги поскорѣе, напротивъ тамъ, по парадной, докторъ живетъ. Веди его, бѣгомъ! Ахъ, ты, Господи! — И, увидѣвъ бутылку съ уксусной эссенціей, она всплеснула руками, ударила ими по бедрамъ и опустилась передъ барыней на колѣни. — Барыня, барыня, что ты надъ собой сдѣлала? — Старческій голосъ ея задрожалъ и оборвался.

Катя и Петя стояли въ столовой и ревѣли въ одинъ голосъ. Луша опрометью побѣжала изъ квартиры.

XVII.

Поѣздъ прошелъ станцію Преображенскую и быстро мчался по направленію къ Петербургу. Блѣдный разсвѣтъ осенняго утра пробился черезъ окна вагоновъ и погасилъ тускло свѣтящіеся огни фонарей. Пассажиры уже убрали свои вещи и увязывали послѣднія связки.

Павелъ Аркадьевичъ умылся, одѣлся, уложилъ вещи и съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, когда остановится поѣздъ.

Сердце его замирало. Сейчасъ онъ увидитъ жену, пріѣхавшую къ нему навстрѣчу. Радостно поѣдетъ съ нею вмѣстѣ, разсказывая объ удачной поѣздкѣ, а тамъ его встрѣтятъ веселыми криками дѣти, и онъ станетъ одѣлять ихъ игрушками и подарками. Онъ прижался къ окошку и жадно смотрѣлъ въ молочную тьму осенняго утра. Промелькнулъ семафоръ, длинной цѣпью потянулись вагоны на запасномъ пути. Промелькнула товарная станція. Съ глухимъ шумомъ прошелъ поѣздъ подъ сводами дебаркадера, вздрогнулъ и остановился. Пассажиры пошли къ выходу. Павелъ Аркадьевичъ, захвативъ легкій чемоданъ и пледъ въ ремняхъ, сошелъ на платформу, ища жаднымъ взоромъ стройную фигуру жены, и въ недоумѣніи остановился.

Пассажиры понемногу расходились.

То тутъ, то тамъ онъ видѣлъ встрѣчающихъ, которые обнимались. Онъ былъ одинъ.

Растерянно онъ оглянулся, прошелъ до конца вдоль опустѣвшей платформы, и тайная тревога проникла въ его сердце. Онъ поспѣшно вышелъ, потомъ вернулся, прошелъ черезъ буфетную залу и, не увидавъ жены, съ тревогой вышелъ изъ вокзала, сѣлъ на извозчика и погналъ его къ далекому отъ вокзала дому. Извозчикъ мчался, и, чѣмъ быстрѣе сокращался путь, тѣмъ тревожнѣе и тревожнѣе билось сердце Павла Аркадьевича.

Ему представлялись больными то жена, то дѣти; въ испуганномъ воображеніи представлялись всякіе ужасы. Ему казалось, что извозчикъ ѣдетъ медленно, и онъ поминутно толкалъ его:

— Скорѣе, скорѣе!

Вотъ и знакомая улица, вотъ домъ...

— Стой!

Онъ захватилъ вещи, сунулъ извозчику деньги и поспѣшно пошелъ черезъ дворъ къ лѣстницѣ. Но когда онъ вступилъ на первыя ступеньки, ноги его словно подкосились. Онъ опустилъ чемоданъ и перевелъ духъ. Не можетъ быть, чтобы была какая-нибудь бѣда. Вѣроятно, жена заспалась; можетъ-быть, не пришла телеграмма. Онъ войдетъ радостный и не покажетъ виду, что былъ недоволенъ. Онъ взялъ чемоданъ и сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ. Дверь въ квартиру оказалась отворенной. Онъ вошелъ. Луша не видала его и суетливо на кухнѣ наливала изъ самовара горячую воду въ бутылку. Въ столовой у стола сидѣла нянька, и снова Павла Аркадьевича охватила тревога. Онъ опустилъ чемоданъ. Луша увидѣла его и вскрикнула.

— Что такое?—быстро спросилъ онъ.

— Баринъ, баринъ,—страшнымъ шепотомъ произнесла Луша:—бѣда у насъ...

— Возьми пальто, возьми шляпу.

Онъ быстро сбросилъ пальто и прошелъ въ столовую.

Няня увидѣла его и бросилась ему навстрѣчу.

— Баринъ нашъ, баринъ нашъ!—тревожнымъ шопотомъ произнесла она.

— Дѣти?..—испуганно спросилъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Барыня...

— Что съ нею?

— Охъ, Господи! Грѣхъ случился...

— Что, няня? Скажи скорѣе!

Онъ взялъ ее за плечи, потомъ оттолкнулъ и быстро вошелъ въ спальню.

Ольга Карповна лежала въ постели, подлѣ нея, склонившись, стоялъ, повидимому, докторъ.

Павелъ Аркадьевичъ съ недоумѣніемъ остановился. Докторъ обернулся и сказалъ:

— Не волнуйтесь, все благополучно.

— Что случилось? — спросилъ онъ, переступая порогъ. — Вы докторъ?

Онъ кивнулъ.

— Чѣмъ она заболѣла?

— Она?.. Это ваша супруга?

Павелъ Аркадьевичъ молча кивнулъ и подошелъ къ женѣ. Она лежала, запрокинувъ голову съ блѣднымъ лицомъ. Углы рта и подбородокъ были покрыты красными полосами. На лбу каплями выступалъ потъ; она порывисто, со свистомъ дышала, а глаза ея были закрыты. Онъ взялъ ея руку. Она была холодна. Онъ быстро обернулся къ доктору и спросилъ:

— Что съ нею?

— Она выпила неосторожно уксусной эссенціи.

— Что?

— Видимо, она хотѣла отравиться,—отвѣтилъ докторъ:—но выпила недостаточно, половину разлила, и меня вызвали почти тотчасъ. Мы ее спасемъ.

— Отравилась?

Павелъ Аркадьевичъ пошатнулся. Мысли роемъ закружились въ его головѣ. Что могло случиться, чтобы его жена, Оля, могла покуситься на такое страшное дѣло? Ревнивое подозрѣніе на мигъ обожгло его мозгъ, но онъ тотчасъ же отогналъ его и въ недоумѣніи, растерянно провелъ рукой по лицу. Страшнымъ усиліемъ воли онъ совладалъ съ собой и обратился къ доктору:

— Я былъ въ отъѣздѣ и только-что пріѣхалъ. Скажите, въ какомъ она положеніи? Угрожаетъ ли ей опасность? Что съ нею и что съ нею будетъ?

Докторъ сочувственно взглянулъ на него:

— По-моему, всякая опасность миновала. Какъ я уже вамъ сказалъ, она приняла недостаточное количество. Понятно, обожглась: я успѣлъ нейтрализовать дѣйствіе кислоты, и теперь остались только ожоги рта, гортани, слегка пищевода, но это скоро залѣчится. Теперь ей нельзя давать никакой твердой пищи, вѣроятно, недѣли двѣ. Все пройдетъ; можете быть покойны. Первое время только не надо ее тревожить. Сейчасъ она, вѣроятно, придетъ въ себя. Лучше бы вамъ не показываться. Говорить ей нельзя. У нея припухли гортань и языкъ.

Павелъ Аркадьевичъ кивнулъ, докторъ сѣлъ къ столу и написалъ рецепты.

— Съ этимъ пошлите въ аптеку; я навѣщу ее еще разъ вечеромъ.

Павелъ Аркадьевичъ проводилъ его до дверей и вернулся въ столовую. Къ нему осторожно подошла няня. Онъ взялъ ее за руку и сѣлъ на диванъ.

— Няня, что было?—спросилъ онъ.

I. Крачковскій. Весна въ Крыму. (Послѣдняя картина художника на выставкѣ Товарищества Художниковъ 1914 г.).

Къ кончинѣ академика I. Е. Крачковскаго. По фот. I. Глыбовскаго.

— Что?—тихо повторила няня.—Не иначе, какъ какая-нибудь бѣда. Она безъ васъ все уходила; каждый вечеръ. Никогда раньше трехъ часовъ домой не ворочалась. А теперь вотъ и случилось. Безпокойная была все время, задумчивая. По пустякамъ сердилась. Съ дѣтьми ласковая, а какъ только одна — сидитъ, хмурится, руки ломаетъ. Не иначе, какъ клубъ этотъ...

Павелъ Аркадьевичъ сразу все понялъ. Онъ быстро всталъ и началъ ходить по столовой.

— Господи, какое счастье, что захватили во-время! А гдѣ дѣти?

— Въ дѣтской... плачутъ...

Онъ пошелъ въ дѣтскую и вдругъ увидѣлъ на письменномъ столѣ конвертъ. Онъ быстро схватилъ его, разорвалъ, вынулъ письмо, въ которомъ слезы перемѣшались съ чернилами, и сталъ разбирать написанное. И, по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его прояснялось, и на глазахъ показались слезы. Онъ опустилъ письмо, зажалъ въ рукѣ ключъ и тихо покачалъ головой.

„Боже, Боже! И какое могло быть несчастье изъ-за такого пустяка. 228 рублей,—развѣ это деньги? И изъ-за этого она подняла на себя руку! Бѣдная, сколько она выстрадала, какъ она мало понимала его“...

Онъ хотѣлъ подбѣжать къ ней и сказать: — Оля, Оля, что ты сдѣлала?—но воздержался и быстро прошелъ къ дѣтямъ.

Катя и Петя увидали его и съ крикомъ бросились къ нему. Катя прижалась и горько заплакала, а Петя сказалъ:

— Привезъ мнѣ игрушки?

— Привезъ, милый!—А Катю онъ прижалъ къ груди и сталъ гладить ея шелковистые волосы.—Вотъ мама выздоровѣетъ, тогда я вамъ игрушки и дамъ. А теперь не до игрушекъ. Мама вдругъ захворала, — сказалъ онъ серьезно.—Теперь сидите тихо, будьте умные; я уйду и скоро-скоро вернусь назадъ... Я пойду, няня,—сказалъ онъ, выходя: — и вернусь черезъ какой-нибудь часъ. Ты посмотри за всѣмъ.

— Идите, идите; за всѣмъ погляжу.

Она любовно проводила Павла Аркадьевича, помогла ему одѣться, и онъ быстро вышелъ изъ дома.

Онъ взялъ извозчика и приказалъ ѣхать на Сѣнную площадь. Тамъ у него былъ знакомый купецъ, для котораго онъ завелъ правильное счетоводство. Съ этимъ купцомъ онъ имѣлъ давно дружескія отношенія.

Когда онъ пріѣхалъ и вошелъ въ магазинъ, Акинфіевъ сидѣлъ за конторкой и просматривалъ книги. Павелъ Аркадьевичъ постучался въ дверь и вошелъ. Акинфіевъ поднялъ голову, и молодое лицо его радостно улыбнулось:

— Павелъ Аркадьевичъ! Сколько лѣтъ! Наше вамъ съ кисточкой. Чайку не прикажете ли?

— Благодарю васъ. Я къ вамъ по большому и важному дѣлу.

— Что такое?—спросилъ онъ, и лицо его тотчасъ же стало серьезнымъ. Онъ погладилъ русую бороду, подвинулъ стулъ и сказалъ:—Садитесь, дорогой.

Павелъ Аркадьевичъ опустился на стулъ и прямо сказалъ:

— Петръ Яковлевичъ, у меня произошла въ домѣ большая непріятность. Мнѣ необходимо нужно сейчасъ 300 рублей. Будьте добры, дайте мнѣ ихъ; я вамъ напишу вексель.

Петръ Яковлевичъ широко улыбнулся:

— Почтеннѣйшій! Я-то думалъ, что серьезное что. Какіе промежъ насъ векселя и расписки. Сдѣлайте ваше одолженіе. Говорите: 300? А можетъ-быть, больше надо?

— Нѣтъ, только 300 рублей. И все-таки, знаете, я вамъ напишу бумажку; такъ, для вѣрности...

Акинфіевъ кивнулъ:

— Что же,—деньги счетъ любятъ. Хотите, такъ пишите. Только совсѣмъ лишнее.

— Я—счетоводъ. Въ деньгахъ всегда нужна аккуратность,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ.

— Коли угодно, садитесь!

Акинфіевъ всталъ и очистилъ мѣсто подлѣ стола. Павелъ Аркадьевичъ пересѣлъ и быстро написалъ расписку. Акинфіевъ раскрылъ бумажникъ, вынулъ три бумажки и передалъ ихъ Павлу Аркадьевичу. Тотъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Ну, теперь чайку!

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ некогда.

— Некогда, держать не могу. А хотѣлось бы покалякать малость. Давно не заглядывали ко мнѣ.

Павелъ Аркадьевичъ еще разъ пожалъ ему руку:

— Вы меня извините. Я потомъ какъ-нибудь навѣдаюсь.

— Навѣдайтесь, Павелъ Аркадьевичъ! Я хотѣлъ бы кой-о-чемъ поговорить.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Павелъ Аркадьевичъ и вышелъ изъ двери.

„Все такъ просто. Если бы она знала объ этомъ!..“

XVIII.

Онъ вернулся домой успокоенный. Теперь только лишь бы она поправилась.

— Что, няня, съ ней?—спросилъ онъ.

Няня заговорила шепотомъ:

— Узнала, что вернулись, и безпокоится. Видѣть хочетъ. Руками показываетъ...

Онъ тихо, на цыпочкахъ, прошелъ въ спальню. Ольга Карповна повернула къ нему голову, и онъ увидѣлъ, какъ ея лицо исказилось страданіями, какъ на глазахъ выступили слезы, какъ она протянула къ нему руки, а потомъ закрыла ими лицо. Онъ порывисто подошелъ къ ней, опустился на колѣни, обнялъ ее и прижался лицомъ къ ея груди, а потомъ, положивъ руку на ея голову, тихо сталъ говорить:

— Оля, милая, да какъ же ты могла рѣшиться на это? И изъ-за чего: — изъ-за такихъ денегъ? Вотъ онѣ! — Онъ вынулъ и показалъ ей 300 рублей.—Какъ могло это притти тебѣ въ голову? Бѣда бываетъ со всякимъ, всякіе вихри кружатъ насъ въ нашей жизни. Отчего же ты не дождалась меня, отчего не сказала мнѣ прямо: вотъ что было со мной. Неужели мы не могли бы вдвоемъ поправить этой бѣды? А то, что ты хотѣла сдѣлать, развѣ было бы поправимо? Милая, милая! Да и какъ же можно было, моя дорогая...

Голосъ его прервался.

Пережитыя волненія осилили его, и онъ глухо разрыдался, прижавъ лицо къ ея груди. Онъ содрогался отъ плача. Ольга Карповна положила руку на его голову, гладила его волосы, и по ея лицу струились слезы, но это были уже слезы умиленія и радости за возвращенную жизнь.

На другой день Павелъ Аркадьевичъ ушелъ на службу, и жизнь потекла своимъ чередомъ.

Ольга Карповна медленно поправлялась отъ ожоговъ. Первыя слова, которыя она сказала, были:

— Милый, прости...

— Перестань говорить объ этомъ, Оля,—отвѣтилъ онъ и сказалъ серьезно: — Все прошло, и хорошо, что такъ кончилось. Продолжайся твое увлеченіе, и не будь этой катастрофы, которая, слава Богу, оказалась пустой, ты бы разорила насъ совсѣмъ, извелась бы сама и Богъ знаетъ во что обратила бы нашу жизнь.

— Это правда,—тихо проговорила она.—Я все это время была плохая жена и дурная мать.

— Слава Богу, что это было такое короткое время. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Если бы только прошло это пятно,—указала она на подбородокъ, на которомъ остались слѣды ожога.

— Это—печать антихриста, — сказалъ онъ, смѣясь и цѣлуя красное пятно.

Она задумчиво покачала головой:

— Правда, печать антихриста! Когда выраститъ Катя, я покажу ей это пятно и разскажу свою страшную исторію...

Академикъ Э. К. фонъ-Липгартъ.

(Къ полувѣковому юбилею художественной дѣятельности).

Сыграть свою золотую свадьбу съ искусствомъ рѣдкому художнику выпадаетъ на долю. Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ счастливцевъ является академикъ декоративной живописи и хранитель Императорскаго Эрмитажа А. Э. фонъ-Липгартъ.

Ровно полвѣка назадъ въ парижскихъ салонахъ выставлена была большая миѳологическая композиція, обратившая вниманіе какъ публики, такъ и художественной критики. Что-то воздушное, легкое было въ этихъ летящихъ средь нѣжныхъ облаковъ богахъ и богиняхъ, сопровождаемыхъ пухленькими крылатыми амурами.

Авторомъ миѳологической картины былъ семнадцатилѣтній Эрнестъ фонъ-Липгартъ, въ такомъ раннемъ возрастѣ уже настолько овладѣвшій техникой, что она позволяла ему безъ труда справляться съ многофигурными и сложными композиціями.

Родина Липгарта—Остзейскій край. Онъ—сынъ художника, отличавшагося, помимо таланта, культурностью и образованностью. Эти два качества вмѣстѣ съ дарованіемъ живописца частью унаслѣдованы сыномъ, частью благопріобрѣтены имъ.

Юность Эрнеста Липгарта связана съ Флоренціей. Здѣсь, среди прекрасныхъ памятниковъ вѣчно юнаго флорентійскаго Ренессанса, Липгартъ-сынъ занимается рисованіемъ и живописью подъ наблюденіемъ отца и знаменитаго портретиста Ленбаха. Ленбахъ привязался къ своему живому, воспріимчивому и талантливому ученику и внимательно слѣдилъ за его художественнымъ ростомъ.

Онъ вмѣстѣ съ Липгартомъ совершаетъ образовательное путешествіе по Европѣ. Учитель знакомитъ ученика съ выдающимися музеями и галлереями Вѣны, Парижа, Мадрида, Брюсселя, Амстердама.

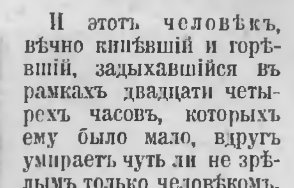
Путешественники на лошадяхъ объѣхали всю Испанію, живя подолгу въ Севильѣ, Толедо и Гренадѣ.

Годы бѣгутъ, и вмѣстѣ съ ними растетъ популярность Липгарта. Онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ, несмотря на соперничество французскихъ художниковъ, имѣлъ много портретныхъ и декоративныхъ заказовъ. Онъ писалъ знатныхъ дамъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и расписывалъ ихъ особняки и отели.

Спустя много лѣтъ, уже немолодымъ человѣкомъ, уже завоевавъ европейскую извѣстность, Липгартъ переселяется навсегда въ Петербургъ. И здѣсь остается все тѣмъ же изысканно-салоннымъ декоративнымъ живописцемъ и великосвѣтскимъ портретистомъ.

Изъ его мастерской, всегда съ такимъ комфортабельнымъ вкусомъ обставленной, вышло много царскихъ и великокняжескихъ портретовъ. Липгартъ не только прекрасный живописецъ, но и самъ тонкій знатокъ живописи всѣхъ странъ и вѣковъ. Въ особенности обширны его познанія въ итальянской школѣ. Его опредѣленіе и экспертизы старыхъ картинъ за рѣдкимъ исключеніемъ вѣрны, обоснованы и непогрѣшимы.

После этого понятно, что именно Липгартъ и никто другой приглашенъ былъ на постъ хранителя Императорскаго Эрмитажа.



Новый желѣзнодорожный мостъ черезъ Западную Двину въ Ригѣ, открытый весной с. г. Мостъ имѣетъ въ длину 400 саж., онъ арочной системы и состоитъ изъ 9 пролетовъ. Стоимость его около 6 мил. руб. По фот. И. Т. Миронова, въ Полоцкѣ.

„Висячій домъ.“ Необыкновенный ростъ уличнаго движенія въ послѣдніе годы сдѣлалъ невозможной жизнь въ домахъ, окаймляющихъ наиболѣе оживленныя улицы Парижа. Дребезжаніе стеколъ, дрожаніе стѣнъ, половъ и мебели дѣлаютъ не только невыносимымъ пребываніе въ домахъ, но и заставляютъ опасаться за цѣлость самихъ построекъ. Обстоятельства эти навели парижскихъ архитекторовъ на мысль создать типъ постройки, опирающейся не на фундаментъ, покоящійся на верхнихъ слояхъ почвы, а на громадныя бетонныя колонны, опущенныя въ глубочайшіе колодцы. Первый домъ „висячаго“ типа сооружается теперь на Avenue Victor Hugo. Рядъ колоннъ, стоящихъ въ колодцахъ, но не соприкасающихся со стѣнами этихъ колодцевъ, поддерживаютъ поперечныя сооруженія, на которыхъ выведены стѣны. Такимъ образомъ, зданіе не касается земли. Колонны же упираются въ землю на глубинѣ 16 метровъ, туда не достигаютъ колебанія почвы, вызываемыя уличнымъ движеніемъ. Для того, чтобъ ослабить шумъ, доносящійся съ улицы, стѣны дома выложены особымъ цементомъ, въ составъ котораго входитъ пробковое дерево. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Несмотря на свои безъ малаго семьдесятъ лѣтъ, Липгартъ все еще весьма бодръ и крѣпокъ.

Художникъ-европеецъ съ ногъ до головы, Липгартъ систематически работаетъ каждый день, и отвѣтственный и отнимающій много времени постъ хранителя Эрмитажа не мѣшаетъ ему нѣсколько часовъ ежедневно посвящать живописи

J. Е. Крачковскій.

(Некрологъ).

Мѣсяца не проходитъ, чтобы смерть не унесла какого-нибудь художника. Недавно умеръ въ Италіи академикъ Крачковскій.

Работоспособность этого талантливаго пейзажиста была исключительная. Во время своего заграничнаго пенсіонерства Крачковскій научился въ Парижѣ писать картины и этюды изо дня въ день. Это привилось ему навсегда. И онъ, работавшій съ поздняго петербургскаго разсвѣта, до густыхъ потемокъ на протяженіи многихъ лѣтъ, постоянно сѣтовалъ на отсутствіе времени. Ему все не хватало.

И этотъ человѣкъ, вѣчно кипѣвшій и горѣвшій, задыхавшійся въ рамкахъ двадцати четырехъ часовъ, которыхъ ему было мало, вдругъ умираетъ чуть ли не зрѣлымъ только человѣкомъ.

Немалую роль въ болѣзни Крачковскаго, такъ быстро перешедшей въ смерть, сыграла, вѣроятно, катастрофа, приключившаяся съ нимъ наканунѣ открытія выставки.

У Михайловскаго манежа автомобиль Крачковскаго, по милости зазѣвавшагося шоффера, столкнулся съ другимъ мчавшимся автомобилемъ. Кабинка, въ которой сидѣлъ художникъ, разбилась, а самъ онъ, выброшенный страшнымъ толчкомъ, упалъ на мостовую и потерялъ сознаніе. И когда его привели въ чувство, онъ, забывъ про ноющую во всемъ тѣлѣ боль, поспѣшилъ на выставку, гдѣ нуженъ былъ его опытный хозяйскій глазъ.

Вообще, этотъ маленькій, сухонькій человѣчекъ отличался изумительной выносливостью и силой воли громадной.

Крачковскій—польскаго происхожденія.

Въ юности своей Іосифъ Крачковскій жилъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ Гаршинымъ. И они вмѣстѣ занимались живописью. Но сначала Крачковскій тяготѣлъ больше къ музыкѣ. Онъ учился въ консерваторіи и навсегда остался превосходнымъ піанистомъ.

Уже въ первые годы своего академическаго образованія онъ получалъ одну за другой преміи въ Обществѣ Поощренія Художествъ, конкурируя со старыми академиками и профессорами.

Въ двѣ недѣли написалъ онъ программу на большую золотую медаль и былъ посланъ за границу на четыре года. Это—крупный пейзажъ съ партіей могучихъ дубовъ на первомъ планѣ.

Крачковскій попадаетъ въ Парижъ. Тамъ уже его старые пріятели по Академіи—Новоскольцевъ и Маттэ.

Крачковскій увлекается Пеллюзомъ, Казэномъ, увлекается барбизонцами и самъ ѣздитъ въ Барбизонъ на этюды. Онъ удивлялъ французовъ своей техникой, удивлялъ быстротою письма.

Возвратившись въ Петербургъ, Крачковскій женился на дочери популярнаго художника-архитектора Н. Ф. Беккера. Беззаботное пенсіонерство кончилось. Крачковскій попадаетъ въ лапы настоящей, суровой жизни. Онъ работаетъ, выставляетъ, продаетъ, получаетъ званіе академика. Но это все не то. Ему тѣсно. Онъ мечтаетъ о новыхъ, болѣе широкихъ, горизонтахъ...

Случайно въ Крыму Крачковскій знакомится съ княземъ Юсуповымъ, тогда командиромъ Кавалергардскаго полка. Князь Юсуповъ вводитъ понравившагося ему художника въ кругъ знати. Пейзажистъ, такъ безподобно передававшій красоты и очарованіе крымскаго побережья, засыпанъ заказами.

Но у Крачковскаго не закружилась голова. Онъ остается добрымъ, внимательнымъ товарищемъ и ревниво печется о тѣхъ живописцахъ, которые вмѣстѣ съ нимъ идутъ рука объ руку.

Въ смыслѣ организаторскихъ способностей это былъ рѣдкій человѣкъ. „Товарищество Художниковъ“ дѣйствительно понесло въ немъ незамѣнимую утрату.

Работоспособность Крачковскаго, мы уже говорили, была изумительная. Въ смыслѣ строго систематической работы, ежедневной, съ утра и до ве-

«Висячій домъ» Видъ колодца сверху; по обѣимъ сторонамъ его видны опущенныя въ него колонны. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Автомобильные кузова изъ бетона. Послѣдней новинкой въ области автомобильной промышленности являются автомобильные кузова, обшитые вмѣсто обычнаго листового желѣза особымъ цементно-бетоннымъ составомъ. Остовъ кузова обивается легкой проволочной сѣткой, поверхъ которой накладывается бетонная мастика, скоро затвердѣвающая. Бетонные кузова не только легче и прочнѣе желѣзныхъ, но и красивѣе ихъ, такъ какъ допускаютъ скульптурную обработку. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

чера, онъ напоминалъ западныхъ, французскихъ художниковъ. Если бъ собрать вмѣстѣ всѣ картины и этюды, написанные за тридцать пять лѣтъ его творческой жизни, получилась бы грандіозная выставка изъ нѣсколькихъ тысячъ полотенъ.

Онъ устраиваетъ самостоятельную выставку въ Парижѣ. Знаменитый Арсэнъ Александръ посвящаетъ ему цѣлыя статьи. Успѣхъ для художника—небывалый.

Дорога въ Ниццу превращается въ тріумфальное шествіе. Въ Ниццѣ Крачковскій пишетъ рядъ новыхъ картинъ и устраиваетъ и здѣсь свою выставку.

И мы не успѣли оглянуться, какъ Крачковскій уже въ Петербургѣ, уже принимаетъ горячее участіе въ посмертной выставкѣ Крыжицкаго.

Вырвавшись изъ Петербурга въ Италію, словно въ погонѣ за смертью, Крачковскій оттуда, изъ своего прекраснаго далека, живо интересовался ходомъ выставки, въ длинныхъ, обстоятельныхъ письмахъ давалъ совѣты, руководилъ.

И все это до самаго послѣдняго момента. Онъ умеръ на посту, какъ солдатъ.

Н. Брешко-Брешковскій.

„Канонъ“ поэтовъ въ честь М. И. Глинки.

Замѣтка Н. Лернера.

Такъ какъ вопросъ о томъ, что именно въ этой коллективной шуткѣ принадлежитъ Пушкину, до сихъ поръ еще не былъ точно выясненъ, мы приводимъ ее всю цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ первомъ изданіи „Канона“ („Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки“. Музыка положена на четыре голоса. Напеч. въ СПБ. 15 декабря 1836 г., въ листъ; перепечат. въ „Запискахъ“ М. И. Глинки — „Рус. Стар.“ 1870 г. и отд. СПБ., 1887, стр. 118—119).

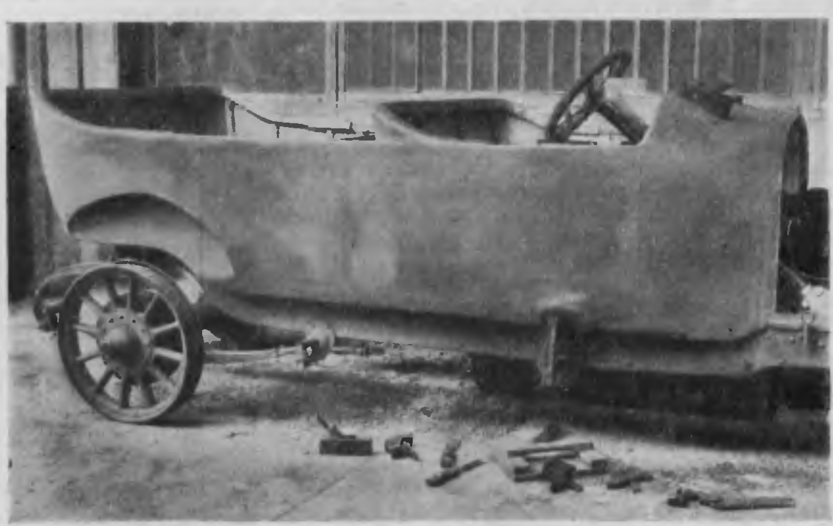
Пушкинъ.
Пой въ восторгѣ, русскій хоръ,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наша Глинка —
Ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Кн. Вяземскій
За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея - Глинку
Отъ Неглинной — до Невы!

Жуковскій.
Въ честь толь славныя новинки
Грянь, труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну — стаканъ!

Гр. Віельгорскій
Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь!

Затѣмъ опять повторяется первый куплетъ. Самъ Глинка говоритъ въ своихъ запискахъ (изд. 1887 г., 118): „считаю нелишнимъ привести здѣсь стихи, сочиненные въ честь мою на дружескомъ вечерѣ у князя Одоевскаго Жуковскимъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Соболевскимъ“. Но Глинка не привелъ стиховъ ни въ подлинной рукописи записокъ, ни въ провѣренной имъ копіи. 26 ноября 1855 г. онъ писалъ Д. В. Стасову: „у князя Одоевскаго хранятся куплеты на меня, написанные зимою съ 1836 на 1837 года Пушкинымъ, Жуковскимъ и К. Вяземскимъ. Если не ошибаюсь, то должно быть 4 куплета — всего 16 стиховъ. Соблаговолите вооружиться исполинскою настойчивостію, чтобы получить копію съ этихъ стиховъ“ (ibid., 366—367). 23 іюня 1856 г. Глинка опять проситъ Д. В. Стасова „пріобрѣсть копію этихъ стиховъ отъ кн. Одоевскаго“ и, „получа, присоединить къ запискамъ“. Память, повидимому, измѣнила Глинкѣ, который не вспомнилъ, что стихи были напечатаны, и въ запискахъ назвалъ Соболевскаго однимъ изъ ихъ авторовъ. Приведенный выше текстъ былъ сообщенъ редакціи „Русск. Старины“ (1870 г., т. II, стр. 312—313) С. А. Соболевскимъ при слѣдующей замѣткѣ: „Послѣ князя Одоевскаго нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукою Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ въ честь Глинки; тутъ же, рукою кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукою Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ 13 декабря 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго, что первый куплетъ — Жуковскаго, второй — Вяземскаго, третій—Жуковскаго, четвертый — Пушкина, и что музыка — кн. Одоевскаго и гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго (въ печ. изд. канона — названъ Глинка), обо мнѣ — ни слова. Я думаю, что память измѣнила Глинкѣ, назвавшему меня въ числѣ творцовъ шутливаго „канона“; я съ августа мѣсяца 1836 года былъ за границею, гдѣ оставался на этотъ разъ около года“. Редакція „Русск. Старины“ здѣсь прибавляетъ: „отмѣтимъ, что въ печатномъ изданіи канона куплеты приписаны авторамъ въ такомъ порядкѣ: 1-й — Віельгорскаго, 2-й — Вяземскаго, 3-й — Жуковскаго, 4-й — Пушкина. На спискѣ, принадлежащемъ г. Соболевскому, наверху надпись „Canon à l'unisson“, внизу отмѣтка: „13 декабря 1836 года, на обѣдѣ у Всеволожскаго“. Итакъ, здѣсь говорится о двухъ спискахъ: одномъ, найденномъ въ бумагахъ Одоевскаго, и какомъ-то другомъ, бывшемъ у Соболевскаго. Какъ распредѣлены куплеты между авторами, въ послѣднемъ не сказано, но списокъ Одоевскаго расходится въ этомъ отношеніи съ печатнымъ изданіемъ,



Автомобильные кузова изъ бетона. Кузовъ въ готовымъ видѣ. Его остается только отполировать и покрасить. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

хотя оба они согласно приписываютъ Пушкину четвертый куплетъ. Намъ нигдѣ не удалось достать первое изданіе „Канона“, но въ позднѣйшемъ изданіи Стелловскаго („Романсы и пѣсни М. И. Глинки“, № 27, — „Появилася новинка (Канонъ)|,“ такъ же, какъ въ томъ, не обозначенномъ точно, на которое ссылается „Русск. Старина“, 1-й куплетъ приписанъ Віельгорскому, 2-й — Вяземскому, 3-й — Жуковскому и 4-й — Пушкину (цензурное разрѣшеніе — „С.-Петербургъ 15 декабря 1836 г.“).

На Пушкинской выставкѣ, устроенной въ 1880 г. въ Петербургѣ Комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (см. ея „Каталогъ“, СПБ., 1880, стр. 55), фигурировалъ автографъ Канона, сочиненнаго въ честь Глинки 13 декабря 1836 г. на завтракѣ у Александра Всеволодовича Всеволожскаго графомъ Віельгорскимъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ и положеннаго на музыку княземъ Одоевскимъ. Рукою Пушкина написанъ послѣдній куплетъ, сбоку. Все остальное, карандашомъ и чернилами, написано кн. Одоевскимъ. Автографъ этотъ принадлежалъ управляющему имѣніями Всеволожскихъ А. И. Колмыкову (ум. въ 1880 г.), отъ котораго пріобрѣтенъ въ 1873 г. въ Перми Елис. Никит. Зенковичъ. Упоминаемая въ „Запискахъ М. И. Глинки“ („Русск. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 312) рукопись А. В. Всеволожскаго, найденная въ бумагахъ кн. Одоевскаго, есть копія съ этого автографа. Собств. А. Сигунова“. На петербургской Пушкинской выставкѣ 1899 г. этотъ автографъ опять былъ выставленъ, и въ Альбомѣ выставки (текстъ, стр. 24, № 765) еще разъ указано: „послѣдній куплетъ написанъ рукой Пушкина“. Надо думать, что А. В. Всеволожскій, хозяинъ дома, гдѣ Глинку чествовали друзья, оставилъ подлинникъ себѣ на память, и печатались куплеты съ не совсѣмъ исправной копіи. Во всякомъ случаѣ имъ подтверждается принадлежность Пушкину четвертаго куплета („Слушая сію новинку“...) На той же выставкѣ („Каталогъ“, стр. 23—24) находился печатный экземпляръ Канона съ нотами. Странно, что П. А. Ефремовъ (см. его изд. Сочин. Пушкина, 1880 г., III, 456; 1882, III, 472; 1903—1905, II, 389, и VIII, 376) списалъ текстъ не съ автографа, а съ печатнаго экземпляра, и въ первыхъ двухъ изданіяхъ приписалъ куплеты авторамъ согласно указанію печатной редакціи, а въ третьемъ прибавилъ, противорѣча самому себѣ: „1-й куплетъ приписывается Пушкину (или гр. М. Ю. Віельгорскому)... 4-й — гр. Віельгорскому (или Пушкину)“ (т. II, l. c.), а въ примѣчаніяхъ (т. VIII, l. c.): „кажется, вѣрнѣе предполагать, что Пушкинъ написалъ 1-й куплетъ, а не послѣдній“.

Александръ Всеволодовичъ Всеволожскій, въ домѣ котораго друзья-поэты почтили Глинку веселымъ „Канономъ“, принадлежалъ къ извѣстной своимъ богатствомъ, умомъ и остроуміемъ родовитой семьѣ. Пушкинъ былъ въ большой дружбѣ съ его братомъ, Никитой Всеволодовичемъ, блестящимъ красавцемъ, которому посвятилъ одно изъ своихъ лучшихъ посланій (1819 г.). Въ Никитѣ Всеволожскомъ Пушкинъ высоко цѣнилъ умѣнье жить и наслаждаться жизнью: „счастливый сынъ пировъ, балованный дитя свободы“, „знатокъ въ невѣдомой наукѣ счастья“,— такъ величалъ поэтъ своего друга. Вполнѣ подъ стать Никитѣ былъ Александръ. Оба брата принадлежали къ числу основателей общества „Зеленой Лампы“, членомъ котораго былъ Пушкинъ; у нихъ въ домѣ и собирались „ламписты“. Въ 30—40-хъ годахъ эти хлѣбосольные, умные и во всемъ изящные люди собирали на своихъ пирахъ въ петербургскомъ имѣніи Рябовѣ, близъ Охты, сливки лучшаго столичнаго общества.

Событіе, по поводу котораго написанъ „Канонъ“,—постановка „Жизни за Царя“. Пушкинъ присутствовалъ на первомъ представленіи оперы 27 ноября 1836 г. Тѣсной близости между Пушкинымъ и Глинкой не было. Познакомились они еще, когда Глинка воспитывался въ Благородномъ пансіонѣ при Главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ учился братъ Пушкина, Левъ, котораго поэтъ иногда тамъ навѣщалъ (1817—1820). По возвращеніи Пушкина въ Петербургъ, они встрѣчались дружески у А. П. Кернъ, Дельвига, Жуковскаго; бывалъ Пушкинъ и у самого Глинки. Пушкинъ написалъ на его музыку текстъ „Не пой, красавица, при мнѣ“... Глинка надѣялся по его указаніямъ составить либретто „Руслана и Людмилы“ (Пушкинъ говорилъ ему, что „многое бы передѣлалъ“ въ поэмѣ); сочинилъ нѣсколько романсовъ на слова Пушкина („Ночной зефиръ“... „Я помню чудное мгновенье“... „Я здѣсь, Инезилья“... „Кубокъ заздравный“... „Гдѣ наша роза“... „Пью за здравіе Мери“... „Адель“ и др.). Въ 1840 г. онъ писалъ А. П. Кернъ (Записки, 292): „какъ вы поживаете въ Тригорскѣ? Сообщите мнѣ подробное описаніе вашего тамъ пребыванія, въ особенности о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ Пушкина“.

Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

(Портр. на этой стр.).

28 мая с. г. исполнилось 50-лѣтіе военно-служебной дѣятельности Его Императорскаго Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, извѣстнаго всей Россіи своей плодотворной и разносторонней дѣятельностью не только въ военной сферѣ, но и на другихъ поприщахъ общественной жизни.

Полвѣка тому назадъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, второй сынъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, началъ свою службу въ офицерскихъ чинахъ въ Преображенскомъ полку, куда былъ записанъ въ прапорщики еще въ день своего рожденія (21 мая 1844 г.) Фактически же военная служба Принца началась въ 1864 году.

Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. По поводу 50-лѣтія военно-служебной дѣятельности. По фот. К. Булла.

Послѣдовательно проходя воинскіе чины и должности, Принцъ былъ произведенъ въ 1871 году въ генералы, а въ 1877 году принялъ участіе въ турецкой войнѣ въ качествѣ командира бригады гвардейской пѣхотной дивизіи. Наравнѣ съ простыми воинскими чинами, Принцъ переносилъ всѣ тяжести походной жизни и сражался при Филиппополѣ, подъ Горнымъ Дубнякомъ, подъ Арабъ-Конакомъ и въ другихъ дѣлахъ съ турками. Послѣ войны Принцъ Александръ Петровичъ командовалъ гвардейскимъ корпусомъ, затѣмъ—уже въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи—былъ призванъ въ 1896 году году къ участію въ работахъ Высшаго законодательнаго учрежденія.

Имя Принца А. П. Ольденбургскаго связано съ цѣлымъ рядомъ работъ и учрежденій на поприщѣ мирной культурной дѣятельности: онъ много и плодотворно потрудился для развитія просвѣщенія и помощи страждущему человѣчеству.

Будучи назначенъ въ 1881 году попечителемъ надъ Императорскимъ Училищемъ Правовѣдѣнія, Принцъ поставилъ это учрежденіе на небывалую дотолѣ высоту, способствовалъ улучшенію преподавательскаго персонала, улучшилъ внѣшнее состояніе училища, которое было при Принцѣ заново перестроено, и обращалъ особое вниманіе на постановку физическаго воспитанія воспитанниковъ.

Одновременно съ этимъ Принцъ завѣдывалъ дѣтскимъ пріютомъ имени отца, Принца П. Г. Ольденбургскаго, затѣмъ Свято-Троицкой общиной сестеръ милосердія, а съ 1890 года состоялъ попечителемъ надъ Домомъ призрѣнія душевно-больныхъ имени Императора Александра III. Тогда же Принцъ А. П. Ольденбургскій создалъ одно изъ наиболѣе видныхъ и полезныхъ учено-медицинскихъ учрежденій — Институтъ Экспериментальной Медицины, надъ которымъ онъ также состоитъ попечителемъ. Въ связи съ этимъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій много потрудился надъ „Комиссіей о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумною заразою“ и состоящей въ вѣдѣніи ея противочумной лабораторіей на фортѣ Императора Александра I, у Кронштадта. Своей энергичной дѣятельностью и экстренными мѣрами охраны Принцъ А. П. Ольденбургскій не разъ спасалъ Россію отъ страшной грозы чумы, время отъ времени вспыхивающей эпидеміей въ ея очагахъ—въ низовьяхъ Волги.

Въ завѣдываніи Принца состоятъ также столичное Попечительство о народной трезвости и Народный домъ съ цѣлой сѣтью просвѣтительныхъ учрежденій, имѣющихъ своей цѣлью отвлекать населеніе отъ пьянства, предоставляя ему разумныя развлеченія и занятія. Дѣятельность Принца въ этой области у всѣхъ на виду: борьба съ народнымъ пьянствомъ нашла въ немъ стойкаго и энергическаго дѣятеля и руководителя.

Въ тѣхъ же видахъ отвлеченія подрастающаго населенія отъ пороковъ столичной жизни, Принцъ учредилъ извѣстное просвѣтительное общество для молодежи „Маякъ“. Это общество пользуется заслуженной извѣстностью и является дѣйствительно маякомъ-прибѣжищемъ для многихъ молодыхъ людей въ нашей столицѣ.

Имя Принца А. П. Ольденбургскаго связано также съ основаніемъ извѣстной климатической станціи-курорта въ Гаграхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прелестное побережье Чернаго моря,

Памятникъ „отцу авіаціи“ —физику-математику Марэ, работы французскаго скульптора Обана, освященный 21 мая с. г. въ Булони-на-Сенѣ, въ паркѣ Интернаціональнаго Физическаго Института имени Марэ.

гдѣ теперь раскинулся изящный и жизнерадостный цѣлебный городокъ, совершенно пустовало. Благодаря энергіи Принца, Гагры изъ захудалаго рыбачьяго поселка превратились въ обширный курортъ, вполнѣ благоустроенный и цвѣтущій.

Такова въ краткихъ чертахъ культурная дѣятельность Принца на пользу общества. Ко дню истеченія ея 50-лѣтія дѣятельность Принца была отмѣчена актомъ Высочайшей милости: въ этотъ день Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому былъ Высочайше пожалованъ титулъ Императорскаго Высочества.

Марэ—„отецъ авіаціи“. (Съ 2 рис. на этой стр.).

Авіація родилась во Франціи... Имена Блеріо и его отважныхъ соратниковъ въ дѣлѣ завоеванія воздуха начертаны рукою французскаго генія. Франція же вскормила и „отца авіаціи“, знаменитаго ученаго Марэ.

Это имя врядъ ли знакомо русскимъ людямъ. Между тѣмъ всѣ интересующіеся успѣхами авіаціи должны знать его. Марэ, въ сущности, создалъ авіацію — по крайней мѣрѣ въ томъ ея видѣ, въ какомъ она начинаетъ процвѣтать въ наше время: авіацію „тяжелѣе воздуха“. Онъ теоретически разработалъ движеніе живыхъ существъ и указалъ законы этого движенія. Авіаторы, создавая свои летательныя машины, руководствовались именно работами и схемами Марэ.

Знаменитый математикъ, Марэ создалъ такъ называемый графическій методъ въ экспериментальныхъ наукахъ и изучилъ „психологію движенія“. Какъ анатомъ, онъ схематически разсѣкалъ и разлагалъ живое движущееся существо на отдѣльные моменты и фазы движенія и устанавливалъ точные законы для соотношенія этихъ моментовъ и фазъ и искалъ ихъ корни и отголоски въ живомъ мозгу и въ психикѣ. Въ результатѣ онъ создалъ теоретическую картину движенія — настолько ясную и точную, что оказалось возможнымъ воспользоваться ею и для установленія принциповъ летанія на искусственномъ аппаратѣ.

Благодарная Франція дважды почтила память своего знаменитаго согражданина. Въ прошломъ году въ родномъ городѣ Марэ — Бонѣ — былъ воздвигнутъ въ его честь памятникъ. Теперь, 21 мая с. г., французы поставили Марэ второй памятникъ въ Булони, въ паркѣ Интернаціональнаго Физическаго Института его имени, на авеню Виктора Гюго.

Интернаціональный Физическій Институтъ имени „отца авіаціи“—Марэ въ Булони-на-Сенѣ.

Этотъ второй памятникъ представляетъ собою настоящій шедевръ скульптурнаго искусства; знаменитый ученый представленъ въ задумчивой созерцательной позѣ среди бѣгущихъ лошадей и людей и летящихъ птицъ,—онъ изучаетъ ихъ движенія.

Памятникъ былъ торжественно открытъ въ присутствіи президента республики, директора института Марэ, Шарля Рише, и большого числа ученыхъ профессоровъ Парижскаго и другихъ европейскихъ университетовъ. Французская нація сумѣла достойнымъ образомъ почтить память одного изъ своихъ замѣчательныхъ людей.

Къ рисункамъ.

Въ предыдущемъ № „Нивы“ мы уже познакомили нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ акварелей съ послѣдней Выставки Акварелистовъ. Здѣсь читатели найдутъ еще рядъ снимковъ съ картинъ съ той же выставки. Ѳ. Сычковъ даетъ яркую, залитую солнцемъ, картину *базара* въ маленькомъ городкѣ въ погожій солнечный весенній день. Много цвѣтовъ, зелени, овощей, много характерныхъ живыхъ лицъ и яркихъ красокъ въ этой жизнерадостной сценкѣ. Такъ же много свѣта въ акварели А. Юдина *„Сестры“*, въ картинѣ Н. Подберескаго *„Павловскій дворецъ весной“* и въ пейзажѣ Н. Уконина *„Ясный день“*. Другой пейзажъ того же художника—*„Въ Павловскомъ паркѣ“*—полонъ зимней свѣжести и чистоты тоновъ, равно какъ и пейзажъ М. Балунина *„Зима въ деревнѣ“*. Рядъ этихъ пейзажей завершается красивымъ *„Albogasio на Lago di Lugano“* Р. Берггольца, съ эффектнымъ зàмкомъ на скалѣ и волшебными тонами озерной Италіи.

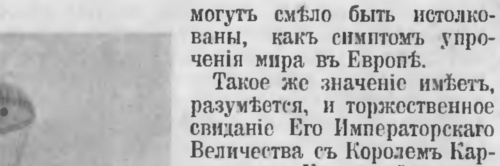
Жанровая сценка И. Владимірова *„У водопоя“* не лишена своеобразнаго настроенія, хорошо знакомаго всякому, кто ѣздилъ зимой въ окрестностяхъ Петербурга—на Острова, въ Лѣсной и т. д. Сѣрое небо, блеклые тона зимнихъ сумерекъ, медлительный извозчикъ и нищіе...

Портретные эскизы И. Куликова *„Деревенская дѣвушка“* и И. Мацкевича *„Въ морозный день“* выразительны и типичны.

Европейскія затрудненія.

(Политическое обозрѣніе).

Общее положеніе Европы омрачилось цѣлымъ рядомъ совершенно неожиданныхъ осложненій. Возстаніе албанскихъ магометанъ противъ навязаннаго имъ концертомъ великихъ державъ правителя; полное пораженіе правительственныхъ войскъ; захватъ инсургентами столицы и вторичное малодушное бѣгство отвергнутаго князя Вида на бортъ итальянскаго корабля—ясно указываютъ на полное банкротство австрійской попытки создать изъ Албаніи противовѣсъ быстро растущей сербской государственности. Поскольку австро-итальянское соперничество въ Албаніи, выразившееся уже въ формальныхъ столкновеніяхъ по поводу ареста одного отставного итальянскаго офицера въ Албаніи, подрываетъ эфемерный союзъ между обоими правительствами, постольку горестныя неудачи австрійской политики на Балканахъ



Спускъ съ аэроплана на парашютѣ. Героиня этого смѣлаго прыжка съ высоты 800 метровъ — г-жа Кайе де-Кастелла, пожелавшая испытать изобрѣтенный ея мужемъ парашютъ, благополучно опустилась на аэродромъ въ Неверѣ.

могутъ смѣло быть истолкованы, какъ симптомъ упроченія мира въ Европѣ.

Такое же значеніе имѣетъ, разумѣется, и торжественное свиданіе Его Императорскаго Величества съ Королемъ Карломъ въ Констанцѣ, принявшее характеръ національнаго румынскаго торжества. Общій тонъ Монаршихъ тостовъ, бурныя ликованія румынской толпы при встрѣчѣ русской Царственной Четы и полныя высокаго энтузіазма заявленія румынской печати стоятъ на уровнѣ того народнаго подъема, которымъ сопровождались историческія посѣщенія Государемъ Парижа. Тотъ горячій отзвукъ, который встрѣчаютъ оффиціальныя торжества въ общественномъ мнѣніи, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ огромномъ политическомъ значеніи Монаршаго визита.

Всѣмъ становится яснымъ, что рѣчь идетъ о полномъ разрывѣ Румыніи съ Австріей и Германіей по присоединеніи ея къ Россіи и тройственному согласію.

Одновременно состоявшееся тайное свиданіе шведскаго короля съ императоромъ Вильгельмомъ съ участіемъ правителя Швеціи въ совѣщаніи начальниковъ германскаго и австрійскихъ генеральныхъ штабовъ свидѣтельствуетъ о переходѣ Швеціи къ активно-враждебной политикѣ противъ Россіи, но уже по самымъ миніатюрнымъ размѣрамъ военныхъ силъ крошечнаго государства едва ли можетъ утѣшить политиковъ тройственнаго союза въ утратѣ Румыніи, располагающей прекрасною полумилліонною арміею.

Грозными по своимъ послѣдствіямъ обѣщаютъ быть новыя недоразумѣнія между Турціей и Греціей, возникшія на почвѣ массовыхъ избіеній христіанъ по всему турецкому побережью. На ультимативныя требованія греческаго кабинета, поддержанныя естественнымъ заступничествомъ русскаго посла въ Константинополѣ за избиваемыхъ фанатиками-магометанами христіанъ, младо-турецкое правительство отвѣчаетъ только любезными обѣщаніями, но отнюдь не энергичными мѣрами по прекращенію возмутительной рѣзни. Несомнѣнно однако, что, какъ и раньше въ подобныхъ случаяхъ, звѣрскій фанатизмъ турецкихъ мусульманъ встрѣтитъ властный и рѣшительный отпоръ со стороны Европы. Никакая рознь политическихъ интересовъ не можетъ подорвать естественной солидарности христіанскихъ государствъ въ защитѣ основныхъ требованій цивилизаціи и гуманности. Допущеніе массовыхъ избіеній въ Малой Азіи ляжетъ кровавымъ пятномъ на совѣсть всей Европы. Властное вмѣшательство великихъ державъ заставитъ Турцію покорно подчиниться законамъ цивилизаціи и тѣмъ предотвратитъ психологически неизбѣжный въ противномъ случаѣ греко-турецкій конфликтъ. Гораздо меньше основаній ожидать благопріятнаго для насъ разрѣшенія правительственнаго кризиса во Франціи. Благодаря расколу въ партіи радикаловъ изъ-за трехлѣтняго срока службы, многіе изъ умѣренныхъ и консервативныхъ избирателей вотировали за крайнихъ соціалистовъ, и послѣдніе завоевали въ новой палатѣ много новыхъ мѣстъ. По капризу судьбы и чисто случайныхъ политиканскихъ комбинацій глубоко-буржуазная Франція осуждена переживать

Передъ спускомъ съ аэроплана на парашютѣ. Смѣлая авіаторша Кайе де-Кастелла съ парашютомъ за спиною, укрѣпившись на своемъ мѣстѣ подъ аэропланомъ, которымъ управляетъ авіаторъ Пелтье, въ ожиданіи подъема аэроплана. Спускъ этотъ съ 800-метровой высоты—рекордный: въ прошломъ году совершилъ такой же спускъ знаменитый авіаторъ Пегу, но лишь съ высоты 300 мвтровъ.

парламентскую диктатуру соціалистовъ. Даже союзное имъ министерство Думерга было вынуждено подать въ отставку изъ-за нежеланія выступить противъ закона о трехлѣтней военной службѣ.

Принципіальное разногласіе по тому же вопросу между соціалистически-радикальнымъ большинствомъ и независимымъ соціалистомъ Вивіани помѣшало послѣднему образовать лѣвый кабинетъ. Тогда президентъ Пуанкарэ поручилъ составленіе новаго кабинета заслуженному и авторитетному парламентскому дѣятелю Рибо, сумѣвшему объединить вокругъ себя лучшія политическія силы оппортунистической партіи въ лицѣ Буржуа, Делькассэ и пр. Однако новый кабинетъ не встрѣтилъ довѣрія палаты и, просуществовавъ всего четыре часа, вынужденъ былъ подать въ отставку. Пуанкарэ, формально заявившій себя въ послѣдней рѣчи непоколебимымъ сторонникомъ военнаго закона, могъ не принять отставки кабинета и, распустивъ палату, назначить новые выборы, которые могли дать рѣшающее и окончательное большинство или его сторонникамъ, или его противникамъ. Само со-

Спускъ съ аэроплана на парашютѣ. Изобрѣтатель парашюта—Кайе де-Кастелла, жена его — испытавшая парашютъ мужа смѣлымъ спускомъ съ высоты 800 метровъ, и авіаторъ Пелтье, управлявшій аэропланомъ во время этого смѣлаго опыта.

бою разумѣется, что побѣда радикально-соціалистической партіи вынудила бы и самого президента республики, принципіально разошедшагося со страной, немедленно же подать въ отставку, но зато и весьма вѣроятная побѣда сторонниковъ военнаго закона значительно укрѣпила бы положеніе президента и власть патріотическаго большинства. Покойный князь Бисмаркъ, опиравшійся на императорскую власть, всегда при отклоненіи рейхстагомъ военныхъ законовъ обращался къ суду страны и на новыхъ выборахъ неизмѣнно получалъ желаемое большинство. Хотя для современной Франціи съ военнымъ закономъ связанъ вопросъ о безопасности ея границъ и о сохраненіи союза съ Россіей, тѣмъ не менѣе не чувствующій за собою никакой поддержки президентъ Пуанкарэ не рѣшился апеллировать къ патріотизму страны и сталъ искать компромисса съ враждебными ему парламентскими партіями. Послѣ паденія Рибо онъ снова обратился къ тому же Вивіани, заявившему на этотъ разъ въ своей министерской деклараціи объ условной готовности отказаться отъ закона о трехлѣтней службѣ, если другія военныя реформы дадутъ возможность сократить срокъ пребыванія подъ знаменами безъ риска для безопасности границъ. Въ переживаемыхъ затрудненіяхъ съ образованіемъ министерства обнаруживается глубокій внутренній политическій кризисъ современной Франціи. Мертвое безразличіе французской демократіи къ вопросу внѣшней безопасности страны воспиталось и выросло на почвѣ безнадежно буржуазнаго и типично плутократическаго характера французской государственности. Своимъ равнодушіемъ къ защитѣ родины пролетаріатъ какъ бы мститъ ей за ея равнодушіе къ его мукамъ и страданіямъ. Въ то время, какъ германскіе соціалъ-демократы насквозь проникнуты чувствомъ національнаго патріотизма, ихъ французскіе коллеги не желаютъ приносить слишкомъ тяжелыхъ жертвъ на алтарь отечества, которое не потрудилось обезпечить ихъ старость государственнымъ страхованіемъ рабочихъ, не охранило ихъ интересы справедливымъ распредѣленіемъ податной тяготы въ видѣ прогрессивнаго подоходнаго налога, не ввело охраны фабричнаго труда и пр. и пр. Дальнѣйшій ростъ антипатріотическаго направленія демократіи грозитъ или внѣшней гибелью Франціи, или смертельной опасностью ея республиканскому строю, потому что торжество антипатріотическихъ партій въ парламентѣ неизбѣжно создастъ могущественный толчокъ къ буланжистскому или монархическому перевороту. Съ точки зрѣнія международныхъ отношеній онъ представляетъ огромный рискъ въ смыслѣ ослабленія тройственнаго согласія, охраняющаго миръ Европы.

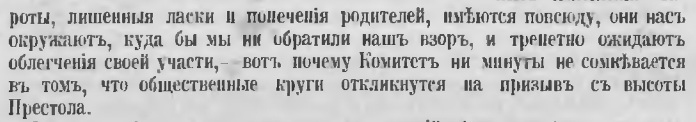
Смѣсь.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ имѣетъ цѣлью оказаніе помощи учрежденіямъ, поставившимъ себѣ задачею призрѣніе неимущихъ сиротъ и полусиротъ сельскаго населенія безъ различія племенъ, состояній, сословій и вѣроисповѣданій, какъ въ сиропитательныхъ пріютахъ для дѣтей отъ двухлѣтняго возраста и старше, такъ и въ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ, ремесленныхъ и сельскохозяйственныхъ школахъ. Кромѣ тѣхъ средствъ, которыя будутъ отпускаемы Комитету изъ Государственнаго Казначейства, онъ разсчитываетъ на широкую помощь частныхъ благотворителей. Безпризорныя, находящіяся въ бѣдственномъ положеніи сироты, лишенныя ласки и попеченія родителей, имѣются повсюду, они насъ окружаютъ, куда бы мы ни обратили нашъ взоръ, и трепетно ожидаютъ облегченія своей участи,— вотъ почему Комитетъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что общественные круги откликнутся на призывъ съ высоты Престола.

Международная торгово-промышленная выставка въ Ліонѣ. Павильонъ Россіи.

Списокъ всѣхъ поступившихъ пожертвованій будетъ публиковаться въ газетахъ, каждая доброхотная копейка пойдетъ непосредственно на осуществленіе благотворительныхъ цѣлей Комитета, близкихъ Сердцу Монарха.

Пожертвованія просятъ адресовать въ Канцелярію Комитета (С.-Петербургъ, Жуковская, 59). Пріемъ личныхъ пожертвованій тамъ же, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. дня до 6 час. вечера.



Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 13“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 25 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 21 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 14.

Среди виноградниковъ.

Разсказъ **Алексѣя Окулова.**

(Окончаніе).

Наконецъ это становилась нестерпимымъ. Съ каждымъ часомъ воля его слабѣла. Онъ уже больше не могъ сдерживать своего желанія—схватить ее въ свои руки, обнимать и цѣловать ее, забыть обо всемъ; обо всѣхъ, говорить ей невозможныя, несбыточныя слова и прижимать ея горячее тѣло, и чтобы весь міръ въ это время ушелъ куда-то дальше отъ него и не мѣшалъ ему, и чтобы онъ надолго остался одинъ съ нею, и чтобы часы такъ текли...

Нѣтъ, если разсказывать все!.. Онъ подбиралъ за нею то, что она бросала, роняла или забывала. Онъ украдкой и унизительно быстро подбиралъ все это, чтобы его никто въ это время не видѣлъ; онъ дрожащими руками пряталъ въ какой-нибудь карманъ, а потомъ дома не зналъ, куда положить все, чтобы не нашли ни дѣвочка ни хозяйка, которая прибирала комнату, и никто, никто—потому что для него это было страшно, если бы нашли все. И иногда онъ долго стоялъ надъ всѣмъ этимъ—и что думалъ! Что думалъ, что думалъ.

. . . .

Но — не нужно думать такъ, потому что кончится это дурно. Успокоеніе, успокоеніе. Подумаемъ о зелени и солнцѣ и еще о чемъ-нибудь. Подумаемъ обо всемъ прекрасномъ, что утѣшаетъ всѣхъ людей. Не нужно дѣлать шума только потому, что на душѣ такъ тяжело и такъ горько. Нужно чѣмъ-нибудь развлечься. И всѣ эти собранныя вещи нужно однажды уничтожить—навсегда.

Когда онъ идетъ утромъ по лѣстницѣ на чердакъ, онъ слышитъ, какъ она нарочно придавливаетъ крѣпко ступени каблукомъ ботинокъ, чтобы онъ услышалъ ее, что она идетъ, и чтобы онъ не упустилъ мгновенія посмотрѣть на нее въ двери, когда она будетъ проходить мимо. И онъ не пропускаетъ этого мгновенія, онъ уже бываетъ одѣтъ всегда въ этотъ часъ и готовится итти на работу. Нѣтъ, онъ не пропускаетъ этого мгновенія.

Игнаціо Зулоага. Танцовщица Моренита.